

АМЕИСАНАР I

AMERICAN ...

Annotation

Император Александр I (1777–1825), царствовавший в России с 1801 года, — одна из самых загадочных фигур в русской истории. Вероятно, ни о ком из государей не высказывалось столько противоречивых суждений соотечественниками и иностранцами, современниками и нынешними исследователями — для всех он оставался неразгаданным Сфинксом. Известный писатель Анри Труайя, создатель знаменитой серии биографий русских самодержцев от Ивана Грозного до Николая II, в своей книге, вышедшей в 1980 году во Франции в издательстве «Фламмарин», пытается разгадать тайну этого Сфинкса.

- [Анри Труайя](#)
 - [От переводчика](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Эпилог](#)
 -

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
-

**Анри Труайя
Александр I, или Северный
сфинкс**

От переводчика

Анри Труайя — старейший писатель современной Франции: 1 ноября 1996 года ему исполнилось восемьдесят пять лет. С приближением этой даты французские критики все чаще задавались вопросом: где, из какого источника черпает этот писатель творческую силу, выпуская книгу за книгой, в которых нет и следа оскудения и увядания его таланта? Отвечают на этот вопрос одинаково: из России — ведь Труайя происходит из страны Толстого и Достоевского.

Анри Труайя родился в Москве 1 ноября 1911 года в семье видных армянских купцов Тарасовых и раннее детство провел в России. Семья Тарасовых покинула страну в 1921 году, когда их младший сын Лев был еще ребенком. Франция стала второй родиной Льва Тарасова, приобретшего мировую известность как французский писатель Анри Труайя. *(Подробнее см. нашу публикацию воспоминаний писателя: Труайя А. Такая долгая дорога. // Дружба народов, 1996, № 10-11.)* Ныне Анри Труайя, лауреат высших литературных премий Франции, член Французской академии, при жизни причисленный к классикам, — едва ли не самый популярный, самый читаемый и самый знаменитый писатель сегодняшней Франции.

За свою долгую творческую жизнь Анри Труайя написал более восьмидесяти томов, в числе которых сборники новелл, романы из французской жизни, пьесы, мемуары, биографии французских писателей. *(В последние годы написаны: «Флобер» (1988), «Мопассан» (1989), «Золя» (1992), «Верлен» (1993), «Бодлер» (1994).)* Однако в творчестве этого прозаика, мыслящего и пишущего по-французски и в высшей степени наделенного тем, что принято называть

"французским духом", Россия занимает огромное место: ей посвящено более половины написанных им книг. Среди них — многотомные романы из русской истории от эпохи Петра I до Октябрьской революции, серии биографий русских классиков от Жуковского до Горького и русских царей от Ивана Грозного до Николая II.

Русский читатель знает Труайя как автора новелл и романов из французской жизни, но мало знает его, как автора «русских» биографий. (*Т р у а й я А. Семья Эглетьер (первая часть трилогии). М., 1967 (также: 1970, 1991, 1992). Т р у а й я А. Анна Предаиль. // Иностранная литература, 1975, № 8. Труайя А. Обманчивый свет: Роман; Повести; Рассказы. Л. 1991. Труайя А. Прекрасная и неистовая Элизабет. М., 1994)*

Между тем неоспоримая познавательная ценность этих книг, основанных на превосходном знании автором документального и литературного материала, умение писателя убедительно воссоздать историческое прошлое, мастерство психологического анализа, увлекательность рассказа, наконец, глубокая человечность автора, всегда старающегося увидеть в своем герое, будь то великий писатель или крупный государственный деятель, прежде всего человека, принесли "русским" биографическим сериям Труайя мировую известность.

Отличительная черта написанных Труайя биографий — документальность. Труайя не ссылается на документ, он включает его в ткань повествования, отводя немалое место выдержкам из официальных документов, дневников, мемуаров, записных книжек, писем... Этот прием не только создает реалистический фон, но и позволяет автору постоянно предоставлять слово своему герою, его друзьям, родным, современникам. Все эти реально существовавшие люди как будто

переговариваются между собой на страницах книги, читатель слышит их ожившие голоса и ощущает себя не только свидетелем, но как бы и участником происходящего. «Эффект присутствия» усиливается еще и тем, что писатель ведет рассказ в настоящем времени.

Эти особенности свойственны и книге Труайя об императоре Александре I — одной из самых загадочных фигур в русской истории. Вероятно, ни о ком из государей не высказывали столько противоречивых суждений соотечественники и иностранцы, современной и нынешние исследователи, — для всех он оставался «неразгаданным Сфинксом». Научной биографии этого самодержца нет в исторической литературе советского периода, ему посвящено лишь несколько брошюр (*В конце книги дан краткий список литературы об императоре Александре I на русском языке от 1835 года до самых последних журнальных публикаций*). За рубежом личность и правление Александра I, неразрывно связанные с важнейшими событиями истории Европы первой четверти XIX века, высказывают все возрастающий интерес, и зарубежными авторами написано о нем несколько работ.

Книга об Александре I, вышедшая в издательстве "Фламарион" в 1980 году, одна из последних. В этом труде Анри Труайя, признанный на Западе знаток русской литературы и истории делает попытку разгадать личность «Северного Сфинкса», предлагая свою версию его характера, жизни и деятельности. Насколько удалась эта попытка, судить читателю, но, во всяком случае, как всегда у Труайя, его версия выстроена на строго документальном материале (*Труайя владеет русским языком и привлекает широкий круг русских источников и литературы, нередко противоречивых; в повествовании иногда встречаются*

фактические неточности. Самые мелкие исправлены при переводе прямо в тексте, другие оговорены в примечаниях.

Перевод осуществлен по изданию: Henry Troyat. Alexandre I. Le Sphinx du Nord. Flammarion. Paris. 1980.

До сих пор публиковались в основном отдельные главы из книг о русских классиках. См., например, наши публикации: Труайя А. Болезнь и смерть Тургенева // Наука и жизнь, 1993, № 11. Труайя А. Уход Толстого // Наука и жизнь, 1994, № 11. Труайя А. Достоевский (главы из книги) // Сб. Достоевский и мировая культура. М., 1996. Вып. 7. См. также: Труайя А. Из книги «Горький» // Вестник иностранной литературы. Диапазон 1991, № 4.)

Мы надеемся, что вслед за "Алексаадром I" будут изданы на русском языке и другие исторические и литературные труды маститого французского автора, и отечественный читатель наконец познакомится с давно ставшими знаменитыми книгами Анри Труайя — писателя и историка, исследователя и просветителя, синтезировавшего в своем творчестве и в своей личности лучшие достижения русской и французской культур и как бы воплощающего идею их взаимодействия и взаимовлияния.

К. УНАНЯНЦ

Глава I

Господин Александр

Среди множества лиц, склонявшихся над его колыбелью, Александр рано стал узнавать одно, затмевавшее все остальные, — полное, с двойным, выступающим вперед подбородком и синими, иногда отливавшими черным глазами, всегда озаренное ласковой улыбкой, — лицо своей бабушки императрицы всея Руси Екатерины II. Внук, родившийся 12/23 декабря 1777 года,^[1] вознаградит ее, сорокавосемилетнюю женщину, за горькие разочарования в семейной жизни. В молодости поглощенная политическими замыслами, любовными интригами и честолюбивыми мечтами, она пренебрегала воспитанием сына, великого князя Павла, да и никогда не любила его. С детства он олицетворял в ее глазах прусскую тупость, парадоманию, слепой мистицизм — все, что было ей ненавистно. Александр станет ее утешением и, в обход законного преемника, подлинным наследником. Материнский инстинкт, не проснувшийся в ней при рождении сына, с неожиданной силой пробуждается при появлении на свет первого внука. Этот всплеск запоздалой материнской нежности приводит в восторг Екатерину, и все свои помыслы, все чувства она сосредоточивает на новорожденном. Не может быть и речи о том, чтобы доверить младенца матери. Бедняжка не сумеет воспитать его, как и Павел, его отец. Только сама императрица сможет сформировать ум и укрепить тело августейшего отпрыска. Впрочем, она изучила педагогические труды Локка, Жан-Жака Руссо, Базедова, Песталоцци и давно подготовлена к этой миссии. С воодушевлением, которое прежде вносила в принятие законов, она

вырабатывает правила ухода за младенцем. Повитуха издала показала великой княгине Марии Федоровне ее первенца, после чего им завладела Екатерина и унесла в свои покои. Сто один пушечный выстрел возвестил новость жителям Петербурга. Воинственному грому пушек вторил радостный перезвон колоколов. Придворные поэты во главе с Державиным наперегонки бросились к своим пюпитрам, дабы воспеть появление «новой звезды», «юного орла» в небе России. Через восемь дней в большой церкви Зимнего дворца новорожденного окрестили и нарекли Александром в честь святого благоверного князя Александра Невского, разгромившего полчища шведов и рыцарей Ливонского ордена. Александр — пока еще сморщенный, кричащий комочек, а бабушка уже видит в нем российского самодержца, продолжателя ее великих дел, которым дивится вся Европа. Если понадобится, она отберет корону у сына и объявит своим наследником старшего внука, характер которого вылепит на свой лад. Господь благословит династическую перемену, предпринятую ею из благородных побуждений на благо России. Отстранив родителей, которым не под силу воспитать будущего монарха, она вырастит ребенка сама, по своим собственным правилам. Вместо колыбели — металлическая кроватка с кожаным тюфячком; вокруг кроватки — ограждение, что не позволяет приблизиться к младенцу. Не более двух зажженных свечей в комнате, чтобы воздух оставался чистым. Кормилица — жена молодого садовника из Царского Села: врачи поручились за ее цветущее здоровье и избыток молока. Гувернантка — генеральша Софья Ивановна Бенкендорф, няня — англичанка Прасковья Ивановна Гесслер, женщина опрятная и энергичная. «Господин Александр», «будущий венценосец», как величает его Екатерина в своих письмах, спит в помещении с открытыми окнами, чтобы привыкнуть к шуму, и

ежедневно принимает холодную ванну в комнате, где температура не превышает 15°. Екатерина вникает во все детали этого спартанского воспитания. Она разбирается в законах наследственности и убеждена, что строгим режимом и упорством можно выковать человека, на голову превосходящего себе подобных. «Он, — сообщает она Гримму по-французски, — никогда не простужается, он крепкий, крупный и жизнерадостный». И несколько месяцев спустя: «Господин Александр с тех пор, как появился на свет, не доставляет нам ни малейшего беспокойства... Этот царевич здоров — вот и все Вы говорите, что ему предстоит выбрать, кому подражать: герою (Александр Македонскому) или святому (Александру Невскому). Вы, по-видимому, не знаете, что наш святой был героем. Он был мужественным воином, твердым правителем и удачливым политиком и превосходил всех остальных удельных князей, своих современников... Итак, я согласна, что у господина Александра есть лишь один выбор, и от его личных дарований зависит, на какую он вступит стезю — святости или героизма. Во всяком случае, он всегда будет прехорошеньким мальчиком».

Когда ребенку исполняется несколько месяцев, она велит приносить его к себе в кабинет и умиляется, наблюдая, как он играет на ковре. Ее взгляд, отрываясь от бумаг, с нежностью обращается на объект всех ее надежд. Она сама мастерит для него игрушки, вырезает картинки, кроит особенно удобное платьице, которое «легко надевается и застегивается сзади». Она очень гордится этим платьицем и посылает выкройки шведскому королю и прусскому принцу. Ее письма Гримму полны подробностей о занятиях и успехах «божественного младенца»: «Он прекрасен, как ангел»... «У него преумные глазки»... «Я делаю из него чудесного мальчугана». Но, полагает она, «чудесному

мальчугану» нужен товарищ по играм. Кроме того, внешняя политика империи требует участия великих князей в управлении новыми территориями, которые Россия завоюет в ближайшем будущем. И перед мысленным взором Екатерины, увлеченной давней мечтой о возрождении Византийской империи, предстает Европа, избавленная от турецких набегов, и государь ее крови на престоле Константинополя. Бабушка, балующая внуков, нетерпеливо жаждущая излить нерастраченную любовь на многочисленное потомство, уживается в ней с целеустремленной императрицей, озабоченной расширением своих владений. Она примеряет попеременно то чепец с лентами, который пристало носить доброй бабушке, то бронзовый шлем грозной богини Беллоны. Вскоре ее желания исполняются: 27 апреля 1779 года великая княгиня Мария Федоровна производит на свет второго сына. «Старые няньки, которые хлопчут вокруг него, уверяют, что он походит на меня как две капли воды, — пишет ошарашенная бабушка Гримму. — Он слабее старшего брата и, чуть коснется его холодный воздух, прячет нос в пеленки, стараясь согреться... Меня спрашивали, кто будет крестным отцом. Я отвечала: только мой лучший друг Абдул-Хамид (турецкий султан) мог бы быть приемником, но так как не подобает турку крестить христианина, по крайней мере, окажем ему честь, назвав младенца Константином.^[2] И он стал Константином, величиной с кулак, и у меня теперь по правую руку — Александр, по левую — Константин».

Дабы символически закрепить предназначение Константина, Екатерина велит выбить медаль с изображением Константинопольского собора Святой Софии, на фоне которого помещена, между фигурами Веры и Надежды, Любовь с младенцем на руках. Нельзя высказаться яснее. Ее невестка заслужила право

передохнуть или, для своего удовольствия, производить на свет девочек.^[3] Династия упрочена.

Для обучения Александра и Константина, которые быстро растут, Екатерина придумывает «Бабушкину азбуку», пишет «Записки касательно русской истории» и составляет сборник нравоучительных изречений, сказок и пословиц, «нанизанных, — говорит она, — как жемчужины». По ее мнению, эти сочинения составляют целую «Александро-Константиновскую библиотеку», откуда юноши будут черпать сведения о прошлом отечества, о котором до сей поры юное поколение узнавало лишь из рассказов разного рода невежд.

Когда Александру исполняется шесть лет, а Константину пять, Екатерина удаляет няnek и гувернанток и передает воспитание мальчиков мужчинам. Первое место в этой мужской компании занимает генерал-адъютант Николай Иванович Салтыков, человек тщедушный, уродливый, горбатый. Хитрый, невежественный, но льстивый угодливый придворный, он не имеет себе равных в искусстве набивать карманы. По словам полковника Ш. Массона, обучавшего мальчиков арифметике, основной заботой Салтыкова было уберечь великих князей «от сквозного ветра и засорения желудка». Однако Екатерина составила для главного надзирателя за обучением «Наставление к воспитанию внуков» в семи главах. В нем она доказывает важность физического и нравственного здоровья, величия души и учтивых манер. Хотя в этих взглядах нет ничего оригинального, она очень гордится своей инструкцией, вывешивает ее в своем кабинете, велит сделать десятки копий и дарит их лицам, заслужившим ее благосклонность. Кое-кто удивляется, что в программу воспитания, выработанную Ее Величеством, не включена музыка, но Екатерина не ценит этот вид искусства. Она пишет Гримму:

«Александра и Константина не учат музыке. Если захотят, сами выучатся играть или хотя бы брэнчать на клавесине». Недоброжелательно относившийся к ней Д. П. Рунич ехидно замечает по поводу ее «Наставлений» в своих «Воспоминаниях»: «Собрание общих мест... с претензией на философию на дурном русском языке».

Салтыков ведает целым штатом преподавателей: среди них генерал Протасов (его Массон характеризует как человека «ограниченного, скрытного, лицемерного и трусоватого»), сам Массон, барон К. И. Остен-Сакен. Законоучитель и духовник детей — протоиерей Андрей Самборский. Екатерина выбрала его потому, что он, истинный христианин, не был подвержен суевериям и выделялся среди других священников европейской образованностью и свободой ума. Будучи долгое время настоятелем православной церкви в Лондоне, он долго жил в Англии, женился на англичанке и вернулся в Россию с привычками англиканского пастора. Он брил бороду и усы, говорил с английским акцентом и носил редингот вместо рясы. Потребовался весь авторитет императрицы, чтобы священнику было дозволено держаться при дворе по-светски. Сановные старцы нашептывают всем, что влияние этого еретика подвергает опасности души юных великих князей. Но Екатерина, ученица Вольтера, всегда опасавшаяся религиозного фанатизма и суеверий, полагает, что просвещенный «батюшка» привьет ее внукам уважение к заповедям Господним и отвратит от ханжества. Кроме того, он успешно учит их английскому. И Александр, и Константин быстро усваивают тонкости этого языка. Немецкому их обучает сын пастора лютеранской церкви Гроота. Русский язык сначала остается в небрежении, позже Екатерина поручает известному писателю Михаилу Никитичу Муравьеву пробудить у юных учеников вкус к родному языку. Они неохотно подчиняются, считая эти занятия необязательными.

Зато с жадным интересом слушают лекции знаменитого географа и путешественника немца П. С. Палласа, который увлекает их рассказами о путешествиях по Сибири, русским степям и к берегам Черного моря.

И вдруг в круг этих напыщенных и докучливых наставников врывается новый человек — молодой, пылкий, просвещенный, который сыграет в жизни Александра выдающуюся роль.

Фредерик Сезар де Лагарп родился в небольшом городке Ролле на берегу Женевского озера около двадцати девяти лет назад. Он сопровождал в поездке по Италии двух братьев фаворита императрицы Александра Ланского, который подал своей коронованной любовнице мысль вызвать этого уроженца кантона Во в Петербург и привлечь к воспитанию великих князей. Все, что ей рассказывают о Лагарпе, нравится Екатерине. Говорят, он ярый республиканец, друг народа и враг тирании, последователь Гиббона и Жан-Жака Руссо. А императрица тешит себя мыслью, что и сама разделяет идеи просветителей. Она убеждена, что этот демократ сумеет пробудить в царственных питомцах стремление к справедливости, не затронув их природное предрасположение к самодержавию, и приглашает Лагарпа в Петербург. Он с энтузиазмом принимает приглашение и прибывает в столицу страны, о которой ничего не знает, с верой, что советы человека, воспитанного на идеях Просвещения, будут полезны ее правительству. Прочитав знаменитые «Наставления» Екатерины, он горячо одобряет благородные принципы, руководившие автором, и отважно берется за дело.

Поначалу обязанности Лагарпа ограничиваются обучением Александра французскому языку. Задача не из легких, ибо ученик говорит по-английски, по-русски и немного по-немецки, а учитель — только по-французски. Тогда Лагарп придумывает особый способ

объясняться с учеником во время занятий вдвоем: он рисует в тетрадке разные предметы и внизу подписывает их название по-французски, а его ученик — по-русски. Такой метод очень нравится Александру, он увлекается уроками и занимается с Лагарпом сначала раз в неделю, потом каждый день, наконец, дважды в день. Мальчик делает быстрые успехи, его жажда учиться очевидна, а сердце открыто, и Лагарп вскоре по-отечески привязывается к нему. Во время прогулок с маленьким великим князем Лагарп учит его, конечно, французским словам, но стремится познакомить с французскими идеями и, переходя от лексики к философии, а от философии к политике, привить будущему самодержцу уважение к принципу народовластия. 10 июня 1784 года Лагарп предпринимает смелый шаг: он заявляет, что не может далее довольствоваться второстепенным положением и, если его не назначат главным воспитателем юных царевичей, вернется в Швейцарию. Он вручает Салтыкову для передачи императрице пространную записку, в которой смело излагает свою педагогическую программу. Императрица с удивлением читает: «Не следует никогда забывать, что Александр Македонский, одаренный замечательным гением и блестящими качествами, опустошил Азию и совершил столько ужасов единственно из желания подражать героям Гомера, подобно тому, как Юлий Цезарь, взяв за образец Александра Великого, совершал преступления и кончил тем, что задушил свободу своей родины». И далее: «Всякому доброму гражданину необходимо знать принципы, на основе которых управляют образцово устроенным обществом, но, главное, будущему правителю следует своевременно проникнуться ими. Он увидит, что по крайней мере были времена, когда все люди были равны, и если обстоятельства с тех пор изменились, то это отнюдь не значит, что человечество,

связанное по рукам и ногам, отдано во власть прихотей одного человека и что были когда-нибудь абсолютные монархи настолько великодушные и правдивые, чтобы всенародно объявить подданным: „Мы считаем для себя честью признать, что созданы для служения своему народу“».

Такая прямота импонирует Екатерине. Лагарп пишет ей, ничего не опасаясь, потому, рассуждает она, что видит в ней государыню, отвечающую его представлению о либеральном монархе. И ей, последовательнице энциклопедистов, остается лишь одобрить высказанные им мысли. На полях записки она пишет: «Тот, кто сочинил эту записку, способен преподавать не только французский язык».

Удостоившись одобрения императрицы, Лагарп может считать свое будущее обеспеченным. Но несколько дней спустя, 25 июня 1784 года, непредвиденное событие пошатнуло, казалось, его положение при дворе: его покровитель, юный Александр Ланской, фаворит Екатерины, умирает от дифтерита. Екатерина, во время болезни окружавшая его материнскими заботами, потрясена его смертью. Она впадает в безысходное отчаяние, не встает с постели, никого не принимает, отказывается от пищи, подумывает об отречении от престола... Врачи опасаются кровоизлияния в мозг. Лагарп мысленно готовится к отъезду. Но Екатерина преодолевает свои душевные и телесные недуги, возвращается к делам и назначает швейцарца наставником великих князей. Отныне ему поручено формировать ум Александра, дабы человек всегда одерживал в нем верх над государем.

С каждой неделей близость между учеником и учителем возрастает. Для Александра Лагарп — главный авторитет, на все он смотрит его глазами. Позже Александр признается: «Всем, что я знаю, и,

может быть, всем, что во мне есть хорошего, я обязан Лагарпу». Он, десятилетний мальчик, с волнением и благодарностью внимает молодому наставнику, произносящему пылкие монологи об уважении к человеческому достоинству, о свободе личности, о любви к ближнему, каким бы ни было его происхождение, о просвещенном и терпимом монархе, — отце, а не угнетателе своих подданных. Александр слушает эти возвышенные сентенции как музыку: как будто он не в классной комнате, а в концертном зале. Лагарп и сам увлекается благозвучными речами, которые держит перед своим слушателем. Сидя рядышком, двое мечтателей вызывают из небытия тени Демосфена, Плутарха, Тацита, Руссо, энциклопедистов... И главное — никакой Библии! Атеист Лагарп диктует ученику такое определение Христа: «Некий еврей, именем которого названа одна христианская секта».

Другие преподаватели, оттесненные на задний план, бранят вполголоса швейцарского «революционера». Некоторые даже осмеливаются утверждать, что он хочет сделать из Александра Марка Аврелия, «тогда как России нужен Тиберий или Чингизхан». Но больше всего недруги Лагарпа упрекают его в незнании русской жизни и, следовательно, в неумении научить царственного питомца разбираться в проблемах страны, управлять которой ему предстоит. И действительно, Александр в Петербурге, и особенно в Царском Селе, живет под колпаком, вдали от народа, в искусственной атмосфере двора, где среди пышных декораций заученно двигаются придворные в напудренных париках. По-французски и по-английски он говорит лучше, чем по-русски, никогда не путешествует, ничего не видит, природу представляет себе повсюду столь же приятной, как в императорских садах, и воображает, что знает

народ, потому, что как-то в окрестностях столицы, у входа в образцовую деревню, его встретили с песнями празднично разодетые поселяне. Он интересуется ими, но не приближается к ним. Вряд ли даже он осознает, что они тоже принадлежат к человеческому роду. Впрочем, сам «друг угнетенных» Лагарп не осуждает крепостное право. Дерзкий в теории, он осторожен на практике и всего лишь хочет видеть во главе нации «просвещенного деспота». Пока это все, а дальше видно будет.

Екатерина не может нахвалиться наставником, которого выбрала для Александра. Она говорит Лагарпу в присутствии придворных: «Высокие принципы, которые вы ему внушаете, воспитают в нем сильную душу. Я сама прочла ваши труды с большим удовольствием и бесконечно довольна вашими стараниями». А Лагарп пишет: «Провидение проявило наконец сострадание к миллионам людей, населяющих Россию; Екатерина II сама хотела воспитать внуков, как мужчин». Хвалит он и ученика: Лагарп, как и Екатерина, открывает в нем всевозможные таланты, и прежде всего, талант покорять сердца. Любой его поступок повергает бабушку в беспредельный восторг. «Заниматься с ним одно удовольствие, — рассказывает она Гримму. — Если бы вы видели, как Александр играет то в лавочника, то в повара, как он занимается разными ремеслами: красит, клеит обои, смешивает и растирает краски, рубит дрова, чистит мебель, превращается то в кучера, то в конюха». Однажды он, больной, дрожа от озноба и закутавшись в плащ, стоит на часах, с ружьем в руках, у дверей, ведущих в покои императрицы. Заинтригованная, она спрашивает, что это означает. Он отвечает: «Я часовой, умирающий на посту от холода». И Гримм, естественно, тотчас извещен об этой удачной реплике. В другой раз Александр разыгрывает перед бабушкой комедию

«Обманщик», которую она сама сочинила. В этой пьесе он с таким блеском исполняет три разные роли, что Екатерина, по ее словам, «не верит своим глазам». Ни на секунду не задумывается она о том, что искусство легко менять обличья выдает опасную склонность к скрытности и лукавству.

Тем временем Мария Федоровна произвела на свет еще троих детей: Александру (1783), Елену (1784) и Марию (1786). Девочки не интересуют Екатерину, тем не менее она ищет для них гувернантку, и ее выбор падает на госпожу Шарлотту Ливен,^[4] вдову генерал-майора. Эта весьма достойная, добрая, но с твердым характером особа будет печься также об Александре и Константине. Братьев связывает тесная дружба. Они неразлучны и отлично ладят друг с другом как в играх, так и в занятиях. Екатерина, задумав триумфальное путешествие в южные области России, в частности в Крым, хочет взять их с собой. Встревоженные родители умоляют ее оставить сыновей с ними. Екатерина отвечает им в письме по-французски: «Ваши дети принадлежат вам, но они в то же время принадлежат мне и государству. Мне было приятно, исполняя свой долг, с младенчества окружить их самыми нежными заботами... Я рассуждала так, что в разлуке с вами они станут для меня утешением. Из пяти детей трое остаются при вас. Почему же на склоне лет целые полгода я должна быть лишена удовольствия видеть возле себя кого-нибудь из членов моего семейства?»

Все готово к отъезду, но тут Константин заболевает золотухой. Отложить поездку нельзя, и Екатерина, рассерженная и расстроенная, пускается в путь без внуков. На остановках она пишет им письма. Они отвечают ей короткими нежными записочками, написанными по-французски и по-русски. «Любезная бабушка, — пишет Александр по-французски. — Я

чувствую, как вы меня любите, и я вас люблю так же, как вы меня. Я вас благодарю за то, что вы обо мне вспоминаете. Я полагаю большой честью для себя, что вы называете меня своим другом. Сегодня я видел в Малом театре „Севильского цирюльника“. Его играли по-русски хорошие актеры, и мне он очень понравился. Целую ваши ручки и ножки. Ваш преданнейший и покорнейший внук Александр».

Когда после более чем полугодового отсутствия императрица возвращается в Царское Село, Александр и Константин бросаются ей навстречу. Она обнимает их, плача и смеясь. Как они выросли! Как красив старший! Воспитатель Протасов уже в двенадцать лет замечает у Александра признаки возмужалости. Два года спустя тот же Протасов подтверждает свои наблюдения: «От некоторого времени замечаются в Александре Павловиче сильные физические желания, как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошими женщинами». Екатерина предупреждена об этих «сонных грезах»; она тотчас поручает своим представителям объехать европейские дворы и навести справки о принцессах на выданье. Но где найти юную особу, достойную кристально чистой души ее внука? «Это деликатнейшая тема», — пишет она Гримму. Протасов тайком заносит в дневник наблюдения над доверенным ему питомцем: «Замечается в Александре Павловиче много остроумия и способностей, но совершенная лень и нерадение узнавать о вещах, и не только чтоб желать ведать о внутреннем положении дел, кои бы требовали некоторого посилия в познании, но даже удаление читать публичные ведомости и знать о происходящем в Европе. То есть действует в нем одно желание веселиться и быть в покое и праздности! Дурное положение для человека его состояния».

Беспечность, беззаботность и жажда удовольствий — не главные недостатки этого юноши, выпестованного августейшей бабушкой и дюжиной наставников. Взрослея, он все яснее понимает, что ему нужно научиться искусно обходить подводные камни того фальшивого мира, в котором он вынужден жить. Чистосердечие не в его натуре, а здесь, в этом мире — он очень рано это осознает — оно бы погубило его. Этим блестящим суетным двором правят ложь, тайные интриги, годами копившаяся ненависть. Не желая наживать врагов, он всем улыбается, приветливо соглашается с самыми противоположными мнениями, льстит тем, кому хотел бы надавать пощечин. Он продолжает разыгрывать «Обманщика» перед все расширяющимся кругом зрителей. Уже усвоив идеи Лагарпа, он становится свидетелем прибытия в Петербург первых эмигрантов-аристократов, бежавших из революционной Франции. Он мог бы высказаться в защиту принципов равенства и свободы, столь дорогих его учителю и ему самому, но боится ранить их чувства. Он с сочувствием выслушивает рассказы о выпавших на их долю испытаниях, искренне жалеет их, поддерживает их монархические убеждения. С некоторыми из них заводит дружбу. Они вместе катаются на лодках по Неве, ездят верхом, плавают в прудах Царского Села. Для этих водных забав они, по свидетельству Эстергази, «надевают длинные шерстяные рубахи, а сверху широкий шерстяной редингот», специально придуманные и заказанные императрицей. Расставшись с болтливymi и фривольными французами, Александр возвращается к своему дорогому Лагарпу и наедине с ним дает выход неостывшему республиканскому пылу. Учитель и ученик, приглушив голоса, славят эру просвещения и справедливости, наступившую в освобожденной от тирана Франции.

Но поток эмигрантов к русскому двору все растет, новости о терроре ужасают немногочисленных русских либералов; сама Екатерина, возмущаясь жестокостью якобинцев, признает, что идеи энциклопедистов, которыми она страстно увлекалась в молодости, чересчур взбудоражили умы и вот-вот заразят весь мир; государства, сохранившие благоразумие, должны пустить в ход все средства, чтобы погасить этот пожар. Для начала она отправляет на чердак бюст Вольтера. Узнав о казни Людовика XVI, Екатерина заболевает от негодования, а потом приказывает отозвать всех русских подданных из Парижа, запрещает французским кораблям заходить в русские порты, разрывает дипломатические отношения с Францией, обязывает всех находящихся в России французов принести присягу верности, принимает в Петербурге с царским величием графа д'Артуа, предлагает кров принцу Конде, щедро снабжает деньгами армию эмигрантов. При всем том она отнюдь не утрачивает ясность мысли и не позволяет вовлечь Россию в войну против революционной Франции с целью восстановления монархии. Пусть Пруссия и Австрия возьмут на себя эту задачу, ее войскам предстоит завершить раздел Польши.

При дворе Александр слышит язвительные разговоры о революционной Франции, где свирепствует гильотина. Присмиривший Лагарп служит главной мишенью нападок как эмигрантов, так и их русских единомышленников. Он, само благородство и мягкость, оказался вдруг забрызганным кровью. Великий князь Павел, призвав к себе Александра, говорит о его бессменном швейцарском наставнике: «Этот грязный якобинец все еще при вас?» И Александр не осмеливается вступить за своего учителя, потому что ему приходится остерегаться как отца, который терпеть не может Лагарпа, так и бабушки, которая

покровительствует Лагарпу, несмотря на преступления санкюлотов. Разве не сказала она на днях этому так называемому сообщнику Робеспьера: «Будьте якобинцем, республиканцем, всем, кем хотите; я вижу, что вы честный человек, и мне этого достаточно».

Впрочем, если в великом князе Павле и сильна неприязнь к Лагарпу, еще сильнее в нем ненависть к императрице. С годами враждебность между сыном и матерью достигает такого накала, что они по обоюдному согласию избегают встречаться друг с другом. Александр, находясь между двумя этими противостоящими друг другу людьми, трезво и молча изучает обоих и приходит к выводу, что отец олицетворяет маниакальный деспотизм, военную муштру, тупую жестокость, безумие; бабушка — державное самовластие и свободу нравов. Достигнув возраста, когда начинают присматриваться к жизни взрослых, он догадывается о роли фаворитов императрицы. Эта стареющая женщина — ненасытная пожирательница молодых мужчин. Быть любовником Ее Величества — значит быть при дворе чем-то вроде должностного лица. Пригожие собой мужчины по очереди становятся министрами ее сердца и ложа. Она меняет их так же, как меняла бы сотрудников, срок службы которых истек. Некоторые, как Потемкин, ослепляют ее блеском, размахом, умом, другие, как Ланской, трогают изысканностью манер и тонкостью чувств, третьи, как последний из них, Платон Зубов, покоряют мужественным профилем, ненасытностью и кожей, излучающей тепло. Возле Платона Зубова она, по ее собственному выражению, «возвратилась к жизни, как муха после зимней спячки». Ему двадцать два года, ей далеко за шестьдесят. В ослеплении страсти она в который раз поддается иллюзии, что любима ради себя самой. Постепенно новый фаворит, обласканный, осыпанный почестями, делается первым лицом

империи. Его обязанности вовсе не ограничиваются постельными играми — он быстро прибирает к рукам государственные дела, и попрошайки разного рода униженно осаждают его переднюю, смеются его удачным словечкам и низко кланяются, бесстыдно выпрашивая протекцию. В год возвышения Зубова Александру четырнадцать лет. Он наблюдает, как бабушка, сидя за карточным столом и прикрываясь веером, влюбленно улыбается Зубову или, медленно ступая и тяжело дыша, удаляется в свои покои, а фаворит следует за ней по пятам. Ему противна ее старческая страсть, его возмущает возрастающая заносчивость этого выскочки, но, не отступая от избранной линии поведения, он ничем не обнаруживает свой гнев. Более того, он соглашается стать спутником Зубова в прогулках, пикниках, придворных развлечениях. Они вместе участвуют во всех придворных забавах и смеются одним и тем же шуткам под растроганным взглядом императрицы, счастливой добрым согласием, установившимся между ее внуком и возлюбленным. Прямо-таки семейная идиллия! Даже добродетельный Лагарп не находит повода для придирок.

Говоря по правде, он беспокоился бы напрасно. Любовные излишества Ее Величества не смутили невинность юного великого князя. Как бы строго он ни судил свою бабушку и как бы ни мечтал по ночам о хорошеньких женщинах, встреченных днем, чистота его не затронута. Ему хватает сновидений. Удивленная императрица не знает, то ли ей радоваться целомудрию внука, то ли беспокоиться, не бессилен ли он. Шведский посланник Йеннинг сообщает своему правительству: «Он (Александр) сохраняет всю грацию, свойственную его возрасту, и самый первый цвет невинности».

Екатерина больше не сомневается — пришла пора сделать из внука мужчину. Но это возможно только в

супружестве, и она, вспомнив свое немецкое происхождение, ищет невесту среди юных немецких принцесс. По доставленным ей сведениям, больше всего шансов найти идеальную супругу для Александра при Баденском дворе. Она поручает графу Н. П. Румянцеву, дипломатическому представителю России в Южной Германии, начать переговоры. Он едет в Карлсруэ, присматривается к баденским принцессам и отдает предпочтение старшей, Луизе. Но она еще ребенок, и надо ждать, когда ей исполнится тринадцать лет, чтобы пригласить ее в Россию вместе с младшей сестрой Фредерикой якобы с обычным протокольным визитом.

Наконец девочки собираются в дорогу, пугаясь мысли, что предстанут перед могущественной императрицей. «Мы ждем двух баденских принцесс, — пишет Екатерина Гримму. — Одной тринадцать лет, другой одиннадцать. Вы, конечно, понимаете, что у нас не выдают замуж так рано; это дело будущего, а пока пусть они привыкнут к нам, сживутся с нашими обычаями. Александр в невинности сердца ни о чем не догадывается, а я подстраиваю ему эту дьявольскую шутку, вводя его в искушение».

31 октября 1792 года девочки после долгого и утомительного путешествия прибывают в Петербург и припадают к ногам императрицы. Екатерине достаточно одного взгляда, чтобы оценить полудетскую привлекательность Луизы. В тот же вечер она говорит своему личному секретарю Храповицкому: «Чем больше смотришь на старшую из баденских принцесс, тем больше она нравится. Невозможно видеть ее и не попасть под ее очарование». А на следующий день сообщает Гримму: «Господин Александр выказал бы себя чрезмерно разборчивым, если бы упустил старшую из принцесс». Окружение императрицы разделяет ее восхищение Луизой. Великая княгиня Мария Федоровна,

мать Александра, пишет императрице: «Она не просто хороша собой, во всем ее облике есть особое обаяние, которое может разбудить любовь к ней и в самом равнодушном существе». Графиня Шуазель-Гуффье говорит о ней: «Черты ее лица чрезвычайно тонки и правильны. У нее греческий профиль, большие голубые глаза, овал лица удивительно чистых линий и прелестнейшие белокурые волосы. Какая-то томная грация разлита во всем ее облике; взор ее глаз, светящихся умом и полных чувства, и мягкий звук ее голоса проникают в самую душу». Графиня Головина в еще более восторженных выражениях описывает Луизу в своих «Воспоминаниях»: «У нее стройный стан, пепельные волосы, локонами ниспадающие на плечи, кожа цвета розовых лепестков, очаровательный рот. Есть что-то невыразимо притягательное и волнующее в мягком и одухотворенном взоре ее голубых миндалевидных глаз, обрамленных черными ресницами и смотрящих на вас из-под черных бровей». А шведский посол Штединг кратко докладывает: «Она красива, ее фигура изящна, облик приятен. Она высока ростом и развита не по летам». Нет сомнений, думает Екатерина, что перед таким совершенством целомудренный Александр не устоит и воспламенится.

Но он не воспламеняется. В присутствии Луизы он холоден как лед. Встревоженная мать юноши снова пишет Ее Величеству: «Увидев Александра, она побледнела и задрожала, Александр же был молчалив и ограничился тем, что иногда поднимал на нее взгляд, но так и не заговорил с ней, хотя разговор шел общий».

Александр ясно видит, какую ловушку подстроила ему бабушка. Весь двор наблюдает за ним и за этой девушкой, которая, несомненно, предназначена ему. На лицах придворных одно и то же выжидательное выражение. Этого довольно для того, чтобы юношу сковала застенчивость. Он предпочел бы сам избрать

предмет своих чувств и в уединении, вдали от всех, предаваться его созерцанию. Но высокое рождение отняло у него столь естественную радость. Вокруг юной пары все млеет от восторга и шушукаются. Наконец Александр решается обратиться к Луизе с несколькими словами, она отвечает; он находит, что она не глупа. Не положено ли начало идиллии? 4 ноября 1792 сияющая Екатерина говорит своему секретарю Храбровицкому: «Великий князь как будто бы полюбил старшую принцессу, но жених застенчив и не осмеливается открыться. Она же очень живая и грациозная. К тринадцати годам она вполне сформировалась». Несколько дней спустя уже мать трубит о победе в короткой записке, адресованной императрице: «Имею честь сообщить вам о вчерашнем письме господина Александра. Он пишет, что „с каждым днем милая баденская принцесса все больше ему нравится; в ней есть особая кротость и скромность, которые очаровывают, и нужно быть каменным, чтобы не полюбить ее“. Это подлинные выражения моего сына, и поэтому я осмелюсь предположить, дражайшая матушка, что это признание доставит вам такое же удовольствие, какое оно доставило мне... Наш молодой человек начинает чувствовать к ней истинную привязанность и сознает всю ценность дара, который вы ему предназначаете». А маленькая Луиза изучает Александра, украдкой бросая на него взгляд и притворяясь, что смотрит не в его сторону, и посылает матери обстоятельное письмо: «Великий князь Александр очень высок и хорошо сложен; особенно хорошо вылеплены его ноги, хотя ступня великовата; несмотря на свой рост, он пропорционален и строен. У него светлые волосы, голубые, не большие, но и не маленькие глаза, нос прямой и довольно красивый, а рот похож на рот императрицы». Вскоре в ней пробуждается кокетство, и она долго занимается

прической и радуется подаренному императрицей платью «из красного, расшитого золотом бархата и юбке из желтого атласа», в которых она блистает на балу, танцуя в паре с великим князем.

Подстерегая малейшую улыбку, малейший взгляд, которыми обмениваются молодые люди, Екатерина регулярно посылает Гримму бюллетени с места действия: «Господин Александр ведет себя очень умно и осторожно... Он постепенно влюбляется в старшую из баденских принцесс, и я не поручусь, что ему не отвечают взаимностью. Никогда еще не было более подходящей друг другу пары, они прекрасны, как день, полны грации и ума. Все стараются поощрять их зарождающуюся любовь». Молодая девушка трогает Екатерину, а внук умиляет. Ей кажется, что в присутствии Луизы он весь светится. Бабушка, открыв вдруг в подростковом мужчине, впадает в экстаз и сама заражается энтузиазмом влюбленных. Ее восторг выплескивается в письме Гримму: «Как бы вы удивились и в какое бы пришли восхищение, если бы видели этого высокого, прекрасного и доброго юношу. Как много он обещает, сколько в нем чистоты и вместе с тем глубины! Как последователен он в исполнении правил и сколь беспримерно его желание во всем поступать хорошо!.. Что за прелесть этот юноша, от которого все без ума, да и есть чем восхищаться! Он наш любимчик, он хорошо это знает. Его голова несколько наклонена вперед, но какая красивая голова! Когда его видишь, забываешь, что он держит голову не вполне прямо, а немножко наклоняет ее вперед. Ему много раз уже говорили об этом, но когда он танцует или сидит на лошади, то держится прямо и напоминает Аполлона Бельведерского всем, кто имеет честь знать последнего. Он столь же величественен, а это немало для четырнадцатилетнего юноши. Но довольно, я слишком много говорю о нем».

Екатерина вовсе не льстит Александру, находя его «замечательно красивым и добрым». По единодушному отзыву современников, юноша отличается редким изяществом манер, он высок, строен, черты его лица благородны, улыбка полна очарования, а голубые, слегка близорукие глаза — нежности. При малейшем волнении на его женственном лице вспыхивает румянец. Даже злоязычный Ростопчин пишет Воронцову: «Можно смело сказать, что великий князь Александр не имеет себе подобных в мире. Его душа еще прекраснее его наружности. Никогда еще нравственные и физические стороны не были столь совершенны в одном человеке». А его воспитатель, преданный Протасов, выслушав признание Александра, проливает слезы умиления и записывает в дневнике: «Он мне откровенно говорил, сколько принцесса для него приятна, что он бывал уже в наших женщин влюблен, но чувства его к ним наполнены были огнем и некоторым неизвестным желанием — великая нетерпеливость видаться и крайнее беспокойство без всякого точного намерения, как только единственно утешаться зрением и разговорами; а, напротив, он ощущает к принцессе нечто особое, преисполненное почтения, нежной дружбы и несказанного удовольствия обращаться с нею; нечто удовольственнее, спокойнее, но гораздо и несравненно приятнее прежних его движений; наконец, что она в глазах его любви достойнее всех здешних девиц».

И в самом деле, Александр мало-помалу оттаивает. Он поддается очарованию Луизы и желанию нравиться окружающим. Раз бабушка и родители хоть в чем-то пришли к согласию, он не станет их разочаровывать и противиться их воле. Снова берет верх его всегдашняя привычка плыть по течению. «Александр влюбляется в принцессу, насколько позволяют его возраст — (пятнадцать лет) и его природная холодность, —

замечает шведский посол Штединг. — Он с трудом преодолел застенчивость и написал слова признания своей невесте; она ответила ему в том же духе».

Дело так продвинулось, что можно, наконец, говорить о браке. В январе 1793 года при дворе получено официальное согласие родителей невесты. Тотчас же Луиза, как когда-то Екатерина, начинает учить русский язык и слушает наставления священника, который должен подготовить ее к принятию нового вероисповедания. 9 мая происходит ее крещение, и протестантское имя Луиза заменяется русским Елизавета Алексеевна. На следующий день состоялось обручение, причем обмен кольцами совершает сама императрица. После церемонии она пишет матери Луизы: «Все вокруг говорили, что обручают двух ангелов. Невозможно вообразить ничего прелестнее этого пятнадцатилетнего жениха и четырнадцатилетней невесты. Притом они влюблены друг в друга. После обручения принцесса получила титул великой княгини».

Вечером во дворце дают парадный обед. Александр и новоиспеченная Елизавета Алексеевна восседают на троне под балдахином. После обеда — бал. Пресыщенные и погрязшие в интригах придворные с симпатией следят за сияющей чистотой юной парой и, наблюдая, как они кружатся под звуки музыки, вздыхают об утраченных иллюзиях. Барон фон дер Гольц, посол Пруссии, сообщает своему королю: «Со дня приезда моего в Петербург я ни разу не видел, чтобы императрица выказывала такое огромное удовлетворение, как в день обручения ее внука. По ее собственным словам, она наслаждалась редким счастьем. Действительно, нареченные жених и невеста достойны восхищения, которое у всех вызывают, ибо соединяют с красотой кроткость, которая привлекает к ним все сердца. Несмотря на крайнюю молодость и

застенчивость юной принцессы, она великолепно держалась, и все, кто близко ее знают, утверждают, что у нее есть характер. Ее младшая сестра очень забавна и тоже здесь нравится, но, говорят, она уедет еще до свадьбы».

Дни идут, и Александр позволяет себе некоторые вольности, которые ошеломляют Елизавету. Обмен первыми поцелуями вполне в христианском духе происходит на Пасху, с разрешения императрицы и графини Шуваловой. После Пасхи Александр повторяет опыт, слегка коснувшись губ Елизаветы. Елизавета, очарованная и испуганная, сообщает матери: «Когда мы остались одни в моей комнате, он поцеловал меня, и я ответила на его поцелуи. И с тех пор я думаю, что он всегда будет меня целовать. Вы не можете себе представить, как странно мне кажется целовать мужчину, ведь он не мой отец и не мой дядя. И так странно, что он не царапает меня, как папа, своей бородой».

В конце лета Фредерика, сестра Елизаветы, возвращается в Карлсруэ, и Елизавета предается отчаянию: «Я одна, одна, совершенно одна, нет никого, с кем я могла бы делиться моими мыслями». Александр плачет вместе с ней: он тоже чувствует себя одиноким. Женитьба неизбежна, он с этим примирился и спрашивает себя, не совершает ли он ошибку. Но как пойти против воли этой ужасной бабушки, если на устах ее чарующая улыбка, а в глазах стальной блеск?

В этот час двор празднует подписание мира с Турцией. Празднества заканчиваются 15 сентября фейерверком. Сразу вслед за этим торжественно объявлено о бракосочетании. Оно совершается 28 сентября 1793 года в большой церкви Зимнего дворца. В разгар подготовки к этому событию отношения императрицы с сыном в конец разлаживаются, и великий князь Павел Петрович не желает

присутствовать на церемонии. С трудом Марии Федоровне удается переубедить супруга, и он в последний момент меняет свое решение. Хмурый и злой, он стоит в нефе во главе своей семьи. Александра больно ранит эта враждебность, выставленная напоказ в столь важный для него день. Ему хочется видеть вокруг себя счастливые лица, а он читает на них зависть, подозрительность, расчет и затаенную злобу.

Для свадебного обряда он облачен в кафтан из серебряной парчи с бриллиантовыми пуговицами, грудь пересекает лента ордена Святого Андрея. Платье невесты из такой же серебряной парчи, расшитое бриллиантами и жемчугом. Венец над головой брата держит великий князь Константин, над головой невесты — граф Безбородко. По окончании обряда в Петропавловской крепости и Адмиралтействе палят пушки, во всех церквах звонят колокола. Непрерывный перезвон колоколов длится три дня, празднества — две недели. На второй день после венчания Елизавета под впечатлением свершившегося пишет матери: «Великий князь Александр, или мой муж — никак не могу привыкнуть к этому странному слову, — хочет добавить несколько слов». «Психея соединилась с Амуром», — говорит Екатерина принцу де Линю. А проницательный Ростопчин замечает: «Как бы этот брак не принес несчастья великому князю. Он так молод, а жена его так прекрасна».

Глава II

Бабушка, сын и внук

Александр, вступив в брак, упивается своей преждевременно обретенной свободой. Ему кажется, что, став супругом, он переступил незримую черту, отделяющую детство с его зависимостью и обязательными уроками от положения взрослого человека, жизнь которого посвящена лишь наслаждениям. Лагарп продолжает заниматься с ним, но занятия происходят не в установленные часы и с большими перерывами. В Царском Селе для юной четы строят новый дворец. В Зимнем дворце роскошные покои переделаны по их вкусу. Спальня отделана в бело-розово-золотистых тонах. Гостиная, окна которой выходят на Неву, где, покачиваясь, стоят на якоре корабли, — в серебристо-голубых. У великокняжеской четы свой, хотя и небольшой двор, которым управляет опытная интриганка графиня Шувалова. Весь этот суетный и праздный мирок поглощен щегольством и развлечениями. Елизавета, захваченная круговоротом светской жизни, пишет матери: «Мы очень заняты, но ничего не делаем». И еще: «Всю неделю танцевали; начиная с понедельника, мы каждый день танцевали. Во вторник — бал у нас, танцевали даже вальс; вчера — костюмированный бал у придворной дамы императрицы, сегодня — театральное представление в Эрмитаже».

Суета придворной жизни и новая обстановка отвлекают Александра от занятий. Он совсем разленился. У него нет ни досуга, ни желания чему-нибудь учиться или что-нибудь читать. Когда Лагарп рекомендует ему несколько серьезных книг, которые

были бы ему полезны, он обещает вечером приняться за них и тут же о них забывает. Туалеты, болтовня, игры привлекают его куда больше, чем скучные страницы объемистых трудов по истории, юриспруденции или политике. Он изысканно одет, утончен в манерах и самовлюбленно засматривается на свое отражение в зеркалах. Его юношеский нарциссизм расцветает от восторженных похвал, которыми его осыпают со всех сторон. Огорченный такой суетностью, Протасов заносит в дневник: «В течение октября и ноября поведение Александра Павловича не соответствовало моему ожиданию. Он прилепился к детским мелочам, а паче военным, и, следуя прежнему, подражал брату, шалил непрерывно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно. Всем таковым непристойностям, сходственным его летам, но не состоянию, была свидетельницею супруга. В рассуждении ее также поведение его высочества было ребяческим: много привязанности, но некоторый род грубости, не соответствующий нежности ее пола».

Этот «некоторый род грубости» — следствие неправильного любовного воспитания Александра. Женатый слишком рано на почти подростке, он не умеет ни удовлетворить ее, ни сам получить удовольствие. Она же, романтическая и стыдливая, и вовсе не способна ответить на его ласки. Впрочем, он не обладает страстным темпераментом. Он слишком влюблен в самого себя, чтобы разбираться в ощущениях покорной девочки, по прихоти императрицы оказавшейся в его супружеской постели. Если он охотно ищет общества других женщин, то для того лишь, чтобы в их восхищенных глазах, как в зеркале, любоваться собой, снова и снова убеждаясь в своей неотразимости. Дальше этого его ухаживания не идут. Возвратившись к жене, он с удовольствием признает, что она нежна, утонченна, умна, прекрасно

образованна, ни одна женщина при дворе и в подметки ей не годится, но ее достоинства не обольщают его, а охлаждают. Оставшись наедине с Елизаветой, он не знает, о чем с ней говорить, — и скучает. От придворных, отпраздновавших этот своего рода мифологический брак, не укрывается, что идиллия под угрозой. Угождая императрице, они превозносили юную великокняжескую чету как идеальную, а она оказалась не лучше других. Это радует как тех, кто по природе недоброжелателен, так и тех, кто сам в таком положении. Делаются попытки развратить юную пару. Особенно старается графиня Шувалова, приводя примеры супружеской неверности и внушая юным супругам, сколь это соблазнительно.

Опаснее всего для Елизаветы западня, подстроенная ей фаворитом императрицы Платоном Зубовым. Пресытившись ночными вахтами в покоях Ее Величества, он подумывает о новых приключениях. И как же ему, давно питающемуся подгнившей плотью, не соблазниться терпкостью недозрелого плода? Уверенный, что его положение при дворе обеспечит ему безнаказанность при любом повороте событий, он настойчиво ухаживает за великой княгиней на глазах всего двора. Во время карточной игры у императрицы он бросает на Елизавету томные взгляды, выпускает тяжкие вздохи, не остающиеся незамеченными. Смущенная Елизавета, обнаружив немалую выдержку, уклоняется от его ухаживаний. Тогда он разыгрывает отчаяние, целыми днями валяется на диване, велит музыкантам играть печальные мелодии, дабы излечить его сердечную рану, и подсылает к великой княгине графиню Шувалову, поручив ей побудить Елизавету к уступчивости. Молодая женщина, осаждаемая просителем такого полета, с тактом, необычайным в столь юном создании, отклоняет комплименты, избегает объяснений и, любезно улыбаясь, остается

неприступной. Александр, заметив, как и все, маневры Зубова, не осмеливается поставить на место всесильного временщика. Как бы глубоко ни были оскорблены его чувства молодого мужа, он предпочитает молчание взрыву негодования. Все лучше, чем скандал, который неизбежно вызовет открытая ссора. Снедаемый беспокойством, он пишет своему другу графу Виктору Кочубею, послу России в Константинополе: «Мы были бы очень счастливы с моей женой, и мы счастливы, когда мы одни, когда нет возле нас графини Шуваловой, которая, к сожалению, приставлена к моей жене». И далее в том же письме: «Граф Зубов влюбился в мою жену в первое же лето нашего брака, то есть год и несколько месяцев назад. Посудите, в какое неприятное положение он ставит мою жену, которая ведет себя, как истинный ангел. Согласитесь, что чрезвычайно сложно правильно вести себя по отношению к Зубову... Ладить с ним — значит как бы оправдывать его любовь; проявить холодность, чтобы образумить его, значит рассердить императрицу, которая ничего не знает и сочтет, что без всякой причины дурно обращаются с человеком, удостоенным ее благосклонности. Невероятно трудно держаться середины при дворе, столь злом и коварном, как наш».

На самом деле от зоркой Екатерины не укрылась страсть фаворита к великой княгине, но она не принимает всерьез этот флирт, который, она в этом убеждена, к успеху не приведет. Эта пикантная история будет добрым жизненным уроком для молокососа Александра. Такому уроку императрица не прочь и поспособствовать. Платон Зубов, прозванный Зодиаком, развлекает императрицу рассказами о перипетиях своего дерзкого волокитства, что настраивает ее на игривый лад, но, стоит ему забыться, она одергивает его, и он, страшась опалы, замыкается в себе. Впрочем, воздыхатель, желающий оболести Елизавету, выбрал

момент неудачно: говорят, она беременна. Публичные толки о ее положении оскорбляют молодую женщину, тем более что новость — ложная. «Императрица уверена, что я беременна, и радуется этому, — пишет она своей подруге княгине Головиной. — Великого князя-отца уведомил мой дражайший супруг. Посудите, каким стыдом все это для меня обернется, когда правда выйдет наружу... Есть и другое затруднение: императрица сообщила об этом Зодиаку. Открой я императрице правду, она тотчас и это ему передаст... Согласитесь, до какой степени неприятно, что этот Зодиак осведомлен обо всем, что происходит со мной. И зачем императрица все ему передает?.. Он задает дурацкие вопросы о том, что его совершенно не касается, и я его не выношу. Что ему за дело до моего здоровья?»

Императрица, узнав, что надежды ее не оправдались, горько разочарована. Ее невестка, великая княгиня Мария Федоровна, избаловала ее своей плодовитостью, и Екатерине нелегко примириться с мыслью, что жена внука не сразу подарит ей правнука, на которого она вправе рассчитывать. Как это огорчительно для династии! Кто виноват в этом? Бесплодна Елизавета или бессилён Александр?

Навязчивая мысль о преемнике преследует Екатерину, и она укрепляется в намерении изменить порядок престолонаследия, отстранив от трона Павла, неспособного достойно продолжить ее дело, и объявив наследником Александра, от которого ждёт чуда. Предстоит заручиться согласием заинтересованного лица. Конечно, по вине Лагарпа он набрался либеральных идей, которые когда-то разделяла и сама Екатерина и от которых отказалась, напуганная французской революцией. Александр же не нашел ничего лучшего, как расхваливать статьи французской конституции перед изумленными придворными, да еще

вступил с ними в спор. Разумеется, можно быть одновременно и свободолюбивым, и самодержавным, — она знает это по собственному опыту, и ее беспокоят не политические пристрастия Александра, а отсутствие у него вкуса к власти.

Она не ошибается, считая, что он лишен монархических амбиций. Александр, выросший при дворе, его возненавидел, ему противны плетущиеся здесь интриги, а еще противнее та, кто правит этим миром, пропитанным ложью, раболепством и завистью. Он осуждает в бабушке и старую любве-обильную женщину, и деспотичную владычицу. Конечно, он, по своему обыкновению, выказывает ей всяческое почтение и привязанность, но за ее спиной нередко дает выход давно копившимся гневу и презрению. А брат Константин, не стесняясь, издевается над ее слабостями. Братья наперебой в пух и прах разносят августейшую бабку, перед которой трепещет вся империя. В письме от 10 мая 1796 года к своему другу Кочубею Александр пространно анализирует свое положение при дворе: «Да, милый друг, повторяю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Пассек, князь Барятинский, оба Салтыкова, Мятлев и множество других, которых не стоит даже и называть... Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того сана, который

ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом...

В наших делах господствует невероятный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно... Мой план состоит в том, чтобы, по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и изучении природы»...

Беседа со своим новым доверенным лицом Адамом Чарторыйским, польским аристократом, после раздела Польши жившим в Петербурге в качестве заложника, Александр еще более резко нападает на политику своей бабки. Во время долгой прогулки по аллеям Таврического сада молодой великий князь уверяет своего изумленного и восхищенного собеседника, что ненавидит деспотизм во всех его формах, что свобода — неотъемлемое право каждого, что он живо интересуется французской революцией, не одобряя ее ужасных заблуждений. Он сочувствует несправедливо униженной Польше, превозносит Костюшко^[5] как незапятнанного героя и заявляет, что желал бы возрождения этой благородной страны. Развивая далее эти мысли, он порицает внешнюю политику Екатерины, на протяжении всего царствования мечтавшей о русской гегемонии.

Воспроизводя эту беседу в своих «Мемуарах», Адам Чарторыйский заключает: «Сознаюсь, я ушел пораженный, глубоко потрясенный, не понимая, что это — сон или действительность. Как! Русский князь, будущий преемник Екатерины, ее внук и любимый ученик, которого она хочет, отстранив сына, видеть царствующим после себя, о котором говорили, что он

наследует Екатерине, этот князь отрицательно отзывался о политических принципах своей бабки, отвергал недостойную внешнюю политику России, страстно любил справедливость и свободу, жалел Польшу и хотел видеть ее счастливой! Не чудо ли это было?»

Несомненно, Чарторыйский принимает вольнолюбивые речи Александра за чистую монету. И, бесспорно, в тот момент, наедине со своим другом, великий князь искренен. Но при этом он ни на минуту не забывает, что обращается к польскому дворянину, патриоту, оскорбленному за свою родину, и, желая понравиться ему, несколько преувеличивает и свой либерализм, и свое возмущение.

Перед Екатериной он никогда бы не осмелился держать подобные речи. Когда она объявляет ему, что намерена назначить его наследником престола через голову отца, он лепечет в ответ, что не хочет царствовать. Она настаивает, он уклоняется. Он не создан для блеска и власти, уверяет он, его мечта — мирная семейная жизнь где-нибудь в провинции, может быть, даже за границей, и если Ее Величество его любит, то должна помочь ему удалиться от двора. Екатерина, глубоко уязвленная, пробует атаковать внука с другой стороны. Она требует к себе Лагарпа и приказывает ему воздействовать на ученика всем своим авторитетом и влиянием и склонить его принять корону, ибо Павел не станет ее преемником. Неподкупный швейцарец, возмущенный этой безнравственной мерой, противопоставляющей сына отцу, отказывается вмешиваться. Такое непонимание со стороны человека, всем ей обязанного, выводит Екатерину из себя. Она вдруг вспоминает, что он якобинец, приверженец идей, которые сама она уже не разделяет, и что его присутствие при дворе раздражает многих. После нескольких дней размышлений она уведомляет

Лагарпа, что более не нуждается в его услугах. Он может укладывать багаж. Потрясенный учитель сообщает новость ученику. Тот бросается ему на шею. Обнявшись, они вместе оплакивают выпавший им жестокий жребий. Оставшись в своей комнате один, Александр, удрученный предстоящей разлукой, поверяет свои печали бумаге: «Прощайте, мой дорогой друг. Как трудно мне написать это слово! Помните, что оставляете здесь преданного вам человека, который не в состоянии выразить вам свою привязанность и который обязан вам всем, кроме рождения».

Перед тем как покинуть Россию, Лагарп, по просьбе Александра, составляет «Наставления» о том, каким образом великому князю достойно выполнять монаршеские обязанности. В документе учтено все: нравственные устои и личная гигиена, принципы правления и режим питания. Александр, само собой разумеется, забудет эти советы, как только прочтет, но уважение к автору сохранит навсегда.

К счастью, светская суета и увеселения двора, который он так осуждает, мало-помалу рассеивают его печаль. Екатерина, уловив перемену в настроении Александра, возобновляет разговор о престолонаследии. Принять корону — его долг, убеждает она, ибо, если она достанется Павлу, придет конец мечтам о либеральном будущем России. Если же на трон взойдет Александр, то, разумно проводя в жизнь предписания Лагарпа, он облагодетельствует свое Отечество. Дабы ее речи крепче запечатлелись в сознании внука, она излагает их письменно. И Александр как будто поддается уговорам. Но не стоит ждать от него прямого ответа. Когда думают, что уже навязали ему свою волю, он умеет ускользнуть, точно угорь. Не соглашаясь, но и не отказываясь, он пишет Екатерине в высшей степени двусмысленное письмо:

«Ваше Императорское Величество! Я никогда не буду в состоянии достойно выразить свою благодарность за то доверие, которым Ваше Величество соблаговолили почтить меня, и за ту доброту, с которой изволили дать собственноручное пояснение к остальным бумагам. Я надеюсь, что Ваше Величество, судя по моему усердию заслужить неоцененное Ваше благоволение, убедится, что я вполне чувствую значение оказанной милости. Действительно, даже своею кровью я не в состоянии отплатить за все то, что Вы соблаговолили уже и еще желаете сделать для меня. Эти бумаги с полной очевидностью подтверждают все соображения, которые Вашему Величеству благоугодно было недавно сообщить мне и которые, если мне позволено будет высказать это, как нельзя более справедливы. Еще раз повергая к стопам Вашего Императорского Величества чувства моей живейшей благодарности, осмеливаюсь быть с величайшим благоговением и самой неизменной преданностью.

Вашего Императорского Величества всенижайший, всепокорнейший подданный и внук. — Александр».

Екатерина, читая это послание, должна была вообразить, что убедила внука, а Павел, попадись ему на глаза эти строки, не смог бы заключить, что сын хочет отнять у него скипетр. Впрочем, чтобы совершенно оградить себя от опасности с этой стороны, Александр также пишет и отцу, нарочно заранее обращаясь к нему «Ваше Величество». Так он балансирует между двумя владыками, которые распоряжаются его судьбой. Он обезопасил себя с обеих сторон и выжидает, предоставив обстоятельствам решить его участь.

С некоторых пор оба великих князя сблизилась с отцом. Павел, избегая показываться при дворе Екатерины, превратил свою резиденцию в Гатчине в прусское поместье. Расположенный недалеко от

Петербурга Гатчинский дворец, мрачный и суровый, возвышается посреди огромного парка. Здания, которые его окружают: конюшни, псарни, больница, магазины, мастерские, казармы, — построены по прусскому образцу. На солдатах прусская военная форма: узкие мундиры, ботфорты, перчатки с раструбами, громоздкие треуголки, волосы смазаны салом и заплетены в косы. Численность отрядов около 2400 человек. Здесь царит железная дисциплина, а большая часть времени проходит в учениях и смотрах. Малейшее упущение в обмундировании или построении наказывается палочными ударами. Армия, чтобы быть сильной, должна состоять из автоматов, и все человеческое в солдате должно искоренять — выбивать палками. Правда и то, что гатчинские отряды составлены из разного сброда. Большинство офицеров — негодяи, трусы и пьяницы, выгнанные из полков за дурное поведение. Грубые и необразованные, эти люди обладают важным достоинством: они добровольно подвергаются унижительной муштре и беспрекословно исполняют самые абсурдные приказы. «Между сими подлыми людьми, — пишет мемуарист Вигель, — были и чрезвычайно злые. Из Гатчинских болот своих они смотрели с завистью на счастливцев, кои смело и гордо шли по дороге почестей... они закипели мезтью». Павел, во всем подражавший Фридриху II, не мыслит командовать солдатами иначе, как под звуки труб и гром барабанов. Пушки чуть что — палят, и непрерывные орудийные залпы бросают в дрожь женщин семьи Павла.

Как ни странно, Александра влечет эта мужская атмосфера. Три или четыре раза в неделю он вместе с братом ездит к родителям. Миновав выкрашенный в черные, белые и красные полосы шлагбаум, они вступают во владения отца и сразу попадают в совершенно другой мир. В Царском Селе Александр,

одетый по французской моде, в туфлях с пряжками, любезно беседует с бабушкой и одобрительно улыбается, когда она ополчается на этого сумасшедшего Павла и его «солдатоманию». В Гатчине, затянутый в прусский мундир, в сапогах со шпорами и поднятой тростью, он присутствует на бесконечных маневрах и поддакивает отцу, когда тот мечет громы и молнии против политики императрицы. Нередко Александр пытается понять причину противоестественной ненависти Павла к матери. Поговаривают, что Павел незаконнорожденный, что Екатерина родила этого ребенка не от мужа, великого князя Петра, а от своего любовника графа Сергея Салтыкова, и, следовательно, династические нити оборвались. Павел не может простить Екатерине, что она позволила этому слуху распространиться.^[6] Он зол на нее и за то, что она, если и не возглавила, то поддержала заговор 1762, вознесший ее на трон. Он обвиняет ее в гибели отца, убийц которого она не сочла нужным покарать, и считает себя новым Гамлетом, вынужденным жить рядом с коронованной преступницей. В доказательство того, что он истинный сын своего отца — впрочем, никто не осмеливается открыто в этом сомневаться, — он афиширует, как и его официально признанный отец, великий князь Петр, чрезмерную, возрастающую с годами страсть к прусскому милитаризму. На радость ему, эту наследственную страсть обнаруживают и оба его сына, Александр и Константин.

Действительно, Александру легко дается роль солдата, да и какого мальчика не влечет запах пороха? В Гатчине он, преисполненный важности, обучает тупиц рекрутов ружейным приемам, строевому шагу, построению в каре, маршам и контрмаршам. Ежедневно воинственные забавы возобновляются, и Александр

неутомим в этой игре в солдатики. Он, изящный, кокетливый, ничем так не наслаждается, как веселым гамом кордегардии и грубоватыми окриками дежурных офицеров. После того как предавался возвышенным мечтам о свободе, равенстве и братстве в обществе своего дорогого Лагарпа, он с удовольствием распекает вверенных ему солдат и присутствует, стараясь казаться безучастным, при наказании палками неисправных или ленивых. Переходя от одной крайности к другой, он дает выход противоположным наклонностям своей натуры и, таким образом, поддерживает иллюзию о самом себе как о цельной и гармоничной личности.

Особенно его увлекает артиллерия, и он часто и подолгу задерживается возле пушек. От пушечного гула у него развивается глухота левого уха. «Глухота великого князя делает его неприятным в обществе, — замечает Ростопчин. — Нужно почти кричать, так как он совершенно глух на одно ухо». Несмотря на этот непоправимый дефект, пристрастие Александра к армии не остывает. Как и Константин, он гордится, что принадлежит к суровому военному братству, в атмосфере которого живет его отец. Он повторяет с чувством превосходства: «Это по-нашему, по-гатчински». Ростопчин пишет графу Воронцову: «Великий князь окружен людьми, из которых самый честный заслуживает колесования без суда». А Чарторыйский добавляет в «Мемуарах»: «Мелочные формальности военной службы и привычка придавать им чрезмерное значение извратили ум великого князя Александра. У него выработалось пристрастие к мелочам, от которого он не мог избавиться и потом».

Некий двадцатичетырехлетний капитан, Алексей Аракчеев, становится доверенным лицом молодого князя. Что привлекает Александра в этом костлявом, жилистом человеке с обезьяньим лицом и хитрыми,

жестокими, глубоко посаженными глазами? На взгляд своего нового друга, Аракчеев, олицетворявший железную дисциплину, служебное рвение, душевную черствость, — выдающийся офицер. В его присутствии Александр словно бы сменяет нежную кожу на дубленую шкуру и становится неподвластным любому проявлению человечности, готовым к жестоким битвам, которые ждут его в жизни.

А как приятно после утомительных маневров вечером вновь вернуться в замок, в круг семьи! Принцесса Юлиана Саксен-Кобургская, на которой недавно женился Константин, и Елизавета встречают мужей, лица которых обветрены после проведенного на свежем воздухе дня. Елизавета, став женщиной, еще больше похорошела. «Цвет ее лица не был ослепительным, но его благородная матовость удивительно гармонировала с ангельски кротким выражением, — пишет французская художница Э. Виже-Лебрен.^[7] — Ее пепельные волосы вились вокруг лба и локонами рассыпались по плечам. На ней была белая туника, перехваченная поясом в талии, тонкой и гибкой, как у нимфы». Павел и Мария Федоровна возглавляют семейное собрание. В распахнутые настежь окна вливаются ароматы цветущего сада и проникает шум наступающих сумерек. Благоухает сирень; в прудах квакают лягушки; взрослые играют с детьми или мирно беседуют о боевых подвигах. Потом беседа переходит на чувства. Набожный и экзальтированный Павел отдает предпочтение религиозным вопросам. Ему близки франкмасоны и мартинисты. Александр, выросший в атмосфере философского скептицизма, во время этих отрывочных бесед приобщается к тайнам потустороннего. Он осуждает императрицу за то, что она распустила масонские ложи, заподозренные в революционных

происках, заключила в Шлиссельбург видного масона Новикова, сослала в Сибирь мужественного публициста Радищева, обличавшего злоупотребления режима в «Путешествии из Петербурга в Москву». Зачем та, которая всю жизнь открыто восхищалась людьми с талантом и умом, на склоне лет преследует лучших людей России? Неизбежно ли в старости угасание чаяний юных лет? Находясь подле отца, Александр не понимает бабушку, подле бабушки сомневается в разуме отца.

В Царском Селе, в нескольких верстах от Гатчины, Екатерина нередко слышит приглушенное эхо артиллерийской пальбы, так радующей ее внуков. Сближение Александра с отцом раздражает ее, но пока что не беспокоит. Александр, думает она, слишком утончен, и ему скоро наскучит эта нелепая военная мания. Впрочем, когда она видит его после набегов на Гатчину, то не замечает перемен: он все так же элегантен, предупредителен, послушен. На первый взгляд не похоже, чтобы солдат в нем одержал верх над придворным. Теперь, более чем когда-либо, одряхлевшая, пресыщенная Екатерина намерена обнародовать манифест, объявляющий Александра наследником престола. Она велит порыться в архивах и найти подтверждение закона Петра Великого о престолонаследии, чтобы, опираясь на этот закон, отстранить от трона прямого наследника и назначить преемника по своему выбору. Вместе с вице-канцлером Безбородко она составляет акт, согласно которому Павел лишается короны в пользу Александра. Документ, запертый в шкатулку, будет обнародован 24 ноября, в день Святой Екатерины. До этого императрица собирается урегулировать несколько других важных вопросов. Кампания, которую она неосмотрительно, послушавшись совета Зубова, развязала против Персии, провалилась, русские войска оказались запертыми в

Баку; зато она очень рассчитывает на благоприятные последствия брака между своей тринадцатилетней внучкой Александрой и восемнадцатилетним королем Швеции Густавом IV. Это правильный политический шаг, который положил бы конец войнам и разного рода трудностям в отношениях между двумя странами. Платону Зубову поручено убедить двор Стокгольма пойти на этот союз, не настаивая на перемене великой княжной вероисповедания. Зубов наталкивается на нерешительность своих шведских собеседников. Тем не менее 11 сентября 1796 года в Петербурге празднуют обручение. В тронном зале вокруг Екатерины собрались высшие сановники империи и представители иностранных государств. Ждут выхода жениха, а он в соседней комнате все еще спорит с Платоном Зубовым об условиях брачного контракта. Справа от императрицы стоит великий князь Павел, пока еще официальный наследник престола, слева — Александр, который станет наследником, как только будет опубликован манифест; у ног Екатерины на табурете сидит юная невеста, великая княжна Александра, с тревогой ждущая исхода дела. Наконец появляется бледный Платон Зубов, один, без короля, подходит к императрице и шепчет ей на ухо, что переговоры прерваны: Густав IV отказывается подписать контракт и возвращается в Швецию. Потрясенная таким неслыханным унижением, Екатерина чувствует, что ее старое сердце вот-вот остановится. Едва слышно она объявляет, что Его Величество Густав IV нездоров и обручение откладывается. Потом с трудом поднимается, медленно, опираясь на руку Александра, проходит между окаменевшими от изумления придворными и покидает зал. Инстинктивно она ищет поддержки у внука, а не у сына. Собравшиеся это замечают. Всем видится нечто символичное в этой паре — старуха и юноша: молодая Россия приходит на

выручку России уходящей, будущее воздаст почет
прошлому и охраняет его.

Александр сознает, что для бабушки он — залог
будущего России. А Екатерина считает дни, оставшиеся
до рокового 24 ноября, когда она объявит наконец свою
волю. Однако утром 4 ноября слуги находят ее в
гардеробной, лежащей на полу без сознания.
Апоплексический удар. Врачи не верят в благополучный
исход и предупреждают, что фатальный конец близок.
Посылают за Александром. Он, как обычно, на прогулке
вместе с Константином. Возвратившись во дворец,
Александр притворяется безутешным, не испытывая в
душе никакого сострадания к шестидесятилетней
старухе, познавшей все обольщения мирской славы, а
теперь тщетно борющейся, мечась в кровати, с
застилающей ее сознание пеленой. Наблюдавшей за
поведением молодого человека графине Головиной
даже показалось, что он афишировал «до неприличия
радость не повиноваться больше деспотичной старухе».
В действительности же Александр стоит перед трудно
разрешимой дилеммой. Давно зная, что императрица
прочит его в наследники, он может обнародовать
пресловутый манифест и взойти на трон вместо Павла.
Но если при жизни Екатерины он позволял считать себя
наследником, то ему претит претендовать на трон
после ее смерти. В первом случае он бы повиновался
чужой воле, во втором ему придется действовать
самостоятельно. В первом случае его защищал
авторитет бабушки, во втором на него обрушилась бы
ярость Павла.

У него не хватает мужества открыто пойти против
отца, давшего ему жизнь. Он предпочитает плыть по
течению. Дабы продемонстрировать покорность духу
Гатчины, он облачается в прусский мундир, в котором
при жизни Екатерины никто не дерзал появляться в
залах императорского дворца, и в нем встречает

великого князя Павла. Так же поступает и Константин. Прибыв к постели умирающей матери, Павел приятно поражен, увидев, что оба его сына одеты в гатчинские мундиры, напомажены и напудрены, как достойные солдаты Фридриха Великого. Павел понимает: Александр не намерен воспользоваться своим правом на корону. Екатерина в беспамятстве хрипит в своей постели, а Павел вместе с Безбородко устремляется в кабинет императрицы, роется в ее бумагах, находит манифест и бросает его в огонь. Место свободно. Ничто более не препятствует Павлу, тридцать четыре года ожидавшему этой минуты, стать императором всея Руси.

6 ноября 1796 года в середине дня врачи объявляют: Ее Величество умирает. Александр и Константин вместе с отцом стоят у изголовья кровати. Глядя на это искаженное страданием лицо, Александр вспоминает бабушку такой, какой она была в последние годы, — всемогущей и ласковой. У него чувствительное сердце, и, говорят, у постели умирающей ему стало плохо. Возле него кто-то громко рыдает. Он украдкой бросает туда взгляд и с отвращением узнает Платона Зубова, задыхающегося от горя и отчаяния. Молодой фаворит оплакивает не царственную любовницу, а свое положение при ней. Но ведь всегда рискованно делать ставку на особу преклонных лет. Смерть императрицы — конец его мечтам о власти и богатстве, впереди его ждет опала. Александр отводит взгляд от этого жалкого паяца и переводит его на бабушку. Ее дыхание затруднено, глаза закатились, на губах выступила кровавая пена. Из груди вырываются редкие хрипы. Наконец она испускает последний вздох. Все кончено. В полумраке комнаты все опускаются на колени. Потом Павел, перекрестившись, поднимается и с торжествующим видом поворачивается к собравшимся. Генеральный прокурор Самойлов объявляет

придворным, заполнившим переднюю, о кончине императрицы Екатерины и вступлении на престол ее сына Павла. Рыдания смешиваются с криками «Виват!». Со слезами все приветствуют нового императора — Россия продолжается.

В дворцовую церковь спешно принесен трон для принятия новым государем присяги на верность. Восседавая на троне под золоченым двуглавым орлом, Павел с искаженным бульдожьей гримасой лицом не скрывает ликования. Его глаза светятся торжеством. Все по очереди, преклонив колено, целуют его руку. Александр, склоняясь перед новым самодержцем, охвачен противоречивыми чувствами. Он понимает, как опасно отдавать Россию во власть душевно неуравновешенного человека, и утешается тем, что совесть его чиста. Теперь он стал наследным царевичем. Ему девятнадцать лет, а его сорокадвухлетний отец полон энергии и жизненных сил. У него достаточно времени, он подождет. И не завиднее ли положение великого князя, живущего вдали от политических забот, чем положение императора?

Великая княгиня Елизавета с неприязнью и грустью наблюдает за придворными, суетящимися вокруг нового государя, не достойного таких почестей. «Мне было неприятно видеть всех этих людей, клянущихся быть рабами человека, которого в тот момент я ненавидела, — напишет она позже матери. — Невыносимо видеть на месте доброй императрицы самодовольного монарха, упивающегося низостями, которые уже делаются ради него. Это было ужасно».

Сразу после церемонии принесения присяги Павел проводит смотр гвардейского полка. Стоя рядом с ним, Александр замечает, что у отца подергивается колено, что он притопывает ногой и надувает щеки, выражая таким образом неудовольствие небезупречным строем

проходящих мимо солдат. После смотра император вскакивает на своего любимого коня Помпона и скачет галопом навстречу верным гатчинским батальонам, вступающим в столицу под звуки труб. Александр радостно встречает гатчинских офицеров, своих «настоящих товарищей». С каждым часом атмосфера во дворце меняется — германский дух изгоняет французский. «Происходит, — замечает Штединг, — полная метаморфоза в одежде и в поведении. Пышные галстуки, длинные волосы и томные выражения на лицах исчезли. Вокруг гетры, трости, перчатки шведского образца».

Ежедневно находится какой-нибудь предлог для проведения вахт-парада. Развод караула, церемония которого тщательно разработана, становится делом государственной важности. О почившей царице если и вспоминают, то для того, чтобы проклинать ее или смеяться над ней. «О, как я была уязвлена недостатком скорби, которую выказывал император, — пишет великая княгиня Елизавета. — Можно подумать, что скончался его отец, а не мать, ибо он говорит только о нем, он украсил все комнаты его портретами, о матери упоминает, чтобы охаять ее и во всеуслышание осудить все, что было сделано за время ее царствования».

С первых дней восшествия на престол Павел старается исправлять все, сделанное Екатериной. Он освобождает из Шлиссельбурга франкмасона Новикова, возвращает из ссылки публициста Радищева, осыпает милостями Костюшко и разрешает ему уехать в Америку, возвращает свободу 12 тысячам польских заключенных и польским заложникам, расселенным по разным городам России, и с царскими почестями принимает в Петербурге бывшего короля Польши Станислава Понятовского.

Похороны императрицы для него — новый повод продемонстрировать ненависть к своей старой матери,

скончавшейся всего три недели назад, и уважение к памяти отца, со дня смерти которого прошло тридцать четыре года. Он требует, чтобы похоронный церемониал был совершен одновременно над останками Екатерины и убитого ею супруга. Гроб с телом Петра III извлекают из склепа Александроневской лавры и выставляют в тронном зале Зимнего дворца на окруженном колоннами возвышении, рядом с гробом его «преступной жены». Потом гробы с останками Петра III и Екатерины II торжественно переносят в собор Петропавловской крепости. По приказу Павла открывает шествие Алексей Орлов, главный виновник убийства. Шагая с непокрытой головой на восемнадцатиградусном морозе, он несет на золотой подушке корону задушенного им императора. Его бывшие сообщники, Пассек и Барятинский, держат кисти траурного покрывала. За ними пешком следуют император, императрица, великие князья, великие княжны, двор, дипломатический корпус, генералитет. Собор, в котором тоже очень холодно, полон народа; священники, облаченные в траурные ризы, отпевают одновременно обоих врагов. Александр стоит в нефе рядом с отцом. Зрелище двух катафалков, театрально выставленных напоказ, вокруг которых курится ладан и звучат слова молитв, приводит его в ужас. Никогда еще сама идея самодержавной власти так не подавляла его. Найдется ли в истории хоть одно не обгащенное кровью царствование? Неужели для того, чтобы управлять людьми, неизбежно надо утратить все человеческое? Не придуманы ли возвышенные принципы Лагарпа лишь для того, чтобы одушевлять светскую беседу? Погребальное пение церковного хора усугубляет меланхолию Александра. Став вторым по значимости лицом в государстве, он ясно сознает: не в его силах избежать уготованной ему судьбы, а бремя короны, которую предстоит носить, ему не по силам.

Глава III

Царствование Павла

Наблюдая за деятельностью отца, Александр вскоре выделяет две линии в политике нового императора: искоренить то, что создано матерью, сама память о которой ему ненавистна, и переделать Россию по образцу Гатчины. Жесткий порядок, введенный в его личной резиденции вблизи Петербурга, Павел хочет насадить во всей Российской империи. Александр, хоть и либерал, не против некоторой дисциплины: нация только выиграет, если все его соотечественники станут носить мундир. С энтузиазмом он сопровождает отца в Москву на коронацию, назначенную на 5 апреля 1797 года. Во время этого путешествия Александр открывает настоящую Россию: когда они проезжают через города и деревни, их встречают мужики, а не придворные.

В Москве улицы еще покрыты снегом. Пронизывающий ветер обрушивается на кортеж, медленно вступающий в город. Высшие чины и сановники проклинаят тяготы службы. Несмотря на мороз, народ высыпал на улицы и приветствует нового государя. Впереди процессии с криками скачут верховые, приказывая обнажить головы и снять перчатки и рукавицы. При приближении императора все падают ниц. Павел отвечает на приветствия, держа шляпу в руке. При появлении Александра из толпы слышится благоговейный шепот. Александр едет верхом, оглядывает народ и жадно вслушивается в музыку похвал. Он знает, что красив, понимает, что возбуждает общее восхищение и любовь. Ему льстит популярность. Ведь симпатии масс из того сорта вин,

которые легко ударяют в голову. Однажды отведав подобного напитка, как без него обойтись?

В дни коронационных торжеств Павел оглашает новый закон о престолонаследии, устанавливающий наследование по мужской линии по праву первородства. Этот акт укрепляет положение великого князя-наследника. Точно для того, чтобы разжечь в нем жажду власти, царь осыпает его почестями. Он назначает его командиром знаменитого Семеновского полка, инспектором кавалерии, военным губернатором Петербурга, председателем военного департамента. Вскоре Александр будет заседать и в Сенате. Молодой человек, довольный получаемыми отличиями, мало-помалу забывает о своей мечте удалиться от мира и вместе с женой поселиться в каком-нибудь уединенном уголке Швейцарии или Германии. Некоторые нововведения императора вызывают его одобрение. Ему кажется, что взошла заря справедливости: отец реорганизует Сенат, создает запасы провианта на случай неурожайных лет, предоставляет субсидии предпринимателям, запрещает ввоз предметов роскоши, основывает Высшую медицинскую школу, издает указ, согласно которому крестьяне являются не собственностью помещиков, а «прикрепленными к земле крепостными», что, впрочем, несколько не колеблет самый принцип крепостной зависимости, ограничивает барщину тремя днями в неделю, запрещает помещикам принуждать крестьян работать по воскресным дням, снижает цену на соль и, наконец, приказывает прибить к двери дворца почтовый ящик, куда каждый подданный может опустить прошение или жалобу. Ключ от ящика царь хранит у себя. Он рассчитывает почерпнуть немало сведений о том, что творится в стране, из этой интимной переписки со своей империей. Но не проходит и года, как его постигает разочарование, и он велит снять ящик: слишком много

оскорбительных пасквилей, сатирических памфлетов и карикатур бросали туда ежедневно. Позвольте России разомкнуть уста, и, вместо того чтобы вас благодарить, она вас облюет. С этой нацией нельзя советоваться — ей надо диктовать свою волю.

Медовый месяц с империей несколько затянулся, и в Павле накапливается раздражение от невозможности всем угодить, удовлетворить и дворян, и крестьян. Его расстроенный рассудок мутится. Подданные представляются ему марионетками, которыми он может управлять как ему заблагорассудится. Чрезмерно подозрительный, он чует предательский дух даже в модной одежде и указом от 13 января 1797 года запрещает носить круглые шляпы, длинные панталоны, туфли с бантами и сапоги с отворотами. Двести драгун, разбитые на пикеты, носятся по улицам Петербурга, налетают на прохожих, чей костюм не соответствует приказу императора, срывают шляпы, разрезают жилеты, а обувь конфискуют. Нарушители, а почти все они принадлежат к высшему обществу, в разодранной в клочья одежде возвращаются домой, переодеваются и прогуливаются по городу преобразенными: в кафтанах с жестким воротником, коротких панталонах, башмаках с пряжками и в треуголках на напудренных волосах. Чиновникам предписано везде появляться только в мундире.

Установив надзор за покроем платья своих подданных, Павел, естественно, хочет контролировать и их чтение. Указом от 16 февраля 1797 года он вводит светскую и церковную цензуру в Петербурге и в Москве и приказывает опечатать частные типографии. Изгоняет вальс как французский и, значит, якобинский танец. Вычеркивает из словарей слова «гражданин», «клуб», «общество». В девять часов вечера после вечерней зори закрывает главные улицы столицы для

пешеходов и разрешает открывать заставы только для врачей и повитух.

Призрак революции неотступно преследует Павла, повсюду ему мерещатся франкмасоны и мартинисты, хотя, будучи великим князем, он сам одобрительно отзывался об их гуманных целях. Некоторые вельможи и высокопоставленные придворные, к которым он относился по-дружески, неожиданно впадают в немилость. Впрочем, любая самостоятельная мысль, возникшая у кого-либо из его приближенных, раздражает Павла, словно является посягательством на его гений.

Обуреваемый жаждой деятельности, желая во все вникать и все делать сам, он принимается за работу в шесть часов утра и принуждает всех правительственных чиновников соблюдать этот распорядок. Еще затемно в предрассветном петербургском тумане чиновники всех рангов, зажав под мышкой портфели, спешат в свои кабинеты и коллегии, где уже зажжены люстры и кенкеты.^[8] На исходе утра Павел, облаченный в темно-зеленый мундир и ботфорты, отправляется в сопровождении сыновей и адъютантов на плац-парад. Поверх мундира наброшен расшитый жемчугом бархатный далматик гранатового цвета, дабы Его Величество не затерялся в толпе генералов. Его лысеющая голова непокрыта, брови нахмурены; одну руку он держит за спиной, другой поднимает и опускает трость, отбивая такт. На самом жестоком морозе он не надевает меховой шапки — это для него дело чести. «Вскоре, — рассказывает Массон, — ни один военный не осмеливался появляться в шубе, и старые генералы, мучимые кашлем, подагрой и ревматизмом, в присутствии своего властелина были одеты так же, как и он». Павел, как главнокомандующий армией, по своему произволу

производит повышения и назначения, сам увольняет в отпуск офицеров и сам дает им разрешения на вступление в брак. Он прогоняет заслуженных, но не угодных ему генералов, и заменяет их безвестными и необразованными, зато готовыми исполнить самую нелепую прихоть людьми. Разжалование производится публично, перед строем. Как-то, разгневавшись на полк, не сумевший четко выполнить его команду, Павел приказывает ему прямо с парада идти маршем в Сибирь. Наказанный полк вместе с офицерами шагает в ссылку, а приближенные царя умоляют его смилостивиться. Наконец он неохотно уступает уговорам и посылает вдогонку приказ о возвращении. Солдаты, уже далеко отошедшие от столицы, с тупой покорностью подчиняются приказу, поворачивают и шагают назад в Петербург.

Одна из первых мер Павла — переобмундирование всей армии в прусскую военную форму, введенную в Гатчине. Перед каждым учением парикмахеры усердно трудятся над прическами офицеров и солдат, смазывая волосы смесью муки и сала, чтобы легче было заплетать косу. Все знают: за малейшее упущение по службе грозит заключение в крепость или ссылка. Судьба людей в буквальном смысле слова висит на волоске или пряжке ремня, и офицеры, отправляясь на смотр, прощаются с близкими и запасаются деньгами.

В сердцах молодых гвардейцев из знатных семей клокочет ненависть к гатчинским «негодьям», людям безродным и жестоким, с которых, по воле Павла, им надлежит брать пример. Они с сожалением вспоминают о красивых мундирах с пышными эполетами, которые носили при Екатерине, о нарядных шарфах и перевязях со шпагой и стыдятся походить на «пруссских обезьян». Новым циркуляром от 29 ноября 1796 года в главные принципы военного дела возведены точность построения, выверенность интервалов и гусиный шаг.

Из уст в уста, из салонов в казармы передаются наводящие страх реплики императора. Он любит повторять: «Дворянин в России лишь тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю». Князю Репнину, решившемуся дать ему какой-то совет, он кричит: «Господин фельдмаршал, видите эту кордегардию? Здесь четыреста человек. Одно мое слово, и все они станут маршалами». А своих сыновей, Александра и Константина, он поучает: «Разве вы не убедились, дети мои, что с людьми надо обращаться, как с собаками». По сути, Павел беспричинно карает и беспричинно милует из одного лишь удовольствия снова и снова убеждаться в своем всемогуществе.

На Александре, как и на других, отражаются внезапные перемены настроения императора. Несмотря на все свои почетные титулы, он под башмаком у отца. Вопреки видимости, он не обладает никакой властью и не может принять ни одного самостоятельного решения. От него ничего не зависит, все его время строго регламентировано. По любому поводу отец вызывает его в кабинет, Александр подробно докладывает о смене караула и в одном случае из двух подвергается разному за неисправность. Он, двадцатилетний наследник трона, дрожит от страха перед грозным владыкой, точно слабоумный ребенок, который постоянно чувствует себя виноватым, не понимая, как поступить, чтобы угодить своему учителю. Однажды, вызвав раздражение отца каким-то мелким упущением, он просит мать, Марию Федоровну, набросать по-французски письмо с извинениями, которое потом переписет: «Упрек, который вы мне сделали, дорогой отец, поразил меня в самое сердце. При моем воспитании мне привили глубокое чувство... почтительности, нежности и покорности тому, кто дал мне жизнь. Пока я жив, я сохраню в моем сердце этот символ веры, который я готов подписать своей кровью».

Марии Федоровне редко удается защитить сыновей от гнева мужа. Вполне естественно, что Александр ищет более могущественного союзника и выбирает Аракчеева, «гатчинского капрала». Этот громоотвод, рассчитывает Александр, отведет от него молнии императорского гнева. Действительно, Павел очень ценит Аракчеева. Произведенный сначала в полковники, затем в генерал-майоры Преображенского полка, Аракчеев получает титул барона, ленту ордена Святого Александра Невского, имение Грузино с двумя тысячами крестьян в подарок и закончит карьеру командором Мальтийского ордена и графом. Александр, чтобы заранее оградить себя от придирок отца, заставляет этого образцового служаку, пользующегося неограниченным доверием царя, скреплять подписью все свои распоряжения. Жестокость Аракчеева по отношению к нижестоящим не тревожит совесть наследника престола, всецело поглощенного тем, как уберечь свой покой. Он знает, что Аракчеев бьет солдат, выкручивает им носы, вырывает усы, что он бьет по лицу офицеров, что он довел до самоубийства сподвижника Суворова. Несмотря на все это, Александр открывает ему свое сердце, испрашивает у него советов и чувствует себя потерянным, когда этого зверя нет рядом с ним. В разлуке с Аракчеевым он пишет ему короткие записки, полные смирения и любви: «Я получил бездну дел, из которых те, на которые я не знаю какие делать решения, к тебе посылаю, почитая лучше спросить хорошего совета, нежели наделать вздору»... «Прости мне, друг мой, что я тебя беспокою, но я молод, и мне нужны весьма еще советы, и так я надеюсь, что ты меня ими не оставишь»... «Побереги себя, если не для себя, то по крайней мере для меня. Мне отменно приятно видеть твои расположения ко мне. Я думаю, что ты не сомневаешься в моем и знаешь, сколько я люблю тебя чистосердечно».

Так что кроткий ученик Лагарпа без особых усилий подстраивается к этому извергу в мундире ради пользы, которую извлекает из дружбы с ним. Правда, он вознаграждает себя общением с друзьями иного рода, молодыми интеллектуалами, воодушевленными идеями прогресса. В центре этого сообщества князь Адам Чарторыйский. Весь двор восхищается красотой, элегантностью, европейской образованностью двадцатисемилетнего польского магната, выходца из областей, присоединенных к России после раздела Польши. Чарторыйского волнует судьба униженной родины, и он имеет мужество не скрывать своих свободололюбивых убеждений. Александр возобновляет доверительную дружбу с вернувшимся в Петербург Виктором Кочубеем, с которым в бытность его послом в Константинополе обменивался письмами. Кочубей горит желанием навести порядок в делах и дать обществу справедливые законы. Николай Новосильцев в этой группе «почти ученый». Он приобрел основательные познания в области законоведения, политической экономии и всеобщей истории и часто одерживает верх в дискуссиях. Четвертый член дружеского кружка — Павел Строганов. Его отец, богатейший русский франкмасон, не помнит в точности, сколько у него земель и крепостных; владеет крупнейшим в России собранием картин; исколесив всю Европу, завязывает дружбу с самыми блестящими умами своего времени; повинувшись собственной прихоти, поручает воспитание сына французскому учителю Жильберу Ромму, будущему члену Конвента, и разрешает ему увести юношу во Францию. Учитель и ученик прибывают в Париж в разгар французской революции. Павел, или Попо, как называют его друзья, заразившись революционными идеями, отказывается от своего титула, принимает имя «гражданин Поль Очер»,^[9]

посещает Якобинский клуб, вступает в общество «Друзья закона», основанное Жильбером Роммом, щедро снабжает французских друзей русским золотом, становится любовником «бесстыжей Юдифи» — Теруань де Мерикур — и разгуливает по парижским улицам в красном фригийском колпаке. Симолин, посол России в Париже, потеряв голову от выходок Попо, уведомляет Екатерину. Она повелевает немедленно послать во Францию Николая Новосильцева с приказом любыми средствами вернуть «Попо» в лоно семьи и в наказание ссылает этого блестящего русского санкюлота в его подмосковное имение. Он проводит там несколько лет и, образумившись, снова входит в милость, блистает в петербургских гостиных и женится на княжне Софье Голицыной. Тем временем его воспитатель Жильбер Ромм голосует за казнь короля, представляет в Конвент проект оптического телеграфа, изобретает революционный календарь, требует перенести в Пантеон прах Жан-Поля Марата, борется с термидорианской реакцией и после падения якобинцев кончает свои дни, заколовшись кинжалом. Павел Строганов, благополучно выплывший из водоворота этих трагических событий, пишет: «Я видел народ, поднявший знамя свободы и сбросивший оковы рабства; нет, никогда не забыть мне тех мгновений. Да, я не закрываю глаза на то, что деспотизм существует в моей стране, и я с ужасом всматриваюсь в его уродливое лицо... Вся моя кровь и все мое состояние принадлежат моим согражданам». Эти великодушные слова Павел Строганов не устает повторять своим русским друзьям. Но вскоре утонченные развлечения столичной светской жизни захватывают его. Он женится на умнейшей и образованнейшей женщине Петербурга и ведет вместе с ней жизнь просвещенного и праздного вельможи. Он совершенно не знает России, с трудом говорит по-русски и былой революционный пыл обретает вновь

лишь в обществе Александра. Александр хочет знать точку зрения своих либерально настроенных друзей на возможность перемен в России. Тайком они составляют записки, где излагают свои проекты в самом общем виде: введение гражданских свобод, равенство граждан перед законом, общество, основанное на принципах справедливости и братства, — и передают их наследнику престола. Горячо одобряя благородные взгляды своих единомышленников, Александр прячет их записки в ящик и больше никогда о них не вспоминает. Его царство — мечта, а не реальность. Чарторыйский, обиженный пренебрежением, с которым отнеслись к проекту, стоившему ему такого труда, пишет: «Я не знаю дальнейшей судьбы этой бумаги. Думаю, Александр никому ее не показывал, со мной же он больше никогда о ней не заговаривал. Наверное, он ее сжег».

Тайные собрания, где Александр совещается со своими слишком умными друзьями, вызывают недовольство царя. Он чувствует будто бы исходящий от них запах демократического заговора. Все революции начинаются с ребяческих игр. Нужно разлучить этих болтунов, пока они не вздумали от слов перейти к делу. Однако император не спешит действовать, предпочитая дать нарыву созреть. Отец и сын живут в атмосфере взаимного недоверия и скрытой ненависти. Обеспокоенный Александр 27 сентября 1797 года пишет Лагарпу длинное послание — настоящую исповедь — и поручает уезжающему за границу Новосильцеву передать письмо любимому воспитателю: «Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще

более. Военные почти все свое время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается, разве уж тогда, когда все зло свершилось. Наконец, чтоб сказать одним словом — благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыорот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершались здесь... Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составляющим мое любимое времяпрепровождение: я сделался теперь самым несчастным человеком».

Описав хаос, до которого довело страну экстравагантное правление Павла, Александр подходит к самой деликатной части письма. Впервые он, всегда тяготившийся мыслью о власти, допускает, что, возможно, наступит день, когда править Россией придется ему. Его юношескую мечту о неизвестном существовании «в хижине на берегу Рейна» заменяет новая — мечта о судьбе императора, посвятившего свою жизнь служению Отечеству, несущего своему народу добро и просвещение. Он сознает всю тяжесть ответственности, которую налагает подобная цель, и оценивает свои силы. Он не отвергает монархический принцип, но намерен ограничить его конституцией. Ему кажется, что в самом слове «конституция», завезенном

в Россию из Франции, заключена магическая сила, укрепляющая добродетели монарха. С абсолютной искренностью он продолжает: «Вам уже давно известны мои мысли, клонившиеся к тому, чтобы покинуть свою родину. В настоящее время я не предвижу ни малейшей возможности к приведению их в исполнение, а затем и несчастное положение моего отечества заставляет меня придать своим мыслям иное направление. Мне думалось, что если когда-нибудь придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена и нация избрала бы своих представителей. Вот в чем заключается моя мысль. Я поделился ею с людьми просвещенными, со своей стороны много думавшими об этом. Всего-навсего нас только четверо, а именно: Новосильцев, граф Строганов, молодой князь Чарторыйский — мой адъютант, выдающийся молодой человек, и я!^[10]

Когда же придет и мой черед, тогда нужно будет стараться, само собой разумеется, постепенно образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им. Вот каковы мои мысли, мой дорогой друг. Как бы я был счастлив, если бы явилась возможность иметь вас тогда

подле себя!.. Дай только Бог, чтобы мы могли когда-либо достигнуть нашей цели — даровать России свободу и предохранить ее от поползновений деспотизма и тирании».

Пока не возшла эта новая политическая заря, Александр, подавляя отвращение, выполняет множество мелких дел, которые поручает ему отец. Весь день он проводит вне дома, занятый службой, возвращается измученный, осунувшийся и не выказывает жене ни нежности, ни внимания, которых она так ждет. Она страдает от безразличия супруга и постепенно сама охладевает к нему. Редкие встречи наедине оставляют в их душах лишь горечь и разочарование. Они видятся урывками по вечерам, когда, облачившись в придворные туалеты, присутствуют на официальных приемах, обедах, балах, спектаклях, концертах. Эти налагаемые этикетом обязанности тем более тяготят Елизавету, что ей приходится на людях переносить унижительное для ее достоинства обращение свекра. Поначалу он относился к ней учтиво, теперь же оскорбляет резкими словами, грубыми выходками. «День проходит удачно, если имеешь честь не видеть императора, — пишет она матери. — Признаюсь, мама, этот человек мне widerwärtig.^[11] Мне неприятен самый звук его голоса и еще неприятнее его присутствие в обществе, когда любой, кто бы он ни был и что бы он ни сказал, может не угодить Его Величеству и нарваться на грубый окрик. Уверяю вас, все, за исключением нескольких его сторонников, ненавидят его: говорят, что и крестьяне начинают роптать. Злоупотреблений стало в два раза больше, чем год назад, и жестокие расправы совершаются прямо на глазах у императора. Представьте, мама, однажды он приказал избить офицера, ведающего императорской кухней, потому что

ему не понравилось поданное к обеду мясо; он приказал выбрать самую крепкую трость и тут же, при нем, избить его. Он посадил под арест невинного человека, а когда мой муж сказал, что виновен другой, ответил: „Не имеет значения, они заодно“. О, мама, как тяжело смотреть на творящиеся вокруг несправедливости и насилия, видеть стольких несчастных (сколько их уже на его совести?) и притворяться, что уважаешь и почитаешь подобного человека. Если я и держусь, как самая почтительная невестка, то в душе таю иные чувства. Впрочем, ему безразлично, любят ли его, лишь бы боялись, он сам так сказал. И эта его воля полностью исполнена: его боятся и ненавидят».

Елизавету возмущают унижения, которым, по приказу императора, подвергаются лучшие офицеры, храбрейшие солдаты, и втайне она надеется, что в один прекрасный день они взбунтуются. «Никогда еще не представлялось более подходящего случая, — пишет она, — но здесь слишком привыкли к ярму и не попытаются сбросить его. При первом же твердо отданном приказе они делаются тише воды, ниже травы. О, если бы нашелся кто-нибудь, кто бы встал во главе их!»

Набрасывая эти строки, не мужа ли она имеет в виду? Да, без сомнения, хотя ее привязывает к нему лишь супружеская привычка. Чувства Елизаветы ищут выхода, и поначалу она кидается в по-детски страстную дружбу с прекрасной графиней Головиной, которой шлет написанные по-французски нежные записочки: «Вдали от вас мне грустно... Я беспрестанно думаю о вас, мои мысли разбегаются, и я ничем не могу заняться...» «Я вас люблю... Ах, если так будет продолжаться, я сойду с ума. Мысли о вас заполняют весь мой день до той минуты, пока я не засну. Если я просыпаюсь ночью, мои мысли снова обращаются к вам...» «Боже мой, воспоминание о тех двух мгновениях

приводит в волнение все мои чувства!.. Ах, надеюсь, вы понимаете, как дорог мне тот день, когда я вся отдалась вам». Александр знает об этой двусмысленной близости жены и графини Головиной и поощряет ее. Елизавета признается в этом молодой женщине в письме от 12 декабря 1794 года: «Я буду любить вас, что бы ни случилось. Никто не может запретить мне любить вас, и тот, кто имеет на это право, приказал мне любить вас. Вы понимаете меня, я надеюсь». Эта полулюбовь-полудружба с двадцатипятилетней женщиной не может заполнить чувства Елизаветы. По собственному признанию, она не обладает пылким темпераментом, но чересчур нервна. Когда расчесывают ее волосы, из них сыпятся искры: «До моей прически лучше не дотрагиваться, — говорит она, — так она наэлектризована». В темноте, когда люстры погашены, кажется, что ее голову окружает светящийся нимб. Елизавета тоскует по мужской любви, захватывающей, всепоглощающей, о которой мечтала в первые дни замужества. Долго ждать не пришлось — утешитель покинутой супруги отыскался рядом. Это лучший друг Александра, обольстительный князь Адам Чарторыйский с острым, как удар шпаги, умом и бархатным взором. Она поддается чарам польского вельможи. Александра забавляет эта любовная интрига, и он помогает ее героям сблизиться. Со времени ухаживаний Платона Зубова он убедился, что не ревнует жену: тогда она осталась ему верна, но на этот раз, опьянев от счастья и благодарности, не устоит. Пусть так, Александр на все закрывает глаза. Действительно ли ему безразлична неверность жены, или же он испытывает извращенное наслаждение, деля Елизавету со своим любимцем? Он внимательно следит за развитием их связи, о которой судачит весь двор. Измена жены освобождает его от всякого долга по отношению к ней, и, пока не пользуясь своей свободой,

он просто радуется ей. В течение трех лет он со снисходительностью постороннего зрителя наблюдает за перипетиями этой любовной истории. Впрочем, придворная распущенность оправдывала легкость нравов. Сам Павел подает пример. После долгих лет супружеской верности этот преданный супруг разом освобождается и от жены Марии Федоровны, и от фаворитки Екатерины Нелидовой. После рождения десятого ребенка (великого князя Михаила) врачи запретили императрице исполнение супружеских обязанностей, и тотчас Кутайсов,^[12] прежде брадобрей и камердинер, а ныне сводник и главный конюший Его Величества, представляет сорокачетырехлетнему государю шестнадцатилетнюю девушку Анну Лопухину, свежесть которой очаровывает взоры монарха. Екатерина Нелидова без церемоний отставлена, а новенькая, «не красивая и не любезная», но простодушная, как дитя, завладевает сердцем Павла. Он осыпает ее подарками, возвышает людей, за которых она хлопочет, подвергает опале ей неугодных, и, ограждая ее от придворных сплетен, выдает замуж за князя Гагарина, которому уготована роль ширмы. По окончании строительства Михайловского замка он устраивает фаворитку в апартаментах, расположенных под его собственными покоем, и по вечерам по потайной лестнице спускается к ней, никем не замеченный. Но напрасно он окружает покровом тайны свои визиты к красавице: всему двору известно, куда исчезает император. Кто дерзнет осудить его? Во всяком случае, не Елизавета, о романе которой с Адамом Чарторыйским злословит весь двор.

18 мая 1799 года она рождает черноволосую и черноокою девочку, маленькую Марию. Это — повод для откровенного злорадства придворных. Во время крестин император, обращаясь к графине Ливен,

показавшей ему новорожденную, замечает сухо: «Мадам, верите ли вы, что у блондинки жены и блондина мужа может родиться ребенок брюнет?» На миг смешавшись, графиня Ливен отвечает: «Государь, Бог всемогущ».

На этот раз Адам Чарторыйский окончательно скомпрометирован, его карьера в России прервана. Павел возлагает на него дипломатическую миссию при дворе короля Сардинии. «Отправить немедленно», — приказывает он Ростопчину, который заносит его слова в Дневник словесных повелений императора Павла. Прощание Адама Чарторыйского и Александра было душераздирающим.

Немного спустя после отъезда возлюбленного Елизавету постигает новый удар: она теряет ребенка. «Сегодня утром я потеряла мое дитя, она умерла, — пишет она матери 27 июля 1800 года. — Не могу выразить, как ужасно потерять ребенка, я не в силах сегодня написать вам об этом несчастье». И немного позже: «Давно уже я не писала вам о Mauschen,^[13] каждый час я думаю о ней, каждый день ее оплакиваю. Иначе и быть не может, пока я жива, даже если у меня будет две дюжины других детей».

Александр тоже чувствует себя потерянным, но больше из-за разлуки с незаменимым Адамом Чарторыйским, чем из-за смерти ребенка. Между тем группа его друзей разогнана: Кочубей, заподозренный в либерализме, впал в немилость; Новосильцев, бывший на дурном счету у императора, сам покинул Россию и уехал в Англию; Строганов удален от двора. Оставшись в одиночестве, Александр сближается с женой. Елизавета, мишень для насмешек придворных зубоскалов, пишет матери: «Я не люблю быть чем-нибудь обязанной императору... Или быть орудием мщения некоторых людей великому князю и его

друзьям. Эти люди делают все, чтобы погубить мою репутацию; я не знаю, чего они добиваются, и мне это безразлично, как и должно быть, когда не в чем себя упрекнуть. Если хотят поссорить меня с великим князем, то зря стараются: ему известны мои мысли, и никакой мой поступок никогда нас не поссорит».

Александр и Елизавета давно не испытывают влечения друг к другу. «Да, мама, он мне нравится, — доверительно пишет она матери. — Когда-то он нравился мне до безумия, но теперь, по мере того как я лучше узнаю его, я замечаю мелкие черты, в самом деле мелкие... И кое-какие из этих мелких черт мне не по вкусу... они охладили мою чрезмерную любовь к нему. Я все еще сильно люблю его, но по-другому». Молодых людей связывает не любовь, а дружба, общие интересы, взаимное доверие. Оставшись одни за закрытыми дверями, вдали от любопытных глаз и ушей, они вполголоса обсуждают, какие неожиданности и испытания готовит им будущее.

Внешняя политика Павла еще более непоследовательна, чем внутренняя. Он прекратил начатую Екатериной войну с Персией, но, разгневавшись на Бонапарта, внезапно захватившего остров Мальту, провозгласил себя Великим магистром ордена мальтийских рыцарей, объявил войну Франции и послал против нее три армии: одну в Италию, другую в Голландию, третью в Швейцарию. Несмотря на блестящие победы Суворова в Италии, экспедиция провалилась. Вне себя от ярости Павел поссорился со своими австрийскими союзниками, не поддержавшими Суворова, и передумал искоренять в Европе наследие революции. Он круто меняет курс внешней политики, и ненавистный Бонапарт, подобно Фридриху II, становится для него примером для подражания и просвещенным другом. Разве не собирается Первый консул приструнить санкюлотов? Павел без колебаний

изгоняет Бурбонов из Митавы, где сам позволил им обосноваться, ищет пути сближения с Францией и разрывает дипломатические отношения с Англией, не пожелавшей, вопреки своему обещанию, уступить Мальту дорогим его сердцу мальтийским рыцарям. Британские корабли, стоявшие на якоре в русских водах, захвачены, экипаж взят под стражу. Но Павлу этого мало. Дабы сломить гордыню надменного Альбиона, император отдает войскам фантастический приказ — немедленно двинуться походным маршем к Оренбургу, оттуда в Хиву и Бухару и, пройдя тысячи верст по безлюдным степям, начать завоевание Индии. Полки, выступившие первыми, переданы под командование генерал-майора Платова, по этому случаю освобожденного из Петропавловской крепости, куда он был заключен за какую-то мелкую провинность.

Сумасбродная политика Его Величества вызывает в придворных кругах острое недовольство. Небольшая группа заговорщиков собирается в салоне красавицы Ольги Жеребцовой, сестры Платона Зубова, и обсуждает планы свержения с престола сумасшедшего государя и замены его Александром. Лорд Чарльз Уитворт, посол Англии в Петербурге и любовник Ольги Жеребцовой, охотно им пособляет: Сент-Джеймский кабинет крайне заинтересован в скорейшем низвержении монарха, срывающего британские проекты. Главные роли в заговоре исполняют вице-канцлер Никита Панин, блестящий вельможа и ловкий дипломат, братья Зубовы и неаполитанский авантюрист Иосиф Рибас, адмирал на русской службе. Несмотря на все старания, заговорщикам не хватает времени детально разработать свой план. После разрыва дипломатических отношений с Англией Уитворту приказано покинуть столицу вместе со всем составом английского посольства. Вскоре подвергается опале Никита Панин, братья Зубовы отправлены в ссылку,

Рибас умирает от тяжелой болезни, а Ольга Жеребцова благоразумно уходит в тень.

Казалось, под угрозой сама идея заговора, но тут выступает на сцену и берет дело в свои руки искушенный царедворец граф Петр Алексеевич Пален, холодный, энергичный, целеустремленный, к тому же наделенный располагающей внешностью. Вернувшись в столицу из армии, где выполнял поручения царя, он вновь занимает пост генерал-губернатора Петербурга и решает действовать без промедления. Павел, рассуждает он, вот-вот ввергнет страну в гибельную войну с Англией, британский флот, значительно превосходящий русский, появится в Кронштадте и принудит Россию к позорной капитуляции. Репрессивные меры Павла против Соединенного королевства ударили по русским помещикам, закрыв главный рынок сбыта хлеба и леса. За четыре года царствования Павла гнет над дрожащим от страха народом усилился; и самый забитый из крепостных, и высоко вознесенный вельможа равно страшатся непредсказуемых причуд этого коронованного деспота. Притеснения, придирки, унижения множатся с каждым днем. Сделавшись болезненно подозрительным, Павел усиливает почтовую цензуру и распространяет ее даже на переписку членов своей семьи. Он приближает к себе иезуита патера Грубера и к великому возмущению церковных и придворных кругов подумывает о воссоединении православной и католической церквей. Полицейские агенты проникают в частные дома, на приемы, музыкальные вечера, балы. Один из указов предписывает всем, не исключая дам, при встрече с императором в любую погоду выходить из экипажа и падать ниц, и люди разбегаются, едва завидев, что он приближается. Граф Ф. Головкин пишет: «Наша прекрасная столица, по которой мы расхаживали так свободно, как циркулирует по ней воздух, не имевшая

ни ворот, ни часовых, ни таможенной стражи, превратилась в огромную тюрьму, куда можно проникнуть только через калитки; во дворце поселился страх, и даже в отсутствие монарха нельзя пройти мимо, не обнаружив голову; красивые и широкие улицы опустели; старые сановники допускаются во дворец для несения службы, не иначе как предъявив в семи разных местах полицейские пропуска».

Графиня Ливен сокрушается: «Крепость переполнена; за последние шесть недель больше сотни гвардейских офицеров брошены в тюрьму». Принц Евгений Вюртембергский скажет несколько лет спустя: «Император не был душевнобольным в полном смысле слова, но он постоянно находился в напряженном и экзальтированном состоянии, которое опаснее настоящего безумия, ибо ежедневно он по своему произволу распоряжался благосостоянием и жизнью миллионов людей». Мемуарист Вигель замечает: «Вдруг мы переброшены в самую глубину Азии и должны трепетать перед восточным владыкой, одетым, однако же, в мундир прусского покроя, с претензиями на новейшую французскую любезность и рыцарский дух средних веков». Молодой Остен-Сакен утверждает, что «человеку разумному оставался только один выход — смерть». А по мнению Адама Чарторыйского, в заговоре, сама того не сознавая, состоит вся страна «от страха, по убеждению или с надеждой».

Пален, уверенный, что найдет широкую поддержку своим замыслам, пускает в ход все свое коварство, чтобы вкратиться в доверие жертвы. Он поддерживает любые действия императора и ревностно исполняет его самые абсурдные приказы. Когда его служивший в армии сын был посажен под арест, он не просит у Павла помиловать его, он говорит: «Государь, ваше справедливое решение пойдет на пользу молодому человеку». Подобной тактикой он скоро завоевывает

уважение своего повелителя. Переходя от маниакальной подозрительности к чрезмерной доверчивости, Павел посвящает своего нового советника в важнейшие государственные дела. 18 февраля 1801 года он делает его директором почтового департамента, а два дня спустя — президентом Коллегии иностранных дел. Почести не вскружили Палену голову и не заставили его отступить от цели, которую он себе поставил. Выждав благоприятный момент, он подает Павлу мысль поразить мир великодушием, объявив всеобщую амнистию и вернув в столицу на службу чиновников и офицеров, уволенных в отставку или сосланных за прошедшие четыре года. В восторге от того, что может предстать столь же милосердным, сколь и грозным, Павел принимает это предложение. Вскоре в столицу один за другим, кто в карете, кто в повозке, кто пешком, в зависимости от средств, возвращаются сотни разных лиц. Царь полагает, что может рассчитывать на их благодарность, но на самом деле, простив их, он лишь увеличивает число недовольных, лелеющих планы мести. Именно среди этих затаивших злобу людей Пален вербует своих главных сообщников. Его ближайший сподвижник — генерал Беннигсен, сухой, серьезный немец, известный своим хладнокровием и решительностью. Все три брата Зубовы, вернувшись из ссылки, присоединяются к ним. Будучи в прошлое царствование на вершине могущества, они озабочены только тем, как вернуть утраченное. Пален, искусный интриган, советует Платону Зубову посвататься к дочери Кутайсова, в прошлом брадобрея, а ныне любимца Павла. Польщенный в своем тщеславии выскочки, Кутайсов уже видит себя породнившимся с семьей знаменитого фаворита императрицы. Он обращается к Его Величеству в подходящую минуту и умоляет его милостиво обойтись с вернувшимися из ссылки

братьями Зубовыми. Его просьба услышана: князь Платон и граф Валериан назначаются шефами 1-го и 2-го кадетских корпусов, а граф Николай Зубов вновь получает должность главного конюшего и становится шефом Сумского гусарского полка. Первейшая задача Зубовых, получивших царское прощение, привлечь на свою сторону офицеров гвардии и настроить их против государя. Среди этих молодых людей немало горячих голов, они ничего не понимают в политике, смеются над конституцией, но с трудом переносят тяжесть военной службы с ее муштрой на прусский манер. Они поносят и передразнивают Павла, точно какого-нибудь злобного фельдфебеля. Один из самых яростных — грузинский князь Яшвиль, артиллерийский офицер, которого царь на вахт-параде ударил тростью. Со своей стороны Пален, проявляя величайшую осмотрительность, заручается поддержкой генералов, занимающих ключевые посты в столице; среди них командир Преображенского полка П. А. Талызин, командир Семеновского полка Л. И. Депрерадович, командир кавалергардского полка Ф. А. Уваров и полковой адъютант Михайловского замка А. В. Аргамаков и немало других. Скоро их уже более пятидесяти, изливающих свою злобу на тайных собраниях, где дым трубок смешивается с пламенем пунша.

Остается заручиться согласием наследника престола. Во время первого заговора, возглавленного Ольгой Жеребцовой, Панин, посвятив Александра в свой проект, натолкнулся на боязливый отказ. Укрывшись за своим сыновьим почтением, великий князь ничего не хотел знать о подозрительных интригах своих сторонников. Позже Панин напишет Александру: «Я сойду в могилу с глубоким убеждением, что служил родине, первым осмелившись раскрыть вам глаза на удручающую картину опасностей, которые грозили погубить империю».

Сумеет ли Пален, глава второго заговора, подготовленного гораздо тщательнее, чем предыдущий, преодолеть благородное сопротивление Александра? Развитие событий благоприятствует, казалось, осуществлению его планов. В начале 1801 года Павел приглашает из Германии юного принца Евгения Вюртембергского, племянника Марии Федоровны, приходит в восторг от этого шестнадцатилетнего мальчика и во всеуслышание заявляет: «Знаете, этот мальчишка покори́л меня». Другие его высказывания, менее безобидные, заставляют трепетать все окружение царя. Ему приписывают намерение выдать замуж за Евгения дочь Екатерину, усыновить его и объявить наследником престола вместо Александра. Он будто бы уже решил заточить в крепость всю свою семью. «В моем доме я хозяин!» — кричит он. Пален немедленно передает эти слова Александру, который хоть и изнемогает от страха, по-прежнему уходит от прямого ответа. Словно для того, чтобы подтвердить предостережения Палена, Павел однажды внезапно входит в комнату Александра и хватает лежащую на столе раскрытую книгу. Это трагедия Вольтера «Брут». Павел читает финальный стих:

Рим свободен.
Довольно. Возблагодарим Богов.

Гневная гримаса искажает его обезьянье лицо. Не говоря ни слова, он возвращается к себе, достает из книжного шкафа «Жизнь Петра Великого», открывает на странице, где описывается смерть под пытками царевича Алексея, выступившего против отца, и приказывает Кутайсову отнести книгу великому князю и заставить его прочесть этот отрывок.

На этот раз Александр так напуган, что заговорщики находят в нем более понятливого собеседника. С лукавой вкрадчивостью Пален внушает наследнику престола, что страна на грани гибели, народ доведен до крайности, Англия грозит войной и что, отстранив императора от власти, его сын всего лишь исполнит свой патриотический долг. Он уверяет, что жизни государя ничто не угрожает, от него просто потребуют отречься от престола в пользу великого князя — законного наследника. После отречения ему обеспечат благополучную жизнь в одном из его владений близ Петербурга, куда он сможет удалиться с супругой Марией Федоровной, или с любовницей княгиней Гагариной, или с обеими вместе. Эта идиллическая картина несколько успокаивает Александра: если обойдется без насилия, он будет виновен лишь наполовину. Впрочем, от него не требуют прямого участие в деле. Лишь бы он позволил действовать другим и никого не выдал. Когда престол освободится, он взойдет на трон и, продолжая чтить своего отца, сделает счастливым свой народ. Никто не сможет ни в чем его упрекнуть. Александр поддается уговорам, но не желает ничего знать о подготовке переворота. Он умывает руки заранее.

Между тем императорская семья переезжает в только что выстроенный, мрачный, как крепость, Михайловский замок. Штукатурка в залах еще не просохла. Несмотря на предостережения врачей, объяснявших вредность для здоровья сырых стен, покрытых негашеной известью, краской и лаком, Павел в восхищении от своей новой резиденции. Он приказывает разослать столичной знати три тысячи приглашений на празднество с ужином и балом-маскарадом в честь переселения. В замке зажжены тысячи восковых свечей, но сырость наполняет залы таким густым туманом, что их рыжеватое

колеблющееся пламя лишь тускло мерцает в полумраке. Танцующие медленно двигаются в этой зыбкой мгле, и запотевшие зеркала бесконечно повторяют силуэты церемонно кланяющихся фантомов. Александр, окруженный хороводом этих призрачных видений, терзается зловещими предчувствиями. Ему кажется, что этим вечером вся Россия вовлечена в пляску смерти и будет кружиться до тех пор, пока ее не сметет ураганом...

Через несколько дней император вызывает Палена в Михайловский замок. Войдя в кабинет, Пален замечает, что у государя угрюмый вид. Павел предупрежден о заговоре против его особы. Вперив инквизиторский взгляд в губернатора Петербурга, он напрямик спрашивает, знает ли тот о заговоре, в котором замешаны члены императорской семьи. Не утратив присутствия духа, Пален раздражается смехом и отвечает: «Да, Ваше Величество, знаю и держу все нити заговора в руках... Вам нечего бояться. Я за все отвечаю головой».

Наполовину успокоенный, Павел все же посылает фельдъегеря в Грузино с приказом недавно впавшему в немилость Аракчееву немедленно вернуться в Петербург. Он убежден, что Аракчеев предан ему до гробовой доски. До прибытия этого цербера он усиливает охрану замка. Удваивает число часовых. Отменяет все официальные приемы.

В огромных анфиладах замка гуляет ледяной ветер. Несмотря на огонь, постоянно поддерживаемый в печах и каминах, сырость разъедает стены. На бархатной обивке выступает плесень. Фрески покрываются трещинами. Воздух пропитан парами влаги, и, чтобы уберечься от вредных испарений, стены обшивают деревянными панелями, но сырость выступает сквозь щели.

Императорская семья живет замкнуто, в атмосфере печали и неуверенности. Императрица Мария Федоровна пишет своей confidentке: «Наше существование безрадостно, потому что не радостен наш дорогой повелитель. Душа его страдает, и это подтачивает его силы; у него пропал аппетит, и улыбка редко появляется на его лице».

Весь Петербург точно оцепенел в зыбком ожидании, непрерывно морозящий дождь наполняет сердца унынием. «...и погода какая-то темная, нудная, — пишет в частном письме современник. — По неделям солнца не видно; не хочется из дому выйти, да и небезопасно... Кажется, и Бог от нас отступился».

Пален чувствует, что настал момент перейти к решительным действиям. Заговорщики назначают время переворота. Ночь с 11 на 12 марта кажется подходящей, так как в ночные часы охрану Михайловского замка будет нести третий батальон Семеновского полка, шефом которого является Александр. Он сам сообщил об этом Палену: не будучи прямо замешанным в заговоре, он желает, чтобы заговор удался. Всего несколько дней ожидания... Александр сдается нетерпением и страхом. Он угадывает, что где-то за его спиной, в тени, происходят тайные собрания мятежных генералов, появляются и исчезают офицеры, разносящие последние инструкции в разные концы города, — угадывает всю эту подозрительную возню заговорщиков и наблюдает со смесью мстительной обиды и жалости за отцом, против которого копится втайне ненависть всей нации.

Воскресенье, 10 марта, заканчивается вечерним концертом. Царь слушает музыку рассеянно, несмотря на старания французской певицы мадам Шевалье, обладающей прекрасным голосом и приятной внешностью. Выйдя из концертного зала и направляясь в столовую, Павел останавливается перед женой и,

скрестив руки на груди и насмешливо улыбаясь, в упор смотрит на нее. Он громко дышит, ноздри его раздуваются, зрачки суживаются, как всегда бывает с ним в минуты гнева. Затем с той же угрожающей grimасой на лице сверлит взглядом Александра и Константина. Наконец резко поворачивается к Палену и со зловещим видом что-то шепчет ему на ухо.

Ужин проходит в гробовом молчании. Павел едва прикасается к еде, бросая на всех подозрительные взгляды. После ужина члены семьи хотят, по русскому обычаю, поблагодарить его, но он отталкивает их и, саркастически усмехаясь, удаляется, ни с кем не простившись. Императрица заливается слезами. Сыновья ее утешают.

На следующий день, 11 марта, как и было условлено, третий батальон Семеновского полка, преданный заговорщикам, несет внешнюю охрану замка. Внутри дежурят солдаты Преображенского полка, а также гвардейцы. Павел, как обычно, присутствует на плац-параде и при разводе караула и бранит выправку солдат. По его приказу Пален вызывает офицеров гвардии и объявляет, что Его Величество недоволен их службой и рассчитывает, что они наведут наконец порядок, иначе он их сошлет туда, «куда ворон костей не заносил».

Вечером настроение Павла снова меняется. За ужином, на котором присутствуют 19 персон, Павел необычно весел и любезен. Он восторгается новым столовым сервизом, на тарелках которого изображены разные виды Михайловского замка, но замечает, что все зеркала испорчены. «Посмотри-ка, — обращается он к генералу Кутузову, — у меня точно шея свернута». Внезапно он бросает на старшего сына пронизывающий взгляд. Тот опускает голову. Зная, что предстоит этой ночью, Александр не в состоянии скрыть свою нервозность. Отец спрашивает по-французски: «Что с

вами, сударь?» — «Ваше Величество, — едва слышно произносит Александр, — я не совсем хорошо себя чувствую». — «Надо полечиться, — ворчливо советует император, — нельзя запускать болезнь». И, когда Александр чихает в платок, добавляет: «За исполнение всех ваших желаний».

В половине десятого ужин заканчивается. Павел покидает столовую, ни с кем не простившись, и идет мимо стоящих на часах гвардейцев, замерших, точно статуи, у его личных покоев. Заметив полковника Н. А. Саблукова, командира эскадрона, несшего караул, он бросает ему по-французски: «Вы якобинец!» В замешательстве тот, не подумав, отвечает: «Да, Ваше Величество!» Павел раздраженно возражает: «Не вы, а ваш полк». Тогда Саблуков, овладев собой, поправляется: «Я — может быть, но полк — нет!» Император, облаченный в зеленый с красными отворотами мундир, стоит перед ним, выпятив грудь. Его плоское, как у калмыка, лицо под напудренными и заплетенными в косу волосами дышит недоверием. Он говорит уже по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караул!» Саблуков командует: «Направо кругом, марш!» Когда тридцать человек караула, стуча каблуками по паркету, удаляются, император объявляет собеседнику, что приказывает вывести полк из города и расквартировать по деревням, а эскадрону Саблукова в виде особой милости разрешается стоять в Царском Селе. Потом, увидев двух лакеев, одетых в гусарскую форму, приказывает им стать на часах у двери его кабинета и идет в спальню. Его любимая собачка, тьякая, путается у него под ногами.

Тем же вечером, около одиннадцати часов, заговорщики группами направляются к генералу Талызину, занимающему роскошные апартаменты в казармах Преображенского полка, смежных с Зимним дворцом. В передней лакеи забирают у пришедших

плащи и треуголки и приглашают подняться по парадной лестнице. Наверху, в гостиной, — настоящий смотр мундиров, перевязей, шпаг, орденовских знаков. Представлены все полки столичного гарнизона — гренадеры, артиллеристы, моряки, конно-гвардейцы, кавалергарды, всего человек пятьдесят. Лица пылают не то от алкоголя, не то от патриотического воодушевления. Пьют шампанское, пунш и, не стесняясь в выражениях, издеваются над царем. Платон Зубов задает тон. Оба его брата, Николай и Валериан, вторят ему. Александр, уверяют они, готов принять корону, стоит только устранить его отца. Нужно отправиться к императору и потребовать отречения. По последним сведениям Аракчеев, которого Павел вызвал из ссылки как надежного защитника, задержан, по приказу Палена, у городской заставы при въезде в столицу. Двустворчатая дверь распаивается, и появляется сам Пален в парадном мундире с голубой лентой ордена Святого Андрея Первозванного через плечо. За ним входит высокий сухощавый генерал Беннигсен. Их почтительно окружают. Они выглядят собранными и решительными. «Мы здесь среди своих, господа, — говорит Пален, — мы понимаем друг друга. Готовы ли вы? Мы идем выпить шампанского за здоровье нового государя. Царствование Павла I кончилось. Нас ведет не дух мщения, нет! Мы хотим покончить с неслыханными унижениями и позором нашего отечества. Мы — древние римляне. Нам известен смысл мартовских ид... Все предосторожности приняты. Нас поддерживают два гвардейских полка и полк великого князя Александра». В этот момент кто-то полупьяным голосом выкрикивает: «А если тиран окажет сопротивление?» Пален невозмутимо отвечает: «Вы все знаете, господа: не разбив яиц, омлет не приготовить».

После этой речи Пален делит присутствующих офицеров на два отряда, командование первым принимает сам, командование вторым передает Беннигсену и Платону Зубову... Глубокая ночь. Редкие снежинки, медленно кружась, опускаются на город. В ночной тишине по проспекту, ведущему от Преображенских казарм к Михайловскому замку, бесшумно двигаются два батальона. Туда же со стороны Невского проспекта направляется батальон Семеновского полка. Солдаты не знают, куда и зачем их ведут, но они приучены не рассуждать, а слепо повиноваться. Однако эта ночная тревога вызывает у них смутное беспокойство. Колонна Преображенского полка во главе с Платоном Зубовым и Беннигсеном первая прибывает на место. Пален и его люди задерживаются. Может, губернатор Петербурга не рвется лично вмешаться в переворот и нарочно тянет время, надеясь сохранить руки чистыми? Как бы то ни было, ждать его нельзя. Отряды окружают замок. Братья Зубовы и Беннигсен в сопровождении офицеров приближаются к боковому подъемному мосту и называют часовому пароль. Подъемный мост опускается. Заговорщики крадучись пробираются в замок через черный ход, молча поднимаются по узкой винтовой лестнице и проникают в караульное помещение, ведущее в апартаменты императора. Вместо караула гвардейцев, отосланных Павлом несколько часов назад, здесь только два дремлющих лакея. Один из них, разбуженный шумом, издает крик и, получив удар саблей по голове, падает, обливаясь кровью; другой, перепугавшись, спасается бегством. Путь свободен.

Но большинство офицеров, внезапно протрезвев при мысли о кощунстве, которое они вот-вот могут совершить, разбегаются. Всего человек десять врываются вслед за братьями Зубовыми и Беннигсеном

в царскую спальню. Свеча слабо освещает огромные картины в золоченых рамах, гобелены, подаренные Людовиком XVI, узкую походную кровать. Кровать пуста. Без сомнения, император, услышав возглас лакея, бежал через другую дверь. Взбешенный Платон Зубов выкрикивает: «Птичка улетела!» Беннигсен невозмутимо щупает простыни и заключает: «Гнездо теплое, птичка недалеко». Офицеры шарят по углам. Их длинные изломанные тени мечутся по стенам и потолку. Вдруг Беннигсен замечает голые ноги, торчащие из-под испанской ширмы, загораживающей камин. С обнаженной шпагой в руке он бросается туда, отталкивает тонкий экран и обнаруживает императора. Павел стоит перед ним в белой рубашке и ночном колпаке с перекошенным от ужаса лицом, с блуждающим взглядом. Теснимый увешанными орденами гвардейцами, он прерывающимся от страха голосом спрашивает: «Что вам надо? Что вы здесь делаете?» — «Государь, вы арестованы», — отвечает Беннигсен. Павел пытается дать отпор этой пьяной банде: «Арестован? Что значит — арестован?» — вопит он. Платон Зубов прерывает его: «Мы пришли от имени отечества просить Ваше Величество отречься. Безопасность Вашей особы и соответствующее вам содержание гарантируются вашим сыном и государством». Беннигсен добавляет: «Ваше Величество не может и далее управлять миллионами подданных. Вы делаете их несчастными. Вы должны отречься. На вашу жизнь никто посягнуть не осмелится: я буду охранять особу Вашего Величества. Подпишите немедленно акт отречения». Императора подталкивают к столу, один из офицеров разворачивает перед ним документ об отречении, другой протягивает перо. Павел артачится. Подавив страх, он визжит: «Нет, нет, не подпишу». Вне себя Платон Зубов и Беннигсен выходят из спальни, может быть, на поиски Палена,

который один только способен сломить упорство монарха. В их отсутствие из прихожей доносится нестройный шум. Кто пришел: новые заговорщики или сторонники императора? Нельзя терять ни минуты! Офицеры, оставшиеся в комнате, торопят Павла принять решение. Сгрудившись вокруг него, они жестикулируют, кричат, угрожают. И чем наглее их тон, тем упрямее становится Павел, жалкий и нелепый в ночном белье. Во время свалки ночник опрокидывается и гаснет. В полумраке трудно различить лица. Кто первым поднял руку на императора? Не гигант ли Николай Зубов? Брошенная сильной рукой массивная золотая табакерка ударяет Павла в висок. Он падает, и вся шайка заговорщиков, дрожащих от страха и ненависти, набрасывается на него. Он отбивается, громко крича. Тогда кто-то из офицеров хватается за шарф, накидывает на шею Павла и душит его. Полузадохнувшийся Павел замечает среди убийц юношу в красном гвардейском мундире. Он принимает его за своего сына Константина и умоляет в предсмертном хрипе: «Помилуйте, Ваше Высочество, помилуйте! Воздуху, воздуху!» Несколько мгновений спустя возвращается Беннигсен и видит у ног сбившихся в кучку офицеров обезображенный труп Павла в окровавленной белой рубашке. Вслед за ним прибывает Пален и убеждается: свершилось. Все произошло так, как он предвидел. Промедлив, он избежал прямого участия в убийстве.

Женщина с разметавшимися волосами бросается в комнату Павла. Это императрица Мария Федоровна. Она слышала шум борьбы. Она хочет все знать. Она громко зовет: «Паульхен, Паульхен!» Стража, спешно посланная Беннигсеном, скрестив штыки, преграждает ей дорогу. Она бросается на колени перед офицером и умоляет его позволить ей увидеть мужа. Он не пускает ее: там торопливо приводят в порядок тело, стараясь

скрыть, насколько возможно, следы насильственной смерти.

Тем временем Александр, укрывшись в своих апартаментах на первом этаже, ни жив ни мертв ждет развития событий. Он не смыкает глаз всю ночь и, готовый к любой неожиданности, не снимает мундира. Напряженно прислушиваясь, он слышит наверху, над собой, топот сапог, крики. Потом шум стихает. Что произошло? Подписал ли отец отречение? Уехал ли уже в Гатчину или в какую-нибудь другую свою загородную резиденцию?.. Жив ли он? Раздавленный угрызениями, он сидит рядом с женой, прижавшись к ней и пряча лицо, он ищет у нее утешения и не находит его. В этой позе застает его Пален, когда входит, чтобы сообщить страшную новость. После первых же его слов Александр, пораженный ужасом, разражается рыданиями. Он не хотел кровопролития. И тем не менее он виновен: другие лишь осуществили то, на что он втайне надеялся. Отныне и навечно на нем несмываемое клеймо. Безвинный преступник. Отцеубийца с чистыми руками. Худший из людей. Александр судорожно рыдает, а Пален невозмутимо наблюдает за ним и задается вопросом: не совершил ли он ошибку, все поставив на это ничтожество? Наконец со своего рода пренебрежительным состраданием губернатор Петербурга тоном строгого ментора произносит: «Перестаньте ребячиться. Ступайте царствовать. Покажитесь гвардии». Елизавета умоляет Александра взять себя в руки. По мнению всех очевидцев, в этот час тяжелых испытаний Елизавета выказывает столько же мужества, сколько Александр малодушия. «Все происходило как во сне, — напишет она позже матери. — Я просила советов, я заговаривала с людьми, с которыми никогда не говорила раньше и с которыми, может быть, никогда больше не буду разговаривать, я заклинала императрицу успокоиться, я

делала тысячу вещей сразу, принимала тысячу разных решений. Никогда не забыть мне эту ночь».

С трудом поднявшись, Александр следует за Паленом во внутренний двор Михайловского замка, где выстроены отряды, охранявшие ночью императорское жилище. Мертвенно-бледный, едва передвигая ноги, он старается держаться прямо перед построенными в шеренгу солдатами, выкрикивающими приветствия. Пален, Беннигсен, Зубовы окружают его. Его сообщники. И он еще должен быть им благодарным! Преодолевая отвращение, горе, изнеможение, он восклицает дрожащим от слез голосом: «Батюшка скоропостижно скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке, императрице Екатерине». Ему отвечает громкое «Ура!». «Может быть, все к лучшему», — успокаивает себя Александр, в то время как офицеры, умертвившие его отца, поздравляют его. Позже он принимает поздравления Константина, грубый и необузданный, тот рад воцарению старшего брата. Одна только императрица Мария Федоровна искренне оплакивает кончину всем ненавистного монарха.

Глава IV

Негласный комитет

Плакаты, развешанные на улицах, извещают жителей Петербурга о кончине Павла I «от апоплексического удара» и смене царствования. Подобная причина смерти так часто фигурировала в мартирологе дома Романовых (в недавнем прошлом она скрыла убийство Петра III), что Талейран, узнав новость, замечает: «Русским пора выдумать какую-нибудь другую болезнь для объяснения смерти своих императоров». Вся Россия вздыхает с облегчением, и, несмотря на официальный траур, народ бурно выражает кощунственную радость. В салонах, хижинах, на улицах обнимаются и поздравляют друг друга, благословляя имя нового царя. Когда он на следующий день после убийства, как обычно, направляется на вахт-парад, толпы людей восторженно приветствуют его. Как он красив, молод и как печален! В его лице Россия наконец-то обретет просвещенного и доброго монарха. Кошмар последних четырех лет рассеялся — встает заря нового царствования. «Как ни больно мне думать о горестных обстоятельствах смерти императора, признаюсь, я дышу свободно вместе со всей Россией», — признается Елизавета матери через три дня после цареубийства.

Первые же указы Александра возбуждают надежды даже у тех, кто сомневался в его способностях к государственным делам. Прежде всего он возвращает экспедиционный корпус, отправленный безумным Павлом на завоевание Индии, затем восстанавливает на службе 12 тысяч опальных офицеров и чиновников, разрешает ввоз из-за границы книг, открывает частные

типографии, не чинит препятствий в выдаче паспортов для выезда в европейские страны, позволяет офицерам и солдатам обрезать ненавистные косы и букли и носить не прусский, а русский мундир, упраздняет страшную Тайную экспедицию, создает Комиссию составления законов и включает в нее знаменитого публициста Радищева,^[14] уничтожает поставленные на городских площадях виселицы, на которых вывешивались списки опальных. «Не осталось никаких следов стеснения ни в чем, — пишет шведский дипломат Штединг. — Все институты Павла умерли вместе с ним. Каждый день прибывает множество народа; вернулись все, кто играл хоть какую-то роль при Екатерине». Австрийский консул Виаццоли сообщает своему правительству: «Петербург не узнать. На лицах радость, довольство, удовлетворение, спокойствие. Возрождается блеск прежней жизни, все идет как нельзя лучше... Большинство сосланных, а также русская знать, удалившаяся в свои поместья, поспешили вернуться, и улицы кишат людьми всех рангов, полов и возрастов, счастливых тем, что смогут радоваться жизни при справедливом, мягком и умеренном правительстве. Щеголи снова причесаны à la Titus,^[15] на улицах мелькают круглые шляпы, жилеты и длинные панталоны. Петропавловская крепость опустела». «Теперь, слава Богу, жизнь в России будет такой же, как в Европе», — пишет Елизавета матери.

Всеобщий энтузиазм, окружающий Александра, не смягчает его душевной боли. Вослед его триумфам за ним тащится изуродованный труп отца. Князю Адаму Чарторыйскому, который пытается его ободрить, он отвечает: «Нет, это невозможно; против этого нет лекарств, я должен страдать. Да и как я могу не страдать? Ведь изменить ничего нельзя». А императрица Елизавета пишет матери 13 и 14 марта

1801 года: «Его ранимая душа растерзана... Только мысль, что он может быть полезен своей стране, поддерживает его, только такая цель придает ему твердость. А ему необходима твердость, ибо, Боже праведный, в каком состоянии досталась ему эта империя... Все тихо и спокойно, если бы не безумная радость, которой охвачены все, от последнего мужика до самых высокопоставленных особ».

И действительно, Александру необходимо с головой погрузиться в работу, чтобы забыть о той трагической ночи. Посвятив свою жизнь делу возрождения империи, думает он, он сможет оправдаться перед самим собой. Но рана слишком свежа и кровоточит при малейшем прикосновении. Родная мать мучит его: поначалу она даже притязала на трон почившего мужа, подозревая старшего сына в том, что он был вдохновителем убийства. Александр вынужден защищаться, оправдываться перед ней, а его и без того терзают угрызения совести. Под испытывающим взглядом вдовствующей императрицы он прикрывается маской невинности и сыновьей нежности. Ведь он давно к этому привык: в юности он переиграл множество ролей. Но то актерство, в котором он упражнялся, следуя своей изменчивой натуре, теперь обернулось нескончаемой пыткой. Каждое появление на людях становится для него испытанием. Иногда, не выдерживая напряжения, он бежит от света. «Нередко он запирался в отдаленных покоях своих апартаментов, — вспоминает графиня Эдлинг, — и там предавался отчаянию, испуская глухие стоны и обливаясь потоками слез». Александр всегда любил вволю поплакать. А сейчас он воображает себя Орестом, преследуемым богинями-мстительницами Эриниями. Вся его семья проклята. На совести его бабушки Екатерины лежало убийство Петра III, ее мужа, она желала его смерти, но не отдавала приказа убить его. Так и он ответственен за убийство

отца, хотя не покидал своей комнаты, когда оно совершалось. Сколько предательств, преступлений, насилий, начиная с Петра Великого, запятнало дом Романовых!

Когда Александр пытается разобраться в своей душе, он сам не может понять, по слабости ли характера, из честолюбия или во имя политического идеала позволил вовлечь себя в заговор. По всей вероятности, эти три мотива сплелись между собой. Но ему удобнее думать, что он вознесен на трон вопреки собственному желанию волей армии и народа. Чтобы убедить в этом весь мир, следует, по крайней мере, покарать виновных. Но как на следующий день после вступления на трон наказать тех, кто помог ему там оказаться? Только такой наивный человек, как Лагарп, может со свойственным ему пафосом призывать его к этому: «Оставить безнаказанным убийство монарха в его собственном дворце, в лоне семьи, значит попрасть божеские и человеческие законы и скомпрометировать достоинство монарха... Вам, государь, неохотно восшедшему на трон, предстоит укреплять престол России, поколебленный несколькими революциями... Только беспристрастное, публичное, строгое и быстрое правосудие может и должно предотвратить подобные покушения». Александр пожимает плечами. Вдали от России, в своей родной Швейцарии, Лагарп рассуждает как философ, а не как политический деятель. Последовать его совету — значит вызвать скандал, который отзовется во всей Европе. На допросах обвиняемые не откажут себе в удовольствии выложить доказательства того, что именно новый царь побуждал их действовать. Нет, разумнее выиграть время, лгать, с улыбкой готовить опалу самым неудобным свидетелям. И, приняв старого Никиту Панина, главу первого заговора, со слезами умиления на глазах, Александр приказывает установить над ним надзор, а потом и

выслать в дальнее имение. Палену, хоть он и держится предупредительно, вскоре предложено жить в его курляндском поместье, Платону Зубову — путешествовать по Европе, Беннигсену — на время покинуть Петербург. Второстепенные участники драмы причислены к полкам, расквартированным на Кавказе и в Сибири... Так с улыбкой на устах, но с твердостью в душе Александр избавляется от стесняющих его сообщников. Его неблагодарность к ним вызвана не только требованиями осторожности, но и омерзением. Убрав их со своей дороги, он перестанет зависеть от них и вычеркнет из памяти совершенное их руками злодеяние.

В дни коронационных торжеств в Москве Александр обнаруживает, сколь велика его популярность. Елизавете кажется смешной похожая на огромный фонарь карета и четыре сидящих напротив нее пажа. Но торжественность обстановки никого, кроме нее, не располагает к улыбкам. Когда Александр едет верхом, медленно продвигаясь сквозь толпы народа, его встречают благоговейным шепотом: «Наш царь батюшка», «наше красное солнышко»... Люди падают на колени, крестятся, целуют его сапоги, стремяна, круп коня с таким чувством, словно прикладываются к иконе. Для церемонии коронации он не стал возлагать на себя епископальный далматик, который его строптивый отец дерзко накинул поверх коронационной мантии. Он также не воспользовался древней привилегией, позволявшей царю, как помазаннику Божию, самому причащаться хлебом и вином, без посредничества отправляющего службу священника, и смиренно принял чашу со Святыми Дарами из рук митрополита. Этот жест царя, представшего пред всей Россией покорным сыном церкви, покоряет сердца присутствующих. Знатнейшие фамилии города устраивают в своих особняках праздничные приемы в честь царя, и русская

аристократия выражает императорской чете благоговейный восторг и верноподданнические чувства. Все единодушно восхищаются высокой статной фигурой Александра, тонкими чертами его лица, мечтательными и мягкими голубыми глазами, вьющимися светлыми волосами, ямочкой на подбородке и чарующей улыбкой, унаследованной от Екатерины. Манеры его просты и изящны, он никогда не повышает голоса, из-за легкой глухоты чуть наклоняет голову к собеседнику, подчеркнуто любезен с нижестоящими и умеет внушить почтение самым надменным. Он и сам любит себя, любит красивые жесты и театральные речи, которые так воздействуют на публику и окружают его имя легендой. С первых шагов сознательной жизни он приучил себя скрывать свои истинные чувства. Конечно, давно миновали дни, когда он лавировал между Царским Селом и Гатчиной, метался между салоном Екатерины и кардегардией Павла, находясь между молотом и наковальней, но по-прежнему ему привычнее таиться, притворяться, вводить в заблуждение. Он не отдает открыто предпочтения никакому философскому учению, не выбирает между рационализмом и сентиментализмом. Он попеременно принимает то сторону Вольтера, то сторону Руссо. Как будто бы материалист, но и мечтатель, погруженный в идиллические грезы. Он разрывается между стремлением к политической деятельности и к уединенной жизни на берегах Рейна, проливает чувствительные слезы и издает государственные законы. Присущая ему раздвоенность приводит в недоумение окружающих его людей. Некоторым он кажется андрогином, соединяющем в себе мужскую силу и женскую слабость, но это сочетание столь пленительно, что ни у кого не хватает духу порицать его.

В Москве каждый новый день приносит ему новый успех. Балы не прекращаются целую неделю. Дамы разоряются на туалетах. Ни усталость, ни боль в ногах не удерживают прекрасных танцорок, и они неугомонно кружатся в грациозном хороводе вокруг двадцатичетырехлетнего царя, «порфиноносного ангела». Александр засыпает не раньше трех и четырех часов утра. Правда, он укоряет себя за то, что столько развлекается, когда нация ждет от него коренных преобразований, и набрасывает по-французски упреки самому себе: «Ты спишь, презренный, а тебя ждет куча дел. Ты пренебрегаешь долгом, предаешься сну или удовольствиям, и, пока ты нежишься на перинах, тысячи страждущих нуждаются в твоей помощи. Стыдись! У тебя не хватает характера победить лень, твой всегдашний удел. Вставай, сбрось ярмо слабостей, стань мужчиной и гражданином, полезным своему отечеству».

Вернувшись в Петербург, Александр возобновляет серьезные занятия. На его столе растет гора дифирамбических посланий. Державин, самый знаменитый русский поэт той эпохи, посвящает ему оду, призывая в помпезных стихах: «Будь на троне человек». Другой поэт, Шишков, пишет:

На троне Александр! рука Господня с нами...
С Екатериной великою душой,
Он будет новый Петр и на суде, и в поле.

Карамзин, романист и историк, восходящая звезда на небосклоне русской литературы, приветствует царя и говорит: «Весны явленье с собой приносит нам забвенья всех мрачных ужасов зимы». В Германии престарелый поэт Ф. Г. Клопшток, автор эпической поэмы «Мессиада», мистически провидит в воцарении

Александра наступление эры человечности и предсказывает, что тот одержит победу над силами зла и смое позор, которым царь Македонии запятнал славное имя Александр. Какой-то русский юноша посылает царю длинное, без подписи, письмо, полное обожания и благословений. Он заклинает Его Величество осудить деспотизм, дать стране представительное правление и улучшить положение крепостных. В заключение он пишет: «Народы бывают такими, какими делает их правительство. Царь Иван Васильевич хотел иметь безропотных рабов... и он их имел. Петр I хотел, чтобы мы слепо подражали иностранцам, и добился своего. Мудрая Екатерина начала превращать нас в русских. Александр, кумир народа, завершит ее великое дело». Взволнованный Александр велит отыскать автора этого анонимного послания. Его легко находят. Это молодой чиновник по фамилии Каразин. Его допускают к императору, и он с трепетом ждет наказания за свою дерзость. Но Александр прижимает его к груди и восклицает: «Продолжай всегда говорить мне правду! Я желал бы, чтобы у меня больше было таких подданных!» Произнося эти слова, Александр, конечно, играет на публику, но в словах его есть и доля искренности.

Занявшись государственными делами, Александр скоро отдает себе отчет в том, что ему не обойтись без советников и помощников, без людей, которые поддерживали бы его и на которых он мог бы опереться, а не действовать по своему усмотрению. Конечно, в Сенате сидят опытные политики, но эти престарелые вельможи принадлежат безвозвратно ушедшим временам, «веку бабушки», а он собирается обновить страну в духе времени. Он передает им ведение текущих дел, оказывает внешние знаки уважения, а за спиной высмеивает. Разумеется, он может призвать своего дорогого Аракчеева, который в

ночь переворота был задержан у городской заставы, когда, по приказу Павла, мчался в Петербург. Но Аракчеев олицетворяет эксцессы прошлого царствования; приблизив его к себе, не предстанешь перед нацией как новатор, посланный самим Провидением, а именно к такой миссии готовит себя Александр.

Для совместной работы над проектами обширных реформ Александр созывает своих лучших друзей, сверстников и единомышленников, изгнанных Павлом. Строганов, Чарторыйский, Кочубей и Новосильцев снова объединяются в дружеский кружок, теперь уже вокруг царя, а не великого князя. Перед отъездом из Дрездена, места его ссылки, Кочубей пишет графу Воронцову: «Я уезжаю, потому что считаю, что все благородные люди должны объединиться вокруг царя и приложить все силы, чтобы залечить бесчисленные раны, нанесенные его отцом отечеству... Если он захочет использовать меня, я буду служить ему в меру всех моих сил... я предпочел бы управление внутренними делами». Вернувшись в Петербург, Кочубей сообщает в письме все тому же графу Воронцову: «Все действия нашего нового государя отличаются мудростью, умеренностью и тактом, удивительными для его возраста». Александр встретил своих старых друзей по-братски. Как и царь, они совсем не знают России, не имеют опыта в государственных делах, черпают идеи из книг, принимают за образец английскую конституцию, восхищаются революционной Францией и мечтают установить в своей стране социальную справедливость и ввести гражданские права. Под председательством молодого государя, которого они называют «кроткий упрямец», они составляют тесный кружок, в шутку названный «Негласный комитет» или «Комитет общественного спасения». Сановные старцы оттеснены

от царя и в насмешку называют вновь прибывших «конфиденциалки» Александра.

Негласный комитет не имеет официального статуса. Его собрания окружены таинственностью, быть может, заимствованной из масонских обрядов. Два или три раза в неделю члены этого маленького братства обедают во дворце у Александра и после традиционной чашки кофе пробираются с видом заговорщиков по отдаленному коридору в кабинет Его Величества. Там они клянутся в верности высоким идеалам, ведут протоколы, строчат проекты. Никакой повестки дня. Каждый развивает дорогие ему мысли, держа пламенную речь, и беседа чуть что перескакивает с одного на другое. Обсуждению подвергается все подряд: реформы, по выражению Строганова, «бесформенного здания управления империей», внешняя политика, назначения чиновников и фрейлин, злоупотребления какого-нибудь тайного полицейского агента и загадочное погребение некой испанской дамы, ставшей жертвой ночного дебоша. В пылу спора члены Негласного комитета смело опровергают точку зрения императора, и, если он упорно стоит на своем, что случается нередко, атмосфера накаляется. Строганов дает презрительную характеристику дворянству: «Дворянство у нас состоит из множества людей, сделавшихся дворянами только службою, не получивших никакого воспитания, все мысли которых заняты лишь тем, как исполнить волю императора. Это самый невежественный, самый бесчестный и самый тупоумный класс». Как-то раз Строганов так увлекается бурными дебатами, что забывает о почтительности по отношению к Его Величеству и тотчас пишет ему по-французски: «Государь, я должен принести свои извинения за ту горячность, которую внес вчера в нашу дискуссию; мне известна ваша безмерная снисходительность, но я сознаю, что поступил дурно и так, как мне вовсе не

свойственно, и если вы, по вашей доброте, не осуждаете меня, то я осуждаю себя сам и признаю, что нахожу свою чрезмерную живость заслуживающей серьезного порицания». Александр, нисколько не задетый свободой выражений своего советника, отвечает ему тоже по-французски: «Мой дорогой друг, мне кажется, вы лишились рассудка! Можно ли сердиться на вас и обвинять вас за то, что является лучшим доказательством вашего интереса ко мне и вашей любви к общему благу?.. Ведя с вами спор, я отдаю должное вашим чувствам. Избавьте меня впредь от подобных объяснений, которые так не соответствуют связывающей нас дружбе. То, что не отвечает правилам поведения в обществе, уместно, когда мы одни, и самое большое доказательство дружбы, которое вы можете мне дать, это бранить меня, когда это необходимо, когда я этого заслуживаю. Прощайте, мой дорогой друг. Ваш на всю жизнь. Александр».

Еще один человек сгорает от желания участвовать в работе Негласного комитета — воспитатель Александра Лагарп, который, побыв председателем Директории Гельветической республики, считает своим долгом в такой ответственный момент находиться рядом с молодым государем и направлять его своими советами. Он пишет своему воспитаннику, что хотел бы повидать его и лично засвидетельствовать ему свою преданность. Александру ничего не остается, как пригласить его в Петербург. Швейцарец прибывает в мундире республиканской Директории, перетянутом вышитым шарфом, с саблей на боку. С момента его приезда Александр настороженно относится к этому фразеру, речи которого еще недавно наполняли его юную душу благородным волнением. Он благоразумно не допускает его на собрания Негласного комитета, продолжая уверять, что в его рабочем кабинете для него всегда найдется свободный стул. Александр сразу

заметил, как странно Лагарп изменился за последние годы. Этот поборник народовластия теперь рекомендует ему преодолеть природную застенчивость и появляться при любых обстоятельствах в облике величественного суверена, с твердой поступью и орлиным взором. Смешавшись с толпой придворных, Лагарп следит за каждым движением «питомца» во время дворцовых выходов, а потом в письме излагает ему свои замечания, не упуская ни одного промаха. В такой-то день царь, пишет Лагарп, робко вошел в зал, в другой некстати покраснел, слишком поспешно обошел собравшихся, нервно держался на важном приеме, а на торжественной церемонии должен был появиться вместе с императрицей. Подытоживая общее впечатление, этот неисправимый ментор наставляет Александра: «Важнее всего для вас держаться по-царски, где бы вы ни были — в обществе, среди народа или в кругу лиц, которым доверили отдельные отрасли управления... Глава нации, присутствует ли он где-нибудь, беседует ли с кем-нибудь или действует, должен, по образному выражению Демосфена, облекаться в величие своей страны... Ваша молодость, Государь, требует, чтобы вы внимательно следили за собой... Пусть те, кого вы поставили во главе разных отраслей управления, привыкают к мысли, что они всего *лишь ваши делегаты*, что у вас есть право быть в курсе всех дел, быть обо всем осведомленным и что вы хотите сделать это правилом. Сохраняйте власть нераздельной». Что же до формы правления, то демократ Лагарп допускает только самодержавную власть. «Во имя вашего народа, Государь, — пишет он далее, — сохраняйте неприкосновенной власть, возложенную на вас... Не позволяйте *отвращению, которое внушает вам самодержавие*, сойти с этого пути. *Имейте мужество удержать в своих руках власть всю*

целиком, безраздельно,^[16] поскольку установления вашей страны предоставляют вам для этого законные основания». Впрочем, Лагарп утверждает, что всякое покушение на прерогативы императорской власти будет дурно воспринято нацией. Наконец, не возвращаясь к принципу разделения властей, который сам когда-то развивал перед своим учеником, он советует ему «держаться под строгим контролем судопроизводства» и сдерживать произвол судов.

Эти принципы, высказанные с твердостью и убежденностью, задевают Александра — читателя Монтескье и Вольтера, но удовлетворяют в нем наследника русской короны. Не переставая превозносить республиканские принципы, он ни на мгновение не забывает, что он монарх милостью Божьей и никому не обязан отчетом. Он любит свободу, но любит ее как тему для беседы, которую можно развивать до бесконечности, как мечту, прекрасную, но недостижимую. Через несколько лет князь Чарторыйский скажет о нем: «Он охотно согласился бы дать свободу всему миру при условии, что все добровольно станут подчиняться исключительно его воле».

Впрочем, и другие члены Негласного комитета, рассуждая о государственных преобразованиях, считали, что реформы должны исходить от царя и осуществляться под его контролем и его железной рукой. Вытащив на свет записку, некогда составленную Безбородко, Строганов цитирует ее Александру с явным одобрением: «Россия должна быть государством самодержавным. Малейшее ослабление самодержавия повлекло бы за собой отторжение многих провинций, ослабление государства и бесчисленные народные бедствия». Несмотря на сдержанность, налагаемую почти религиозным благоговением перед царем,

помазанником Божьим, символом национального единства, советники Александра пытаются облегчить хотя бы частичными мерами участь своих современников. Результативности их работы препятствуют постоянные повороты на 180° их монарха, не желающего сегодня обнародовать решения, принятые накануне. Можно подумать, что недостаток прямоты в его характере оборачивается страхом перейти от слов к делу. Ему равно претит как твердо произнести «да» или «нет», так и без колебаний поставить подпись под каким-нибудь документом. Он предпочитает недоговоренность, неопределенность как чувств, так и мыслей.

Все же несколько практических решений рождается в результате этих бесконечных ночных словопрений. Указ от 8 сентября 1802 года определяет новые полномочия Сената: право представления императорских указов, контроль за деятельностью министерств, а также исполнение функций Верховного суда. Это высокое собрание должно быть, по мысли Александра, независимым органом. Поэтому он недоволен, когда читает традиционную формулу в принесенном ему на подпись указе: «Указ нашему Сенату». «Как нашему?! — негодует он. — Сенат — священный хранитель законов. Он учрежден, чтобы нас просвещать и нами управлять; он — не наш. Он — Сенат империи!» Это демонстративное возмущение Его Величества производит сильное впечатление на царедворцев, в который раз подтверждая его редкостный актерский дар.

Высочайший манифест, опубликованный в тот же день, что и декрет о реформе Сената, учреждает восемь министерств, преобразованных из коллегий, существовавших со времен Петра Великого. Семь министерских портфелей доверены бывшим сподвижникам Екатерины, хотя они и не пользуются

уважением Александра. Об одном из них, П. В. Завадовском, ставшем министром просвещения, царь говорит: «Он ничтожество, и сделан министром для того, чтобы не кричал, что отовсюду исключен». Восьмой портфель — министра внутренних дел — получает Кочубей, единственный из кружка; трое других членов Негласного комитета довольствуются постами товарищей министра. Воздав, таким образом, почести ископаемым прошлого царствования, Александр, изменчивый и ускользящий, надеется обезоружить их и обезвредить себя от их критических выпадов, реальное управление делами поручить своим молодым друзьям, а позже мягко избавиться от этих почтенных и бездарных старцев. Такой образ действий, этот вечный выбор между волком, козой и капустой беспокоит Строганова, и он пишет: «Не могу не отметить, как расплывчаты идеи нашего молодого императора». А Воронцов, со своей стороны, замечает: «Кочубей несколько поражен беспорядочностью проектов императора. У него нет определенного плана, он как бы стучится во все двери сразу, не зная толком, что следует делать».

Проведена также реформа системы народного просвещения. Россия разделена на шесть учебных округов, каждый со своим университетом, гимназиями, училищами. Однако Александр противится созданию военных школ в провинции, как и подготовке офицеров в лицеях, ибо хочет, чтобы воспитание будущих командиров происходило в Петербурге, у него на глазах. Как всегда, Александр колеблется между нововведениями и традициями, между побуждением идти вперед по пути прогресса и ревнивым страхом лишиться хотя бы крупницы своей власти.

Основная проблема, стоящая перед царем, — глубокая реформа общества и, главное, института крепостного права. Крепостные составляют восемь

десятих^[17] русского населения. Конечно, это не рабство в полном смысле слова, поскольку крестьяне, хоть и прикрепленные к земле, веками сохраняли автономию крестьянской общины. Но они не имеют никаких гражданских прав и отданы полностью во власть помещика. Они — человеческий скот, который обеспечивает благосостояние своих хозяев. Помещик может продать крестьян с землей, отдать на военную службу на двадцать пять лет, по своему капризу наказывать, женить или выдавать замуж. Ему запрещено лишь убивать их. Со времен Петра Великого крестьянин составляет новую единицу для взимания налогов — «ревизскую душу». Лучший подарок, какой государь может сделать верным слугам трона, это «пакет» ревизских душ, населяющих какой-нибудь уголок его империи. Екатерина II раздала фаворитам 800 тысяч душ, Павел I за четыре года — 115 тысяч. Огромные владения, заключающиеся в земле и крепостных, были созданы таким образом вдали от столицы. Крупный помещик очень редко посещает свои земли, ничего не знает о положении своих мужиков, а ведение дел поручает управляющим, которые далеко не всегда живут в поместьях. В большинстве случаев землепашцы обрабатывают землю кое-как, неумело и лениво. 1500 земельных собственников владеют третьей частью всех крепостных России, каждый — примерно 2500 душ. За этими земельными магнатами идут 2000 средних помещиков, на каждого из которых приходится около 700 душ. 17 тысяч мелких помещиков довольствуются каждый всего двумя сотнями душ и скромно живут в провинции. В самом низу этой лестницы находятся около 200 тысяч дворян, увязших в долгах и влачащих жалкое существование на клочке земли с горсткой голодных крестьян. Однако эти помещики, какими бы нищими они ни были, ни за что не

причисляют себя к той же человеческой разновидности, к которой принадлежат крепостные. Дворяне, одетые по европейской моде, живут в эпоху царя Александра I, крестьяне, едва прикрытые лохмотьями, — в эпоху царя Петра Великого. Их разделяет непроходимая пропасть. Они находятся на двух противоположных социальных полюсах, их объединяют язык, на котором они объясняются, и религия, обряды которой они выполняют, но даже мелкопоместные дворяне лучше говорят по-французски, чем по-русски. На практике счастье крестьянина зависит от характера и состояния его владельца. При добром барине крестьянин является как бы членом многочисленной семьи и защищен от неожиданных ударов судьбы, прежде всего от голода. При жестоком хозяине, наоборот, непосильная барщина и телесные наказания превращают его жизнь в ад. Самое жалкое положение занимает дворня. Дворовые в отличие от крестьян живут рядом со своим барином и напрямую зависят от его настроений. В домах крупных помещиков много челяди. Среди слуг и служанок царят лень, пьянство, разврат. Их продают, покупают, меняют, проигрывают в карты. Газеты печатают объявления такого рода: «Продается повар, девушка, умеющая шить, старый шкаф».

Необходимо, заключает царь, как можно скорее покончить с этим болезненным вопросом, который ни Петр Великий, ни Екатерина Великая не сумели решить. Все члены Негласного комитета единодушно осуждают этот анахронический институт. Чарторыйский заявляет: «Крепостное право столь ужасно, что ни перед чем не следует останавливаться для его уничтожения». Кочубей говорит о «величайшем позоре», заставляющем краснеть всю Россию. Новосильцев соглашается с ними. А Строганов, владеющий за Уралом огромными землями с 40 тысячами душ, на одном из заседаний с жаром восклицает: «Девять миллионов крестьян повсюду

чувствуют тяжесть рабства и ненавидят помещиков... Большая часть богатств империи создается трудом крестьян, следует поостеречься и не отнимать у них надежду». В благородном порыве молодые законодатели принимаются за дело, опираясь на принципы равенства и справедливости. Но очень скоро их пыл остывает. Страх охватывает их при мысли о тех трещинах, которые перемены произведут в социальном здании империи. Горячившийся Строганов, умерив свой энтузиазм, призывает «осторожно относиться к помещикам», «без потрясений, нечувствительно» подводя их к мысли о переменах, и держать в тайне все проекты, дабы раньше времени не внести смятение в умы мужиков. Лагарп советует действовать «без шума, не касаться права собственности, не говорить об освобождении и свободе». Кочубей также отступает перед препятствиями, которые кажутся ему непреодолимыми. По его мнению, опасно трогать институт, на котором «держится весь порядок вещей». Все согласны в одном: необходимо избежать резкой ломки. Они готовы отказаться от помещичьих прав на крестьян, но не от прав на землю, которую эти крестьяне обрабатывают. Для них неприемлемо освободить крестьян без земли, дав им средства для ее выкупа, и еще более неприемлемо безвозмездно отдать крестьянам часть помещичьей земли. Для помещика земля — часть его капитала, основа его богатства, престижа, естественный источник его доходов. Для крестьянина земля, в течение веков возделывавшаяся его предками, переходившая от отца к сыну, — его собственность. «Мы ваши, — говорят крестьяне помещикам, — но земля наша». После долгих колебаний Александр отклоняет единственно приемлемое решение: освобождение крестьян без земли. Все, следовательно, остается, как было. Лопнул еще один воздушный шар. Чтобы успокоить свою совесть, члены

Негласного комитета принимают несколько второстепенных решений, слабый паллиатив для выхода из ситуации, которая, казалось, так их возмущает: не раздавать земли и крестьян за услуги, оказанные государству, запретить публикацию в газетах объявления о продаже и покупке людей, дозволить купцам и мещанам покупать землю в собственность — право, бывшее до сих пор монополией дворян. Цель последней меры — создать слой мелких земельных собственников. Наконец, указ от 4 марта 1803 года дополнявший императорский указ от 20 февраля 1802 года, определил условия освобождения крепостных по добровольному соглашению с помещиками, что должно было создать особое сословие «вольных хлебопашцев». Формальности такого рода освобождения сложны и не позволяют крестьянам обойти все тот же подводный камень — выкупить свой клочок земли. Став свободными и не имея земли, они обречены на голодную смерть, если не перейдут на положение дворни. Мало кто воспользовался этой непродуманной и поспешной мерой.^[18] Негласный комитет выдыхается; не звучат больше на его собраниях призывы к конституционной монархии. После тридцати шести заседаний, состоявшихся в течение двух с половиной лет, собрания Негласного комитета прекращаются сами собой, без вмешательства Александра. Лагарп, вконец разочарованный, возвращается в Швейцарию.

Устав от своих сподвижников, царь становится все более неуступчивым, пользуясь всей полнотой своей власти. Старого поэта Державина, министра юстиции, который осмеливается сделать ему замечание за какой-то мелкий промах, он резко одергивает: «Ты все еще хочешь учить меня? Самодержец я или нет? Так вот, что захочу, то и буду делать».

При этом он чрезвычайно учтив со всеми членами своей семьи, особенно с матерью: он оказывает ей всяческие почести и предоставляет ей, а не императрице возглавлять официальные церемонии. Учтив он и с женой: он обращается с ней почтительно и нежно и не перестает ее обманывать. Будучи по природе мотыльком, он легко переходит от одного увлечения к другому, стараясь одержать победу, но не пользуясь ее плодами. Он ухаживает за женами двух своих друзей, Строганова и Кочубея, заводит мимолетную связь с французской певичкой мадемуазель Филлис, поддается чарам другой французской актрисы, мадемуазель Шевалье, вздыхает у ног третьей — знаменитой мадемуазель Жорж, влюбляется мимоходом в мадам де Бахарах, мадам де Креммер, мадам де Северен и мадам де Шварц, мужья которых закрывают на это глаза, и в довершение всего признается своей юной сестре Екатерине в страсти, по меньшей мере, двусмысленной. По словам Карамзина, у Екатерины «огненные глаза и талия полубогини»; по свидетельству княгини Ливен, «ослепительный цвет лица и прекраснейшие в мире волосы», наконец, по общему мнению, она неотразимо обаятельна, язвительна, очень образованна, но резка, высокомерна, а иногда невыносимо самонадеянна. Ее влияние на Александра с каждым годом возрастает. Он любит ее нервную грацию, ее искрящуюся умом беседу. У какой черты останавливаются они во время нежных встреч наедине? После одного из таких свиданий Александр пишет ей: «Прощайте, очарование моих очей, владычица моего сердца, светоч века, чудо природы, а еще лучше, Бизям Бизямовна^[19] с приплюснутым носиком». И в другой раз: «Что поделывает Ваш дорогой носик? Мне так приятно прижиматься к нему и целовать его»... «Если Вы и безумица, то самая восхитительная из

всех! Я без ума от Вас». «Ваша любовь необходима для моего счастья, потому что Вы самое красивое создание во всем мире»... «Я безумно люблю Вас!.. Я радуюсь, как одержимый, когда вижу Вас. Примчавшись к Вам, как безумный, я надеюсь насладиться отдыхом в Ваших нежных объятиях. И добавляет: —Увы, я не могу воспользоваться моими давними правами (я говорю о Ваших ножках, вы понимаете?) и покрыть их нежнейшими поцелуями в Вашей спальне». Но Александру мало и этой кровосмесительной склонности. Он жаждет воспламенить все сердца. «Вы не понимаете прелести любовной игры, — поучает он одного из приближенных. — Вы всегда заходите слишком далеко». И вот наступает момент, когда он и сам «заходит далеко», выбрав в любовницы Марию Нарышкину, жену богатейшего сановника. Мария Нарышкина, дочь польского помещика князя Четвертинского, затмевает, по общему мнению, всех придворных красавиц. Вигель пишет о ней: «Я... дивился ее красоте, до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможной». Генерал Кутузов утверждает, что «женщин стоит любить, раз среди них есть особа столь привлекательная, как Мария Нарышкина». Поэт Державин, недавно воспевавший императрицу Елизавету в образе Психеи, теперь воспевает фаворитку в образе Аспазии. Он славит «огонь ее очей» и «пышную грудь». Ее туалеты, тщательно продуманные, восхитительно обрисовывают ее стройный стан и подчеркивают ослепительную красоту лица. Она не носит драгоценностей и на придворных празднествах всегда появляется в простом белом платье, ниспадающем мягкими складками. Ее идеал — мадам Рекамье. А за ее прелестным обликом скрывается жажда наслаждений и убогий ум, чуждый серьезных интересов. Мария Нарышкина не претендует на роль Эгерии и никогда не докучает царю ни

просьбами, ни советами. В ее обществе он не размышляет о государственных делах, не предаётся душевным терзаниям — он отдыхает. Жозеф де Местр, посол Сардинского короля, в письме к своему государю так характеризует новую фаворитку: «Она не Помпадур и не Монтеспан, а, скорее, Лавальер, с той разницей, что она не хромает и никогда не пострижется в монахини».

Нарышкины несметно богаты; у прекрасной Марии Антоновны есть все, что может пожелать ее душа, и ей ничего не нужно выпрашивать у своего царственного возлюбленного. Ее муж, Дмитрий Нарышкин, — оберегер-мейстер Его Величества. Фамилия Нарышкиных более ста лет назад занесена в летописи русского царствующего дома. Из памяти людской не изгладилось, что матерью Петра Великого была Наталья Нарышкина, а любимым шутком Екатерины Великой — Лев Нарышкин, прозванный Арлекином. Целый штат управляющих, секретарей, компаньонов, домашних актеров сопровождает Нарышкиных при переездах. На приемах у них подают три полных перемены блюд, приготовленных по-русски, по-французски и по-итальянски. Оркестр из сорока музыкантов услаждает слух приглашенных, нежащихся среди экзотических фруктов и диковинных цветов. Такие роскошные приемы они устраивают не только в России. Нарышкиным принадлежат замок во Флоренции, вилла «на чистом воздухе» во Фьезоле, дворец на Фонтанке в Петербурге и летняя резиденция на Крестовском острове. Этот летний дворец, величественное здание с зеленым куполом и римским портиком с белыми колоннами, расположен рядом с резиденцией царя, находящейся на Каменном острове на другом берегу притока Невы. Стоит перейти деревянный мостик — и Александр у своей любовницы. Убранство дворца сохранилось с петровских времен: плафоны расписаны

мифологическими сценами, на окнах занавеси из тяжелых узорчатых тканей, вдоль стен расставлена старинная массивная мебель, в простенках — тусклые зеркала. Во время приемов Его Величество открывает бал традиционным полонезом в паре с Марией Нарышкиной, а обергер-мейстер, ее супруг, взволнованный такой честью, скромно потупляет взор. В обычные вечера царь, прибыв во дворец, удаляется вместе с хозяйкой в будуар, устроенный ею для их встреч. Здесь все просто, мило, интимно. Мария Нарышкина говорит, что в этом укромном уголке чувствует себя «дома», и ненавязчиво внушает любовнику, что и его «дом» здесь. Александр по натуре холоден и благодарен любовнице за то, что она пробуждает в нем порывы страсти, изумляющие его самого. В кругу второй семьи он наслаждается теплом и очарованием домашнего уюта, которых лишен его супружеский очаг. Елизавета с достоинством переносит его предательство, но матери признается: «Я все могу простить женщине, кроме соращения женатого мужчины, ибо пагубные последствия этого невозможно предвидеть». Александр, узнав, что Мария Нарышкина наконец забеременела, захлебывается от радости, а фаворитка сама сообщает императрице о своем «интересном положении». Елизавета, у которой все еще нет детей, страдает и возмущается: «Поверите ли, дорогая мама, что она имела наглость мне первой сообщить о своей беременности, совсем недавней, так что она и не заметна. Больше бесстыдство трудно себе представить. Это произошло на балу, и теперь объявлено всем. Она отлично знает, что мне известно, кто виновник. К чему бы это ни привело и чем бы ни кончилось, я не стану портить себе кровь из-за этой недостойной особы... Прибавьте к этому, что император сам поднимает на смех тех, чье поведение благоразумно, и говорит о них в выражениях,

недопустимых в устах того, кто должен следить за состоянием нравов, без чего не может быть никакого порядка». И действительно, Александр, гордый отцовством, распускает хвост павлином. Ребенок — девочка, при крещении нареченная Софьей.^[20] Из дома с зеленым куполом Александр пишет сестре Екатерине: «Я нахожусь „дома“ и пишу Вам, а моя подруга и мой ребенок Вам кланяются и благодарят Вас за память... Счастье, которое я испытываю в моем гнездышке, и Ваша привязанность — это все, что украшает мое существование». Да, в объятиях прекрасной и неумной Нарышкиной Александр забывает все: пышные церемонии и строгость придворного этикета, залы императорского дворца, где его неотступно преследует окровавленная тень отца, и жену, которая была рядом с ним в ночь убийства. Она знает о нем все, она, нравится ей это или нет, его сообщница и неотделима от его душевных мук. Только вдали от нее он сможет стать другим, новым человеком — человеком, не имеющим воспоминаний. Все же он не совсем оставляет ее — он не выбирает между двумя женщинами, он живет двумя, дополняющими друг друга жизнями. Как и раньше, он почти всегда обедает и ужинает с императрицей и на людях почтителен с ней. Он даже время от времени проводит с ней ночь. Ибо, радуясь, что Мария Нарышкина рождает ему маленьких бастардов, он не теряет надежды, что Елизавета подарит ему законного наследника. А Елизавета уступает нежному чувству к красивому гвардейскому офицеру Алексею Охотникову. Он погибнет при таинственных обстоятельствах, заколотый кинжалом при выходе из театра. Императрица воздвигнет на его могиле мавзолей. Монумент работы скульптора Мартоса изображает женщину, горестно склонившуюся к подножию дуба, пораженного молнией. Огласка, которую получила эта

история, не задевает Александра. Супруги давно предоставили друг другу свободу. Александр поощряет неверность жены, дабы оправдать собственное поведение. По свидетельству барона Баранта, супруги «в подтверждение этой свободы» заключили письменное соглашение.

Впрочем, все эти салонные и альковные игры для Александра — лишь средство оторваться ненадолго от главной страсти — политики. С распадом Негласного комитета он вовсе не утратил вкуса к власти, совсем наоборот. Он оживляет работу министерств, устранив оттуда старых служак и заменив их молодыми друзьями. Как обычно, последнее слово он оставляет за собой, но из-за постоянных колебаний и внезапных крутых поворотов не удовлетворяет ни тех, ни других. Новые люди и люди «века Екатерины» равно убеждаются, что не имеют на него никакого влияния. Он раздражает первых почтительным отношением ко вторым, а вторых — проявлением дружбы к первым. Выслушав с горящими щеками и увлажнившимся взором смелые речи кого-нибудь из своих доверенных лиц, он так же внимательно выслушивает ретроградные речи адъютантов Уварова или Петра Долгорукова, умоляющих его не слишком далеко заходить в преобразованиях. Он одобрительно кивает, как будто бы разделяя их убеждения, и благодарит за соображения, высказанные так бескорыстно. Так же он ведет себя, нанося визиты матери, вдовствующей императрице, в штыки встречающей любой разговор о реформах. Враждебность, которую он чувствует вокруг себя, усиливает его врожденную нерешительность. Подвергаясь нападкам как справа, так и слева, он выходит из затруднений, прибегая к полумерам и уверткам. Вскоре, сам усомнившись в правильности своей внутренней политики, он начинает задумываться о том, чтобы снискать успех на дипломатическом

поприще, открывающемся перед ним на мировой арене. Он остывает к несчастной судьбе крепостных в родной стране и загорается новой мечтой — о международной славе Екатерины Великой.

Глава V

Крещение огнем

Любовь к парадам может уживаться с ненавистью к войне. Таково мнение Александра. Он страстно увлекается зрелищем красивых мундиров, безупречно построенных полков, быстро и точно выполняемых маневров и испытывает отвращение к военным авантюрам на настоящих боевых позициях. Он мечтает жить в добром согласии со всеми своими соседями. Если он соглашается присоединить к России Грузию, то потому лишь, что эта раздираемая династическими распрями страна сама просила Россию взять ее под свое покровительство. Все остальные государства он уверяет, что в его планы не входит приращение российской территории. Первая мера, подтвердившая миролюбивую внешнюю политику царя, — подписание 5 июня 1801 года морской конвенции с Англией. Он также восстанавливает дипломатические отношения с Австрией и разъясняет Парижу, что сближение России с двумя этими странами не направлено против Франции. Принимая генерала Дюрока, присланного Первым консулом поздравить царя со вступлением на трон, Александр с любопытством присматривается к этому образчику постреволюционной фауны. Он прогуливается с Дюроком по аллеям Летнего сада, расточает ему тысячу любезностей и называет его «гражданин», не подозревая, что это обращение давно уже не употребляется в окружении Бонапарта. Раздосадованный Дюрок почтительно протестует, но Александр — большой республиканец, чем его гость, — продолжает с энтузиазмом так его величать, и Дюрок минуту верит, что его увлекающийся собеседник

захвачен идеей франко-русского союза. Тем не менее, когда Дюрок намекает на выгоды, которые извлекла бы Россия из морской торговли на Средиземном море под протекцией Франции, Александр возражает: «Я ничего не хочу для себя, я хочу лишь содействовать спокойствию Европы». И, провожая Дюрока, так и не добившегося определенного ответа, мягко добавляет: «Передайте Бонапарту: не нужно, чтобы его подозревали в стремлении к новым завоеваниям».

Вскоре посла России в Париже Колычева сменяет граф Морков, враждебно относящийся к Первому консулу. В Петербурге управляющим Министерством иностранных дел вместо графа Александра Воронцова (брата посла России в Англии) становится Адам Чарторыйский. Давно уже Александр считает Чарторыйского своим лучшим советником по вопросам внешней политики, ценит его как осторожного дипломата и благородного человека, но и учитывает его непреодолимый в глазах русских недостаток — безмерную любовь к Польше. Всею душой преданный своей родине, Чарторыйский надеется, что рано или поздно царь исправит несправедливость, причиненную этой несчастной стране разделом, и восстановит Польшу в ее исторических границах. Но Александр, хоть и сторонник принципа справедливости во внешней политике, понимает, что Австрия и Пруссия, как и Россия, вряд ли добровольно откажутся от захваченных ими польских земель. Чарторыйский, живущий своим фантастическим проектом, хотел бы помешать сближению России с немецкими государствами, тогда как император, наоборот, стремится договориться с ними и установить в Европе политическое равновесие. Александр быстро распознал, что Амьенский мир, заключенный Англией и Францией, всего лишь кратковременное перемирие в борьбе двух этих стран. И он, сын принцессы вюртембергской и муж принцессы

баденской, не может бросить на произвол судьбы два эти княжества, над которыми нависла угроза со стороны Франции. Заглядывая в будущее, он мысленно создает союз всех немецких государств, связанных некой родственной привязанностью, — естественный заслон России против французской агрессии. Вдовствующая императрица, тяготеющая ко всему немецкому, оказывает на него психологическое давление, побуждая противиться планам Чарторыйского. Александр пишет послу в Париже Моркову: «Представьте от моего имени французскому правительству, насколько было бы желательно не доводить до крайности Венский двор и не дать ему преимуществ, которые всегда получает оскорбленная сторона. В данный момент необходимо, более чем когда-либо, во всем соблюдать справедливость и умеренность». Глубоко симпатизируя Германии, он мечтает лично познакомиться с потомком Фридриха Великого и своими глазами увидеть знаменитую выучку прусских гренадеров.

Не предупредив ни Чарторыйского, ни Кочубея, Александр, воспользовавшись пребыванием на западной границе империи, 29 мая 1802 года наносит визит в Мемель королю Фридриху-Вильгельму III и королеве Луизе Прусской. Пышность приема и пылкость выраженных ему чувств превосходит все его ожидания. В течение недели парады, маневры, обеды сменяются балами и увеселительными прогулками и представляют ему множество возможностей испробовать на хозяевах свои чары. Графиня Фосс, обер-гофмейстерина королевы Луизы, записывает в дневнике: «Император — чрезвычайно красивый мужчина: он белокур, его лицо необычайно привлекательно, но держится он скованно. У него, по-видимому, превосходное, чувствительное и нежное сердце. Во всяком случае, он в высшей степени обходителен и учтив». И спустя несколько дней

добавляет: «Император — самый любезный мужчина, какого только можно себе представить. Он чувствует и думает, как порядочный человек. Бедняжка, он совершенно покорен и околдован королевой». И действительно, Александр пленен этой двадцатилетней женщиной, прекрасной, умной, восторженной, не скрывающей, что для нее он — самое совершенное творение на земле. «Я никогда не видела Альп, — признается она в письме к брату Георгу, — зато я видела множество людей, и мне посчастливилось встретить одного человека в полном смысле этого слова». По замечанию насмешника графа Семена Воронцова, легко воспламеняющаяся Луиза столь кокетлива, что была бы «счастлива и горда, влюбив в себя лакея или нищего». В присутствии русского царя она теряет покой. Ее супруг, прозаичный и несветский Фридрих-Вильгельм III, поощряет ее, заранее прикидывая, какие политические выгоды извлечет из сентиментальной победы своей супруги. И Александр с удовольствием включается в игру. Его увлекает обмен утонченными любезностями, влюбленными взглядами, двусмысленными комплиментами. В восторге от своего успеха, он не вспоминает о далекой Марии Нарышкиной. Но, от души забавляясь этой словесной дуэлью, он вовсе не собирается идти до конца. «Лишь в очень редких случаях, — пишет Чарторыйский, — добродетели дам, к которым благоволил этот монарх, угрожала реальная опасность». Когда королева Луиза становится слишком пылкой, Александр укрывается за личиной робости или светской учтивости. Он даже, опасаясь ночного вторжения, запирает на ночь дверь своей спальни на два замка. Напрасная предосторожность, ибо, несомненно, «чаровница» слишком романтична, чтобы опуститься до плотских желаний. Она наслаждается сознанием, что увлекла императора, так же, как и он наслаждается мыслью, что

покорил королеву. Платонический роман укрепляет их взаимную симпатию. Александр обзавелся еще одной «дамой сердца» и, пальцем ее не коснувшись, будет поклоняться ей издали. Королева олицетворяет Пруссию со всеми ее соблазнами, и он уже сам не разбирает, какую ведет интригу, политическую или любовную. В Пруссии его разочаровывает лишь одно — ее армия. Он наблюдал за действиями прусской армии во время маневров и нашел, что она сильно уступает русской. «Я вернулся, избавившись от давно сложившегося у меня представления о прусской армии как образцовом», — признается он позже барону Штуттерхайму, австрийскому военному атташе.

Конечно, в идиллию, которую разыгрывают русский император и прусская королева, вторгаются и вопросы о европейских делах, но монархи не принимают никаких конкретных решений. Тем не менее после возвращения императора Чарторыйский пишет ему: «Я рассматриваю сближение с Пруссией как самое пагубное для будущего России событие. Узлы дружбы, соединившие Ваше Императорское Величество с королем (подразумевается, и с королевой. — А. Т.), побуждают вас воспринимать Пруссию не как государство, отношения с которым требуют определенного политического расчета, а как дорогую вам особу, в отношении которой вы приняли на себя необычные обязательства, и вы сочтете своим долгом эти обязательства выполнять». Ему вторит граф Семен Воронцов, заявив, что поездка в Пруссию — «самый опрометчивый в мире демарш», потому что она ставит под удар равновесие, установившееся между Пруссией и Австрией, и вынуждает эту последнюю в знак покорности принять все требования Бонапарта. «Все государи приезжали к почившей императрице, — говорит С. Р. Воронцов Строганову, — а теперь русский император сам едет к другим государям».

Александр не обращает внимания на недовольство своего окружения, он по-прежнему считает, что если будет равно дружественен со всеми, то сумеет остаться в стороне от европейских дел и избежать дипломатических конфликтов. Между тем угроза войны приближается. Бонапарт становится пожизненным консулом, и его амбиции возрастают, как возрастают и воздаваемые ему почести. Амьенский мирный договор нарушен, военные приготовления возобновляются как во Франции, так и в Англии. Царя тревожит положение проливов, дающих выход к Балтийскому и Черному морям, и он через своего посла Моркова передает Парижу: «Император удовлетворен участью, назначенной ему Провидением, и не помышляет ни о каких территориальных приобретениях. Он полагает, что и никто другой не получит их за счет Турции». Бонапарт остается глух к этому заявлению; Морков ведет себя вызывающе, и Бонапарт требует его отзыва. Александр удовлетворяет желание Первого консула, но жалует Моркову орден Св. Андрея Первозванного и вместо него посылает в Париж простого поверенного в делах П. Я. Убри. И с той, и с другой стороны это пока что булабочные уколы. Свои мысли Александр открывает в письме Лагарпу: «Я совершенно изменил, как и вы, мой дорогой друг, мнение о Первом консуле. После провозглашения его пожизненным консулом завеса пала, и с тех пор дело идет все хуже и хуже. Он начал с того, что сам лишил себя наивысшей славы, которая может выпасть на долю смертного и которую ему оставалось стяжать, — славы доказать, что он действовал не для себя лично, а единственно для блага и славы своей родины, что он сохранит верность конституции, которой присягал, и готов через десять лет сложить власть, которую держит в руках... Ныне это один из величайших тиранов, которых породила история». Высказав отрицательную оценку Бонапарта в

частном письме, царь намерен сохранять холодную сдержанность по отношению к «Корсиканцу», возвышение которого внушает все больше опасений. В январе 1804 года генерал Гедувиль, посол Франции в Петербурге, еще может сообщать Талейрану: «Распространяющиеся здесь слухи о враждебных намерениях России кажутся мне пока что лишены оснований; единственный их источник — хвастливая болтовня военных и проанглийских кругов, желающих войны».

И вдруг весь Петербург взрывается негодованием. Получено ужасающее известие: герцог Энгиенский похищен из городка Эттенхейм во владениях Баденского курфюрства и 21 марта 1804 года расстрелян во рву Венсенского замка. Попраны все нормы международного права! В глазах русского царя герцог Энгиенский, принц королевской крови, последний отпрыск ветви Бурбонов-Конде, — личность неприкосновенная. Монархическая солидарность соединяет русский двор с этим молодым принцем. К тому же при Павле I он нанес визит в Петербург и за время своего краткого пребывания на берегах Невы очаровал царя и всю царскую семью. Подняв на него руку, Первый консул совершил святотатство. «Прежде всего сообщаю вам о том, что уже три дня занимает всех и не выходит у меня из головы: смерть герцога Энгиенского, — пишет Елизавета матери. — Весь день я под этим впечатлением». И Жозеф де Местр: «Возмущение достигло предела. Добрые императрицы плачут. Великий князь в бешенстве Его Императорское Величество глубоко огорчен. Членов французской миссии нигде не принимают».

Император объявляет семидневный траур. Заупокойная служба происходит в католическом соборе Петербурга в присутствии императорской фамилии, двора и дипломатического корпуса. В одном из нефов

установлен кенотаф^[21] с надписью «Quem devoravit bellua corsica!». ^[22] Вечером на приеме у князя Белосельского все приглашенные в трауре. Приезд супруги генерала Гедувиля в нарядном платье скандализует собрание, единодушно все, мужчины и женщины, поворачиваются к ней спиной.

17 апреля император созывает чрезвычайное заседание Государственного совета с целью выработать позицию в ответ на «возмутительный произвол Бонапарта». Сгоряча он диктует Чарторыйскому следующую ноту: «Его Величество не может сохранять далее сношения с правительством, которое не признает узды, ни каких бы то ни было обязанностей и которое запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на вертеп разбойников». Но по зрелом размышлении царь признает, что подобный выпад рискует спровоцировать войну, а Россия к войне не готова. В конечном счете этот акт Бонапарта не нанес прямого ущерба чести русского императора, и России не к лицу принимать политические решения под влиянием чувств. Единодушно решаются на компромисс: Убри передаст французскому правительству ноту протеста, составлена также нота Регенсбургскому сейму. Нота, посланная в Париж, заканчивалась в таких выражениях: «Его Императорское Величество был столь же огорчен, как и изумлен, узнав о событии в Эттенхейме, о сопровождавших его обстоятельствах и о его прискорбном последствии... Е. И. В-во, к несчастью, видит в этом нарушение, столь же бесполезное, как и очевидное, международного права и нейтральных владений, — нарушение, последствия которого трудно исчислить и которое, если его сочтут дозволенным, поставит ни во что безопасность и независимость державных государств Германской империи... Е. И. В-во

уверен, что Первый консул постарается внять справедливым нареканиям германского корпуса и почувствует необходимость употребить самые действенные средства, чтобы успокоить все правительства относительно только что внушенного им страха и содействовать прекращению порядка вещей в Европе, слишком опасного для их спокойствия и независимости, на которые они имеют неоспоримое право».

Бонапарт, хоть и задетый этой нотой, по общему тону сдержанной, приказывает Талейрану ответить в таком же духе. Но Талейран, увлекшись собственным красноречием, пишет 16 мая 1804 года: «Если бы нынешним предметом мыслей Е. В-ва было составление новой коалиции в Европе и возобновление войны, то к чему напрасные предлоги и отчего бы не действовать более открыто? Как бы ни было прискорбно Первому консулу возобновление неприязненных действий, нет на свете человека, который мог бы запугать Францию, которого он допустил бы вмешаться во внутренние дела страны. И так как он сам не вмешивается в партии или мнения, которые могут раздирать Россию, то и Е. В-во Императора не имеет никакого права вмешиваться в партии и мнения, которые могут раздирать Францию... Предъявленная теперь Россией жалоба заставляет спросить: если бы в то время, когда Англия замышляла убиение Павла I, знали, что зачинщики заговора находятся на расстоянии одного лье от границы, неужели не постарались бы схватить их?»

Последний абзац ноты был воспроизведен в «Монитер». Он содержал тройное и умышленное оскорбление царя: утверждение, что Павел I умер не от апоплексического удара, а был убит, что опровергало официальный царский манифест; абсурдную инсинуацию, что заговор подготовила Англия; обвинение сына, не остановившего руку убийц. Так

Александр, за прошедшие три года привыкший к мысли, что время стерло из памяти людской воспоминание об отцеубийстве, снова перед всем миром пригвожден к позорному столбу как соучастник преступления, которому нет прощения. С утонченной жестокостью Талейран нанес удар по его больной совести, разбередив незаживающую рану. В результате Александр предписывает генералу Гедувиллю покинуть Петербург. В Париже русский поверенный в делах Убри тщетно пытается достичь какой-нибудь договоренности. Его нагло выпроваживают, и он вынужден затребовать паспорта.

Тем временем во Франции провозглашена империя — 18 мая 1804 года Бонапарт становится Наполеоном. Коронация обставлена с неслыханной роскошью, сам папа коронует его. Перед изумленными взорами потомственных монархов предстает новый государь, могущественный и высокомерный. На взгляд Александра, этот бесстыдный авантюрист не имеет никакого права на мистическое поклонение, которым, по традиции, окружены коронованные особы. Он способен на все: преступления, попрание договоров, пренебрежение данным словом ради удовлетворения непомерных амбиций — амбиций выскочки. «Чем безропотнее французы, тем безрассуднее этот человек, — говорит Александр барону Штуттерхайму. — Мне кажется, он кончит безумием». Нации, сохранившие здравый рассудок, должны объединиться и обуздать этого одержимого. Не особенно симпатизируя Англии, царь приходит к выводу, что Англия будет надежным союзником. Она уже втянута в борьбу с Францией и благосклонно отнесется к предложению договориться с Россией. Англофилы из его окружения подталкивают его к сближению с Англией, указывая на совпадение интересов двух стран. «Каждая из наших стран производит продукцию,

необходимую другой, и каждая для другой — дешевый и выгодный рынок сбыта, — пишет Семен Воронцов. — У нас огромные естественные ресурсы, Англия — великая морская держава». Вильям Питт, вернувшийся к власти, разделяет эту точку зрения и говорит послу царя: «Добрый англичанин должен быть добрым русским, а добрый русский — добрым англичанином, ибо двум этим нациям, объединившим свои усилия, предстоит рано или поздно сокрушить „колосс мощи, честолюбия и деспотизма“».

8 сентября 1804 года Александр и его сподвижники приступают к подготовке союза с Англией. Чарторыйский и его личный секретарь аббат Пиатоли составляют «Секретную инструкцию», доводящую до сведения Сент-Джеймского кабинета русский проект: возврат Франции в первоначальные границы и пересмотр русских и австрийских границ; при разделе Турции передача некоторых ее территорий России и Австрии и образование из оставшихся частей Федерации государств под эгидой России. Излагая свой грандиозный проект, Александр подчеркивает, что выступает «не против французской нации, а исключительно против ее правительства». Доказательство? Пожалуйста! Согласно формулировкам «инструкций», народы, освобожденные от власти Наполеона, смогут сами установить у себя либеральный режим, основанный на завоеваниях Великой французской революции. На этот счет документ категоричен: «Я хотел бы, чтобы оба наши правительства согласились между собой не только не восстанавливать в странах, подлежащих освобождению от ига Бонапарта, прежний порядок вещей со всеми его злоупотреблениями, с которыми умы, познавшие независимость, не будут уже более в состоянии примириться, но, напротив, постарались бы обеспечить им свободу на ее истинных основах». Кроме того,

Александр ратует за выработку общего договора, который стал бы своего рода новым кодексом международного права и был бы основан на обязательстве «никогда не начинать войны, не исчерпав предварительно всех средств, которые может предоставить посредничество третьей стороны». Он даже, уносясь в грядущее на крыльях мечты, намеревается создать «европейскую федерацию» государств доброй воли. «После стольких тревог, испытав все неудобства непрочной призрачной независимости, большая часть правительств, по всей вероятности, пожелает примкнуть к союзу, который надежно гарантировал бы их спокойствие и безопасность... Наилучшей гарантией прочности такого порядка вещей послужит тесный союз петербургского и лондонского дворов».

Снабженный этой «инструкцией», Новосильцев отправляется в Англию с тайной миссией. Вильям Питт, познакомившись с проектом Александра, не может не улыбнуться такой наивности. Как! Наполеон в Булони готовится к высадке на землю Англии, ее спасение только в ожесточенной борьбе с Францией, а посланец царя прибыл обсуждать с ним пакт, суть которого в том, что нация должна ждать, когда на нее нападут и, прежде чем она успеет дать отпор, победят! Стараясь не разочаровывать Новосильцева, Питт заверяет его, что «в будущем» подобный договор обеспечит спокойствие в Европе, и Англия, разумеется, присоединится к нему. Но все в свое время. Сейчас первоочередная задача — привлечь Австрию и Пруссию в лигу наций доброй воли. Дабы преодолев колебания как русских, так и австрийцев и пруссаков, Вильям Питт заявляет, что Великобритания обязуется щедро финансировать союзные державы. После победы, обещает он, союзники займутся переустройством Европы на основах прочного мира, и конгресс

государей, пекущихся о благоденствии народов, восстановит равновесие и всеобщий мир в Европе.

Россия подписывает союзные договоры с Австрией (ноябрь 1804), со Швецией (январь 1805) и третий — с Англией (апрель 1805). Недостаёт только договора с Пруссией, через территорию которой должна пройти часть русских войск. Ибо короля Пруссии раздирают противоречия: он желает присоединиться к коалиции, чтобы избавиться от Наполеона, и надеется, что, сохранив нейтралитет, получит в награду от того же Наполеона Ганновер. Его нерешительность на руку Чарторыйскому, все ещё лелеющему свой польский проект. Чтобы покончить с проволочками, чинимыми этим сомнительным другом, нужно, говорит он, «перешагнуть через труп Пруссии», отнять у нее Варшаву и Познань и восстановить Польшу «под скипетром Александра». Это единственное средство, добавляет он, воскресить Польшу, судьба которой не заботит даже Францию. На проекты Чарторыйского косо смотрят при дворе. Сам Александр находит их излишне прямолинейными и рискованными. А юный князь Петр Долгоруков, яростный противник Чарторыйского, за обедом у императора бросает ему в лицо: «Вы рассуждаете как польский князь, а я — как князь русский!» Чарторыйский бледнеет и кусает губы. Царь хранит молчание. Чью сторону он примет?.. Но если Чарторыйского и Долгорукова разъединяет вопрос об отношении к Пруссии, их объединяет вопрос об отношении к Франции. Только мощная военная акция, полагают они, может положить конец агрессивной внешней политике Наполеона. Англия, дабы подстегнуть энергию союзников, предоставляет Австрии 3 миллиона фунтов стерлингов и столько же обещает Пруссии. Россия свою долю уже получила.

Две русские армии сосредоточены у западной границы империи. Одна, численностью в 50 тысяч

человек, под командованием Михаила Голенищева-Кутузова, должна соединиться с австрийской армией; другая, численностью в 90 тысяч человек, под командованием И. И. Михельсона, в случае необходимости выступит против Пруссии. В тылу патриотический подъем достигает предела. Елизавета пишет матери: «Признаюсь вам, дорогая мама, я всей душой предана России. Как бы ни было мне приятно вновь увидеть Германию, я была бы в отчаянии, если бы пришлось покинуть Россию навсегда, и если бы я по каким-нибудь воображаемым обстоятельствам была свободна и вольна выбирать, где жить, я выбрала бы Россию».

Александр готовится к отъезду в армию Кутузова. На всякий случай он посещает старца-прозорливца Селиванова и испрашивает его благословения. Можно ведь быть вольтерьянцем, но прислушиваться и к старческим предсказаниям. Старец закликает его не начинать войну с «проклятым французом». «Не пришла еще пора твоя, — вещает он, — побьет тебя и твое войско». Под впечатлением этого пророчества Александр особенно истово молится в Казанском соборе.

Он уезжает из Петербурга, смущенный мыслью, что ему придется, без сомнения, вторгнуться со своими войсками в эту упрямую Пруссию, родину восхитительной королевы Луизы. Как бы избавиться от огорчения эту обворожительную особу? Прибыв в Брест-Литовск, он посылает в Берлин своего любимого адъютанта князя Петра Долгорукова, поручив ему всеми возможными средствами победить уклончивость Фридриха-Вильгельма III. Если король не хочет участвовать в коалиции, то пусть по крайней мере пропустит через свои владения русские войска. До возвращения Долгорукова Александр соглашается почтить визитом родителей Чарторыйского в их

поместье. Оттуда, согласно планам своего министра, он направится в Варшаву, где — почему бы и нет? — провозгласит себя королем Польши. Поляки ликуют от перспективы близкого возрождения их родины. Но Александр, хоть и подхвачен волнами патриотического воодушевления гостеприимных хозяев, в течение двух недель не дает никакого движения своему проекту. И вдруг 4 октября объявляет, что едет прямо в Берлин, минуя Варшаву и не подписывая никакого документа относительно Польши. Это крах всех надежд Чарторыйского. Он горько разочарован не только как польский патриот, но и как русский политический деятель. Кроме того, впервые царь так явно и открыто выказал пренебрежение своему министру. Скрытный характер Александра толкает его на подобного рода двойственность: как будто бы благосклонно выслушивая мнения своих советников, он затем неожиданно, обманывая ожидания тех, кто верил ему, принимает решение, которое, казалось, ничто не предвещало.

Крушение всех расчетов Чарторыйского радует приверженный традициям русский клан, к которому принадлежит и Петр Долгоруков. Ему, посланцу Александра к прусскому королю, улыбнулась удача. Когда он защищал русское дело в Берлине, Наполеон просто-напросто захватил территорию средней Германии. Взбешенный Фридрих-Вильгельм III немедленно открывает русским войскам свои границы. Точно камень свалился с души Александра. По приглашению Фридриха-Вильгельма III он спешит в Берлин, чтобы вместе с королем обсудить, как дать отпор врагу. Тем хуже для поляков и Чарторыйского, думает Александр, а ему нужен союз с Пруссией, которая в случае необходимости выставит армию в 150 тысяч человек. 25 октября в Берлине его ждет великолепный прием. Луиза появляется во всем блеске

своей красоты, с бриллиантовой диадемой на голове. Под растроганными взглядами молодой женщины оба государя наперебой клеймят позором Францию. 3 ноября 1805 года в Потсдаме они подписывают договор, по которому Пруссия, без уточнения условий, присоединяется к коалиции. Ей обещано, что Ганновер перейдет к ней после победы. Дабы скрепить столь доброе согласие, Александр, всегда склонный к театральным жестам, выражает желание поклониться праху Фридриха Великого.

Темной ночью Александр, Фридрих-Вильгельм III и Луиза направляются через пустынный двор Потсдамского замка в гарнизонную церковь. При свете дымящих факелов ровно в полночь они втроем спускаются в подземелье. Закутанная в черный плащ королева смертельно бледна. В сыром и мрачном склепе Александр подходит к гробнице, где покоится прах великого полководца, которым восхищались его дед Петр III, его отец Павел I и его бабушка Екатерина II, и благоговейно прикасается губами к холодному камню. Обратившись душой к почившему, он просит его вдохновить их на борьбу с Наполеоном. Потом, взявшись за руки, трое друзей клянутся друг другу в вечной дружбе.

Тем временем Наполеон действует с обычной стремительностью и мощью: Ульм капитулирует, австрийцы разбиты под стенами Вены и отступают к Ольмюцу, где уже находятся главные силы армии Кутузова. Александр поспешно направляется к этому небольшому городку в Моравии.

Прибыв 18 ноября на место, Александр убеждается, что его присутствие отнюдь не воодушевляет войска. Солдаты нисколько не взволнованы тем, что после Петра Великого он первый русский царь, лично присутствующий на театре военных действий. Очевидец кампании 1805 года, князь Ланжерон,

французский генерал на русской службе, пишет: «Я, как и другие генералы, был удивлен той холодностью и угрюмым молчанием, с которым войска встретили императора». Голодные солдаты, не имеющие ни сапог, ни теплой одежды, вынуждены грабить окрестные деревни. Дисциплина расшаталась. Между русскими и австрийцами происходят драки. Офицеры с трудом держат в руках армию, которая питается «замерзшей картошкой без соли». Но много недовольных и среди них. Император ими пренебрегает. «Он не уделяет им внимания, — продолжает Ланжерон, — редко их принимает, почти с ними не разговаривает и бережет свои милости для пяти-шести молодых фаворитов, своих адъютантов — для Ливенов, Волконских, Гагариных, Долгоруковых. Он бесцеремонно обращается со старыми генералами, облик и манеры которых сверх того высмеивают эти всем заправляющие юнцы». Воспаленное тщеславие этой блестящей военной молодежи, мечтающей отличиться, доводит ее до безрассудства. Принадлежащие к аристократическим семьям, в новых, с иголки, мундирах с золочеными аксельбантами, перетянутые шарфами, увешанные орденами, эти царедворцы клянутся нанести Наполеону удар, от которого тот уже не оправится. Они уговаривают Его Величество лично присутствовать при военных действиях и даже принять командование армией. Напрасно Чарторыйский удерживает царя от этого шага, тот высокомерно не желает его слушать. Не прислушивается он и к разумным доводам Кутузова, который опасается сыграть на руку французам, приняв навязанное Наполеоном сражение, и предпочитает выжидать, пока подойдут подкрепления. На взгляд Александра, эта чрезмерная осторожность весьма смахивает на трусость. Русская армия в присутствии своего государя выкажет чудеса храбрости, и тот, кто сомневается в

этом, сомневается в самой России. Старый генерал Кутузов, одутловатый, одноглазый, почтительно склоняется перед своим молодым властелином. Ему, человеку, пережившему три царствования, воля императора внушает религиозное благоговение. Впрочем, с прибытием Александра и его союзника, австрийского императора Франца, Кутузов — только номинально главнокомандующий. Никто с ним не считается. Однажды, осмелившись спросить у Его Величества об указаниях по передвижению войск, он слышит в ответ: «Это не ваше дело!» «Юнцы, окружающие императора, — рассказывает Ланжерон, — смеялись над Кутузовым, у него не было ни власти, ни влияния».

В качестве военного советника Александр открыто предпочитает Кутузову австрийского генерала Вейротера, человека ограниченного, самодовольного и угодливого. Этот последний своими вкрадчивыми манерами приобрел расположение молодых царских адъютантов, среди которых Петр Долгоруков — самый шумливый и самый честолюбивый. На совещаниях военного совета эти господа присягают только новому главе штаба армии, доктринеру венской военной школы.

Между тем Наполеон, разместившийся в Брюнне, полагает, что продолжение войны сопряжено с неоправданным риском. 25 ноября он посылает в Ольмюц генерала Савари с двойной миссией: передать Александру письмо, содержащее поздравления с благополучным прибытием императора к армии, и незаметно разведать намерения неприятеля и настроения как солдат, так и офицеров. В русском лагере никто не останавливает Савари у аванпостов. Его проводят в штаб-квартиру. Он передает письмо Наполеона Александру, болтает с офицерами, украдкой наблюдая за военными, и покидает лагерь, убедившись

в слабости русско-австрийских боевых позиций. Французы вышучивают действия союзников. В № 30 «Бюллетеня по армии» от 3 декабря 1805 года говорится: «Савари быстро понял из бесед, которые он три дня вел с тремя десятками ветрогонов, под разными званиями окружающими императора России, что военный штаб, как и политический кабинет, руководствуется в своих решениях самонадеянностью, безрассудством и легкомыслием».

Из своей вылазки в тылы русских линий Савари привез письмо Александра, адресованное «главе французского правительства». В письме не было речи о перемирии, но тон его был учтив: «Я признателен вам за письмо, доставленное мне генералом Савари, и спешу выразить вам свою благодарность. У меня нет иного желанья, кроме восстановления в Европе мира на основах равенства и справедливости. Я был бы рад случаю быть вам приятным. Соблаговолите принять уверения в моем глубоком уважении. Александр».

Передав это послание Савари, Александр приказывает армиям коалиции выступить навстречу врагу. По его желанью, все полки шагают в ногу, как на параде. 28 ноября возле Вишау происходит стычка, в которой австро-русские части, имевшие значительный численный перевес, обращают в бегство несколько французских эскадронов. Именно в этой стычке Александр, охваченный юношеским ликованием, получает боевое крещение. Он ведет себя храбро во время всего дела и после окончания перестрелки объезжает верхом поле сражения, рассматривая в лорнет убитых и раненых. Вид крови потрясает его. Его тошнит, он не может есть и ложится спать больным. К утру к нему возвращается как мужество, так и самонадеянность. Победа, одержанная над французами под Вишау, кажется ему добрым предзнаменованием. Все вокруг него кричат, что она предвещает другие

победы. Рассчитывая, что первое столкновение с русскими образумило французов, он посылает заносчивого Петра Долгорукова к Наполеону с предложением перемирия. Наполеон встречает посланца на линии передовых постов и разговаривает с ним на большой дороге под открытым небом. Развязность этого, по его выражению, «вертопраха» выводит его из себя. «Он говорил со мной, как с русским боярином, которого ссылают в Сибирь», — пишет он маркиграфу Вюртембергскому. И действительно, августейший собеседник не произвел на Долгорукова никакого впечатления. Ни разу он не обратился к нему «Ваше Императорское Величество». «Долго ли мы будем воевать? — спрашивает его Наполеон. — Что от меня хотят? Почему император Александр воюет со мной? Пусть он расширяет границы России за счет своих соседей, особенно турок, и тогда все его споры с Францией кончатся». На эти слова Петр Долгоруков сухо отвечает, что царь не стремится ни к каким территориальным выгодам для России и взялся за оружие единственно для того, чтобы защитить независимость других европейских государств, которым постоянно угрожает Франция. Наполеон раздраженно прерывает его. «России надо следовать другой политике и думать о собственных интересах, — говорит он и жестко добавляет: — Что ж, будем сражаться! Уходите! Возвращайтесь к вашему господину и скажите ему, что не в моих привычках терпеть подобные оскорбления. Уходите немедленно!» Петр Долгоруков садится на лошадь и уезжает.

Вернувшись на русские позиции, Долгоруков составляет письменное донесение императору, откуда следует, что французы боятся сражения под Аустерлицем из-за огромного численного перевеса союзнических армий: 90 тысяч русских и австрийцев

против 70 тысяч французов.^[23] «Наш успех обеспечен, — заключает Долгоруков. — Надо только наступать, как делали под Вишау».

В ночь с 1 на 2 декабря главнокомандующий войсками коалиции генерал Вейротер созывает военный совет и излагает членам совета диспозицию завтрашнего сражения. Полковник Толь переводит с немецкого многословные объяснения генерала русским офицерам, путающимся в названиях селений, рек, высот, перечисляемых как ориентиры. «Можно было подумать, — пишет Ланжерон, — что школьный учитель растолковывает урок ученикам». Никаких возражений не допускается. Свет канделябров падает на озабоченные и почтительные лица военных, склонившихся над разбросанными на столе картами. Кутузов, не решаясь оспаривать план, уже одобренный императором, притворяется спящим. Согласно плану Вейротера войска союзников должны спуститься с Праценских высот на равнину, где расположилась французская армия, и, совершив обход ее правого фланга, запереть ее в Брюнне, отрезав дорогу на Вену.

На рассвете Александр в приподнятом настроении, как будто выезжает на парад, поднимается в сопровождении адъютантов на Праценские высоты, чтобы сделать смотр войскам, а точнее, чтобы очистить эту позицию и окружить правый фланг французов.

На горизонте восходит красное осеннее солнце, но равнина еще окутана густым молочным туманом, скрывающим от глаз противников передвижения во вражеском стане. Увидев Кутузова, который тревожно всматривается в даль, Александр бодро спрашивает у него: «Ну что, как вы полагаете, дело пойдет хорошо?» Старый одноглазый генерал улыбается и с осмотрительностью опытного придворного отвечает: «Кто может сомневаться в победе под

предводительством Вашего величества?» — «Нет, нет, — возражает царь. — Здесь Вы командуете. Я всего лишь зритель». Кутузов почтительно кланяется, но, когда Александр удаляется, говорит генералу Бергу: «Хорошенькое дело! Я должен командовать боем, которого не хотел предпринимать, когда я даже не хочу идти в атаку!»

В восемь часов утра австрийско-русская армия начинает движение: колонны, выполняя пагубный план Вейротера, постепенно спускаются с Праценских высот. Когда туман рассеивается, Наполеон приказывает своим силам, сосредоточенным в долине, атаковать по всей линии и овладеть этими пресловутыми Праценскими высотами: на его взгляд, именно они — ключ к победе. В это мгновение восходит солнце и ослепительным золотистым светом затопляет поле сражения. Понимая грубейший просчет Вейротера, Кутузов старается задержать на высотах войска, чтобы отразить натиск французов. При этом явном нарушении инструкций Александр нетерпеливо спрашивает у старого генерала: «Почему не идете вперед?» Кутузов, надеясь выиграть время, отвечает: «Поджидаю, когда все войска в колонны соединятся». — «Да ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки!» — возражает император. «Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете... С Богом!» — и Кутузов отдает приказ атаковать. Обходной маневр проваливается. Наполеон овладевает роковыми Праценскими высотами, устанавливает там артиллерию и беспрепятственно обстреливает сверху зажатые в лощине армии противника. Не проходит и часа, как войска союзников обращаются в беспорядочное бегство. Преследуемые французами русские бегут, смешав ряды, мелькают искаженные страхом лица, поверженные знамена, искореженные штыки. Толпа

бегущих увлекает за собой офицеров, тщетно пытающихся остановить панику. Артиллеристы бросают пушки. Раненые ползут по земле, моля о помощи бегущих мимо. Никто их не слышит. Каждый за себя. Избавляются от оружия с криками: «Спасайся, кто может: французы окружают!» Посреди всеобщего разгрома Александр пытается сохранить спокойствие. Почти все лошади свиты убиты на его глазах. Пушечное ядро разрывается в нескольких шагах от него, и царя осыпает землей, отброшенной взрывом. Его лихие адъютанты разбежались. «Глубокая печаль читалась на его лице, — скажет позже генерал Ермолов, — остатки полков проходили мимо него, и на глазах его были слезы».

Позже, в сумерках, нарушаемых выстрелами и вспышками огня, Александр покидает поле сражения и едет верхом на поиски своей военной квартиры. Его сопровождают только врач Джеймс Виллие и конюший. Неважный наездник, царь с трудом держится в седле, и конюший помогает ему перескочить неглубокий ров. В изнеможении он спешивается, садится под деревом и, закрыв лицо платком, горько плачет. Его отчаяние тем более мучительно, что он не сомневался в успехе и уже предвкушал победу. К его печали примешиваются гнев на бегущие полки, чувство сострадания к бессмысленно погибшим и сознание чудовищной ответственности за свершившееся. Полковник Толь подъезжает к нему, пытается ободрить. Александр обнимает его, вытирает слезы, садится на лошадь и едет дальше сквозь холодную туманную ночь, опасаясь в довершение всего попасть в плен. Они проезжают через деревни, где пьянствуют солдаты, в этом одиноком всаднике не узнающие своего государя. Наконец, совершенно измученные, они достигают крупного селения, где, опередив русского царя, уже расположился на ночлег император Франц. С большим трудом отыскивают

пустую лачугу, чтобы устроить там Александра. Не произнеся ни слова, он бросается на соломенную подстилку. Его сотрясает озноб, изнуряет понос. Врач хочет дать ему вина, чтобы он мог согреться, но коляски Его Величества потеряны, кухня и дорожные припасы исчезли. Джеймс Виллие надеется раздобыть немного вина у императора Франца, но тот уже крепко спит, а его обер-гофмаршал Ламберти наотрез отказывается будить его или распорядиться погребом без его разрешения. Отчаявшись, врач идет просить вина у казаков, разбивших неподалеку бивуак. Казаки проявляют полное понимание. Джеймс Виллие prepares подогретое вино, добавляет несколько капель опиума и заставляет своего стучащего зубами пациента проглотить этот напиток.

На следующий день Александр, крепко проспав ночь, появляется перед войсками отдохнувший и бодрый. Его радостно приветствуют: прошел слух, что он ранен, может быть, даже взят в плен. Но эти приветственные крики, несущиеся к нему из толпы грязных, оборванных солдат, не смягчают его унижения. «Корсиканец» уже обосновался в замке Аустерлица. 4 декабря 1805 года император Франц лично вступает в переговоры с Наполеоном. Они подписывают перемирие, по условиям которого остатки русских войск должны немедленно покинуть территорию Австрии. Пять дней спустя Александр расстается со своим бывшим союзником в Голиче и, понунив голову, держит путь в Петербург. Перед отъездом он пишет королю Пруссии: «В любом случае и в любое время я готов поддержать Пруссию всеми моими силами, и я сам всецело в ее распоряжении». Но Фридриху-Вильгельму III ни к чему обещания побежденного, он спешит принести свои поздравления победителю.

Неприятная обязанность отвести остатки русской армии через Венгрию в Россию выпадает на долю Кутузова. Аустерлицкий разгром стоил русским 27 тысяч человек. «Для России это капля крови», — пишет Жозеф де Местр королю Сардинии. Но эта «капля крови» тяжким грузом ложится на совесть Александра. В своем сознании он невольно присоединяет ко всем этим мертвым, гибели которых не желал, мертвого отца, к спасению которого не приложил руку. Ростопчин скажет после битвы: «Бог не захотел благословить оружие преступного сына».

Близкие Александра потрясены переменой, происходящей с ним час за часом. Подозрительный, угрюмый, неразговорчивый, он как будто в один день расстался с молодостью. Утешает его только мысль, что разгром под Аустерлицем помог ему измерить подлинную мощь Наполеона. Отныне, наученный горьким опытом, он будет осторожнее, поостережется раньше времени впасть в энтузиазм и станет серьезнее готовиться к ответным ударам. Пока же нужно найти подходящее объяснение поражению русских. Народ, отделенный сотнями километров от театра военных действий, смутно представляет себе размеры катастрофы. Официально причина разгрома — измена австрийцев. «Их подлое поведение, которому мы обязаны неудачей, вызвало у меня невыразимое возмущение, — пишет Елизавета матери. — Не передать словами чувства, которые вызывает эта трусливая, вероломная, наконец, глупая нация, наделенная самыми гнусными качествами... Наши замечательные войска, несмотря на неудачи и предательство, покрыли себя славой даже в глазах своего врага и вызывают глубокое восхищение у соотечественников. Наши солдаты — ангелы, мученики и одновременно герои. Умирая от голода, падая от истощения, они требовали только одного — сразиться с неприятелем, в то время

как обозы с продовольствием попали к врагу, а эти презренные австрийцы были всем обеспечены».

Прибыв в Петербург, Александр вместе с императрицами, выехавшими ему навстречу, отправляется в Казанский собор. Возблагодарив Бога за спасение его жизни посреди стольких опасностей, он проводит смотр войскам на площади перед Зимним дворцом. Собранный народ встречает его как победителя. «Все бросились вслед за ним, — рассказывает очевидец. — Его так сдавили, что он не мог идти дальше. Падали ниц, целовали руки и ноги; поклонение перерастало в экстаз. И государь, обожаемый народом, плакал от умиления и уверял, что это мгновение вознаградило его за перенесенные несчастья и он всей душой готов вновь пережить их, лишь бы снова увидеть выражения любви своих подданных, столь дорогие его сердцу». Графиня Строганова пишет: «Всех опьяняла радость вновь видеть его. Он прибыл ночью; утром залы и коридоры дворца были заполнены людьми, так что едва можно было пройти, а площадь перед дворцом была черна от народа. Когда он появился, бросились целовать его руки, ноги, одежду».

Александр смущен не заслуженным им поклонением, и его доверенные лица советуют ему дать в театре Эрмитаж бал и ужин, чтобы отвлечь недовольных. Празднество удастся на славу. «Все сверкало мишурой, украшениями, хрусталем, орденами, — рассказывает адмирал Чичагов. — Мужчины были в парадных мундирах, дамы увешаны бриллиантами. Можно было подумать, что находишься в Париже, в лагере победителя». Награды и звания сыпались в изобилии. Даже Кутузов, не бывший у Александра в фаворе, получил орден Св. Владимира. Правда, он сразу же был удален из столицы в почетную ссылку — назначен генерал-губернатором Киева.

Несколько генералов подверглись разного рода взысканиям, в их числе Ланжерон, которому дозволено просить увольнения от службы. Что до Александра, то он, сохраняя трезвую голову, отказывается от ордена Св. Георгия, которым Совет хотел наградить его за храбрость. Впрочем, мало-помалу обстановка вокруг него проясняется. В столицу возвращаются войска, и языки развязываются. Общественному мнению открывается правда. Восторг сменяется ужасом. Николай Новосильцев пишет 6 января 1806 года Павлу Строганову, находившемуся в Лондоне с дипломатическим поручением: «Помните, расставшись с нами, вы оставили нас крайне обеспокоенными тем, с каким лицом покажемся мы в Петербурге. Наше беспокойство и стыд возрастали по мере приближения к столице. Представьте наше удивление, когда мы узнали, что император был встречен с энтузиазмом, который невозможно описать... что все добрые жители Петербурга восхищены отличными действиями нашей армии в последнем деле; говорят, что это армия героев... что армия горела желанием возобновить бой, но австрийцы ее не поддержали и втайне от нас заключили перемирие; что, наконец, они настоящие изменники, продавшие нас французам, и что мы проиграли сражение единственно оттого, что они сообщили план его неприятелю, а вся их армия перешла на сторону французам... Вы легко можете себе представить, что в подобные небылицы нельзя долго верить: из армии прибывают люди, которые вносят поправки в представления публики. Скоро все узнают, что произошло на самом деле, какова действительная причина поражения и как мы вели себя после него... Вскоре после нашего возвращения мы были встревожены тем, как сильно упал император в общественном мнении; больше не говорят об измене австрийцев и приписывают все несчастья ему одному».

Александр, глубоко расстроенный падением своей популярности как внутри страны, так и за ее пределами, понемногу приходит в себя. У него зарождается мысль, что Аустерлицкое сражение вовсе не финал борьбы с Наполеоном, а, напротив, только ее начало. Император французов, став неоспоримым владыкой половины Европы, вряд ли удержится от соблазна еще больше расширить свои владения. Если Россия не хочет оказаться однажды под властью «коронованного Корсиканца», она должна как можно быстрее восстановить истребленные полки, сменить военачальников, укрепить и обновить свои внешние союзы. Предпринимая дипломатические демарши во всех направлениях, Александр ни на минуту не упускает из виду, что самое надежное средство избежать войны — как можно лучше к ней подготовиться. Он искренне стремится к миру, но отныне станет подкреплять это стремление угрожающим бряцаньем оружия.

Глава VI

Тильзит

Александр глубоко удручен дипломатическими промахами и военным разгромом. Растерянный, сбитый с толку, он на перепутье. Неустойчивость его настроений делается почти болезненной. Он ведет себя импульсивно, то воодушевляясь, то впадая в уныние, внезапно переходя от искренности к лукавству, от эгоистических расчетов к великодушным порывам, то обретая мужество, то вновь поддаваясь страхам, то бросаясь в водоворот светских развлечений, то в одиночестве погружаясь в серьезные размышления. Позже Наполеон скажет Меттерниху: «Невозможно быть умнее императора Александра, но в его характере есть какой-то изъян, и я затрудняюсь определить — какой».

Царь, подавленный позором Аустерлица, одновременно нерешительный и упрямый, энергичный и колеблющийся, уговаривает короля Пруссии набраться терпения и посылает в Англию Павла Строганова для переговоров с Чарльзом Фоксом, преемником Вильяма Питта, умершего, как говорили, с горя после разгрома коалиции. Царь предпринимает реорганизацию армии, решает возобновить переговоры с Наполеоном и добиться почетного мира. В Париж посылают П. Я. Убри под предлогом подготовить обмен пленными, а на самом деле для того, чтобы обсудить условия соглашения между двумя империями. Царь наделяет своего эмиссара полными полномочиями с одной оговоркой: сохранить вдоль русских границ защитную зону, чтобы обезопасить русскую территорию от вторжения. Прибыв в Париж, Убри заболевает и, едва

оправившись, ведет многочасовые переговоры, с трудом выдерживая натиск то Талейрана, то генерала Кларка, то самого Наполеона. Убри в невыгодном положении, слишком уж много преимуществ у его овечьих ореолом побед собеседников. Наполеон, только что подписавший акт о создании Рейнского союза германских государств, упразднявший Священную римскую империю германской нации и распространявший его протекторат на часть Германии, находит притязания России чрезмерными. Запуганный Убри счастлив уже, что может подписать с Наполеоном договор, представлявшийся ему приемлемым компромиссом: французские войска уходят из Германии, Ионические острова и Рагузская республика получают независимость, на острове Корфу остается русский гарнизон; Франция взамен сохраняет за собой Далмацию, что приближает ее к портам Оттоманской империи, и получает бухту Каттаро,^[24] незадолго до этого захваченную русскими. Главное же, растерявшийся представитель Александра лишает Россию ее неаполитанского союзника: он соглашается, чтобы старший брат Наполеона Жозеф, провозглашенный королем Неаполя, стал также королем Сицилии, куда бежали изгнанные из Неаполя король Фердинанд и его жена Мария-Каролина. Неаполитанские Бурбоны будут вознаграждены за счет Испании. Подписав документ, Убри тотчас в этом раскаивается, осознав свою ошибку. «Я должен думать о том, как оправдаться в Петербурге за то, что нарушил инструкции, — пишет он Строганову. — Сегодня я отправляюсь туда, чтобы представить договор и ответить за него головой».

Его беспокойство не напрасно. Русский двор счел договор неприемлемым. Павел Строганов пишет: «Невозможно называться русским и не умереть от

стыда, читая этот необыкновенный документ», — и продолжает: «Пришло время решать, позволим ли мы превратить Россию во французскую провинцию вроде Пруссии, Австрии и др. или же сохраним кое-что от бывшего блеска». А Румянцев восклицает: «Если мы и при Петре Великом, и при Екатерине II умели сносить раны минутных неудач военных, уничтожения никогда и нигде сносить мы не умели». Из сановников только генерал Кутузов и адмирал Чичагов осмеливаются напомнить, что армия, прежде чем снова вступить в военные действия, нуждается в отдыхе и пополнении. Остальные наперебой расхваливают боевые качества русского солдата, рвущегося в бой, чтобы отомстить за честь родины. У Александра голова идет кругом от всех этих разговоров, и, прибегнув к дипломатической увертке, он отказывается ратифицировать подписанный Убри договор под предлогом, что тот превысил данные ему инструкции. Убри дезавуирован и без шума отправлен в ссылку в свое поместье. Мир с Францией откладывается.

Тем временем между Александром и его ближайшим другом и соратником Адамом Чарторыйским возрастают разногласия по основным вопросам внешней политики, и Чарторыйский просит царя заменить его на посту министра иностранных дел. «Князь Адам стеснен императором во всех своих действиях, — пишет Новосильцев. — Император хочет только полумер; князь при каждом удобном случае просит назначить другого на его место и позволить ему уехать... но император не хочет слышать об этом». А Чарторыйский со своей стороны так анализирует ситуацию в письме к Павлу Строганову: «Император все тот же: страх и слабость достигли предела. Мы всего боимся, мы неспособны сделать выбор; ему не осмеливаются давать советы из опасений, что он им не последует. Император хочет сохранить нас на наших постах, чтобы избавить себя от

затруднений, которые вызывают перемены, но действовать хочет только по-своему... Эта смесь слабости, неуверенности, страха, несправедливости, нелепости огорчает и доводит до отчаяния».

Наконец царь после многих дружеских попыток удержать Чарторыйского возле себя принимает его отставку и заменяет его прибалтийским бароном Будбергом. Первый враг Чарторыйского, ускоривший его падение, — вдовствующая императрица Мария Федоровна. Переложив «на этого поляка» ответственность за «несчастья прошлой осени», она предостерегает Александра и против слепой дружбы с Пруссией. «Не устану вам напоминать, что приверженность вашего деда (Петра III. — А. Т.) к берлинскому двору стала причиной его гибели, а привязанность вашего отца (Павла I. — А. Т.) к тому же самому двору была пагубна для него, и ваша, дорогой Александр, дружба с прусским двором до сих пор не складывалась, — пишет она сыну. — Заклинаю вас быть предельно внимательным и не допустить, чтобы кто-нибудь мог вас упрекнуть в том, что вы жертвуете ради Пруссии интересами и славой вашей родины».

Александр уступает настояниям матери и меняет министра иностранных дел, но оставляет без внимания ее нападки на его политику по отношению к Пруссии. После встречи с королевой Луизой он чувствует себя морально обязанным покровительствовать этой несчастной стране. По условиям секретной декларации, которой в июле 1806 года обменялись Александр и Фридрих-Вильгельм III, царь гарантирует оружием независимость и территориальную целостность Пруссии, а король Пруссии обязуется не помогать Франции в случае ее войны с Россией, хотя Пруссия уже связана с Францией договором, направленным против России. Фридрих-Вильгельм III воображает, что ведет хитрую двойную игру: в Петербурге не сомневаются в

его непоколебимой преданности царю, а в Париже полагают, что ему выгоднее держать сторону Наполеона, тем более что Наполеон обещает ему Ганновер в награду за покорность. Но тут Наполеон, желая задобрить английскую сторону, нарушает обещание и отдает злополучный Ганновер Англии. Взбешенный Фридрих-Вильгельм III разрывает союз с Францией и обращается к России за военной поддержкой в соответствии с их тайной договоренностью. «Заклинаю вас, государь, — пишет он Александру 8 августа 1806 года, — сообщите, могу ли я надеяться, что ваши войска, находящиеся поблизости, придут мне на помощь, и вправе ли я рассчитывать на них в случае нападения».

Александр, рыцарски верный клятве, игнорирует как уговоры матери, так и советы друзей. Поражение под Аустерлицем не убедило его в военном гении Наполеона. Он верит в исключительные качества русского солдата и не боится вновь померяться силами с императором французов. 1 октября 1806 года Фридрих-Вильгельм III, заручившись поддержкой царя, предъявляет Парижу ультиматум, требуя вывода французских войск из Германии и согласия Франции на образование Северогерманской конфедерации, членами которой стали бы не вошедшие в Рейнский союз германские государства. В ответ Наполеон приказывает своим войскам без промедления выступить. Восьми дней хватило французам, чтобы на полях сражений под Заалфельдом, Йеной и Ауэрштадтом буквально раздавить хвастливую прусскую армию и превратить ее во всеобщее посмешище. 27 октября Наполеон триумфально вступает в Берлин. Король и королева Пруссии, изгнанные из столицы, с несколькими верными людьми спасаются от завоевателя бегством и укрываются в Мемеле, на восточной границе Пруссии.

Тем временем Россия, еще не принявшая участия в военных действиях, готовится в них вмешаться. Одна из ее армий занята в войне с Персией, другая — в войне с Турцией, которую Наполеон искусно втянул в конфликт с Россией. Александр объявляет войну с Францией национальной, создает военное ополчение в 612 тысяч ратников, призывает все сословия жертвовать армии деньги, провиант, рекрутов. В армии не хватает оружия: один солдат из пяти вооружен ружьем, остальные — пиками и копьями. На мануфактурах Англии и Вены заказывают 160 тысяч ружей. Священный Синод, дабы подстегнуть всеобщее воодушевление, предписывает во всех церквях России после воскресных и праздничных служб провозглашать анафему Наполеону как исконному врагу веры Христовой, отрекшемуся от христианства, проповедующему Коран, поклоняющемуся идолам и мечтающему объединить евреев и объявить себя мессией. Эти огненные слова пока что не находят отклика у народа. Все, что происходит за пределами России, кажется ему нереальным. До тех пор пока он не увидит врага на своих полях, в своих деревнях, он не сможет возненавидеть его и даже не поверит в его действительное существование.

Александр предстоит назначить главнокомандующего армией. Ни за что на свете не остановит он свой выбор на Кутузове, неудобном свидетеле его промахов под Аустерлицем. В окружении императора предлагают 69-летнего маршала Каменского. Старик, ужаснувшись ответственности, которую император намерен взвалить на его плечи, энергично протестует, но вынужден подчиниться царской воле. Он приезжает из своего поместья в Петербург, где его встречают как спасителя отечества. Императрица Елизавета 3 декабря 1806 года родила дочь, названную, как и мать, Елизаветой. В рождении

ребенка усматривают доброе предзнаменование грядущих событий. Елизавета пишет матери: «Я чувствую себя хорошо, милая мама, как и крошка Элиза, которая умоляет вас простить ее за то, что она не мальчик». Преодолевая недомогание, императрица лично принимает генералиссимуса перед его отъездом в армию и взволнованно произносит, что вся нация видит в нем защитника и спасителя России.

Каменский, желая прослыть оригиналом, во всем подражает Суворову, доходя до юродства. В ноябре и декабре 1806 года стотысячная русская армия пересекает границу и вступает на территорию Пруссии. На этот раз Александр воздерживается от появления на театре военных действий. Что до Каменского, то он, прибыв в Вильно, впадает в панику и пишет императору, умоляя освободить его от командования: «Я лишился почти последнего зрения: ни одного города на карте сам отыскать не могу... Боль в глазах и в голове; неспособен я долго верхом ездить, пожалуйста мне, если можно, наставника, друга верного, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при нем в армии. Истинно чувствую себя неспособным к командованию столь обширным войском».

14 декабря, в три часа утра, в разгар метели Каменский, разбитый старческими недугами и страхом, посылает за Беннигсеном и велит ему вести армию обратно в Россию, потом влезает в коляску, бросает лагерь и мчится в свое поместье. Беннигсен не повинуется его приказу и принимает бой с французами при Пултуске. Дело оборачивается в его пользу, и Александр после долгих колебаний, пересилив антипатию к сыгравшему главную роль в убийстве Павла I человеку, передает ему верховное командование. По меткому словечку ле Местра, Беннигсен — командир убийц, а не армий.

Тем не менее царь жалует новому главнокомандующему орден Св. Георгия и посылает ему несколько собственноручно написанных строчек: «С особенным удовольствием изъявляю вам мою благодарность за Пултусское сражение. Высокие выказанные вами в сей день дарования дают вам новое право на мою доверенность». В прошлое царствование Беннигсену сверх того были бы пожалованы новые земли и крепостные. Улучшение нравов, скажут одни. Неблагодарность по отношению к преданному слуге престола, скажут другие.

8 февраля 1807 года Беннигсен начинает наступление возле деревни Эйлау в Восточной Пруссии. «Не сражение, а бойня», — оценит его Наполеон. С русской стороны число убитых и раненых достигает 26 тысяч. Оба противника считают себя победителями, но Беннигсен вечером приказывает войскам отойти к Кенигсбергу, и поле сражения остается за Наполеоном. Это не мешает Александру поздравить своего главнокомандующего: «Вам генерал, выпала слава победы над непобедимым», — и наградить его орденом Св. Андрея Первозванного, хотя тот продолжает отступать в глубь страны сквозь снег и туман.

В конце февраля императорская гвардия покидает столицу под радостные крики жителей. «В Петербурге, — сообщает Александр Беннигсену, — останется Преображенский полк нести стражу во дворце и эскадрон казаков патрулировать улицы». В течение трех дней старый граф Штединг наблюдает из окон шведского посольства, находящегося на Исаакиевской площади, «великолепные полки, составляющие элиту армии и поражающие красотой выправки». Император, императрица, великий князь Константин провожают войска, проходящие мимо с развернутыми знаменами. У городских застав приготовлены подводы для пехотинцев, чтобы домчать

их до места постоя. Пополнив армию Беннигсена, они разместятся на зимних квартирах и будут готовиться к решающей схватке с врагом.

Вскоре Александр тоже уезжает в армию. Проезжая Митаву, он наносит визит графу Лилльскому, то есть будущему Людовику XVIII, любезно болтает с ним, находит его ничтожным и пустым человеком, лишенным качеств, необходимых государю, но обещает возвести его на трон Франции. Потом спешит в Паллаген, пограничную крепость на Балтийском море, куда выехал ему навстречу король Пруссии, и вместе с ним едет в Мемель, где ждет прибытия очаровательной королевы Луизы, судьба которой так его волнует. Луиза и ее супруг удручены обрушившимися на них несчастьями. «Климат здесь ужасный, — пишет она в одном из писем, — кругом только снег и лед. Нигде ни одного цветочка, ни одной фиалки. Но в моем сердце весна, в нем жива надежда на Бога». И, встретившись с прекрасным Александром, вздыхает: «Ах, мой кузен!», с бесконечной печалью и грацией протягивая ему руку. Кроме него, говорит она, у нее нет поддержки в мире. Он отвечает, что приехал не только как союзник, но и как друг, и что Россия готова на любые жертвы во имя связывающей их дружбы. И, когда мимо них проходят церемониальным маршем полки, восклицает, обращаясь к королю Пруссии: «Никто из нас не погибнет по отдельности. Мы погибнем вместе, или не погибнет ни один из нас!» «Император все тот же в высшей степени любезный человек, полный доброты и дружелюбия, — записывает в дневнике графиня Фосс. — Он обнял меня с непосредственностью, которая придает ему особое очарование, и наговорил много идущих от сердца слов. Да, ему нет равного в мире». На следующий день она добавляет: «Император так же красив, предупредителен и сердечен, как раньше. Разве что стал более непринужденным в обращении и больше

ухаживает за молодыми дамами, но он по-прежнему очень милый и приятный человек».

В то время как Александр очаровывает «молодых дам» из окружения королевы Луизы, представители России и Пруссии в штаб-квартире Беннигсена в Бартенштейне подписывают новую конвенцию о союзе, предусматривающую восстановление Пруссии, упразднение Рейнского союза и возврат Франции в границы, установленные по Рейну. Ни Англия, ни Австрия не присоединяются к договору. И в русской армии немало офицеров, не одобряющих приверженность царя прусскому государю. Даже великий князь Константин горячо убеждает брата вступить с Наполеоном в переговоры о мире и показать себя «добрым русским». Но Александр не поддается уговорам. Он с нетерпением ждет весны, чтобы возобновить военные действия.

И вот 14 июня 1807 года происходит сражение у Фридланда. Несмотря на численное превосходство, войска Беннигсена, «победителя непобедимого», сметены мощными и точными атаками французов. Русские, сражаясь, отступают и теряют треть армии. Известие о разгроме достигает Александра 16 июня в штаб-квартире в Олите, расположенной в глубоком тылу. Молодой офицер Денис Давыдов,^[25] адъютант генерала князя Багратиона, прибывает в Олиту 18 июня и находит штаб в состоянии панической растерянности. «Я прискакал на главную квартиру, — вспоминает он. — Толпы разного рода людей составляли ее. Тут были англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русские военные и гражданские чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной, и гражданской, тунеядцы и интриганы, — словом, это был рынок политических и военных спекулянтов, обанкротившихся в своих надеждах, планах и замыслах... Все было в

тревоге, как за полчаса до *светопреставления*. Один Беннигсен был неизменен. Он страдал, это видно было, но страдал скорбию безмолвною».

Ни один даже самый воинственный из советников царя не отваживается заговорить о продолжении войны. Причин много: армия дезорганизована, провиантская часть расстроена, наскоро обученные новобранцы не могут заменить ветеранов и многих офицеров, павших в боях. Англия, разочарованная разгромом коалиции, не выполняет обещаний: не посылает корпуса высадки в 10-15 тысяч человек и высокомерно отказывает в новых кредитах в 6 миллионов ливров, что ставит русскую казну в крайне трудное положение. «Каждый добрый русский, — пишет Чарторыйский, — должен быть потрясен прискорбной истиной, что Россия оказалась почти в таком же положении, в каком находилась Пруссия в октябре прошлого года... И просвещенный политик, и решительный военный равно задаются вопросом: почему бы не прибегнуть к переговорам, вместо того чтобы напрягать все силы в борьбе, опасность которой очевидна». Великий князь Константин пишет брату: «Государь, если вы не хотите заключить мир с Францией, то дайте каждому солдату пистолет и прикажите им всем застрелиться. Вы добьетесь того же результата, какой вам даст новая и — последняя битва, которая неминуемо откроет ворота в вашу империю испытанным в боях и по-прежнему непобедимым французским войскам».

Рассудив, что исчерпал все свои возможности спасти Пруссию, Александр соглашается, что единственный выход — переговоры о мире.

22 июня 1807 года Александр посылает своего адъютанта князя Лобанова в Тильзит договориться с французами о перемирии и навести на мысль о личной встрече Александра и Наполеона. Император французов

принимает русского посла в высшей степени ласково, подписывает условия перемирия, приглашает его к обеду и, подняв бокал шампанского, провозглашает тост за здоровье царя, справляется о здоровье царицы Елизаветы и, заметив, как увлажнились глаза гостя, восклицает, повернувшись к генералу Дюроку: «Смотрите, Дюрок, смотрите, как русские любят своего государя!»

Александр утверждает условия перемирия, и встреча между двумя императорами назначается на 11 часов утра 25 июня 1807 года на пограничной реке Неман. По приказу Наполеона, страстного любителя театральных эффектов, посреди реки на двух лодках устанавливают плот, на котором сооружают два великолепных, обтянутых белым полотном павильона. Большой из них, предназначенный для встречи двух государей, украшен написанными зеленой краской вензелями: огромной буквой «А» на фронте, обращенном к русской стороне, такой же величины буквой «N» на фронте, обращенном к Тильзиту. Об инициалах короля Пруссии нарочно забыли, возбудив его досаду. Прибыв на берег реки в колясках, царь, Фридрих-Вильгельм III, великий князь Константин и их эскорт останавливаются в полуразрушенной усадьбе, где ожидают прибытия Наполеона. Александр облачен в темно-зеленый мундир Преображенского полка, отделанный красными лацканами и золотыми петлицами, с аксельбантом на правом плече, перетянутый в талии шарфом; на нем белые лосины и короткие ботфорты, на руках белые перчатки; голову покрывает высокая треуголка с черно-белым плюмажем. Русые волосы напудрены, через плечо — голубая Андреевская лента, на боку — шпага. Он сохраняет внешнее спокойствие, но сердце его тревожно сжимается при мысли, что он вот-вот окажется лицом к лицу с легендарным человеком,

только что преподавшим ему суровый урок. Как ему держаться, как найти верный тон и преодолеть чувство униженности перед «корсиканским людоедом»? Безоговорочно признавая полководческий гений своего будущего собеседника, он все же не отчаивается и надеется поладить с ним. Прежде всего Наполеон, рассуждает Александр, вовсе не стремится к владычеству над всем миром. Он просто хочет, чтобы Россия признала его верховную власть на юге и в центре Европы. Взамен он, вероятно, согласится предоставить царю свободу действий на востоке. В общем, речь пойдет о том, чтобы разделить сферы влияния на Европейском континенте, установить границу между империями Запада и Востока и обеспечить безопасность России, присоединив к ней Дунайские княжества и восстановив, хотя бы частично, Прусское королевство. Александр уверен в правильности своих предположений, потому что сознает: его противник заинтересован в сотрудничестве, чтобы завершить умиротворение центральной Европы и противопоставить эффективный блок Англии. В остающиеся до исторической встречи минуты Александр всей душой хочет верить, что Наполеон нуждается в нем так же, как он сам нуждается в Наполеоне... Вбежавший адъютант кричит: «Едет, Ваше Величество, едет!»

Александр берет шляпу и перчатки и не торопясь выходит из комнаты. На другом берегу он замечает всадника, несущегося во весь опор впереди блестящей свиты между двумя рядами гвардейцев, встречающих его так восторженно, что гул приветствий слышен на русском берегу. Оба императора одновременно садятся каждый в свою лодку. Советники и адъютанты сопровождают их. Король Пруссии не приглашен и, точно наказанный, остается на правом берегу Немана. Устремив взгляд на павильон, где решается судьба его

монархии, он спускается к реке, заставляет лошадь войти в воду по грудь и застывает в этой позе, неподвижный и подавленный.

Лодки медленно скользят по воде. Гребцы, одетые в белые рубахи, налегают на весла. Наполеон первым вступает на плот и быстрыми шагами идет навстречу Александру. Александр видит коренастого, несколько тучного человека, с энергичным лицом, выступающим подбородком и стальным блеском в глазах. На императоре французов гвардейский мундир, украшенный только красной ленточкой ордена Почетного легиона. Его легендарная треуголка надвинута на лоб. Он протягивает руку. Александр ее пожимает. Они обнимаются. «Я так же, как и вы, ненавижу англичан и готов вас поддерживать во всем, что вы предпримете против них», — первым говорит Александр. «В таком случае, — отвечает Наполеон, — мы сможем договориться, и мир будет заключен». Без сомнения, Александр поражен корсиканским акцентом своего недавнего врага. Император России, учившийся у Лагарпа, не может не признаться себе, что говорит по-французски чище и изящнее, чем властелин Франции.

Немного спустя они вдвоем входят в павильон. С самого начала беседы Александр убеждается, что его предположения были верными: Наполеон искренне желает мира, чтобы укрепить свою власть в Европе и окончательно сокрушить Англию. Он разоблачает союзников России, восхищается отвагой и стойкостью русских в сражениях и предлагает разделить мир между двумя империями. Вслушиваясь в его речи, Александр угадывает в нем натуру суровую, мужественную, практичный ум и веру в свою счастливую звезду. В его присутствии, по контрасту, Александр сам себе кажется слишком мягким, деликатным, уклончивым. Да, он, принц, рожденный у ступеней трона, выросший под крылышком Екатерины

Великой, не имеет ничего общего с этим плебеем и, однако, не в силах сопротивляться чарам, которые испытывает на нем его собеседник, быстрыми шагами расхаживающий взад и вперед по палатке. Проведя два часа в дружеской беседе, императоры выходят рука об руку. Александр провожает Наполеона до лодки. На следующий день тот же плот принимает не только двух императоров, но и прусского короля, не теряющего надежды вернуть кусок своей территории.

Для продолжения переговоров Наполеон предлагает переехать в Тильзит, объявив его нейтральным городом. Маленький городок, затерянный среди полей, разделяется на две части. В день прибытия Александра Наполеон дает пароль «Александр, Россия, Величие». На следующий день пароль выбирает Александр, это слова: «Наполеон, Франция, Отвага». С русской стороны охрану царя несет отряд гвардейцев-гусар и батальон Преображенского полка. Командует батальоном Михаил Воронцов, сын графа Семена, бывшего посла России в Англии. Он, как и отец, ненавидит французов и притворяется больным, не желая присутствовать на встрече императоров. Другие русские офицеры не испытывают подобных чувств. Каждый день они завтракают с французскими адъютантами у маршала Бертье. Все офицеры русской армии свободно владеют французским, и братание происходит легко. В Тильзит запрещен въезд военным, не приписанным к главной квартире, и многие русские офицеры переодеваются в штатское и тайком отправляются в город, чтобы увидеть Наполеона.

Каждое утро генерал Дюрок посылает справиться о здоровье Александра, а граф Николай Толстой узнает новости о Наполеоне. Потом оба государя проводят смотр войск и совершают прогулки верхом в сопровождении прусского короля, обременительного и тяготившего их спутника. Обедают почти всегда у

французского императора, на золотой посуде, под охраной выстроившихся в два ряда гренадеров. В присутствии прусского короля Александр и Наполеон ведут себя сдержанно, избегая касаться важных вопросов. Наполеон презирает этого нежеланного гостя и не упускает случая кольнуть его. Разглядывая его прусский мундир, он иронически спрашивает: «Как вы умудряетесь застегивать столько пуговиц?»

Как только Фридрих-Вильгельм III удаляется, серьезная беседа возобновляется и продолжается далеко за полночь с глазу на глаз. «Я буду вашим секретарем, а вы моим», — говорит Наполеон Александру. Императоры неплохо ладят друг с другом и, обмениваясь пышными фразами, видоизменяют карту Европы. Выработать детали соглашения Наполеон поручает ловкому, изобретательному Талейрану. Александр — князю Лобанову и князю Куракину, равно не подходящим для выполнения такой тонкой задачи. В процессе работы договор все больше отходит от первоначальной концепции. Талейран неощутимо ведет свою игру. Надеясь смягчить непреклонность Наполеона, Фридрих-Вильгельм III решает прибегнуть к чарам своей супруги и вызывает королеву Луизу в Берлин. Она прибывает, бросается к ногам императора французов и взывает о милости к Пруссии: «Разве вы не оставите нам Магдебург и Вестфалию?» Наполеон поднимает ее и отвечает: «Вы слишком много просите, но я обещаю подумать об этом, — и с подчеркнутой любезностью добавляет: — Какое чудесное платье! Что это за ткань, мадам, креп или итальянский газ?» Вечером за обедом она снова пытается покорить его остроумными речами и обольстительными улыбками, но Наполеон остается невозмутимым и ограничивается тем, что задает ей шуточные вопросы: «Зачем вы носите этот тюрбан? Хотите сделать приятное императору Александру? Он

ведь воюет с турками». Позже он пишет Жозефине: «Прусская королева в самом деле очаровательна; она кокетничает со мной, но не ревнуй; все это скользит по мне, как по клеенке. Ухаживания за ней обошлись бы мне слишком дорого». А графу Николаю Толстому заявляет: «Я не сделаю ради прекрасных глаз прусской королевы того, что не могу предоставить дружбе вашего императора». Перед Александром он высказывается еще более резко: «Подлый король, подлая нация, подлая армия, держава, которая всех обманывала и которая не заслуживает существования. Тем, что она вообще сохранилась, она обязана только вам».

Оскорбленная в своем тщеславии женщины и государыни, королева Луиза страшится этого «монстра», этого «исчадия революции». Она считает его самодовольным и жестоким, на редкость безобразным с его обрюзгшим лицом, смуглой кожей, обвисшим животом и короткими ногами. И этот карлик держит в своих руках судьбу ее родины и ее собственную судьбу! Плача и стелая, Луиза идет от одного императора к другому. Александр ее утешает и, возведя очи к небу и понизив голос, говорит: «Верьте в будущее. Уповайте на Бога!»

Пока идет работа над текстом договора, Александр старается получше узнать и понять того, кто теперь называет его своим другом. Он так характеризует его Чарторыйскому: «Этот человек посреди самых сильных потрясений сохраняет спокойную и холодную голову: все его вспышки гнева заранее рассчитаны и предназначены для устрашения собеседников. Он любит повторять, что ко всякому делу можно найти подход и нет таких трудностей, которые нельзя было бы преодолеть». Проницательность и ясность ума всегда соединены у Александра с двуличием. Все его выражения симпатии к Наполеону и восхищение им не

что иное, как игра. Тильзит — сцена, где он изображает некий персонаж и успешно дурачит публику. На самом же деле он, скрытный и мстительный, не прощает Талейрану письма, написанного по указанию Первого консула в ответ на протест России после казни герцога Энгиенского, письма, в котором царю в недвусмысленных выражениях вменяли в вину отцеубийство. И он уверяет генерала Савари: «Ни к кому я не чувствовал такого предубеждения, как к нему, но после беседы, длившейся три четверти часа, оно рассеялось как сон. И никогда я не вспомню об этом чувстве, так глубоко тронуло меня все, что он мне сказал». В другой раз, говоря о Наполеоне, он восклицает: «Жаль, что я не увиделся с ним раньше!.. Завеса разорвана, и время заблуждений миновало». Но свои истинные чувства он открывает в письмах любимой сестре Екатерине: «Бог нас хранил: вместо жертв мы выходим из борьбы не без блеска. Но что скажете вы об этих событиях? Я провожу целые дни с Бонапартом, целые часы наедине с ним!» И матери: «К счастью, у Бонапарта при всем его гении есть уязвимое место — тщеславие, и я решил пожертвовать моим самолюбием во имя спасения империи». Он идет дальше и пишет прусскому королю: «Наберитесь терпения. Мы вернем то, что утратили. Он сломает себе шею. Несмотря на все мои знаки дружбы и мои внешние поступки, в глубине души я ваш друг, и я надеюсь доказать вам это на деле».

Наполеон, однако, верит в искренность царя. «Друг мой, — сообщает он Жозефине, — я только что виделся с императором Александром; я им крайне доволен, он гораздо умнее, чем обычно считают». А также: «Он — герой романа. У него манеры самого любезного из парижан». Чуть позже, уточняя свое суждение, он заключает, что Александр — натура впечатлительная, изменчивая, что он падок на лесть, неопытен и

руководствуется больше велениями сердца, чем доводами рассудка, но что Франция может многого ждать от союза с этим быстро загорающимся и легко поддающимся влиянию монархом — монархом, рожденным мечтать, а не действовать.

Таким образом, каждый из государей полагает, что, демонстрируя показную сердечность, сумел одурачить другого. Для Наполеона Тильзит — уверенность в свободе действий против Англии; для Александра — почетное средство выиграть время. Оба они делают вид, что Тильзитский договор — залог длительного мира, но в действительности ни тот, ни другой в это не верит.

Договор «о мире и дружбе» подписан 7 июля 1807 года. Он дополнен семью секретными статьями и тайным договором о наступательном и оборонительном союзе между Францией и Россией.

Несмотря на усилия Александра и вздохи королевы Луизы, Пруссия — барьер, необходимый для безопасности западных русских границ — была сведена к четырем провинциям (Померания, Бранденбург, Старая Пруссия, Силезия). Из остальных ее земель было создано новое Вестфальское королевство, во главе которого Наполеон поставил своего младшего брата Жерома. Из отнятых у Пруссии польских земель было образовано Великое герцогство Варшавское, временно отданное королю Саксонии. По секретным статьям договора, Россия возвращала Франции порт Каттаро и Ионические острова, но получала Белостокский округ. Более того, Александр, уступив Наполеону запад Европы, добился свободы действий на Балтике, в восточной части Балкан, в районе Дегруа и в Малой Азии. Посредничество Франции в Константинополе должно было содействовать установлению мира между Россией и Турцией, а посредничество России в Лондоне — восстановлению мира между Францией и Англией.

Если бы эта миссия не удалась, Россия обязывалась действовать заодно с Францией и присоединиться к континентальной блокаде. Если бы сорвалось посредничество Франции, она должна была выступить на стороне России против Оттоманской империи.

Совершенно очевидно, что соглашения содержали немало расплывчатых формулировок. Наполеон, обещая России поддержку против Порты, вовсе не намерен был уступать царю Константинополь. «Константинополь, — говорил он, — центр и столица всемирной империи». Остался открытым и вопрос о Дунайских княжествах. Наконец, решение польской проблемы было неблагоприятно для русских, так как Великое герцогство Варшавское во главе с саксонским королем вскоре вошло в Рейнский союз, и, таким образом, огромная наполеоновская империя приобрела общую с Россией границу: случилось то, чего Александр желал бы любой ценой избежать.

Как бы то ни было, в момент подписания договора оба императора казались удовлетворенными своим детищем. Александр поручает князю Куракину поднести Наполеону знаки отличия пяти орденов Андрея Первозванного, предназначенных для него самого и четырех лиц его окружения. В свою очередь Наполеон через Дюрока передает царю знаки пяти орденов Почетного легиона. Немного спустя Александр, украшенный орденом Почетного легиона, а Наполеон — Андреевской лентой, проводят смотр своей личной гвардии. Перед батальоном Преображенского полка, стоявшего навытяжку, Наполеон спрашивает у царя: «Ваше Величество позволит мне наградить орденом Почетного легиона храбрейшего из отличившихся в этой кампании?» Растроганный Александр советуется с командиром полка, который вызывает из рядов гренадера Лазарева. И вот, к изумлению Лазарева, император французов отцепляет от своего мундира

крест и прикрепляет к его груди. Белая ухоженная рука слегка касается ткани мундира. «Помни этот день, — произносит Наполеон, — день, когда твой государь и я стали друзьями». Александр не остается в долгу: он приказывает наградить русским орденом храбрейшего из французских солдат. Оба государя обнимаются под восторженные крики войск. Александр обещает Наполеону посетить его в Париже. Наконец, они расстаются. Из лодки, удаляющейся от берега под сильными ударами весел, император России следит, как исчезает из виду массивный силуэт наблюдающего за его отъездом императора французов.

Глава VII

Эрфуртские объятия

Александр возвращается в Петербург 4/16 июля 1807 года и сразу ощущает, как изменилось отношение к его особе. Для встречи государя город празднично иллюминирован, но в сердцах радости нет. Духовенству приказано не предавать анафеме Наполеона, а прославлять наконец-то достигнутый мир, но люди молятся, затаив стыд и гнев. Те, кто простили царю поражения при Аустерлице и Фридланде, не прощают ему сомнительный успех Тильзита. Они недоумевают, как может их суверен сегодня обнимать того, кого вчера проклинал. Поутихли восторги, окружавшие его при вступлении на престол, и никогда еще его авторитет не падал так низко. Семен Воронцов повторяет каждому, кому не лень слушать, что сановники, подписавшие Тильзитский договор, должны въехать в Петербург верхом на ослах. Граф Штединг, шведский посол в России, докладывает своему королю Густаву IV: «Недовольство императором с каждым днем возрастает, и повсюду ведутся такие разговоры, что страшно слушать. Преданные сотрудники и близкие друзья императора в отчаянии, но никто из них не умеет предотвратить беду и ни у кого не хватает мужества раскрыть глаза императору на грозящую ему опасность. Они оправдываются тем, что их вмешательство ничего не изменит, так как император упрям и хорошо осведомлен обо всех ходящих о нем дурных слухах, но объясняет их посторонними причинами, а именно миллионами, которые выбрасывают англичане, лишь бы повернуть дело в свою пользу (что совершенно не верно, это слова

Савари), и говорит, что у него, желающего блага своим подданным, нет причин чего-либо бояться. А между тем сущая правда, что и в частных домах, и в общественных местах обсуждается вопрос о замене монарха, и забвение долга доходит до того, что вслух говорят об отстранении от власти всей мужской линии царствующей династии и, поскольку императрица-мать и императрица Елизавета не обладают качествами, необходимыми для управления государством, о возведении на трон великой княжны Екатерины». А генерал Савари, посланный Наполеоном в Петербург, перещеголял Штедингга резкостью выражений: «Русская молодежь осмеливается высказываться о своем императоре с неслыханной непочтительностью, и я с некоторого времени обеспокоен последствиями, к которым могут привести дерзкие речи в стране, где дворцовые перевороты — обычное дело». Однажды Новосильцев, набравшись храбрости, роняет в разговоре с Александром: «Государь, помните о судьбе вашего отца». Ничуть не встревоженный, царь беспечно отмахивается: «Ах, Боже мой, она мне известна, я ей свидетель, но не могу же я идти наперекор судьбе».

Быть может, сама мысль о гибели, подобно отцу, от рук заговорщиков приносит Александру тайное облегчение? Если такова цена морального искупления, не должен ли он смириться и выпить горькую чашу до дна? К такому заключению приводит его мистический фатализм, хотя на словах он, как и раньше, называет себя последователем энциклопедистов. Во всяком случае, враждебная атмосфера, которая сгущается вокруг него, не может на него повлиять и заставить изменить линию поведения, которую он избрал. Во время аудиенции, данной генералу Савари, Александр, имея в виду угрозы в свой адрес, произносит: «Если они хотят меня устранить, то пусть поторопятся, но пусть не надеются сломить мою волю или меня обесчестить. Я

сделаю все, что в моих силах, для сближения России и Франции. Не обращайтесь внимания на болтовню кучки мерзавцев, которые мне не служат и которые слишком трусливы, чтобы что-нибудь предпринять. Для этого им не хватит ни ума, ни решимости... Мне известно, что Англия интригует против меня, и то, что вы заметили, результат ее происков. Я их не боюсь; несмотря ни на что, я добьюсь своей цели. Будьте спокойны на этот счет. Многого нужно сделать, чтобы заставить всех мне повиноваться. Я готовлю перемену, но действую осторожно... Я очень люблю моих родных, но престол занимаю я, и я хочу, чтобы мне оказывали уважение, подобающее моему положению».

Твердости намерений Александра соответствует и размеренный, суровый образ жизни, который он ведет. Он встает в пять часов утра, совершает туалет, составляет и диктует письма, а в девять часов отправляется на развод караула. После короткой прогулки он три или четыре часа без перерыва работает с министрами, а потом — он очень умерен в еде — скромно обедает в кругу своих близких. «Вечера, — сообщает Штединг, — он проводит в одиночестве или с одной или двумя близкими ему особами, которые приходят к нему или которых он посещает сам, один и без всякой свиты». Штединг намекает на ночные визиты императора к его признанной фаворитке Марии Нарышкиной. У нее он находит утешение и любовь, не переставая выказывать внешние знаки уважения своей супруге. Однако львиную долю его внимания поглощают государственные дела, особенно внешняя политика. Он не любит многолюдных собраний и нечасто появляется на балах и придворных празднествах. Во время редких приемов, которые дает Его Величество, дипломаты, великие князья и великие княжны выстраиваются в зале аудиенций в два ряда напротив друг друга и застывают по стойке смирно, а

император, императрица и вдовствующая императрица медленно шествуют между ними; кивком головы они приветствуют каждого, удостоивают нескольких слов послов крупных государств и удаляются, распространяя вокруг себя ледяной холод. Эта чрезмерная сдержанность, редкие празднества, монотонность придворного распорядка вызывают недовольство высшего общества столицы. «Император устраивает слишком мало приемов, — пишет Гедувиль. — Русские не ценят его доброты и бережливости; особенно возмущается столичная знать, которая жаждет придворного блеска, падка на богатство и нуждается в твердой руке».

Следуя примеру супруга, императрица тоже предпочитает простоту и одиночество. Ее жизнь исполнена печали и покорности судьбе. Она смирилась с неверностью Александра. Разве не довел он свой цинизм до того, что с гордостью сообщил ей о новой беременности Марии Нарышкиной? Но «дитя адюльтера» вскоре умирает. Александр горюет. Великодушная Елизавета, не в силах видеть мужа страдающим, выражает соболезнования его любовнице. «Как только я чувствую, что он несчастен, — пишет она матери, — мое сердце наполняется состраданием и рвется к нему; я забываю все свои обиды. Я разделю его судьбу, какой бы она ни была». Конечно, и она небезупречна, но ее любовные истории принесли ей столько горя, что это как бы оправдывает ее в собственных глазах. После трагической гибели возлюбленного, корнета Охотникова, она чувствует себя как никогда одинокой и переносит всю свою любовь на единственного ребенка — маленькую Елизавету, Лизаньку, родившуюся в декабре 1806 года. Через пятнадцать месяцев девочка неожиданно умирает от воспаления, вызванного режущимися зубками. «Теперь, — пишет Елизавета матери, — мое сердце

очерствело, душа моя мертва». И позже: «Мне кажется, в моих апартаментах весна, они полны солнца, цветов, поющих птиц — ее птиц. Она так радовалась этим снегилям; один из них насвистывает мелодию, которую мне не забыть, проживи я сто лет». Доктор Виллие утешает императора, уверяя, что императрица молода и сможет иметь других детей. Александр грустно откликается: «Нет, друг мой, мои дети нежеланны Богу».

Погруженная в свое горе, Елизавета пытается отвлечься чтением, прогулками, беседами с близкими друзьями. Когда она рассматривает себя в зеркале, ее охватывает горькие сожаления о бесполезности своей красоты, на пороге тридцатилетия достигшей полного расцвета. «Трудно передать словами все очарование императрицы, — пишет саксонский министр Розенцвайг. — У нее необычайно тонкие и изящные черты лица, греческий профиль, большие голубые глаза и чудеснейшие пепельные волосы. Весь ее облик дышит грацией и величавостью; походка ее воздушна. Короче, это одна из прекраснейших в мире женщин». Граф Головкин восхищается «ее тактом, проницательностью, знанием человеческого сердца» и добавляет: она очень несчастна. «Ее дети умерли, — пишет он, — супруг ею пренебрегает, со своей семьей она разлучена навсегда. Двор видит ее редко, нация не питает к ней привязанности, ее жизнь лишена смысла». Тонкий наблюдатель Жозеф де Местр заключает: «Ни у кого нет права судить, кто из супругов виновен. Они и сами не могли бы сказать, кто провинился первым. А пока любовница здесь, добрая, красивая, ловкая, во всеоружии своих чар и с той властью привычки, которую создают узы несчастные и предосудительные, но естественные, — их-то и нет у другой стороны».

Кроткая и сдержанная Елизавета все больше разочаровывает любителей придворных празднеств.

Блеск и величие монархии поддерживает не правящая чета, ведущая однообразный образ жизни, а императрица-мать Мария Федоровна. После смерти супруга она надеялась править страной с согласия сына, но сын ускользнул из-под ее опеки, и ей приходится довольствоваться закулисными интригами. Благодаря благосклонности Александра она продолжает играть роль царствующей императрицы, заведует всеми благотворительными учреждениями, возглавляет ссудный банк, владеет прядильной фабрикой и располагает годовым доходом в миллион рублей. Эта значительная рента позволяет ей жить по-царски, ее личный двор затмевает императорский. Император выезжает в коляске, запряженной парой лошадей, императрица-мать — в карете, запряженной шестеркой, в сопровождении гусар и пажей. Продолжая традиции Екатерины II, она присутствует на парадах, облачившись в военный мундир, украшенный орденой лентой. Ее приемы, где она появляется в роскошных туалетах в окружении фрейлин и камергеров, своей элегантностью и веселостью разительно контрастируют с унылыми официальными приемами ее сына и невестки. «Все ее апартаменты были роскошно и с большим вкусом убраны, — пишет Штединг. — На балах всегда царила самая искренняя веселость, сочетавшаяся с царственным величием и достоинством. Ужин сервировали на восемнадцать персон. После ужина долго танцевали». А Савари посылает Талейрану подробное сообщение: «Придворный церемониал и этикет соблюдается императрицей-матерью... Во время публичных церемоний Мария Федоровна опирается на руку императора: императрица Елизавета идет позади и одна. Я видел войска под ружьем и царя верхом, ожидавших прибытия его матери. За любое назначение, за каждую милость являются благодарить ее и

поцеловать ей руку, хотя бы она не принимала в этом никакого участия; ни о чем подобном не докладывают императрице Елизавете — это не принято. Петербургская знать считает своим долгом показываться на приемах императрицы-матери по крайней мере раз в две недели. Елизавета почти там не бывает, а император обедает три раза в неделю и нередко остается ночевать».

Вполне сознавая силу своего влияния на окружение Александра, императрица-мать пытается оказывать давление и на политику сына. В спорах с ним она надменна и категорична — он любезен и уклончив. Иногда ей удается в чем-нибудь убедить его, например отстранить Чарторыйского, но чаще она наталкивается на стену, например в вопросе о злосчастном союзе с Пруссией. Для Александра соблюдать верность этому союзу — дело чести. Его мать, несмотря на свое немецкое происхождение и поклонение Фридриху Великому, этому союзу враждебна. Но особенно резко она протестует против сближения с «корсиканским выскочкой». Очень скоро ее двор становится очагом яростной антинаполеоновской оппозиции, где бурлит критика в адрес императора. Елизавета неприятно поражена, что кампания систематического очернения Александра ведется ее свекровью. 29 августа 1807 года она пишет: «Императрица как мать должна была бы поддерживать сына, защищать его интересы, а она из причуды, из самолюбия (конечно, не по какой-либо другой причине, потому что дурные побуждения ей чужды) уподобилась вождю фронды; все недовольные, а их число велико, сплачиваются вокруг нее, превозносят ее до небес, и никогда еще она не привлекала в Павловск столько народу, как в этом году. Я не могу выразить, до какой степени это меня возмущает». Разумеется, Елизавета и сама не питает никакой симпатии к императору французов,

околдовавшему «магическими чарами» ее супруга, но она понимает, что нужно, подавив отвращение, укреплять «необходимый стране мир». Ее слабый голос тонет в хоре осуждающих этот «мир» голосов.

Лагерь врагов Франции с каждым днем приобретает новых сторонников. Генерал Савари, появившись на одном светском собрании, встречает ледяной прием: в глазах русского общества он — «палач герцога Энгиенского», по его приказу жертве заранее была вырыта могила, по его команде прозвучал роковой залп. Елизавета пишет матери: «Чем больше император выказывает преданности своему новому союзнику и чем больше отличает Савари, тем громче крики протеста, и это поистине ужасает». Генерал Коленкур, новый посол Франции в Петербурге, встречен еще более неприветливо. Его подозревают не только в убийстве, но и в похищении герцога Энгиенского. По Петербургу распространяются слухи, граничащие с клеветой. Коленкур вынужден оправдываться перед Александром. Он предъявляет документы, приводит неопровержимые доказательства. Царь вежливо отвечает: «Я уже знаю от моих посланников в Германии, что вы не причастны к этому ужасному делу... Мне приятно вам это сказать». Но, обращаясь с Коленкуром с подчеркнутым доброжелательством, он назначает послом в Париже графа Петра Толстого, непримиримого противника союза с Францией.

Надеясь преодолеть предубежденность русского общества, Коленкур устраивает бесчисленные приемы, обеды, разного рода праздники, расходует суммы, превышающие его содержание, влезает в долги. «Может, мне продать последнюю рубашку?» — пишет он Наполеону. Он держит открытый стол, об искусстве его повара Тардифа по городу ходят легенды, от гостей нет отбоя. В середине февраля к ужину, сервированному на четыреста персон, подают груши по

триста франков за штуку, что чрезвычайно уязвляет де Местра. «Я забавляюсь, наблюдая за Коленкуром, — пишет он. — Он знатного происхождения и кичится этим; к тому же он представляет здесь суверена, перед которым трепещет весь мир, наконец, у него шестьсот или семьсот ливров ренты. Он повсюду первый... Однако внешним блеском не скроешь ординарности, да и держится он скованно, точно его суставы из латуни». Действительно, расточительность и гостеприимство не помогают Коленкуру переломить неприязнь высшего общества. Александр лукавит, уверяя посла Наполеона: «Вы имеете большой успех в высшем обществе, вы победили самых предубежденных». На самом деле в придворных кругах резко обостряется недовольство Францией, ее представителем и самим царем, который, упорствуя, продолжает идти по «дурной дорожке». Враждебность императрицы-матери по отношению к Франции достигает апогея при известии о женитьбе старшего брата Наполеона Жерома на принцессе Екатерине Вюртембергской: через этот брак мать русского царя становилась теткой вульгарного Бонапарта! Многочисленные французские эмигранты-роялисты, ставшие офицерами русской гвардии, а также представители государей, свергнутых и ограбленных Наполеоном, подливают масла в огонь. «Несомненно, — пишет один из них, Роже де Дама, — что сегодня этой империей правит Бонапарт, распоряжаясь ее делами так, словно это какая-нибудь французская провинция, а царь всего лишь ее префект». Среди недругов Наполеона и выходцы из балтийских стран, многими узами связанные с Германией, и немалое число прусских офицеров, перешедших под знамена Александра после расформирования армии Фридриха-Вильгельма III. Антинаполеоновски настроена и гвардия. Когда в сентябре 1807 года Александр вводит в русской армии

новую униформу, заменив узкие мундиры австрийского образца более удобной и элегантной военной формой, принятой в наполеоновской армии, гвардия открыто возмущается «французской ливреей». Подозрительно все, хоть как-то связанное с Наполеоном. В гостиных говорят по-французски, с удовольствием читают французские романы, подражают французской моде в прическах и нарядах, аплодируют выступающим на русской сцене замечательным французским актерам — и проклинаят «Бонапарта», нового властелина Франции, недостойного наследника французской культуры.

Если двор и армия недовольны потому, что оскорблена их честь, то помещиков и предпринимателей заботят материальные интересы. После того как Англия отклонила посредничество России в переговорах с Францией, Александр вынужден, в соответствии с Тильзитским договором, порвать дипломатические отношения с Англией и присоединиться к континентальной блокаде. Но Англия — главный рынок сбыта для России, куда издавна она вывозила большую часть своего сырья: железо, пеньку, лес, лен, смолу, сало, зерно, поташ, кожу, воск, конский волос... В 1802 году общий экспорт из Петербурга составил 30 миллионов рублей, из которых на Англию приходилось 17 миллионов, а на Францию всего 500 тысяч. В том же году из 986 торговых судов, вошедших в порт Петербурга, 477 были английскими и всего 5 французскими. Закрытие спасительных для России английских рынков не зря тревожит деловых людей. Очень скоро наступает экономический и финансовый застой. Вывоз хлеба сокращается на 4/5, торговые договоры расторгаются, банковские операции затруднены, ассигнации обесцениваются, цены растут, сбережения тают. Экспорт во Францию слишком незначителен и не может компенсировать ущерб. Все

это тяжело отражается на торговом и платежном балансе России. Контрабандная торговля, ведущаяся под американским и шведским прикрытием, не улучшает положения. На товары, доставляемые контрабандным путем, — мешки с сахаром, тюки с хлопком — введен запретительный тариф. Многие промышленные товары исчезают с рынка. Всем приходится во всем себя ограничивать. В Петербурге на светских приемах, балах, ужинах, маскарадах царит атмосфера озлобленности против государя. Его винят и в трудностях повседневной жизни, и в подчинении русской политики желаниям Бонапарта. Для петербургской знати враг не Франция, враг — французский император.

Московское барство настроено иначе. В древней русской столице считают, что за все в ответе Франция. Образ действий царя порицают не оттого, что вдаются в политические тонкости, а движимые исконным московским патриотизмом. Во все времена Москва — хранительница русской старины противопоставляла себя Петербургу — городу будущего на европейский манер. В Москве все дышит азиатским прошлым империи. Этот город, выросший вокруг краснокаменных стен Кремля, — причудливое скопление барских домов, стоящих в глубине запущенных парков, изб, окруженных огородами, церквей с разноцветными куполами, рынков под открытым небом, огромных пустырей, соседствующих с дворцами, украшенными античными портиками. Извилистые улочки, большая часть которых не имеет ни мостовых, ни тротуаров, заполняет пестрая толпа, где среди бородатых, обутых в сапоги мужиков и баб в ярких платьях и цветастых платках прохаживаются напудренные и на помаженные молодые франты и красавицы, причесанные по французской моде. Петербург — город сановников и чиновников, Москва — город вельмож, отошедших от

дел или впавших в немилость, город всех тех, кто не ищет наград и чинов и плетению придворных интриг предпочитает мирное патриархальное житье и независимость как в общественной, так и в домашней жизни. В Петербурге — борьба честолюбий. В Москве — беспечная жизнь на широкую ногу. Гостеприимство не знает границ. Бесчисленная челядь обслуживает знатные семьи. В доме Шереметева 300 слуг, в доме Строганова — 600. Живут открытым домом. У Алексея Орлова с утра до вечера накрыт стол на 150-300 персон, и любой дворянин здесь желанный гость. Каждый вечер в каком-нибудь из особняков московских бар устраивается ужин, бал или маскарад. Оркестры — и великолепные — состоят из крепостных музыкантов. «Всю зиму, — отмечает в „Воспоминаниях“ Вигель, — в Москве не прекращался вечный карнавал». В четырнадцати дворцах есть театральные залы. У Апраксина выступает мадемуазель Жорж и ее русская соперница Семенова. Но в большинстве своем актеры-любители, которые играют все подряд: трагедии, комедии, водевили, и всегда на французском языке. Кроме театра, излюбленные развлечения — катание на санях по льду Москвы-реки, петушиные бои, собрания в Английском клубе или охота в окрестностях Москвы.

С наступлением теплых дней Москва пустеет. Помещики с чадами и домочадцами уезжают в свои поместья. Почти вся дворянство едет вместе с хозяевами, кареты, повозки, телеги составляют целый караван. На остановках повара суетятся, приготавливая еду. В полдень располагаются на лужайках пить чай. Гувернеры и гувернантки по-французски, по-немецки, по-английски созывают разбежавшихся детей. После нескольких недель отдыха на лоне природы возвращаются в Москву, охваченные жаждой новых развлечений, и возобновляются балы, ужины, спектакли. А также политические споры. Самые

снисходительные из хулителей Александра упрекают его в непоследовательности. В юности он объявлял себя сторонником принципов революции 1789 года, сегодня равняется на Наполеона. Почему он всегда ищет образец за границей? Неужто в богатом прошлом России ничто не вдохновляет монарха, озабоченного счастьем своего народа? В Москве растет число тех, кто видит спасение в возврате к национальным традициям. Родной край, так долго принижаемый, сможет потягаться с дорогой сердцу Петра Великого Европой. Французские гувернеры выходят из моды, многим за ненадобностью отказано от места. В гостиных по-прежнему говорят по-французски, но время от времени вставляют в разговор русскую фразу. В образованных кругах формируется движение за очищение русского языка, зараженного иностранными словами, и возвеличение литературы русского средневековья, благословенной эпохи, когда подражание западу еще не задушило славянский гений. Из Москвы эти патриотические настроения проникают в литературные круги Петербурга. В театрах ставят пьесы, прославляющие героизм народа, проявленный в годину бедствий и войн. Адмирал Шишков вместе со знаменитым баснописцем Крыловым, старым придворным поэтом Державиным, драматургом Шаховским и другими литераторами основывает литературное общество «Беседы любителей российской словесности», цель которого — возродить самобытность и былой блеск родного языка, утраченные за годы предыдущих царствований.

В провинции большинство мелкопоместных дворян не утруждает себя, конечно, умственными заботами. Чтению предпочитают охоту, вино, карты. Но все они несут убытки из-за отсутствия рынков сбыта для продуктов из их хозяйств и из-за падения курса рубля. Они винят в своих финансовых трудностях Францию, но

под Францией подразумевают Александра. Что до мужиков, по которым сильно ударил рекрутский набор 1806 года, то они оплакивают погибших и жалеют искалеченных, с трудом доковылявших до родных деревень. У них не укладывается в голове, как «Антихрист Наполеон», проливший столько русской крови, сумел за несколько часов завоевать дружбу царя-батюшки и войти к нему в доверие. Подсчитывают своих невернувшихся, непонятно за что погибших товарищей. Не доверяют дворянам, их командирам. Ищут объяснений в необычных деталях, которыми была обставлена тильзитская встреча. Князь Вяземский заносит в записную книжку подслушанный им разговор двух мужиков: «Как же это, — говорит один, — наш батюшка, православный царь, мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристом? Ведь что страшный грех!» — «Да как же ты, братец, не разумеешь и не смекаешь дела? — отвечает другой. — Разве ты не знаешь, что они встретились на реке? Наш батюшка именно с тем и повелел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уж допустить его пред свои светлые царские очи».

Вигель пишет в своих «Воспоминаниях»: «И вот эпоха, в которую нежнейшая любовь, какую могут только иметь подданные к своему государю, превратилась вдруг в нечто хуже вражды, в чувство какого-то омерзения. Я не хвалюсь великою мудростью, но в этом увидел я жестокою несправедливостью русских. Мне за них стыдно: так презираемые ими черемисы и чуваши секут своих богов, когда они не исполняют их желаний».

Александр отлично осведомлен о настроениях при дворе и в народе. Для надзора над умами подданных в январе 1807 года он учредил род тайной полиции, Комитет общей безопасности, донесения которого ложатся прямо на его стол. Он так хотел быть любимым

своим народом, а его не понимают, ненавидят, презирают. Но у него нет выбора, в ближайшем будущем он должен придерживаться тильзитской политики. Однако в его власти создать иллюзию изменения политического курса, обновив состав своих сотрудников. На посту министра иностранных дел бездарного дипломата, генерала Будберга, сменяет граф Николай Румянцев, знатный вельможа, поклонник литературы и искусства, одновременно горячий патриот и франкофил. Чарторыйский, Новосильцев и Кочубей выходят в отставку и покидают Россию. В Министерство внутренних дел Александр приглашает бывшего сотрудника Кочубея Михаила Сперанского, человека высокообразованного, гибкого, умного, который давно уже исподволь готовился к поприщу государственного деятеля. 13 января 1808 года Александр передает военное министерство страшному Аракчееву. В обществе не понимают, почему такой ответственный пост доверили человеку ограниченному, жестокому и трусливому. Разве не ходили после Аустерлица слухи, что он отказался участвовать в сражении, потому что душа его «слишком чувствительна» и он не в силах выносить «вида резни»? Однако его чувствительную душу не трогают телесные наказания, которым по его приказу и в его присутствии подвергают солдат. В юности в Гатчине Александр оценил организаторский дар того, кого уже тогда называл своим другом. Отдав армию этому зверю в мундире, Александр не сомневается: в войсках будет наведена железная дисциплина. Нужен такой, как Аракчеев, чтобы выковать необходимую России непобедимую армию. Пока что эта армия участвует только во второстепенных столкновениях. В Тильзите Наполеон дал понять Александру, что согласен с его притязаниями на Балтику. «Не нужно, — говорил он, — чтобы красавицы Петербурга слышали в своих дворцах шведские пушки.

Швеция ваш враг уже в силу своего географического положения». Таким образом поощренный царь в начале 1808 года направляет войска против Финляндии, бывшей тогда шведской областью, захватывает страну вплоть до западного берега Швеции и после низложения шведского короля Густава IV во Фирдрихсгаме заключает с побежденным противником мир на выгодных для России условиях. По этому договору Россия вступает во владение Аландскими островами и всей Финляндией, которая превращается в великое княжество, сохранив свою конституцию и армию, а также своего государя, которым, впрочем, станет не кто иной, как русский царь. В Петербурге не слишком ценят эту победу и без восторга принимают в дар бесплодный и холодный край. Возобновление военных действий против Турции, наоборот, обеспечивает России захват богатых княжеств Молдавии и Валахии. Недовольный ростом влияния России на юге, Наполеон предлагает Силезию в обмен на два эти княжества. Царь возмущенно отвечает: «Если я должен владеть этими княжествами в ущерб Пруссии, я предпочту от них отказаться. Вся Оттоманская империя не нужна мне за такую цену: для меня это дело чести».

В вопросе о Польше расхождения между императорами еще более велики. Оба согласны, что следует восстановить Польское королевство, но Наполеон видит его под властью Франции, а Александр — под эгидой России, для которой Польша служит передовым бастионом. Исторические связи, политические и стратегические соображения — все побуждает царя отстаивать свое мнение. Он говорит Чарторыйскому: «В случае войны было бы кстати провозгласить меня королем Польши, это склонило бы умы на мою сторону». И еще определеннее он высказывается перед Коленкуром: «Польша —

единственный вопрос, в котором я никогда не пойду на сделку... Мир недостаточно велик, чтобы мы могли прийти к соглашению относительно Польши». Отношения между Россией и Францией обостряются, и Александр наконец уступает настояниям Наполеона и соглашается на вторую встречу с ним в сентябре 1808 года в Эрфурте.

Как только эта новость распространилась, весь двор забурлил от негодования. Императрица-мать снова становится рупором недовольных. Эрфурт, предостерегает она, — это крепость, где власть принадлежит «кровожадному тирану», который совсем недавно возбудил общее возмущение, вероломно заманив в Байонну испанских Бурбонов и заставив их отречься в свою пользу. Встреча в Эрфурте — западня, из которой Россия, как Испания, выберется только ценой унижений. «Александр, — закликает она его в письме, — уклонитесь от этого свидания. Вы потеряете вашу империю и вашу семью. Остановитесь, еще есть время. Послушайте голоса чести, просьб, молений вашей матери... Остановитесь, сын мой, мой друг!» Он отвечает ей почтительным письмом. Он объясняет, что в данный момент вынужден делать вид, что интересы России совпадают с интересами Франции, что необходимо выиграть время и подготовиться, выжидая благоприятного момента: «Торопить события значило бы все испортить и погубить... Укрепляя наш союз, мы усыпим подозрения нашего союзника... Придет час, когда мы спокойно будем наблюдать падение Наполеона».

Его доводы никого не убеждают, и Александр покидает Петербург посреди всеобщего неодобрения. Будучи, как и в Тильзите, гостем Наполеона, он уезжает без пышной свиты, его сопровождают великий князь Константин, Сперанский, Румянцев и Коленкур. По пути в Эрфурт, хочешь не хочешь, а приходится

остановиться в Кенигсберге и встретиться с двумя живыми укорами — королем и королевой Пруссии. Их жалобы еще больше настраивают Александра против Наполеона, что не мешает ему заявить маршалу Ланну, принимавшему его во Фридберге: «Я очень люблю императора Наполеона и предоставляю ему доказательства этого при любых обстоятельствах».

Наполеон выезжает навстречу другу и, заметив кортеж карет, спешивается. Царь выходит из коляски. Они, как и в Тильзите, по-братски обнимаются. По знаку Наполеона конюх подводит Александру коня, покрытого чепраком из шкуры белого медведя, — подарок хозяина гостю. В Эрфурт оба монарха въезжают верхом, держась рядом, под гром пушечного салюта и перезвон колоколов. Александр в темно-зеленом мундире русского генерала, Наполеон в мундире стрелков французской гвардии. Несметные толпы любопытных приветствуют их криками восторга. Для царя приготовлен самый роскошный дом города. Дни проходят то в частных беседах, то в публичных церемониях. Императоры неразлучны. Вместе они посещают казармы французских войск, вместе наблюдают в зрительные трубки за маневрами армий, вместе объезжают поле сражения при Йене, где была разгромлена столь дорогая сердцу Александра Пруссия, вместе присутствуют на балу в Веймарском замке, где царь танцует с дамами, а Наполеон, неподвижно стоя у колонны, следит за ним с выражением иронической доброжелательности на лице; вместе принимают королей Баварии, Вестфалии, Вюртемберга и других царствующих князей Германии, поспешивших сюда, чтобы почтительно предстать перед взором своего повелителя. Все эти мелкие властители пресмыкаются перед тем, кто держит в руках их судьбу, и никто из них и не думает взбунтоваться против унижений, которым он их подвергает. Он позволяет им держать «пикет из

десяти гвардейцев, но ни одного кавалериста». Право иметь кавалерию сохраняется только за императорами. На одном официальном собрании король Максимилиан-Жозеф осмелился повысить голос, и Наполеон тут же его обрывает: «Замолчите, король Баварии!» Сам Гете, вызванный в Эрфурт, склоняется перед Наполеоном, за что удостоивается креста ордена Почетного легиона. Вечером обедают у Наполеона, потом отправляются в театр. Лучшие актеры Французской комедии выступают на сцене перед «партером королей и князей». «Перед грядкой», — вносит поправку какой-то остряк. И неясно, где же разыгрывается спектакль — на сцене или в зале. Царь усиленно лорнирует актрису Антуанетт Бургуен, прозванную «Богиней радости и наслаждений», и доверяет Наполеону свой интерес к этой бойкой юной особе. Император французов отвечает: «Не советую вам иметь с ней дело». — «Вы думаете, она откажется?» — обеспокоенно спрашивает царь. «О нет! — усмехается Наполеон. — Но завтра во Францию отправляется почтовая карета, и через пять дней весь Париж будет знать в деталях, как сложены Ваше Величество... Кроме того, я пекусь о вашем здоровье и хотел бы, чтобы вы побороли это искушение». И царь благоразумно обуздывает свои любовные порывы. Во вторник 4 октября 1808 года, играя в «Эдипе» Вольтера, Тальма с особым чувством произносит реплику: «Дружба великого человека — благодеяние Богов». При этих словах Александр встает и пожимает руку Наполеону, сидящему рядом с ним в ложе. Публика устраивает императорам овацию. Императоры раскланиваются. Так с какой же стороны рампы находятся исполнители главных ролей в этом театральном действе? Александр пишет сестре Екатерине: «Бонапарт принимает меня за глупца. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. А я уповаю на Бога».

В действительности за этими блестящими внешними демонстрациями взаимного согласия кроются все возрастающие острые разногласия. Любопытно, что поощряет царя не делать уступок Наполеону не кто иной, как Талейран, который служит своему господину весьма коварным способом. Отведя Александра в сторону, он говорит ему: «Государь, зачем вы сюда приехали? Вам предстоит спасти Европу, и вы достигнете этого, лишь ни в чем не уступая Наполеону. Французский народ цивилизован, а его государь нет. Русский государь цивилизован, а его народ нет. Следовательно, русский государь должен стать союзником французского народа. Рейн, Альпы, Пиренеи — завоевания Франции, все прочее — завоевания императора, Франция ими не дорожит». Речи Талейрана укрепляют в Александре, уже в Эрфурте предвидевшем неизбежность падения наполеоновской империи, недоверие к Наполеону. А Талейран идет еще дальше по пути предательства и советует Александру не возражать против военных приготовлений Австрии, военная поддержка которой пригодится ему в случае новой войны с Наполеоном.

Во время первых же бесед с Александром о европейских делах Наполеон убеждается, что Александр далеко не так «мягок», как в Тильзите. Торопясь послать в Испанию войска, находившиеся в Пруссии, Наполеон пытается добиться от царя твердого обещания выступить против Австрии, но Александр под разными предлогами уклоняется от прямого ответа. Споры затягиваются, ожесточаются. Наполеон жалуется Коленкуру: «Ваш император Александр упрям, как мул. Он глух ко всему, чего не хочет слышать. Дорого же мне обходятся эти проклятые испанские дела!» Во время одного особенно бурного объяснения Наполеон швыряет на пол треуголку и в бешенстве топчет ее. Не испугавшись этого взрыва корсиканского

темперамента, Александр с улыбкой наблюдает за ним и спокойно произносит: «Вы вспыльчивы, а я упрям. Гневом вы ничего от меня не добьетесь. Давайте беседовать, рассуждать, иначе я уйду», — и направляется к двери. Наполеон остывает, удерживает его, и беседа возобновляется в спокойном тоне.

Но роли меняются, когда Александр требует от Наполеона, в доказательство его мирных намерений, вывести войска из Пруссии. Тут упирается Наполеон. «И это мой друг, мой союзник, — в сердцах восклицает он, — предлагает мне оставить единственную позицию, откуда я мог бы угрожать Австрии с фланга, если она нападет на меня, когда мои главные силы будут находиться на юге Европы, за четыреста лье от австрийской границы!» И говорит своим приближенным, склоняющим его к уступчивости: «Вы предлагаете мне выход, приемлемый для слабых. Если я на это соглашусь, то очень скоро вся Европа станет обращаться со мной, как с мальчишкой!»

С большим трудом достигают компромисса. Наполеон признает присоединение к России Молдавии и Валахии при условии согласия на это Порты. В обмен Александр обещает ему выступить против Австрии в случае, если эта могущественная держава первой начнет военные действия. Одновременно Александр заверяет барона Винцента, посланника Вены в Эрфурте, в чисто формальном характере этого обязательства. Так императоры обманывают друг друга, официально объявляя, что удовлетворены прочностью союза. На одной из встреч Александр замечает, что забыл шпагу. Наполеон преподносит ему свою. Александр с блестящими от притворной благодарности глазами восклицает: «Я принимаю ее в знак нашей дружбы... Я никогда не обнажу ее против Вашего Величества». Наполеон пишет Жозефине: «Все идет хорошо. Я

доволен Александром, он должен быть доволен мной. Будь он женщиной, я, наверное, влюбился бы в него».

Решено также обратиться к Англии с совместным письмом, призывающим к миру. Излишне прямолинейного Петра Толстого заменит новый русский посол в Париже князь Александр Куракин, обещающий быть более сговорчивым. На деле же он, по словам Ростопчина, «глупец, вроде немецкого князька, изгнанного из своих владений, или же идола дикарей».

Наконец Наполеон поручает Талейрану довести до сведения царя, что он собирается развестись с Жозефиной и просить руки одной из русских великих княжен, «чтобы укрепить деяния и династию императора новым брачным союзом». Царь давно уже предупрежден о матримониальных планах своего «друга». Великая княжна Екатерина, единственная из сестер императора, достигшая брачного возраста, не прочь стать французской императрицей. «Я считаю, что она очень хорошо с этим справится, — пишет императрица Елизавета матери. — Ей нужен муж и нужна свобода, хотя я сомневаюсь, что она обретет ее в замужестве». Но Александр никогда не согласился бы отдать свою любимую сестру на съедение Минотавру. Одна только мысль о том, что русская великая княжна заменит в постели Наполеона потаскушку Жозефину, приводит его в содрогание. Он также представляет себе, каким будет негодование матери и всего двора. Однако не выдает своих чувств и говорит Талейрану: «Если бы дело касалось только меня, я бы охотно дал свое согласие, но его недостаточно: моя мать сохранила над своими дочерьми власть, которую я не в праве оспаривать. Я могу попытаться воздействовать на нее; возможно, она согласится, но я за это не поручусь. Мною руководит истинная дружба к императору Наполеону, и мои слова должны его удовлетворить».

Этот уклончивый ответ не отнимает надежды у прославленного претендента и предоставляет Александру отсрочку для подготовки обоснованного отказа. Вернувшись в Петербург, он поспешно обручает Екатерину с мелким немецким князьком герцогом Ольденбургским. «Его внешность мало привлекательна, — пишет Елизавета матери, — и даже неприятна. Не думаю, чтобы ему удалось внушить любовь, но великая княжна Екатерина уверяет, что ей нужен именно такой муж, а внешности она значения не придает».

Однако, не получив руки Екатерины, «корсиканский людоед» переключается на ее младшую сестру Анну, которой еще нет пятнадцати лет. Александр, испуганный подобной настойчивостью, обращается за советом к матери. «Раз уж Наполеону взбрела в голову такая мысль, то он предпримет соответствующие шаги. Что отвечать?» Мария Федоровна трезво оценивает ситуацию и пишет дочери Екатерине: «Я сказала Александру, что, однажды избегнув этого несчастья, мы должны предотвратить его и на этот раз... Предположим, что мы согласились на этот союз, и посмотрим, какие выгоды он принесет государству. Они таковы: 1. Надежда на длительный мир с Францией... А каковы последствия отказа?.. 2. Отказ озлобит Наполеона; его недовольство нами, его ярость против нас возрастут... Он использует отказ как предлог для нападения. Наш народ, осведомленный самим Наполеоном о его брачных предложениях, в случае согласия избавивших бы нас от бедствий войны, обвинит в этих бедствиях императора и меня и осудит нас... 3. А бедняжке Аннет придется стать жертвой, обреченной на заклятие во имя блага государства. Ибо какой будет жизнь этого несчастного ребенка, отданного преступнику, для которого нет ничего святого и который ни перед чем не останавливается,

потому что он не верует в Бога... Что она увидит, что услышит в этой школе злодейства и порока?.. Като, от всех этих мыслей меня бросает в дрожь... На одной чаше весов — государство, на другой — мое дитя, а между ними Александр, наш государь, на которого падут все последствия отказа!.. Мне ли, матери Аннет, стать причиной его несчастий?.. Если этот человек умрет, будучи супругом Анны, его вдова подвергнется всем ужасам смут, которые вызовет его смерть, ибо разве можно предположить, что будет признана династия Бонапартов? Мы долго обсуждали, какой ответ дать Коленкуру, и остановились на следующем: моя дочь слишком юна и еще не сформировалась окончательно». После последнего семейного совета Коленкуру передано, что великая княжна Анна ввиду ее крайней молодости не может быть отдана в супруги сорокалетнему императору французов. Но во избежание разрыва между двумя дворами проект этого союза будет снова благосклонно рассмотрен Россией через несколько лет, когда маленькая Анна достигнет брачного возраста.

Наполеон счел эти притворные извинения унижительными, тем более что в январе 1809 года по случаю бракосочетаний великой княжны Екатерины король и королева Пруссии были приняты в Петербурге с исключительным блеском. Таков ответ русского императора на празднества, устроенные Наполеоном в Эрфурте. На балу у княгини Долгорукой раздосадованный Коленкур бросает: «В этом визите нет никакой тайны: королева Пруссии приехала спать с императором Александром». Словечко подхватывают все петербургские гостиные. Большинство наблюдателей не верят этой клевете, но всех изумляет чрезмерная роскошь подарков, приготовленных для королевы Луизы в ее покоях в Михайловском замке: золотой туалетный прибор, персидские и турецкие

шали, дюжина расшитых жемчугом придворных туалетов, редкой красоты бриллианты... Несомненно, Александр хотел пополнить оскудневший гардероб этой многострадальной королевы, потерявшей все после разгрома своей родины. От пережитых невзгод красота молодой женщины несколько поблекла. Жозеф де Местр пишет о ней: «Ее часто сравнивали с царствующей императрицей. Королева, быть может, прекраснейшая из женщин, но царица прекраснейшая из императриц». Сама Елизавета пишет матери: «Королева, бесспорно, красивая женщина, но ей не следует больше полнеть. Она в начале беременности и чувствует себя плохо, глаза ее потухли». А королева Луиза заносит в свой дневник: «8 января 1809 года бессонная ночь; я больна, боюсь, я беременна, я очень страдаю, и на меня страшно смотреть... 10 января: не спала всю ночь, лихорадило, болят зубы, тошнит. 12 января: смертельно устала, если так пойдет дальше, меня похоронят на Александро-Невском кладбище... 13 января: устала как собака... 16 января: в театре Эрмитажа, мадемуазель Жорж божественна, прекрасна; весь вечер лихорадило... 20 января: сильная простуда...»

Несмотря на поблекшие черты, «потухшие глаза», дурное самочувствие, королева Луиза стоически не пропускает ни одного праздника, стараясь поддержать свою славу первой красавицы Европы. Ею восхищаются, удивляются смелости ее декольте, но Александр остается нечувствительным к этой провоцирующей плоти. Он как будто бы избегает полусентиментальных, полуполитических бесед с этой неугомонной кокеткой. На одном из приемов она появляется с сильно обнаженными плечами и грудью, усыпанная, точно священная рака, бриллиантами, и оказывается рядом с Марией Нарышкиной, которую, по слухам, царь вот-вот оставит. На Марии Нарышкиной,

как всегда, простое белое платье и единственное украшение — веточка незабудки в черных, как смоль волосах. Александр окидывает обеих взглядом, сравнивает и улыбается фаворитке. Луиза едва слышно произносит: «Ухожу, как пришла. Мое царство в ином мире». В прощальном письме она пишет царю: «Я вас мысленно обнимаю и прошу вас верить, что и в жизни, и в смерти я ваш преданный друг... Все было великолепно в Петербурге, только я слишком редко видела вас».

Едва королевская чета покинула Петербург, как туда прибывает новый гость — чрезвычайный посол Венского двора князь Шварценберг. Его цель — убедить Александра соблюдать нейтралитет в случае военного конфликта между Австрией и Францией. Александр высокомерно отвечает: «Если вы начнете войну, я тоже выступлю (подразумевается: на стороне Франции. — А. Т.). Вы разожжете в Европе пожар и сами же станете его жертвой». Но в глубине души он решил, что не станет действовать заодно с Наполеоном, попавшим в невыгодное положение: с одной стороны распри со Священным престолом, с другой — бесславные затянувшиеся дела в Испании. Одно крыло императорского орла подбито. Не настал ли благоприятный момент покинуть его? Австрия, щедро субсидируемая английским золотом, вооружается до зубов. Говорят, у нее под ружьем 400 тысяч солдат и она легко справится с измотанными непрерывными боями войсками Наполеона, к тому же в его армии немало немцев. Станут ли они всерьез сражаться за Францию?

Военные действия начинаются — и австрийцы вновь разбиты наголову. 13 мая 1809 года Наполеон вступает в Вену, и Александр заявляет Коленкуру: «Я сделал все, чтобы избежать войны, но, раз австрийцы ее спровоцировали и начали, император найдет во мне союзника, я выступлю открыто; я ничего не делаю

наполовину». Но со Шварценбергом он ведет иные речи: «Император Александр, — докладывает Шварценберг в Вену, — уверил меня, что не упустит ничего, что в человеческих силах, для ослабления наносимых нам ударов. Он присовокупил, что его положение странное и что, хотя мы находимся в противоположных лагерях, он не может удержаться и не пожелать нам успеха».

Скрепя сердце царь приказывает 32-тысячному войску перейти реку Буг и вступить на австрийскую территорию. Русской армии чудом удается, используя любой повод, избегать столкновений с австрийским войском, с которым она пришла сражаться. Урон в самой серьезной из стычек — два убитых казака и три раненых офицера. Настоящие противники русских не австрийцы, а поляки. Они присоединились к французам и так преданы этому союзу, что князь Понятовский пишет Наполеону: «Мне неприятно обвинять русских генералов в коварстве, но я не могу скрыть от Вашего Величества, что они действуют в полном согласии с нашим врагом».

Жестокое сражение при Ваграме, в котором русские, разумеется, не участвовали, решает исход войны, к великой досаде Александра. Официально он на стороне победителя, которому приносит поздравления, но в душе оплакивает разгром побежденных. Наполеон как-то сказал Румянцеву: «Наш союз обернется для нас позором». Теперь он говорит: «Вы ничем не проявили себя, ни разу не извлекли саблю из ножен». По Венскому договору, подписанному 14 октября 1809 года, России достаются крохи: небольшая Тернопольская область. Эта подачка вызывает резкое осуждение. «Общее мнение России порицало Александра, — пишет в своих „Записках“ публицист Греч. — Наполеон осрамил его, дав ему из земель, отнятых у Австрии, не именно какую-нибудь область, а четыреста тысяч душ, как, бывало, у нас цари

награждали своих клеветов». Огорчает Александра другое: Великое герцогство Варшавское получает по договору Краков и Западную Галицию, и таким образом почти полностью восстановленная Польша оказывается под французским протекторатом. В Тильзите Наполеон предлагал уступить России всю прусскую Польшу, то есть всю территорию между Неманом и Вислой, но Александр из чувства дружбы к прусским государям отклонил это предложение, о чем теперь сожалеет. Он понимает, что расширение территории Великого герцогства Варшавского вплоть до русских границ превращает его в плацдарм для будущего вторжения в Россию. Разумеется, Наполеон уверяет, что в его планы не входит восстановление Польского королевства, и он даже готов «вычеркнуть слова „Польша“ и „поляк“ не только из текстов политических документов, но и из самой истории». Его доводы не удовлетворяют Александра: плутовство партнера для него давно уже не тайна. Речь, которую Наполеон дрожащим от волнения голосом произнес в Палате, начав ее словами: «Мой союзник и друг император России», — Александр расценил как высокомерно принесенное извинение за внезапный предательский удар. Теперь он считает, что если бы активнее участвовал в войне против Австрии, то, может быть, получил бы всю Галицию, и упрекает себя за излишнюю робость. Еще один «плачевный» факт: не дожидаясь окончательного ответа на предложение, сделанное великой княжне Анне, Наполеон объявляет, что берет в жены Марию Луизу Австрийскую. «Австрия принесла в жертву Минотавру прекрасную телку», — острит принц де Линь. Но русскому двору не до смеха. Никто не желал отдать юную Анну на растерзание варвару, но разрыв, происшедший по инициативе этого же варвара, воспринят как оскорбление.

Ход событий во Франции ускоряется: пленение Наполеоном папы Пия VII, бракосочетание императора и Марии Луизы, захват Голландии и Ганзейских городов... Среди захваченных Наполеоном земель и маленькое герцогство Ольденбургское, где правит свекор Екатерины, любимой сестры Александра. «Это публичное оскорбление, — говорит царь, — пощечина, нанесенная дружественной державе». Наполеон передвигает границы, разрезая живую плоть наций, создает и уничтожает династии. Нет такого человеческого чувства, которое могло бы изменить политические планы этого властелина. Александр огорчается, что сам нередко поддается жалости, нежности, дружбе. Его натура слеплена из теста более мягкого, чем натура «Корсиканца». Будь он на месте Наполеона, хватило бы у него мужества так хладнокровно развестись с Жозефиной? Устранить мужчину — да! Но — женщину?.. Однако он неохотно признает, что у него немало общего с этим монархом, которым он восхищается, но которого и ненавидит. Самодержавный царь, воспитанный якобинцем, он не прочь пощеголять приверженностью демократическим идеям, при этом ревностно охраняя свои прерогативы суверена. Со своей стороны Наполеон, чистый продукт освободительной революции, сколько бы ни впадал в крайности авторитаризма, все равно олицетворяет новый социальный порядок, основанный на принципах равенства и свободы. Ни тот ни другой император, несмотря на всю свою добрую волю и все свои усилия, не в состоянии согласовать реальную политику со своими принципами.

Александр полагает, что для осуществления своих планов деспота-реформатора нашел идеального помощника в лице Михаила Сперанского. В сотрудничестве с этим неутомимым и честолюбивым тружеником он намерен вернуться к программе

преобразований, когда-то выработанной им и его друзьями по Негласному комитету.

Михаил Михайлович Сперанский, сын бедного сельского священника деревни Черкутино, учился сначала во Владимирской семинарии, а потом в Петербурге в духовной семинарии при Александро-Невской лавре. Уже будучи домашним секретарем высокопоставленного сановника князя Алексея Куракина, он все еще настолько проникнут сознанием своего низкого происхождения, что избегает обедать за одним столом со своим барином. Но, поняв, что к нему относятся с уважением, быстро обретает уверенность в себе. Куракин устраивает через митрополита увольнение Сперанского из духовного ведомства и переход на гражданскую службу. Сперанский стремительно поднимается по служебной лестнице и делается повсюду необходимым: участвует в работе Негласного комитета, служит у Кочубея в Министерстве внутренних дел, составляет императорские манифесты и указы и, наконец, войдя в доверие в царю, сопровождает его в Эрфурт. В ту пору Сперанскому тридцать семь лет. Он благоговеет перед Наполеоном, но ценит в императоре французов не победителя при Ваграме, а автора гражданского кодекса, создателя не имеющей себе равных административной системы. Из Эрфурта в Петербург он возвращается воодушевленный мечтой о реформе государственного строя России по образцу Франции. «Надо резать по живому», «кроить, не жалея материи», говорит он, и этот язык нравится Александру. Он угадывает, что его новый статс-секретарь такой же «западник», как и он сам. Сперанский — англоман; он одевается по английской моде, в 11 часов завтракает яйцами и ростбифом, запивая их чаем, и каждое утро совершает прогулку верхом на лошади с коротко подстриженным хвостом. Увлечение модой несколько не мешает серьезным

занятиям. Разносторонне образованный, знакомый с основными философскими системами Европы, он интересуется также трудами Сен-Мартена и Сведенборга^[26] и вступает в «прихожую Бога». Он становится франкмасоном, что укрепляет в нем тяготение к социальному христианству и приводит к мысли, что проблемы политической экономии, как и проблемы права, могут быть трактованы в духе Евангелия. Высокий, сутулый, рано облысевший, с молочно-белой кожей, длинным тонким носом, маленьким ртом, глубоким взглядом влажных глаз, с умным и печальным выражением на лице, он притягивает к себе все взоры.

Во время многочасовых бесед с Александром Сперанский излагает ему широкие проекты политических, экономических и финансовых реформ, предназначенных сплотить русское общество вокруг его государя. Исходя из принципа разделения законодательной и исполнительной власти, Сперанский предлагает создать Государственный совет — совещательный орган при императоре из 35 членов, назначаемых царем. Высшим законодательным органом станет Государственная дума, избираемая представителями дворянства и среднего сословия; высшим судебным органом — Сенат. Специальной комиссии поручается выработка Уложения законов по образцу кодекса Наполеона. Государственная дума рассматривает и принимает законы, устанавливает новые налоги и подати и заслушивает отчеты министров.

Административно территорию России он предлагает разделить на губернии, округа и волости. На каждом уровне создается своя дума, куда выбираются представители тех, кто владеет недвижимым имуществом. Избранные в местные думы посылают

своих представителей в Государственную думу. На каждом уровне создаются также суды, подчиняющиеся Сенату как высшей судебной инстанции.

По инициативе своего министра Александр подписывает два указа. Один — о придворных званиях, согласно которому придворное звание остается почетным отличием, не давая права на должность и чин; второй — об экзаменах на гражданские чины, начиная с VII класса. Этими указами, введя разумные ограничения, Сперанский ополчил против себя все придворное и чиновное дворянство.

Самая важная часть проекта Сперанского — установление равенства в гражданских правах. Для большей ясности изложения Сперанский делит все население России на три сословия: дворянство, «люди среднего состояния» (купцы, мещане, государственные крестьяне) и «народ рабочий» (поместные крестьяне, мастеровые, домашние слуги). Гражданские права также разделяются на три категории. Все права, включая политические, имеет только дворянство. Политические права среднего сословия зависят от имущественного положения. «Народ рабочий» политических прав не получает. Кроме того, только дворянству принадлежит «право владеть населенными землями, управляя ими по предписаниям закона». Документ признает «общие гражданские права» за помещичьими крестьянами, но по-прежнему называет их «крепостные». Тем не менее это первый, пусть и крайне робкий шаг к ослаблению крепостного права. Автор, выступая за представительную форму правления, рассматривает высшую власть как в принципе самодержавную. При всем либерализме программа Сперанского включала такие меры предосторожности, что в случае ее реализации нисколько не поколебала бы монархические основы российской государственности.

Тем не менее Александра пугает буря, которую неминуемо вызовут в обществе нововведения, приемлемые в теории, если осуществить их на практике. Из всех предложений Сперанского он выбирает одно — создание Государственного совета. С 1 января 1810 года он регулярно присутствует на его еженедельных собраниях вместе с сидящим по его правую руку Сперанским, возведенным в ранг государственного секретаря. Ожидая проведения в жизнь, впрочем, весьма проблематичного, остальных частей своей программы, Сперанский проводит некоторые неотложные финансовые меры, а именно: изъятие из обращения ассигнаций и погашение их за счет увеличения налогов; повышение таможенных пошлин; замена медной монеты серебряной. Эти меры, выведшие страну из финансового кризиса, ожесточили против Сперанского владельцев собственности из разных сословий. Его обвиняют в намерении разорить самые знатные семьи. В его положении о Государственной думе как выборном собрании, депутаты которого обладают правом критиковать законодательные инициативы монарха, видят революционную утопию, достойную санкюлотов. Наконец пускают слух, что он собирается уничтожить крепостное право и тем самым посягает на вековые устои русского общества. Сам же Александр, пожаловав Финляндии некое подобие конституционного режима, считает Россию еще не созревшей для такого рода эксперимента. Он откровенно высказывает свои соображения генералу барону Армфельду: «Я вам клянусь, что конституционные формы правления нравятся мне гораздо больше, чем неограниченная власть, в основе которой — моя личная воля. Здесь (в Финляндии. — *А. Т.*) я не допущу ошибки, потому что в моем распоряжении все средства просвещения. Там (в России. — *А. Т.*) я наталкиваюсь почти всегда на давние,

устоявшиеся привычки, которые заменяют законы». Так что Александр, приветствуя инициативы госсекретаря, благосклонно выслушивает и яростные нападки, и доносы, которыми лица, составляющие его окружение, осыпают этого опасного смутьяна. Честолюбивые вельможи не прощают этому выскочке, этому «поповичу» головокружительного взлета к почестям и высшим должностям. «На кабинет сей, — пишет современник, — смотрели, как на Пандорин ящик, наполненный бедствиями, готовыми излететь и покрыть собою все наше отечество».

Во время визита Александра в Тверь, где был генерал-губернатором его шурином, герцог Ольденбургский, великая княгиня Екатерина передает ему небольшой труд знаменитого историка Карамзина, озаглавленный «Записка о старой и новой России», на форзаце которого написано: «Только моему брату». В этом произведении автор язвительно и резко нападает на программу министра-реформатора: «Россия наполнена недовольными: жалуются в палатах и хижинах», — пишет он. Он уклоняется от истины, утверждая, что недавними финансовыми мерами «советники правительства... хотели умышленно повредить государственному кредиту». Притворяясь, будто верит, что Сперанский собирается немедленно отменить крепостное право, он мечет громы и молнии: «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу... но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную... Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им на время свободу». И далее уточняет свою открыто националистическую позицию: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною Петр... чужеземцы овладели у нас воспитанием, двор забыл язык русский; от излишних успехов европейской роскоши дворянство

одолжало... к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских!» Даже составление свода законов по образцу французского кодекса кажется чуть ли не кощунственным этому фанатичному защитнику существующего порядка: «Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7-ю экс-адвокатами и экс-якобинцами?» И заканчивает обращением к Богу: «Наши политические принципы вдохновлены не Энциклопедией, изданной в Париже, а энциклопедией куда более древней — Библией».

Читая этот обличительный памфлет, Александр с горечью осознает всю глубину своего одиночества перед консервативной оппозицией. Целесообразно ли настаивать на политике реформ, если она восстанавливает против него первых лиц империи как по рождению и состоянию, так и по вере и культуре? И своевременна ли крутая внутренняя ломка, когда Наполеон, по своему произволу, только что захватил герцогство Ольденбургское? На робкие предложения русских урегулировать совместно этот, а также польский вопрос, следует грубый ответ французского императора: «Даже если бы ваши армии разбили лагерь на высотах Монмартра, я и тогда не уступил бы вам ни клочка земли герцогства Варшавского».

При дворе формируется заговор, чтобы свалить Сперанского. Каких только обвинений на него не возводят: он в сговоре с Францией, он предан Наполеону, он изменник родины! Генерал барон Армфельд, непримиримый враг Наполеона, говорит

Александрю: «Виновен Сперанский или нет, но им придется пожертвовать. Без этого не удастся сплотить нацию вокруг главы государства. Предстоящая война с Наполеоном не будет обычной войной: не проиграть ее можно, лишь превратив ее в общенациональную... Посмотрите, с каким ожесточением на него нападают; пусть раскроют заговор: это как раз то, что нам нужно». Новый министр полиции А. Д. Балашов передает царю неуважительные высказывания о нем его ближайшего сподвижника. «Вы же хорошо знаете подозрительный характер императора, — будто бы сказал Сперанский. — Все, что он делает, он делает наполовину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым». В одном из писем, перехваченных черным кабинетом, Сперанский, рассказывая об осмотре царем крепостных укреплений, возводимых на западной границе, назвал его «notre Vauban, notre veau blanc»,^[27] намекая на нежно-розовый цвет лица Александра. Но одной дерзкой остроты недостаточно, чтобы вызвать гнев императора. По своему обыкновению, он не торопится принять решение. Сперанский, осыпаемый проклятиями и оскорблениями, продолжает самоотверженно работать, но теперь в борьбе за влияние на Александра у него появился соперник. Генерал Аракчеев, милостиво возвращенный ко двору, «сторожевой пес русского трона», «чудовищное пугало», по выражению Жозефа де Местра, разжигает подозрения царя против его госсекретаря. Из двух своих доверенных лиц, ненавидящих друг друга, Александр как будто ни одному не отдает предпочтения. Весьма искусный в двойной игре, он принимает их порознь, в большой тайне, скрывает от одного то, о чем говорит с другим, притворяется, что верит тому, кто говорил с ним последним, и выжидает, когда обстоятельства

подскажут, какое решение выбрать. По сути, он не осознает, что Сперанский, гибкий и деятельный либерал, и Аракчеев, блюститель палочной дисциплины и старины, представляют две противоположные стороны его собственной сложной натуры. Он балансирует между ними — двумя карикатурами на самого себя. Их вражда не столько беспокоит его, сколько забавляет. Аракчеев дважды подает в отставку, отсиживается в своем имении Грузино, лишь бы избежать встреч с «поповичем», но по вызову Александра, нуждающегося в его советах, возвращается, подавив бешенство. Сперанский презирает этого грубого невежду с кругозором, как он говорит, «унтер-офицера». Рафинированный Александр разделяет его мнение, но знает, что Аракчеев с его узким умом, вульгарными манерами, ретроградными убеждениями — образец собачьей преданности, и на него можно всецело положиться при любых обстоятельствах. Напротив, Сперанский так умен, образован, так хитер, что сами его достоинства превращаются в некотором роде в недостатки. Царь слишком часто ощущает превосходство министра. Александр его любит, но не доверяет ему. Однако он поручает ему организовать нечто вроде разведывательной службы во Франции. Молодой граф Карл Нессельроде должен отправиться в Париж, проникнуть во французские политические круги и посылать Сперанскому тайные доклады о настроениях во Франции. Согласно инструкциям Александра, ни посол в Париже Куракин, ни министр иностранных дел Румянцев, оба франкофилы, не будут информированы об этой переписке.

Прибыв в Париж, Нессельроде встречается с Талейраном, которого после Эрфурта царь считает надежным союзником в борьбе с Наполеоном. Принимая к сердцу русские дела, князь Беневентский тем не

менее тут же требует платы за предательство. 15 сентября 1810 года он пишет Александру: «Мне необходимо иметь 1 500 000 франков, и было бы весьма важно получить их в ноябре. Это вещь сама по себе простая, но мне приходится быть крайне осмотрительным в выборе средств, с помощью которых я могу достать эти деньги в настоящее время... Если Ваше Величество найдете, что, обратившись к вам с полным доверием, я этим лишь отдаю должное присущим вам достоинствам и великодушию... я умоляю вас приказать доверенному лицу написать г-ну Бетману, что вами открыт у него, Бетмана, во Франкфурте кредит на 1 500 000 франков вашему генеральному консулу в Париже г-ну Лабинскому». Александр учтиво отклоняет эту просьбу: «Князь, я спрашиваю вас самого, могу ли я исполнить ваше желание, не скомпрометировав вас окончательно?.. Если я окажу вам эту услугу, то через кого и каким образом я могу это сделать так, чтобы она осталась тайной для всех? Поэтому, князь, я с сожалением лишаю себя удовольствия, которое всегда испытываю, оказывая вам услугу». Несмотря на это, Талейран остается главным информатором русских в политических вопросах. Письма, которые Нессельроде пересылает царю через Сперанского, содержат по большей части изложение бесед и советов «кузена Анри». Этот «кузен Анри» не кто иной, как Талейран; его также называют «красавец Леандр» или «Анна Ивановна». Фуше фигурирует в переписке под псевдонимами «Президент» или «Наташа», царь — «Луиза», Коленкур — «Холшинский». Если речь идет об амурных делах господина Бутягина, секретаря русского посольства, то подразумевается общественное недовольство во Франции.

Эти секретные документы предназначаются лично царю, но, чтобы лучше владеть ситуацией, Сперанский

не колеблясь переступает через запрет и заставляет двух доверчивых служащих Бека и Жерве передавать ему секретные досье Министерства иностранных дел России без ведома Румянцева. Этой явной неосторожностью немедленно воспользовался, обратив ее против Сперанского, министр полиции Балашов. Многочисленные враги Сперанского, среди которых такие влиятельные фигуры, как великая княгиня Екатерина, граф Ростопчин, Аракчеев, Карамзин, Армфельд, раздувают скандал, крича о государственной измене. Они открыто обвиняют Сперанского в преступных связях с агентами Наполеона и требуют головы виновного. Александр мог бы одним словом обелить своего сподвижника, единственная ошибка которого, царь это понимает, в том, что он самовольно читал секретную дипломатическую переписку, к которой не имел права доступа. Но на этот раз взрыв ненависти против Сперанского был слишком силен. Козел отпущения нужен двору, столице, всей стране. Чтобы умиротворить дворцовые круги, Александр притворяется разгневанным, тогда как он всего лишь оказался в затруднительном положении. Быстрые расправы претят его нерешительному и мягкому характеру. Все-таки он решает действовать и действовать быстро, не по собственному убеждению, а из соображений целесообразности.

17 марта 1812 года, в воскресенье, Сперанский получает через фельдъегеря приказание явиться к императору в восемь часов вечера. Ничего необычного в этом нет, и Сперанский спокойно отправляется в Зимний дворец. В приемной ждут генерал и двое министров. Сперанского проводят к императору первым. Аудиенция продолжается два часа. Наконец дверь отворяется, на пороге появляются двое мужчин. Сперанский бледен и взволнован, на глазах императора, видимо, сильно расстроенного, слезы. Кто

из них причинил другому больше зла? Сперанский дрожащей рукой прижимает к груди портфель. Дежурные офицеры слышат, как Александр произносит слабым голосом: «Еще раз прощайте, Михайло Михайлович». Вернувшись к себе, Сперанский застаёт в доме министра полиции Балашова. Кабинет его опечатан. Поздно ночью, не имея мужества проститься с семьей, великий законодатель, доверенное лицо и друг царя, низвергнутый с вершин власти, выезжает из Петербурга в почтовой кибитке в сопровождении частного пристава. Он направляется в Нижний Новгород — в ссылку. Его сотрудник Магницкий также арестован и сослан. Через несколько дней заключают в тюрьму двух чиновников Министерства иностранных дел, имевших неосторожность передавать Сперанскому секретные бумаги. Таким образом подтверждается версия заговора против безопасности государства.

Столичное общество радуется внезапной опале Сперанского, как первой победе над французами. «Смерть тирана не могла бы вызвать столь всеобщую радость», — отмечает мемуарист Вигель. «Великий день для отечества и для нас всех 17-й день марта! — пишет в записках Варвара Бакунина. — Бог ознаменовал милость свою на нас, паки к нам обратился, и враги наши пали. Открыто преступление в России необычайное, измена и предательство... Должно просто полагать, что Сперанский намерен был предать отечество и государя врагу нашему». «Падение Сперанского прогремело на всю империю», — пишет Жозеф де Местр. Семья опального министра, выехавшая вслед за ним в ссылку, по пути подвергается оскорблениям со стороны черни.

У Александра, прогнавшего Сперанского с глаз долой, тяжело на сердце. На следующий день после высылки министра он доверительно говорит князю Александру Голицыну: «Если бы у тебя отсекли руку,

ты, верно, кричал бы и жаловался, что тебе больно. У меня в прошлую ночь отняли Сперанского, а он был моей правой рукой». А несколько дней спустя — Нессельроде: «Только теперешние обстоятельства вынудили меня принести эту жертву общественному мнению». И, наконец, Новосильцеву: «В действительности он виноват только передо мной, виноват потому, что отплатил мне за доверие самой черной, самой гнусной неблагодарностью. Но и это не заставило бы меня прибегнуть к суровым мерам, если бы люди, которые в течение некоторого времени взяли на себя труд следить за его словами и поступками, не вмешались и не разоблачили обстоятельства, заставившие заподозрить намерения столь злостные». И тому же собеседнику он передает слова, которые сказал министру перед увольнением: «Враг у ворот империи. Подозрения, которые вы на себя навлекли, и высказывания, которые вы себе позволили, поставили вас в положение, при котором я не могу и дальше выказывать вам свое доверие, иначе, в случае несчастья, я окажусь сам виновным в глазах подданных».

Но, как всегда, его искренность весьма относительна. Его тон и слова зависят от собеседника. Одним он жалуется на страдания, которые испытывает, принеся Сперанского в жертву общественному мнению, даже не проверив возведенных на него обвинений. Другим клянется, что гнев против министра так ослепил его, что он хотел подвергнуть его самой суровой каре. Паррота, ректора Дерптского университета, он уверяет, что, узнав об «измене» Сперанского, чуть было не приказал расстрелять его. Легковерный Паррот, вне себя от ужаса, пишет Александру: «Одиннадцать часов ночи, стоит глубокая тишина. Начинаю письмо моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, с которым не хотел бы никогда разлучаться... Вчера вы

поделились со мной горем, причиненным вашей душе предательством Сперанского, и я стал свидетелем того, как невольно излился ваш гнев. Надеюсь, теперь вы далеки от мысли расстрелять его. Признаюсь, все, что вы рассказали мне, сильно его чернит. Но в том ли вы сейчас состоянии, чтобы по справедливости разобраться в этих обвинениях?»

Сперанский из ссылки тоже пишет Александру письмо, дабы раз и навсегда отвести от себя подозрения, признав себя виновным только в том, что заглянул в досье Министерства иностранных дел: «Тут могло быть легкомыслие, но никто никогда не в силах превратить сего в государственное преступление, — пишет он из Перми. — Со всем тем, и прежде, и теперь, я повергаю себя единственно на Ваше великодушие и желаю еще лучше быть прощенным, нежели во всем правым».

Сослав Сперанского в Нижний Новгород, а потом в Пермь, Александр мало-помалу вновь обретает душевное равновесие. Всеобщие поздравления по случаю решительного устранения министра, «удара метлы», как говорят некоторые, быстро успокаивают угрызения совести. Выдав на расправу народному мщению своего лучшего сотрудника, он оправдывает себя тем, что восстановил единство нации. Он философски заключает: «Нельзя судить одной меркой государей и обычных людей. Политика диктует действия, которые сердце отвергает». Бросив эту реплику, думает ли он об отце? Да, безусловно. Если он хочет двигаться вперед, ему придется переступить через все препятствия: родителей, друзей, доверенных лиц, министров... Начало череде неизбежных жертв положено в Михайловском замке в кровавую ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Никогда и нигде не скрывается ему от воспоминаний об этой ночи.

У Его Величества появляется новый советник — барон Генрих фон Штейн, бывший министр короля Пруссии. Заклятый враг Франции, изгнанный Наполеоном сначала из Германии, потом из Австрии, он, по приглашению Александра, нашел приют в Петербурге. В общении с этим перебежчиком Александр закаляет душу для предстоящей борьбы, черпая в этом источнике недоверие, страх, ненависть. Разрыв дипломатических отношений с Францией, приближающийся с каждым днем, все больше пугает его, ибо он понимает — войны не миновать.

Глава VIII

Отечественная война

Изучая карту Европы, Александр всегда испытывает одно и то же чувство — неотвратимости судьбы. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять: история России — прямое следствие ее географического положения. Необозримые просторы и протяженные и открытые границы огромной империи — непреодолимое искушение для захватчика. В далеком прошлом на нее нападали кочевые племена хазар, печенегов, половцев. На смену им пришли татары Золотой орды, три века владычествовавшие над ее территорией. Затем были поляки, дошедшие до самой Москвы, и шведы, непрерывным вторжениям которых положил конец Петр Великий в битве под Полтавой. Не настала ли очередь французов? После Эрфурта Александр уверен — война неизбежна. 26 декабря 1810 года он пишет сестре Екатерине: «Кажется, скоро снова польется кровь, но я, по крайней мере, сделал все, что в человеческих силах, чтобы этого не допустить... Мне приходится несладко, но я не падаю духом: я верю в Бога и полагаюсь на Его волю». И 10 ноября 1811 года: «Мы все время настороже: обстоятельства столь щекотливы, обстановка столь напряженна, что война может начаться в любой момент. Мне придется быть в центре и административного, и военного руководства». Наконец, 24 декабря 1811 года: «Политическая обстановка ухудшается с каждым днем, и ненависть к исчадию ада, к этому извергу рода человеческого с каждым днем растет».

Тем временем «исчадие ада» прямо заявляет послу царя, князю Куракину: «Я не настолько глуп, чтобы

поверить, будто вас так уж занимает Ольденбург. Ясно как день, что все дело в Польше. Я начинаю думать, что вы сами собираетесь ею завладеть. Вы, вероятно, полагаете, что это единственное средство обезопасить ваши западные границы. Да будет вам известно, у меня под ружьем 800 тысяч человек, и каждый год новый рекрутский набор дает мне 250 тысяч новобранцев, следовательно, я могу за три года увеличить мою армию еще на 750 тысяч солдат, а этого достаточно, чтобы одновременно вести войну в Испании и начать войну с вами».

Эти слова точно переданы царю, но они не застают его врасплох. Он говорит посланнику Австрии в Петербурге графу Сен-Жюльену, что рассматривает захват северной части Германии и герцогства Ольденбургского как акт произвола, нарушающий Тильзитские соглашения и совершенный «могучей страной, цель которой — непрерывные завоевания новых территорий». «Может быть, — добавляет он, — удастся договориться. Я не желал бы лучшего, но я готов и к самому худшему. Как только французская армия перейдет Одер и я не смогу уже обосноваться на Эльбе, так как путь к ней будет отрезан, я буду вправе считать, что война началась, и пусть Провидение решит, каким быть ее исходу».^[28]

Мысли царя занимают не только стратегические соображения, но и экономические проблемы. Навязав ему запрет на торговлю с Англией, Наполеон обрек страну на экономический застой. Доведенный до крайности требованиями Франции, Александр поверяет свое недовольство и свои намерения Чарторыйскому. «Разрыв с Францией, по-видимому, неизбежен, — пишет он. — Цель Наполеона — уничтожить или, по крайней мере, унижить последнюю непокоренную европейскую державу, и для достижения этого он выдвигает

требования, совершенно неприемлемые и несовместимые с честью России. 1. Он хочет, чтобы Россия прекратила всякую торговлю с нейтральными странами, отнимая последнюю возможность сбыта нашей продукции. 2. Лишая нас этой возможности, он вдобавок хочет, чтобы мы не ставили никаких препятствий к ввозу в Россию французских предметов роскоши, который был нами запрещен, так как мы недостаточно богаты, чтобы их приобретать. Я никогда не соглашусь на подобные требования, и мой отказ, вероятно, приведет к войне, несмотря на все старания России избежать ее. Снова прольются потоки крови, и бедное человечество снова будет принесено в жертву ненасытному честолюбию завоевателя, посланного, видно, на его погибель».

Советники Александра, и особенно Армфельд, толкают его к разрыву с Францией, увязшей в войне с Испанией. Приближенные царя замечают в действиях Александра не свойственную ему решимость. «Император вновь обрел веру в себя, которую совершенно утратил после Фридланда», — докладывает граф Сен-Жюльен Меттерниху. И добавляет, что общество готово «на добровольные и величайшие жертвы людьми и деньгами, если царь решится сбросить иго зависимости от Тюильри, унижительное для этой гордой нации».

По мере того как идут дни, Александр чувствует, что происходит сближение народа и его государя, словно угроза французского нашествия как цемент скрепляет единство нации. Никто более не оспаривает его места во главе государства. По его приказу после Тильзита Аракчеев предпринял реорганизацию и перевооружение армии. Строят продовольственные склады, увеличивают производство сукна для обмундирования и, главное, — ружей и пушек. Корпуса, находящиеся в Молдавии, Финляндии и Сибири,

подтягиваются к основным силам, сосредоточенным на западной границе. В окрестностях Москвы спешно формируется несколько дополнительных полков.

Военные приготовления сопровождаются активной дипломатической подготовкой. Больше всего Александра заботит Австрия. Он знает: Наполеон, разгромив Австрию и вступив в брак с Марией Луизой, окончательно подчинил эту страну французскому владычеству. Но Александру хорошо известно и то, что, несмотря на все договоры, Вена в душе ближе к Петербургу, чем к Парижу. Даже подписание 14 марта 1812 года австрийско-французского договора, по которому Австрия обязана предоставить в распоряжение Наполеона 30 тысяч человек, не подрывает доверия Александра. Он убежден, что австрийские войска постараются уклониться от вооруженного столкновения с русскими войсками, так же как русские войска в 1809 году уклонялись от сражения с австрийцами. «Я ничего не требую и ничего не жду от Австрии, — уверяет он графа Сен-Жюльена. — И ничего лучшего не желаю, как знать, что она не будет воевать всерьез». И продолжает, стараясь рассеять сомнения собеседника в желании русских бороться до конца: «Предполагаю, что в начале войны нас ждут поражения, но я к этому готов; отступая, я оставляю за собой пустыню: мужчин, женщин, детей, скот, лошадей, — всех и все я уведу с собой, а русская легкая кавалерия не имеет себе равных в проведении подобных операций!»^[29]

Впрочем, король Пруссии, связанный Францией по рукам и ногам, тоже стремится заручиться благосклонностью Александра. Он обещает Наполеону свое полное содействие, но тайно посылает к царю генерала Шарнгорста с написанным 31 марта 1812 года в патетическом духе письмом: «Если война разразится,

мы причиним лишь тот вред, которого нельзя будет избежать: мы всегда помним о нашем единстве и верим, что настанет день, когда мы снова станем союзниками, а пока, покорясь фатальной необходимости, сохраним свободу и искренность наших чувств».

5 апреля заключен договор об оборонительном и наступательном союзе со Швецией. Александр пишет своему посланнику в Стокгольме Сухтелену: «Война неизбежна, но это будет война за независимость всех наций». Стокгольм в ответ заверяет царя, что он «может с оружием в руках вступить в Константинополь, Вену и Варшаву, не опасаясь вмешательства Швеции». Шведский наследный принц Бернадотт даже дает царю практические советы о том, как лучше вести войну с Великой армией, одним из блестящих маршалов которой он сам недавно был. «Следует, — пишет он 24 апреля, — избегать крупных сражений, атаковать фланги, вынуждать французов делить войско на небольшие отряды и изнурять их маршами и контрмаршами, — заставлять их делать то, что всего неприятнее французскому солдату, и так, чтобы легче было его одолеть. И пусть будет вокруг как можно больше казачьих отрядов».

Через несколько дней Кутузов подписывает в Бухаресте мирный договор с Турцией, завершивший затянувшуюся и дорогостоящую войну. По условиям договора Россия сохраняет Бессарабию, но отказывается от Молдавии и Валахии. Эти территориальные жертвования позволяют Александру высвободить значительные военные силы, занятые в этом районе и необходимые в войне с Наполеоном.

Одновременно Александр заигрывает с поляками, обещая им после победы восстановить Польшу в ее исторических границах, присоединив к ней Литву. И в доказательство своего милостивого отношения к

населению, исповедующему католицизм, преобразует иезуитский коллеж в Полоцке в Академию.

Наконец, он возобновляет переговоры с Англией, которые увенчиваются подписанием 18 июня 1812 года в Стокгольме мирного договора. Александр желает, чтобы Сент-Джеймский кабинет внес свой вклад в войну «морскими вооружениями, а также сделавшись *кассиром*».^[30]

Все эти разнообразные дипломатические демарши, проводимые целенаправленно и искусно, свидетельствуют об упорстве, граничащем с навязчивой идеей. Нерешительный по натуре, Александр долго колеблется между двумя противоположными решениями, но потом, сделав выбор, он, точно шарик в рулетке, наконец-то попавший в желобок, уже не уклоняется с избранного пути.

Коленкур, по-прежнему во власти иллюзий, не верит в неизбежность войны и передает в Париж успокоительные заверения канцлера Румянцева: «Во французско-русском союзе Россия невинна и чиста, как девственница». Наполеон, недовольный своим послом, которого подозревает в русофильстве, назначает вместо него генерала Ж. А. Лористона. Во время прощальной аудиенции Александр заявляет Коленкуру: «Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он разобьет нас, если мы примем сражение, но победа не принесет ему мира. Испанцы часто терпели в боях поражение, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они находятся не так далеко от Парижа, как мы; у них другой климат и у них нет наших ресурсов. Мы не боимся подставить себя под удар. У нас — бескрайние пространства, и мы сохраним хорошо организованную армию... Я не обнажу шпагу первым, но вложу ее в ножны последним... Если военное счастье от меня

отвернется, то я скорее отступлю до самой Камчатки, чем отдам мои губернии или подпишу в моей столице мирный договор, который все равно будет только перемирием. Француз храбр, но длительные лишения и плохой климат утомляют его и подрывают его мужество. Наш климат и наша зима будут сражаться на нашей стороне. Вы совершаете чудеса лишь тогда, когда вами командует ваш император, а он не может быть повсюду и он уже несколько лет находится вдали от Парижа».

Через несколько недель Александр почти то же самое скажет адъютанту Наполеона Нарбонну: «Я не поддаюсь иллюзиям, я знаю, что император Наполеон — великий полководец. Но зато на моей стороне пространство и время. На всей моей огромной и враждебной вам территории всегда найдется какой-нибудь отдаленный угол, куда я смогу отступить, и какой-нибудь удаленный пункт, который я буду защищать, но постыдный мир я заключать не стану. Я не начну войну первым, но я не сложу оружия до тех пор, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России».

И, развернув карту Российской империи и указав самую отдаленную точку на ее окраине, добавляет: «Если Наполеон начнет войну и счастье ему улыбнется, хотя в этой войне справедливость будет на стороне русских, ему придется подписывать мир у Берингова пролива». А своему давнему другу Парроту он пишет: «В этой жестокой войне решается судьба моей империи. Я не надеюсь восторжествовать над гением и победить его армии. Но я ни при каких обстоятельствах не подпишу постыдного мира, я предпочитаю быть погребенным под обломками моей империи. Если такова будет воля судьбы, передайте это нашим потомкам. Я открыл вам мое сердце».

Тем временем царь поручает своему послу Куракину уведомить Наполеона, что он по-прежнему расположен «вернуться к Тильзитскому договору», но при одном предварительном условии: эвакуации французских войск из Пруссии, шведской Померании и из всех оккупированных французами территорий по ту сторону Эльбы. Он знает: Наполеон эти условия не примет. Но, вынудив Францию их отвергнуть, он переложит ответственность за развязывание войны на Наполеона.

9 апреля 1812 года он выезжает из Петербурга и едет в Вильно, столицу Литвы. Он хочет находиться при действующих войсках и, несмотря на предыдущие неудачи, сам распоряжаться армиями. Однако перед отъездом он поручает Лористону довести до сведения Наполеона, что он все еще «считает себя его другом и самым верным союзником». Его сопровождает многочисленная свита, состоящая большей частью из иностранцев. В нее входят, конечно, неизбежный Аракчеев, а также начальник штаба князь П. М. Волконский, граф Н. Толстой, генерал А. Д. Балашов, но все они оттеснены на второй план: благосклонности императора удостоены швед Армфельд, француз Мишо, итальянец Паулуччи, немцы Беннигсен, Гнейзенау, Дибич, Толь, Штейн, Клаузевиц, Фуль и другие. Всех этих советников русского царя, какой бы они ни были национальности, объединяет ненависть к Наполеону, прогнавшему их с родной земли. Они рассчитывают на русские штыки, чтобы сбросить иго «исчадия революции». Каждый отстаивает свой план кампании, раздоры обостряются, интриги плетутся, а немногие в окружении Александра русские генералы проклинаят этих эмигрантов, из одного лишь тщеславия позволяющих себе вмешиваться в дела русского командования и желающих вести в бой русских солдат, которых недостойны. Среди этих кабинетных стратегов главный авторитет для Александра — прусский генерал

Фуль. Этот военный теоретик все еще верит в неизменность законов войны времен Юлия Цезаря и Фридриха Великого, не имеет представления о политической и военной системе России, не занимает никакого официального поста и не знает ни слова на языке вверенных ему солдат.

В перерывах между совещаниями Александр старается покорить сердца поляков, особенно прекрасных полячек. Он устраивает приемы, балы, празднества, щедро раздает разного рода награды, освобождает от некоторых налогов. Одна из польских дам, будущая графиня Шуазель-Гуффье, урожденная Тизенгауз, поддается его чарам. Он раз десять приглашает ее танцевать, уединяется с ней в амбразуре окна, расточает комплименты, жалуется свой усыпанный бриллиантами шифр и так преуспевает в оболъщении, что кажется ей ангелом во плоти. В ее памяти навсегда запечатлелись «его благородная, величественная, как у античной статуи, фигура, несколько склонная к полноте», глаза «цвета безоблачного неба», прямой нос, «небольшой и приятный рот» и даже начинающий лысеть лоб, по ее словам, придававший его лицу «открытое и ясное выражение».

На одном из балов, дававшемся в его честь 24 июня 1812 года в загородном доме Беннигсена, Александр узнает, что Великая армия перешла Неман. Он давно ждал вторжения французов, но в это мгновение, похолодев, убедился: судьба вынесла свой приговор. Бог смешал кости и бросил их на стол. Отныне надо не мечтать, а действовать. Сохраняя внешнее спокойствие, он приказывает продолжать бал. А на следующее утро пишет лично Наполеону: «Государь, брат мой! Вчера я узнал, что, несмотря на добросовестность, с которой я соблюдал мои обязательства по отношению к Вашему Императорскому Величеству, Ваши войска перешли

границы России. Если Ваше Величество не расположены проливать кровь Ваших подданных из-за такого рода недоразумения и если Вы согласны вывести Ваши войска с русской территории, то я оставляю без внимания происшедшее, и соглашение между нами будет возможно. В противном случае я буду вынужден видеть в Вас врага, которому я не давал никакого повода для нападения. От Вашего Величества зависит избавить человечество от бедствий новой войны. — Ваш брат Александр».

Это письмо Александр вручает своему адъютанту А. Д. Балашову для передачи лично Наполеону. Главная квартира русских перенесена в Свенцяны: Вильно, древний литовский город, уже в руках французского императора, занявшего тот самый дом, где недавно останавливался Александр. Наполеон ласково принимает Балашова, приглашает его к обеду и произносит перед ним длинный монолог, который никто не осмеливается прервать. Он выказывает себя перед русским гостем поочередно воинственным, покладистым, сердитым, высокомерным, веселым. «Я долго готовился, — восклицает он, — моя армия в три раза больше вашей... У меня больше денег, чем у вас... Нет, сударь, я возьму над вами верх — иначе и быть не может! Я превосходно обо всем осведомлен. Что вам принесет эта война? Потерю ваших польских провинций. Если вы будете продолжать войну, если вы будете продолжать эту кампанию, вы потеряете их незамедлительно. Я уже захватил целую провинцию без боя. Во имя вашего императора, который два месяца вместе со своей главной квартирой жил в Вильно, вы должны были бы ее защищать... Но теперь, когда я веду за собой всю Европу, как вы сможете мне сопротивляться?» Нисколько не смущенный этой тирадой, Балашов, к своему удивлению, угадывает, что за негодованием Наполеона кроется неуверенность.

Воспользовавшись возникшей за столом паузой, он отваживается возразить: «Мы сделаем все, что сможем, Ваше Величество». Но Наполеон, не слушая его, продолжает свой монолог: «Я уже в Вильно, но я до сих пор не понимаю, из-за чего мы воюем. Император Александр несет ответственность за эту войну перед своим народом... Император Александр будет виноват в гибели прусского короля. Я присоединю Пруссию к Франции... Передайте императору Александру: ручаюсь моим честным словом, что хотя у меня 550 тысяч человек на этой стороне Вислы и война началась, я не против мира. — И после паузы продолжает: — У императора Александра дурные советчики... Как нам не возмущаться, если нам сообщают, что Армфельд и Штейн... вхожи в его кабинет и он принимает их наедине... Говорят, император Александр приглашает Штейна к своему столу! Как можно сажать Штейна за один стол с императором России?.. Как можно вообразить, что Штейн ему предан? Боже мой, Боже мой, каким прекрасным было бы его царствование, если бы он не порвал со мной! Вот увидите, что из всего этого выйдет через десять лет... Но, прежде всего, я не сержусь на него за эту войну. Больше одной войной — одним триумфом больше для меня». Наконец он с горькой иронией спрашивает своего гостя: «Какая дорога ведет на Москву?» Не растерявшись, Балашов отвечает: «Государь, ваш вопрос ставит меня в трудное положение. Русские, как и французы, говорят, что все дороги ведут в Рим. Можно выбрать любую дорогу на Москву. Карл XII выбрал дорогу через Полтаву».^[31] После обеда Наполеон, указывая на Коленкура, восклицает: «Император Александр хорошо обращается с послами. Он воображает, что политика делается лаской. Из Коленкура он сделал русского».

Отпуская Балашова, император французов передает ему письмо к Александру. В этом последнем перед началом военных действий послании он уверяет, что «даже Бог не может повернуть события вспять», сообщает, что отклоняет условия мира и назад не повернет, но «открыт для переговоров о мире», если царь возьмет вину за объявление войны на себя. «Придет день, — пишет он, — когда Ваше Величество признает, что Вам не хватило ни твердости, ни доверия и, да позволено будет мне сказать, искренности. Ваше Величество сами погубили свое царствование».

Письмо остается без ответа. Упреки Наполеона не трогают Александра. В донесениях, которые он получает, сообщается о серьезных беспорядках в разноплеменных полках, составляющих Великую армию. И действительно, литовцы поражены разбродом и неразберихой в войсках, стоящих лагерем на их земле. «Шестьсот тысяч человек всех европейских национальностей, собранных под наполеоновскими знаменами, шли в две линии, без провианта, без жизненных припасов по стране, обнищавшей из-за континентальной системы и еще недавно разорявшейся огромными контрибуциями, — вспоминает графиня Шуазель-Гуффье. — Города и деревни подверглись неслыханному разорению. Церкви разграблены, церковная утварь растащена, кладбища осквернены, несчастные женщины подверглись оскорблениям... Мародеров расстреливают. Они принимают смерть равнодушно, покуривая трубки: ведь рано или поздно им все равно суждено погибнуть под пулями... Французская армия, стоявшая в Вильно, три дня терпела недостаток в хлебе. Солдатам раздавали кое-как замешанный сырой хлеб, нечто вроде лепешек. Не было корма для лошадей, и в конце июня срезали весь хлеб на полях. Лошади мерли, как мухи, и их трупы выбрасывали в реку».

Не лучше обстоит дело в русских полках. «Солдаты были без сапог, в рваном обмундировании, — рассказывает Ростопчин, недавно назначенный губернатором Москвы. — Продовольствия не хватало. Корпус Милорадовича пять дней не получал хлеба. Дисциплина расшаталась. Большинство солдат и даже кое-кто из низших офицерских чинов занимаются разбоем и мародерством. Наказывать всех невозможно». Но Александр не вникает в состояние армии. Он не сомневается, что даже и такая она сумеет разгромить наполеоновские полчища. Решив вести оборонительную войну, он благосклонно слушает тех, кто советует завлечь врага в глубь страны. Особенно ему пришлась по вкусу формулировка того же Ростопчина, который написал ему: «У нас надежные тылы. У вашего государства два могучих защитника — пространство и климат. Русский император грозен в Москве, страшен в Казани, непобедим в Тобольске».

Однако то, что эффектно звучит на бумаге, возмущает живую душу, и Александр, вопреки самым разумным доводам, не может решиться отдать без боя значительную часть русской территории. В конце концов он одобряет план своего военного советника прусского генерала Фуля, являющийся компромиссом между тактическим отступлением и контрнаступлением. Согласно этому плану, главные силы русских отходят в укрепленный лагерь под Дриссой в излучине Двины, а остальные части наносят удары по флангам и тылам противника. К несчастью, этот маневр неосуществим из-за численной слабости русской армии. Против 400 тысяч, сражающихся на стороне Наполеона (французы, немцы, поляки, голландцы, итальянцы, австрийцы, швейцарцы...), русские могут выставить в общей сложности всего 220 тысяч человек, разделенных на три армии: Первая, под командованием Барклая де Толли, насчитывает 127

тысяч человек, Вторая, под командованием Багратиона, — 48 тысяч, наконец, Третья, под командованием Тормасова, — 43 тысячи,^[32] но Третья армия стоит далеко на юге, прикрывая австрийскую границу. Следовательно, только Первая и Вторая армии могут отразить нападение врага. Александр приказывает обеим армиям соединиться у Дриссы. Но этот хваленый лагерь не пригоден для обороны: он расположен в неудобной местности, плохо укреплен и недостаточно обеспечен припасами. Сверх того, французы его просто обходят и двигаются не на север, как предполагал Фуль, а на юг. На прусского стратега обрушивается негодование русских военачальников. Доверие Александра к нему поколеблено. Александр в растерянности, не знает, на кого опереться, и не уверен в своих способностях к командованию армиями. Балашов, Аракчеев и государственный секретарь Шишков, заменивший Сперанского, почтительно просят царя оставить армию. Здесь, обосновывают они свою просьбу, присутствие царя бесполезно, тогда как его появление в Москве и Петербурге воодушевит весь народ. Самым веским доводом стало письмо великой княгини Екатерины, которая закликает брата быть главой государства, а не армии. «Я считаю Вас таким же способным, как Ваши генералы, — пишет она в июне 1812 года, — но Вам нужно играть роль не только полководца, но и правителя. Если кто-нибудь из генералов будет дурно делать свое дело, его ждут наказание и порицание, но если ошибку сделаете Вы, вся ответственность падет лично на Вас, и будет уничтожена вера в того, от кого все зависит, кто держит в руках судьбы империи и должен быть единственной силой, перед которой склоняются все. Утрата веры в Государя принесет вреда гораздо больше, чем оставление нескольких губерний. Я знаю

Ваш характер: Вы будете страдать из-за одной ошибки и упрекать себя за нее больше, чем другие за тысячу совершенных ошибок... Душевные страдания туманят ум... Прокляните меня, но я не могу Вам лгать. Или лучше было бы мне промолчать?» Александр отвечает 11 июня 1812 года: «Я предвидел, что Вы захотите оторвать меня от армии, но все-таки я тронут воодушевлявшими Вас высокими чувствами. Как бы я был счастлив, если бы рядом со мной было больше людей, подобных Вам! Ваши убеждения делают честь как Вашему уму, так и Вашему патриотизму и Вашему сердцу».

Наконец, он поручает Шишкову составить манифест, провозглашающий Отечественную войну против захватчика, велит к ночи приготовить коляску и уезжает в Москву. 12 июля в 9 часов утра он появляется в Кремле на Красном крыльце и видит перед собой море людей — здесь перед ним вся Россия, единая в своем религиозном благоговении перед царем. Народ встречает его криками восторга, они заглушают друг друга, ширятся: «Ура!.. Веди нас, царь-батюшка!.. Умрем или победим!» Когда царь спускается по ступеням на площадь, тысячи рук тянутся к нему, стараясь коснуться его. Люди смеются, плачут, целуют полы его мундира. С трудом он пробирается сквозь теснящую его толпу к собору, где митрополит взволнованно благословляет его: «Царю! Господь с тобою: Он гласом твоим повелит бури, и станет в тишину, и умолкнут волны потопные. С нами Бог!» На собрании в Слободском дворце московское купечество в патриотическом порыве жертвует миллионы рублей на общее дело, дворянство выставляет 24 тысячи ратников, а богатые вельможи обязуются обмундировать и вооружить несколько полков.

Проведя в Москве восемь дней, Александр с головой, гудящей от приветственных возгласов,

возвращается в Петербург и поселяется в своем дворце на Каменном острове. В Москве, охваченной патриотическим воодушевлением, он осознал всю мощь русского народа, его готовность к самопожертвованию, его безграничную веру в своего царя. Неожиданно он, ученик Лагарпа, почитатель Вольтера, ощущает, что Всевышний избрал его своим орудием и возложил на него свершение великих деяний. И с тревогой Александр задается вопросом: хватит ли у него сил оправдать чаяния нации и исполнить Божью волю? «Я убежден, — замечает Жозеф де Местр, — что он считал себя не нужным своему народу потому, что не был способен командовать армией; это глубоко огорчало его, но ведь это все равно, что плакать потому, что ты не астроном». Беседуя с мадемуазель Стурдза, фрейлиной Елизаветы, царь со вздохом признается: «Мне жаль только, что я не могу, как бы желал, быть достойным преданности моего замечательного народа... Народу нужен вождь, который повел бы его к победе, а у меня, к несчастью, нет для этого ни опытности, ни нужных дарований. Моя молодость прошла при дворе; если бы меня тогда же доверили Суворову или Румянцеву, они научили бы меня воевать, и, может быть, я сумел бы предотвратить опасности, которые теперь нависли над нами. — Заметив обеспокоенность собеседницы, он добавляет: — Лишь бы не впасть в отчаяние, и все будет хорошо».

Но это «отчаяние», которому он не желает поддаваться, легко овладевает его окружением. Прорыв корпуса Удино, оторвавшегося от Великой армии, серьезно угрожает Петербургу. Во дворце впадают в панику, но внешне по-прежнему выказывают себя патриотами. Вдовствующая императрица упаковывает вещи, а великая княгиня Екатерина, беременная и крайне нервная, бежит в Ярославль, откуда пишет брату, снова умоляя его не вмешиваться в

командование армией: «Нужно, не теряя времени, назначить главнокомандующего, в которого бы верили войска, а Вы в этом отношении никакого доверия не внушаете».

Посреди общего смятения только Александр и Елизавета сохраняют хладнокровие. Их уверенность не безосновательна: генерал Витгенштейн вскоре останавливает наступление французов, двигавшихся к Пскову, и прикрывает путь на Петербург. Его тотчас провозглашают «спасителем Петербурга» и награждают крестом Святого Георгия. Столица облегченно вздыхает. Мадам де Сталь, приехавшая в Россию, ища спасения от Наполеона, который, по ее словам, преследует ее по всей Европе, встречается с Александром, приходит в восторг от его благородной простоты, его мужества, проницательного, ясного ума и предсказывает ему победу. После чего, намекая на жалкое положение народа, восклицает: «Государь, ваш характер — лучшая конституция, а ваша совесть тому порукой».

Несмотря на эти ободряющие слова, Александра все больше тревожит ход войны. Русские войска торопливо отступают, крестьяне сжигают урожай, Витебск оставлен, Смоленск сдан после героического сопротивления, и его защитники, уходя из города, поджигают его. Дорога на Москву открыта. И солдаты, и офицеры не доверяют главнокомандующему Барклаю де Толли. Внешне холодный и необщительный, он не пользуется в армии популярностью. Его соперник, грузинский князь Багратион, человек огненного темперамента, но ограниченного кругозора, разжигает в военных кругах недовольство Барклаем, обвиняя его в позорном отступлении русских. «Неприятель ворвался к нам без выстрела, — пишет он по-французски 7 августа 1812 года Аракчееву, ^[33] — мы начали отходить, не

ведаю, за что. Никого не уверишь ни в армии, ни в России, чтобы мы не были проданы; я один всю Россию защищать не могу... Зачем предаваться законам неприятельским тогда, когда мы можем их победить весьма легко. Можно сделать, приказать двинуться все вперед, сделать сильную рекогносцировку кавалерией и наступление целой армии. Вот и честь, и слава... Хорошо ретироваться 100 верст, а не 500!.. Я думаю, что министр (т. е. Барклай. — А. Т.) уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска; больно, грустно, и вся армия в отчаянии. Что самое важное место понапрасну бросили, я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом, наконец, и писал, но ничто его не согласило. Я клянусь вам моей честью, что Наполеон был в таком *мешке*, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленска... Это стыдно, и пятно для нашей армии, а ему самому, мне кажется, и жить на свете не должно... Таким образом воевать не можно, и можем неприятеля привести скоро в Москву... Надо спешить неприятелю готовить людей по крайней мере сто тысяч, с тем, что если он приблизится к столице, всем народом на него повалиться, или побить, или у стен отечества лечь... Ваш министр, может, хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, а ему отдали судьбу всего нашего отечества! Я право с ума схожу от досады... Что нам Россия, наша мать, скажет, что так страшимся и за что такое доброе и усердное отечество отдается сволочам и вселяет в каждого подданного ненависть и посрамление?.. Я лучше пойду солдатом в суме воевать, нежели быть главнокомандующим и с Барклаем».

Критика принимает столь резкие формы, что Александр решает принести Баркляя де Толли в жертву общественному мнению, как он раньше поступил со Сперанским. Но кем его заменить? Взоры всей нации с

надеждой обращены к Кутузову. Он оказал императору неоценимую услугу, заключив мир с турками. Армия верит ему, и народ его любит. Солдаты обожают его за доброту и храбрость, дворянство ценит его как русского патриота, преданного своей родине, а духовенство — как верного сына церкви. Но Александр, хоть и сделал его членом Государственного совета, возвел в княжеское достоинство и даровал титул Светлейшего, в глубине души терпеть не может этого кривого, жирного, почтительного старика. Крайне несправедливо он винит его за разгром под Аустерлицем и за потерю Молдавии и Валахии при заключении Бухарестского мира. Это тайное недоброжелательство усиливается чисто физической антипатией, которую вызывает в нем Кутузов. Наконец Александру удастся превозмочь себя. 5 августа он собирает Чрезвычайный комитет, куда входят: председатель Государственного совета граф Н. И. Салтыков, князь П. В. Лопухин, граф В. П. Кочубей, генералы С. К. Вязмитинов, А. А. Аракчеев и А. Д. Балашов. После четырех часов обсуждения комитет единогласно поручает Кутузову верховное командование над армией. Через три дня Александр призывает к себе Кутузова и сам официально передает ему полномочия главнокомандующего всеми русскими армиями с одним-единственным условием: не вступать с врагом ни в какие переговоры. В тот же вечер он пишет сестре Екатерине, пылкой почитательнице Кутузова, сообщая ей об этом назначении: «Ссора между Барклаем и Багратионом так разрослась, что я был вынужден, объяснив положение специальному комитету, который созвал для этой цели, назначить нового главнокомандующего... Вообще Кутузов в большом фаворе как здесь, так и в Москве». Письмо свидетельствует, сколь нежелателен был для Александра этот выбор, навязанный ему обществом. Он

откровенно говорит генерал-адъютанту Комаровскому: «Публика хотела назначения Кутузова, я его назначил. Что до меня, то я умываю руки».

Сразу же после этого он уезжает в город Або для встречи с Бернадоттом и добивается от Швеции новых гарантий, позволяющих вернуть в Россию находящиеся в Финляндии войска. Месяцем раньше были подписаны союзный договор с Испанией и в Эребро мирный трактат с Англией. Таким образом, Россия обезопасила себя многосторонними надежными договорами. Но фактически эта война — единоборство России и Наполеона, под знаменами которого сражается вся Европа. В главной квартире русских — засилье иностранцев, но солдаты — русские. В главном штабе Великой армии — только французы, но большинство солдат — иностранцы.

Вернувшись из Або, 22 августа царь приглашает к обеду сэра Роберта Вильсона, английского генерала, прикомандированного к главной квартире русских. Вильсон требует чуть ли не от имени всей армии отставки канцлера Румянцева и клятвенных обещаний в отказе от любого соглашения с врагом. Если Петербург решит кончить войну, то армия, осмеливается он заявить, будет рассматривать этот шаг не как выражение воли государя, а как действие посторонних влияний, и откажется повиноваться. Едва не задохнувшись от наглости англичанина, Александр смертельно бледнеет, потом кровь бросается ему в лицо. С трудом он овладевает собой и твердо произносит: «Я, русский государь, должен выслушивать подобные речи! Вы единственный человек, которому я могу это позволить!» А с Румянцевым он не расстанется: это верный слуга, за все годы службы никогда ничего не просил для себя, да он и никогда не советовал покориться Наполеону. О мирных переговорах не может быть и речи. «Что бы ни случилось, я сдержу свое

слово, — заключает Александр, — не сложу оружия, пока хоть один вооруженный француз будет оставаться в пределах России».

Кутузов, получив назначение на пост главнокомандующего, готовится к отъезду в действующую армию. Перед отъездом он в последний раз встречается с мадам де Сталь. Тонкий ценитель французской литературы (он основательно изучал ее в Страсбургском университете), новый генералиссимус восхищается этой умной и талантливой женщиной. Она же видит в нем олицетворенное сопротивление захватчику. «Это был старец весьма любезный в обращении; лицо его было полно жизни, хотя он лишился одного глаза и получил много ран за пятьдесят лет военной службы, — пишет она в своих воспоминаниях. — Глядя на него, я боялась, что ему не по силам будет одолеть людей жестоких и молодых, собранных со всех концов Европы и ворвавшихся в Россию. Но русские, изнеженные царедворцы в Петербурге, в бою становятся татарами... Растроганная, покинула я знаменитого полководца. Не знаю, победителя или мученика я обнимала, но я видела, что он сознавал величие возложенного на него подвига».

Кутузову 67 лет. Со времен Аустерлица он еще потолстел и обрюзг. Он едва ходит, быстро задыхается, с трудом держится в седле и даже в походе передвигается в коляске, запряженной четверкой лошадей. Ленивый, любящий вкусно поесть, сластолюбивый, он отдает дань радостям стола, возит за собой любовницу — толстую молдаванку, переодетую в казацкое платье, и нередко засыпает посреди жаркой дискуссии, свесив голову на грудь и выпятив брюхо. Но несмотря на свою сонливость, на мгновения забывтья, он сохраняет острую пронизательность в суждениях. Он хитер, терпелив, наделен здравым смыслом и сквозь лоск западной культуры легко угадывает подлинную

натуру человека. Русский до мозга костей, он свободно владеет двумя языками и говорит по-французски в салонах, а по-немецки в главной квартире, но с солдатами разговаривает просто, на понятном для них языке. Если утонченного, по-европейски элегантного Александра коробит нарочитое добродушие Кутузова в обращении с народом, то солдаты восторженно встречают нового генералиссимуса. Для них он — истинный патриот, старый полководец времен Екатерины II, храбрец, сотни раз доказывавший свое мужество на поле брани, ревностный христианин, начальник, который не любит шутить с дисциплиной, но заботится о солдатских нуждах. Они — сироты, он — их отец. И — о чудо! — их батюшка той же крови, той же веры, что и они. Он побьет Антихриста, когтями впившегося в плоть России. Кутузов, производя смотр войскам, говорит: «Я пришел посмотреть, хорошо ли вам, ребята. Солдату на войне ни к чему щегольство. Он должен отдыхать и готовиться к победе». В другой раз, обходя почетный караул, он произносит как бы про себя, но достаточно громко: «С такими-то молодцами и отступить!»

В глубине души он убежден, что отступление неизбежно, и, когда он прибывает в армию, он уже предвидит, что ему предстоит отдать Москву. Но император и вся страна возлагают на него столько надежд, что он не может позволить себе уклониться от генерального сражения. Он вынужден отказаться от тактики отхода, стоившей Барклаю де Толли обвинения в неспособности командовать крупной армией, иначе и ему не избежать подобной участи. Хочет он или нет, но только решительная схватка у стен древней столицы, священного сердца России, поднимет, полагает он, моральный дух армии, оправдает веру в него и, если удастся, обескровит врага, подготовив его разгром в короткий срок. Однако, подсчитав бывшие в его

распоряжении наличные силы, он не слишком надеется на успех. Конечно, у него около 120 тысяч человек против 130 тысяч Наполеона:^[34] силы двух армий примерно равны. Но, по его убеждению, только подавляющее численное превосходство позволило бы ему одержать верх над закаленным в боях противником. Его же полки измучены непрерывными маршами отхода, полуголодные пехотинцы живут мародерством, лошади истощены. Тем не менее все — от самого высокопоставленного офицера до самого последнего из рядовых — горят желанием сразиться с врагом во имя спасения Первопрестольной столицы. Скрепя сердце Кутузов решает дать Наполеону генеральное сражение под Москвой возле деревни Бородино, на берегах реки Колочи, впадающей в Москву-реку.

Битва происходит 26 августа/7 сентября 1812 года. Бой начинается на рассвете артиллерийским огнем. В течение всего дня французы яростно, раз за разом, атакуют русские позиции. Ценой огромных потерь им удается захватить линию укреплений — «Багратионовы флеши». В одной из атак смертельно ранен Багратион. Левое крыло русской армии смято. Сражение вступает во вторую фазу. Французские войска, ободренные успехом своего правого крыла, переносят главный удар на русский центр, а также предпринимают штурм «большого редута» — батареи Раевского и врываются в него после кровопролитной схватки. Но линия русской обороны не прорвана. Наполеон отказывается ввести в бой для решительно броска старую гвардию. Пушки замолкают. С наступлением ночи противники отходят на исходные рубежи. Казачьи разъезды под покровом темноты нападают на вражеские посты. Кутузов хочет утром возобновить сражение, но, узнав, сколь значительны потери, предпочитает отступить и спасти

вверенную ему армию от полного уничтожения. Героическое побоище на Бородинском поле стоило русским 58 тысяч убитыми и ранеными — половины армии; Наполеону — более 50 тысяч человек, в том числе 47 генералов.^[35] Каждая сторона считает себя победившей. Наполеон сообщает Марии Луизе: «Мой добрый друг, я пишу тебе на поле Бородинской битвы. Я вчера разбил русских... всю их армию. Сражение было жаркое... У меня много убитых и раненых». В то же самое время Кутузов пишет жене: «Я, слава Богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием».

Пока русская армия отступает в полном порядке, Кутузов держит военный совет в деревне Фили под Москвой. Решив оставить «святой город» без единого выстрела, он говорит по-французски своим соратникам: «Вас пугает сдача Москвы, а я лишь исполняю Божью волю и сберегу армию. Наполеон — бурный поток, мы пока не можем его остановить. Москва будет губкой, которая его всосет». И после тяжелого молчания заключает: «Стало быть, мне платить за разбитые горшки, но я жертвую собой на благо отечества. Приказываю — отступить». В ночной тишине, в нищей избе, где была его ставка, слышно, как он плачет, ворочаясь на постели.

В это время жители уже начали покидать Москву. В течение нескольких недель сотни разного рода экипажей, нагруженных разнообразной кладью, длинной вереницей медленно двигаются по тряской дороге к московским заставам. Пустеют дворцы вельмож, не устраиваются балы, оркестр в Дворянском собрании играет для нескольких раненых офицеров и девиц дурного поведения, французские подданные высланы в Нижний Новгород, кондитерские и магазины французской моды брошены, в министерствах поспешно

упаковывают архивы, а генерал-губернатор Ростопчин, упиваясь всенародной яростью, развивает кипучую деятельность, пользуясь растерянностью отчаявшихся жителей. Он одобряет самосуды и приказывает зарубить некоего Верещагина, обвиненного в том, что предсказал через шесть месяцев победу Наполеона. Ростопчин расклеивает на стенах патриотические афиши, раздаёт всякому сброду старое оружие, устраивает на улицах крестные ходы, призывает «всех храбрецов» вооружаться и идти на Три Горы, «истреблять злодея», сам не является на место сбора, вывозит две тысячи пожарных со всем снаряжением, устраивает молебны на Красной площади, наконец, закрывает кабаки и открывает тюрьмы.

После Бородинского сражения начинается повальное бегство. Вслед за вельможами бегут из города мелкие помещики, купцы, чиновники — все те, у кого есть лошадь и какой-нибудь экипаж. Улицы наполняются грохотом колес. Кареты, коляски, повозки, телеги, дрожки, брички непрерывным потоком тянутся по улицам. На стенах брошенных домов можно прочесть надписи, сделанные по-французски: «Прощай! О, сколь ужасно это слово!» или «Привет вам, милые места, в печали покидаем вас!» Вскоре из 250 тысяч жителей в Москве остается всего тысяч пятнадцать: тяжело раненные в госпиталях, арестанты, освобожденные из тюрем, дворня, забытая господами.

Вступающим в Москву измученным долгими переходами солдатам Кутузова кажется, что они вошли в вымерший город. Но вдруг раздаются веселые звуки труб. Из Кремлевских ворот выступают под гром оркестра два батальона московского гарнизона во главе с бравым генералом. «Какой негодяй приказал вам идти с музыкой?» — кричит Милорадович. Генерал невинно отвечает: «В регламенте Петра Великого сказано: если при сдаче крепости гарнизон получает дозволение

выступить свободно, то покидает оную крепость с музыкой». — «Да разве в регламенте Петра Великого что-нибудь сказано о сдаче Москвы?!» — вне себя от бешенства кричит Милорадович. На Яузском мосту бахвал Ростопчин верхом, в парадном мундире, с нагайкой в руке распоряжается проходом войск. Кутузов притворяется, что не замечает его. И поток людей, лица которых угрюмы, а шинели пропылены, движется дальше. Французский авангард идет по пятам русского арьергарда. По молчаливому соглашению обеих сторон казаки медленно отступают, а кавалерия Мюрата следует за ними в отдалении, не мешая отходу войск. Можно подумать, что две союзнические армии вместе входят в завоеванный город. «Несколько раз, — пишет Монтескье, — нам приходилось останавливаться, чтобы дать им время пройти, и, если несколько отставших солдат или носильщиков багажа оставались среди нас, мы давали им уйти».

На погруженного в тяжелые раздумья, подавленного Кутузова вдруг нисходит озарение: выйдя на Рязанскую дорогу, ведущую на восток, он неожиданно круто поворачивает к старой Калужской дороге и через несколько дней, осуществив искусный «фланговый марш», приводит войска к селу Тарутино, расположенному к югу от Москвы, где встает лагерем. В Тарутинском лагере Кутузов получает необходимые армии провиант и амуницию из богатых центральных губерний, укомплектовывает полки, а в окрестностях Москвы казачьи разъезды перехватывают обозы с продовольствием, не давая французам завладеть ими. Кроме того, из Тарутино Кутузов мог перекрыть дорогу на Смоленск, если бы враг выбрал ее для отступления. Наконец, если бы Наполеон пошел на Петербург, русские силы из Тарутино, совершив бросок к северу, нанесли бы ему удар с тыла, а войска Витгенштейна атаковали бы его лицом к лицу. Тогда, подытоживает

свои размышления Кутузов, пожертвование Москвы было бы не напрасным.

Тем временем за сотни верст от армии Александр с сжимающимся от тревоги сердцем ждет известий с театра военных действий. Курьер, прибывший 29 августа/10 сентября, привозит донесение о генеральном сражении под Бородином. Ночью Александр не смыкает глаз. Утром следующего дня — дня его именин — он получает рапорт Кутузова, неясный, но как будто оптимистический. Поторопившись обрадоваться, он приказывает читать этот документ перед благодарственным молебном в церкви Александро-Невской лавры. Слух о победе мгновенно облетает город. На всем пути во дворец царя и всю царскую семью громко приветствует собравшийся на улицах народ. Слушая крики «Ура!», Александр беспокоится, не рано ли он, не зная точного исхода сражения, возбудил общий энтузиазм. Но отступать поздно. Кутузов тотчас произведен в фельдмаршалы, его супруга становится статс-дамой, командиры повышаются в званиях, а нижние чины получают по пять рублей каждый.

Но радость длится не долго. Очень скоро письмо Ростопчина, а вслед за ним и другие донесения уведомляют царя, что его армия после героического сопротивления сдала Москву. Эйфория, охватившая общество, сменяется скорбью, негодованием, яростью. Возбуждение умов таково, что близкие Александра умоляют его в этот день — день его коронации, проследовать в Казанский собор не верхом, как обычно, а в карете вместе с императрицами. Он неохотно уступает. «Мы ехали шагом в каретах с застекленными окнами, окруженные несметной молчаливой толпой. Обращенные к нам лица были мрачны, вовсе не соответствуя праздничной дате, которую мы отмечали, — вспоминает мадемуазель Стурдза, фрейлина императрицы. — Никогда мне не забыть тех

минут, когда мы поднимались по ступеням в собор, проходя между стоявшего двумя рядами народа, ни единым возгласом не приветствовавшего нас. В тишине слышны были только наши шаги, и я не сомневалась, что достаточно малейшей искры, чтобы все вокруг воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходит в его душе, и мне показалось, что колени мои подгибаются».

Двор в полной растерянности. «Москва взята, — пишет Жозеф де Местр, — для объяснения этого находят много разумных причин, но разум говорит, что только чудо спасет Россию. Можно и дальше отступать, но теперь за нами только Шпицберген». Таково же и мнение Ростопчина, который пишет жене 14 сентября: «Россия погибла навсегда». Императрица-мать, великий князь Константин, канцлер Румянцев, Аракчеев, Волконский склоняются к тому, чтобы немедленно начать переговоры о мире. Но великая княгиня Екатерина настроена воинственно и шлет Александру из Ярославля ядовитые письма. 6 сентября 1812 года она пишет: «Вас громко обвиняют в несчастьи, постигшем вашу империю, во всеобщем разорении и разорении частных лиц, наконец, в том, что Вы погубили честь страны и Вашу личную честь... Не бойтесь, катастрофа в жанре революции не произойдет, нет! Но я предоставляю Вам самому судить, каково положение дел в государстве, если его главу презирают... К счастью, не все разделяют желание мира, далеко не все, ибо чувство стыда, вызванное потерей Москвы, порождает желание мести».

Общество разделяется. Одни ратуют за прекращение войны на почетных условиях, другие предпочитают погибнуть, но не сдаться. Александр сознает, что сейчас под угрозой не только его честь перед лицом потомков, но и самый его трон. Да и сторонники мира любой ценой не простят ему условий,

на которых он бы его подписал. Второй Тильзит станет приговором всему его царствованию. Значит, его долг — сражаться до последнего человека, каким бы ни было общее мнение. Недавно он сказал Коленкуру: «Раз война началась, один из нас, Наполеон или я, Александр, потеряет корону». И отвечает сестре Екатерине: «Конечно, есть вещи, которые невозможно понять. Но попробуйте поверить в мою непоколебимую решимость бороться до конца. Я предпочту лишиться престола, чем договариваться с монстром, принесшим всему миру столько несчастий... Я возлагаю надежды на Бога, на замечательный характер нашего народа и на мое твердое решение не покоряться чужеземному игу». А несколько дней спустя, принимая посланного Кутузовым полковника Мишо, он говорит ему: «Возвращайтесь к армии, скажите нашим храбрецам, объявляйте всем моим верным подданным повсюду, где будете проезжать, что, если у меня не останется ни одного солдата, я сам стану во главе моего благородного дворянства и моих добрых крестьян и использую все ресурсы моей империи, а их гораздо больше, чем полагают мои враги. Но если Промыслом Божьим предназначено, чтобы на престоле моих предков прекратилось царствование моей династии, тогда, истощив все средства, я страшу себе бороду по пояс и буду питаться картофелем вместе с последним из моих крестьян на самом краю Сибири, но не подпишусь под позором моего отечества, жертвы которого умею ценить. Полковник Мишо, запомните мои слова. Настанет день, когда мы вспомним их с удовольствием... Наполеон или я, я или он, но вместе мы царствовать не можем. Я научился понимать его, больше он меня не обманет!»

Безосновательное утверждение, ибо Александр тщетно пытается угадать, что предпримет Наполеон, завладев Москвой. По общему мнению, Великая армия в

ближайшее время двинется на Петербург — это логически вытекает из результатов кампании. Предполагая такую возможность, царь приказывает подготовить к отправке в глубь страны архивы, императорскую казну, школы, больницы, а также ведет переговоры о посылке в Англию русской эскадры. Предупрежденные об эвакуации города, жители готовятся к отъезду. Ищут пристанища в провинции, где у каждого вдруг находятся дальние, но гостеприимные родственники. Укладывают чемоданы, собирают как можно больше разного рода экипажей и лодок. На Неве и каналах выстраивается флотилия кораблей, нагруженных мебелью и разным имуществом и ожидающих сигнала к отплытию. «Весь город уже сделал сборы, в том числе и двор, — отмечает Жозеф де Местр, — за месяц в Петербурге сожгли бумаги больше, чем понадобилось бы, чтобы зажарить весь рогатый скот Украины».

Но Наполеон не уходит из Москвы. Войдя в пустой город, он воскликнул: «Москва пуста! Это невероятно. Пойдите и приведите ко мне бояр!» Но бояр нет в России со времен Петра Великого, а заменившие их вельможи уже далеко, — они успели ускользнуть от захватчика. В огромном, безлюдном и безмолвном городе грабители взламывают двери кабаков, изголодавшиеся солдаты громят лавки и склады, по улицам, толкая друг друга, тащат, кто часы, кто мешок с мукой, кто корзину с бутылками вина... И вдруг ночной мрак разрывают языки пламени. Огонь вспыхивает одновременно в разных кварталах, и ревущее, гонимое ветром пламя приближается к центру Москвы. Кто поджег Москву? По мнению Наполеона, этот чудовищный акт вандализма был «подготовлен и осуществлен Ростопчиным». Разве генерал-губернатор Москвы перед вступлением в город французов не приказал пожарным уехать и увезти пожарные насосы?

Разве он не подстрекал в своих афишах жителей к этой великой добровольной жертве? Разве не следовал примеру Витебска, Смоленска, Гжатска, которые были преданы огню раньше, чем попали в руки врага? Впрочем, Ростопчин сам хвастливо называл себя «поджигателем Москвы». Позже он отречется от этой сомнительной славы и обвинит в поджоге солдат Наполеона, которые «заходили ночью на чердаки и в подвалы, освещая их факелами, огарками свечей, зажженными лучинами». Истина, разумеется, где-то посередине между двумя этими версиями. Причина пожара и умысел, и неосторожность, воля одного человека и тысячи мелких случайностей, связанных с небрежностью какого-нибудь солдата или офицера. Ростопчин не единственный, но главный виновник этой катастрофы. Как бы то ни было, для современников дело было в другом. Французы из духа мщения обратили в пепел древнюю столицу России, колыбель православной цивилизации. После подобного святотатства не могло быть и речи о каких-либо переговорах: едва их считали за людей и христиан.

В городе, охваченном бушующим огнем, грабежи и бесчинства принимают фантастические размеры. «Желание найти жизненные припасы было так велико, что большинство наших людей, пренебрегая всякой опасностью, входили в объятые пламенем дома, — вспоминает гусарский офицер фон Калкрейт. — Мы спешили и устремлялись в подвал. Там было уже полно французов разных родов войск... И тут новые группы солдат, найдя двор пустым, кричали нам, чтобы мы выходили, потому что дом горит». «Солдаты, маркитантки, каторжники, публичные женщины, — рассказывает капитан гвардии Лабом, — слонялись по улицам, заходили в опустевшие дворцы и забирали все, что могло насытить их алчность. Одни набрасывали на себя шелковые или тисненые золотом ткани, другие

хватали без разбора и накидывали на плечи драгоценные меха, третьи надевали на себя женские и детские салопы, и даже каторжники натягивали на свои лохмотья придворные туалеты. Остальные гурьбой спускались в подвалы, выламывали двери и, напившись самых тонких вин, уходили, шатаясь под тяжестью награбленного». Улицы завалены обломками мебели, втопанной в грязь одеждой, развороченными сундуками, разодранными картинами. Несколько мародеров расстреляны, но разбой продолжается. Зарево пожара виднеется в небе на расстоянии в триста верст. В деревнях ждут часа Страшного суда. Наконец, на пятый день пожар начинает стихать. Большинство зданий в городе — деревянные, и спаслось от огня всего 2 тысячи домов из 9300. [\[36\]](#)

В Петербурге тысячи беженцев из Москвы и разоренных губерний рассказывают, расцвечивая подробностями, о преступлениях захватчика. Всей империи ясно: цель Наполеона — уничтожить Россию, ее мощь, ее традиции, ее религию. К своему ужасу узнают, что французы осквернили церкви, превратив их в конюшни. Даже кроткая императрица Елизавета пишет матери: «Орды варваров расположились на развалинах прекрасного города. Впрочем, они так вели себя повсюду. Наш народ предпочитает предавать огню все, что ему дорого, лишь бы ничего не досталось врагу, а *великая нация* (т. е. французы. — А. Т.) продолжает опустошать, грабить, разрушать, пока есть что уничтожать. Наши войска стоят вокруг Москвы и на дорогах, по которым пришел враг, и начинают уже нападать на его коммуникации. Вступив в Москву, Наполеон не нашел там ничего, на что надеялся. Он рассчитывал найти общество, но его не было, все ее покинули; он рассчитывал на ее запасы, но не нашел почти ничего; он рассчитывал деморализовать нацию,

подорвать ее мужество, ввергнуть ее в уныние, но возбудил лишь ярость и жажду мщения». И далее: «Каждый шаг, который Наполеон делает по русской земле, приближает его к краю пропасти. Посмотрим, как он перенесет русскую зиму!» Молодой чиновник Александр Тургенев предвидит после нынешнего кошмара будущий апофеоз. «Москва снова возникнет из пепла, — пишет он своему другу Вяземскому, — а в чувстве мщения найдем мы источник славы и будущего нашего величия. Ее развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу».

Ненависть к оккупантам сплачивает всю страну. Гурманы отказываются пить французское вино. Кормилицы пугают детей французским императором, «колдуном Аполиеном», который ведет армию «колченогих чудищ с раскрытой пастью и скрюченным клювом». В светском обществе самым модным развлечением становится изобретение разного рода казней Наполеону. Каждый исходит из своих садистских наклонностей. На одном из приемов будущая графиня Шуазель-Гуффье снискала успех фразой: «Пусть Наполеон утонет в слезах, пролившихся по его вине». Многие города в провинции переполнены беженцами, ютящимися в тесных, почти лишенных мебели комнатах. Привыкшие к достатку и комфорту, теперь они бедствуют. Но русское гостеприимство безгранично. Те, кому удалось спасти хоть немного денег, устраивают обеды и балы для своих обнищавших соотечественников. На балах барышни во французских туалетах отплясывают французскую кадрили и по-французски проклинаят врагов своей родины. Больше всего «эмигрантов», как они сами себя называют, съехалось в Нижний Новгород. «У Архаровых собирается вся Москва, или, лучше сказать, все

бедняки: кто без дома, кто без деревни, кто без куска хлеба... Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах: point de paix!»^[37]

Молодежь записывается добровольцами в ополчение: стыдно отсиживаться в тылу, если можешь держать в руках оружие. Крестьяне вооружаются самодельными пиками, серпами, топорами и создают отряды, которые ведут в бой неизвестно откуда взявшиеся вожди. Крестьянские и партизанские отряды под командованием Дениса Давыдова, Ермолая Четвертакова нападают на вражеских фуражеров и мародеров, рыскающих вокруг Москвы в поисках провианта.

Раздраженный действиями этих франтиреров, Наполеон подумывает, не поднять ли сельское население, объявив отмену крепостного права, но быстро отказывается от этого проекта, опасаясь смуты, которая не преминет последовать за подобной мерой. К тому же он не хочет ссориться с русскими помещиками, которые, надеется он, в конце концов вынудят царя к заключению мира. На самом деле, освобождение на европейский лад несколько не ослабило бы ненависти русского мужика к захватчику, проклятому царем и церковью. По глубинной сути своей природы русский человек не в силах перенести, чтобы чужая пята попирала его родную землю. Русский предпочтет страдать по воле своего русского барина, чем быть освобожденным по воле чужеземного завоевателя. «Рабство, — замечает Жозеф де Местр, — вовсе не исключает любви к отечеству». А Наполеону кажется, что Россия — это вторая, северная Испания, гигантская, варварская, азиатская.

Что до Александра, то он с изумлением открывает, что в его стране существует народное мнение. Как

произошло, что темный русский народ, лишенный возможности высказывать свое суждение о государственных делах, сумел в исключительных обстоятельствах убедить царя в своей поддержке и, может быть, даже диктовать ему образ действий? Случилось чудо: произошел стихийный и как бы нелегальный тайный плебисцит, где не было бюллетеней для голосования, а были слова надежды, передававшиеся из уст в уста. Впервые самодержец, вершивший судьбы империи, никогда не обращаясь к нации, ощущает, что его увлекает за собой непреодолимое народное воодушевление. Голос подданных заглушает голоса министров. С чувством, в котором счастье смешивается с тревогой, Александр сознает, что из императора России он превращается в императора русских.

Кутузов, укрепившись в Тарутинском лагере, ждет своего часа. Что предпримут французы? Останутся зимовать в Москве? Двинутся на Петербург или же отступят к Смоленской дороге? Фельдмаршал старается предусмотреть все возможности и объявляет рекрутский набор: 180 тысяч рекрутов. Вскоре в его распоряжении уже 80 тысяч пехотинцев и 35 тысяч хорошо экипированных кавалеристов и, кроме того, 200-тысячное ополчение, окружившее Москву со всех сторон. Артиллерийский парк возрастает до 216 орудий. Однако Кутузов по-прежнему остается глух к назойливым приставаниям английского генерала Вильсона, которому не терпится разделаться с Наполеоном. «Все это и без меня развалится», — невозмутимо отвечает Кутузов. Ростопчин, злейший враг фельдмаршала, обвиняет его в бездействии и пишет Александру: «Кутузов старая баба, сплетница, которая потеряла голову и думает, что сделает что-нибудь, ничего не делая», и советует императору

«отозвать этого старого болвана и пошлого царедворца».

Александр недалек от того, чтобы разделить досаду Ростопчина, но знает, как любит Кутузова армия, и не решается отстранить его от командования. Тем временем он получает письмо от Наполеона, датированное 8/20 сентября 1812 года в котором улавливает скрытое проявление слабости:

«Моему брату, императору Александру. Прекрасный и великолепный город Москва более не существует. Ростопчин сжег его. Четыреста поджигателей арестованы на месте преступления. Все они признались, что поджигали дома по приказу губернатора и начальника полиции; они расстреляны... Я веду войну против Вашего Величества без враждебного чувства: одна записка от Вашего Величества, до или после последнего сражения, остановила бы мой поход, и я бы даже мог пожертвовать выгодой занятия Москвы. Если у Вашего Величества сохранились еще какие-нибудь чувства, которые Вы прежде питали по отношению ко мне, то Вы хорошо примете это письмо».

Царь не соблаговолил ответить. Узнав о пожаре Москвы, он плакал. Читая послание Наполеона, он удовлетворенно улыбается. Сообщая Бернадотту о письме «Бонапарта», он называет его хвастуном. Совершенно очевидно: Наполеон понимает, как опасно зимовать в чужом разоренном городе, лишенном припасов, с вышедшей из повиновения армией — вследствие длительного бездействия и праздности. Настал момент нанести ему смертельный удар. Но Кутузов по-прежнему медлит. 23 сентября/5 октября он даже принимает в Тарутинском лагере Лористона, посланного Наполеоном для «дружеских переговоров». «Неужели эта небывалая, эта неслыханная война будет длиться вечно? — спрашивает Лористон. — Император

искренне желает положить конец распре между двумя великими и великодушными народами и прекратить ее навсегда». «У меня нет никаких инструкций на этот счет, — отвечает Кутузов. — При отправлении меня в армию само слово „мир“ ни разу не было произнесено. Я бы навлек на себя проклятие потомства, если бы сделал первый шаг к соглашению, ибо таков сейчас образ мыслей нашего народа. Эта война для народа то же, что нашествие татар Чингизхана». — «Однако есть же разница!» — восклицает задетый за живое Лористон. «Русский народ не видит никакой», — отвечает Кутузов. Тем не менее Лористон просит выдать ему пропуск на проезд в Петербург с целью вступить в переговоры. Кутузов не особенно его обнадеживает, но обещает доложить обо всем Его Величеству. Прочитав его донесение, Александр выходит из себя: как осмелился фельдмаршал принять посланца Наполеона? «Все сведения, от меня к Вам доходящие, — гневно пишет он Кутузову, — и все предначертания мои, в указах на имя Ваше изъясняемые, одним словом, все убеждает Вас в твердой моей решимости, что в настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество».

После второй столь же бесплодной встречи Лористона с Кутузовым Наполеон наконец понимает: Александр непреклонен. Жестокое столкновение под Винково, кончившееся не в пользу французов, заставляет его решиться. После тридцати двух дней оккупации Москвы он приказывает покинуть ее.

Кутузов узнает новость утром 11/23 октября в избе, отведенной ему для ночлега. Гвардейский офицер Афинков,^[38] принеший это известие, застаёт его сидящим на кровати в расстегнутом мундире, щурящим свой единственный глаз. «Расскажи мне, друг мой, —

торопит он, — неужели воистину Наполеон ушел из Москвы? Говори, говори же скорее, не томи душу». Офицер рапортует. «Когда я кончил, — пишет Афинков, — почтенный старец, обратясь к образу Спасителя, дрожащим голосом произнес: „Боже, Создатель мой! Наконец внял Ты нашим молитвам. С сей минуты спасена Россия“».

Оставив разграбленную, сожженную, оскверненную Москву, Великая армия, насчитывающая еще примерно 100 тысяч человек, направляется на юг. Она уже ничем не напоминает блестящую, казавшуюся неодолимой армию, всего несколько месяцев назад форсировавшую Неман. Тепло, дороги раскисли; через равнину тянется нескончаемая колонна пеших, конных, карет, телег. Гражданские вперемешку с военными. У каждого своя повозка, нагруженная отвоеванным у пламени добром. Даже простые солдаты, жертвы собственной алчности, сгибаются под тяжестью набитых награбленными пожитками ранцев. Армейские фургоны катят рядом с элегантными тильбюри. Офицеры, нацепившие женские салопы и меховые шапки, выглядят так, точно вырядились на маскарад. Слышится французская, испанская, немецкая, итальянская речь. Не регулярные полки Великой армии на марше, а «двунадесть» племен кочевников, возвращающиеся из удачного набега с захваченной добычей и сплоченные страхом, который гонит их вперед через бескрайнюю степь.

Сначала Наполеон намеревается идти к Смоленску, двигаясь на юг, к Калуге, чтобы не возвращаться по своему прежнему пути через местность, опустошенную войной, но возле Малоярославца Кутузов преграждает ему дорогу. Завязывается отчаянный бой. Город восемь раз переходит из рук в руки и в конце концов остается за французами, но Наполеон, опасаясь новой, более мощной атаки, поворачивает к северу и вступает на ту самую старую Смоленскую дорогу, которую так хотел

обойти и которая, хоть и охраняется многочисленными французскими постами, дотла разорена войной. Он делает то, чего не только желал, но что и предвидел Кутузов. Теперь русская армия движется параллельно французской, однако не предпринимает никаких серьезных атак. Старый фельдмаршал рассчитывает на усталость, развал дисциплины, лишения, подрывающие боеспособность неприятеля. За исключением нескольких полков императорской гвардии, французское войско походит на банду разбойников, озабоченных лишь добыванием пропитания в окрестных деревнях. Падает первый снег. Казаки Платова преследуют изголодавшихся и замерзающих врагов. Они налетают внезапно, с грозным криком «Ура!», истребляют отстающих, отбивают обозы с припасами и неожиданно исчезают, растворяясь, точно призраки, в мелочно-белом тумане. Вооружившиеся крестьяне помогают регулярным войскам. Французы жестоко страдают от голода. Каждый думает только о том, как бы выжить. Дерутся из-за куска конины. Убивают, как лишние рты, пленных. Раздевают мертвых и забирают одежду. Холод усиливается. «Мы шли вперед, не зная, куда приведет наш путь, — пишет Фабер дю Фор. — Порывы ветра залепляли нам лица снегом, падавшим крупными хлопьями, сметали снег с земли и казалось, желали всеми силами воспрепятствовать нашему движению вперед. Лошади скользили по обледенелой земле и падали от изнеможения; мы бросили обозы и впервые оставили пушки, потому что не хватало лошадей, чтобы их тащить. Дорога, по которой Великая армия быстро шла к Смоленску, была устлана замерзшими мертвыми телами, но скоро метель, точно саваном, покрывала их белой пеленой, и невысокие холмики, подобно могилам предков, были последним напоминанием о наших товарищах по оружию, погребенных под снегом».

Те, кому удастся выжить, мечтают о Смоленске как о земле обетованной, где их ждут кров, пища и тепло, но находят лишь груды обугленных развалин. Приходится идти дальше, брести до самой Вильны. Путь через Витебск, по которому пришли сюда, закрыт — город в руках русских; есть путь через Оршу, но тогда придется переправляться через реку Березину, приток Днепра. После жаркой схватки у Красного французы, окоченевшие, оголодавшие, обессиленные, собираются на берегу реки. Армии Чичагова, Витгенштейна и Кутузова, тоже жестоко страдающие от холода, готовятся окружить и раздавить противника, прижатого к воде на протяжении пятнадцати квадратных лье. 120 тысяч русских против 30 тысяч французов — ловушка надежная. Но Чичагов, введенный в заблуждение маневренным движением Наполеона, оставляет без наблюдения подходы к деревне Студенка, а именно там саперы, стоя по горло в ледяной воде, спешно, под командованием генерала Ж. Б. Эльбе, наводят понтонные мосты. Едва мосты построены, как толпа бросается к переправе на другой берег. И на этот раз Наполеон ускользает от преследователей. При морозе — 28° орда перешедших через Березину ковыляет к Вильне. Их лица почернели, дыхание замерзает на губах, из носа идет кровь; они падают. На всем пути отступления громоздятся трупы. Волки нападают на раненых, не имеющих сил подняться и остающихся лежать на снегу. Крестьяне берут в плен оставших. Они гонят пленных перед собой ударами дубинок и вил. Они или предают их лютой смерти, или жалеют и дают им хлеба. Такова русская душа, равно способная как на бессмысленную жестокость, так и на бесконечное сострадание. В Сморгони Наполеон покидает войско и с бешеной скоростью мчится во Францию. Жалкие остатки Великой армии, около 20 тысяч человек, под командованием Мюрата еле-еле добираются до Вильны,

но не могут там закрепиться и двигаются дальше, к Неману. «Волосы становятся дыбом при мысли о том дне, когда Наполеон предстанет перед судом Божьим, — пишет императрица Елизавета матери. — Говорят, даже его уцелевшие солдаты проклинали его, и, кажется, границу он перешел совсем один... В будущем потомки с трудом поверят в это неслыханное бегство французской армии. Подобное бегство свидетельствует, что великий человек нашего века всего лишь шарлатан, гений которого улетучился, как только он встретил решительное сопротивление». И еще: «Я говорила вам о России: „Горе тому, кто поднимет на нее руку!“ Я могла бы не без самолюбования приписать себе пророческий дар, настолько события подтвердили мое предсказание». [\[39\]](#)

Кутузов вступает в Вильно 30 ноября/12 декабря 1812 года. Чуть позже, 11/23 декабря, Александр лично прибывает в город. Недовольный медлительностью фельдмаршала, он намерен больше не расставаться с армией, вблизи наблюдать за ним и сам отдавать ему распоряжения. Кутузов в полной парадной форме, при всех регалиях встречает императора на пороге дворца. Они обнимаются на глазах всей армии. Царь, после победы у Красного пожаловавший Кутузову титул князя Смоленского, награждает его орденом Святого Георгия I степени. Но на балу, данном в честь генералиссимуса, говорит даме, с которой танцует: «Надо же было доставить удовольствие старику». А когда Кутузов по обычаю, установившемуся со времен Екатерины Великой, приказывает сложить к ногам Его Величества отбитые у врага знамена, Александр хмурится и произносит вполголоса, но так, что слышат стоящие с ним рядом: «Старый комедиант!» Позже, нарушив обычную сдержанность, он признается Вильсону, что не доверяет военным талантам нового князя Смоленского

и пожаловал его этим титулом исключительно «в угоду московскому дворянству».

В Вильне Александр познает обратную сторону победы. Всю русскую кампанию он провел над картами в раззолоченных залах Зимнего дворца, а здесь его взору открываются язвы войны, он вдыхает ее запах, видит отталкивающий лик смерти. Насчитывают 430 тысяч мертвецов на пути следования обеих армий от Москвы до Вильны. В одном только Базилианском монастыре свалено 7500 разлагающихся трупов. В домах с выбитыми стеклами зияющие дыры и щели в стенах заткнуты обрубками человеческих тел для защиты от холода живых. Среди развалин, несмотря на порывы ледяного ветра, стоят смрад и зловоние. Александр посещает больницы, переполненные ранеными. Зрелище их страданий потрясает его чувствительную душу, но он крепко держит себя в руках. Он говорит будущей графине Шуазель-Гуффье: «Я много выстрадал, пережил столько тревог... Мне чужда счастливая философия Наполеона, и эта несчастная кампания стоила мне десяти лет жизни».

Подвергнув жестокому испытанию свою впечатлительность, он, казалось бы, должен стремиться к скорейшему окончанию войны. Большинство военачальников торопят его сложить оружие, поскольку враг изгнан с территории России. Особенно настаивает на этом Кутузов, которому претит посылать за пределы России русские войска, поредевшие в сражениях, измотанные переходами. Для Кутузова эта война патриотическая, а не политическая, русская, а не европейская. Он почтительно убеждает в этом царя, но наталкивается на стену. Александр непоколебим: он продолжит борьбу и сокрушит Наполеона. «Прочный и продолжительный мир можно подписать только в Париже», — утверждает он. Барон фон Штейн поддерживает его в этом убеждении. А с ним и все

пруссские офицеры, одушевленные одной целью — освободить свою родину. Александр их опора. Они будут держаться за него до того дня, когда он окончательно разгромит Францию — очаг агрессии. Вскоре события подтверждают правильность их позиции: прусский генерал Йорк со всем своим корпусом оставляет Великую армию и переходит в лагерь Александра. Французам приходится ускорить отступление. Немного спустя прусский король также покидает Наполеона и в Калише подписывает с Россией договор о совместных действиях против Франции за освобождение Германии. И тут Александр чувствует, что ему предстоит играть роль, о которой еще несколько месяцев назад он не смел и мечтать. Еще недавно он боролся за освобождение России, отныне он будет бороться за освобождение Европы. Вновь обнажив меч, он будет сражаться не за новые земли для себя, а во имя справедливости для всех. «Пожар Москвы просветил мою душу, — говорит он, — и наполнил мое сердце горячей верой, которой я никогда раньше не ощущал. Тогда я познал Бога». Перед его отъездом из Петербурга императрица Елизавета подарила ему Библию. Он читает ее, когда выдается свободная минута, и подчеркивает карандашом места, применимые к его положению. Он был агностиком, потом склонялся к деизму и теперь вопрошает себя: не превращается ли он в верующего христианина?

25 декабря 1812 года, в день Рождества Христова, в России во всех церквях служат торжественные молебны в честь освобождения родной земли от опустошительного нашествия «двунадесяти народов». Каковы же истинные причины победы над Наполеоном? Разумеется, не суровость русской зимы, считают современники. Со времени ухода Наполеона из Москвы и до самого Борисова не было сильных холодов. Только у Березины начались настоящие морозы, dokonчившие

уничтожение Великой армии, изнуренной, голодной, раздетой. Русские, лучше обеспеченные провиантом, теплее одетые, более привычные к климату, стойко переносили непогоду. План Кутузова состоял в том, чтобы, искусно маневрируя, завлечь Наполеона в глубь страны, в местности, превращенные в пустыни, довести Великую армию до полного разложения бездействием и разбоями в оставленной Москве, а потом преследовать ее превосходящими силами, вынудив отступить по разоренной Смоленской дороге, удачно атаковав у Малоярославца, Вязьмы, Красного, не давая ей покоя на ночлегах и бивуаках, где на нее неожиданно нападали партизаны. Огромная поддержка народа помогала Кутузову в выполнении его плана. Он рассчитывал на патриотическое воодушевление всех слоев общества и не ошибся. Война стала национальной, а личность государя — олицетворением национального единства. Александр отдает себе отчет в том, что постепенно вырастает в героя легенды. Так вознаграждена его непреклонная решимость довести борьбу до победного конца. Его считают слабохарактерным, а у него хватило мужества и выдержки противостоять тем, кто настойчиво требовал от него заключения мира. Весьма далекий от того, чтобы объяснять успех кампании 1812 года планом войны, выработанным его фельдмаршалом, он по-прежнему недооценивает Кутузова и считает, что победа над Наполеоном была одержана не благодаря Кутузову, а, *несмотря на него*, всей русской нацией, сплотившейся вокруг своего государя. Теперь, когда вторжение отражено, ему предстоит совершить самое главное: покончить с завоевателем навсегда.

По приказу царя русские войска покидают Вильно, направляются форсированным маршем к границе и вступают на территорию Великого герцогства Варшавского. По прибытии «освободителей» поляки не знают, радоваться ли им уходу французов или бояться

прихода русских. Как бы то ни было, независимость страны по-прежнему кажется им недостижимой. Тревожась за судьбу соотечественников, сражавшихся против России под знаменами Наполеона, Чарторыйский в письме к царю умоляет его проявить великодушие к несчастной Польше. Он предлагает провозгласить королем Польши великого князя Михаила, брата Александра, которому всего пятнадцать лет. С большим благородством Александр отвечает ему 13 января 1813 года письмом, написанным по-французски: «Мечь — чувство мне незнакомое: для меня высшее счастье — платить добром за зло. Моим генералам отданы строжайшие приказы обращаться с поляками дружески и по-братски. Буду с вами вполне откровенен. Для осуществления моей заветной мечты в отношении Польши мне, несмотря на блеск моего теперешнего положения, предстоит преодолеть немало трудностей. Прежде всего — общественное мнение в России: действия польской армии на нашей территории, грабежи в Смоленске и в Москве, опустошение всей страны воскресили былую ненависть. Вторая трудность: разгласить в настоящий момент мои намерения относительно Польши — значит толкнуть Австрию и Пруссию в объятия Франции; результат, предотвратить который важнее всего особенно потому, что обе эти державы дают мне доказательства своего расположения... Нужно, чтобы вы сами помогли мне примирить русских с моими планами и чтобы вы оправдали всем известное предпочтение, которое я отдаю полякам и дорогим для них идеям. Имейте некоторое доверие ко мне, к моему характеру, к моим убеждениям, и надежды ваши не будут более обмануты... Я должен однако предупредить вас, и притом самым решительным образом, что мысль о моем брате Михаиле не может быть допущена. Не забывайте, что Литва, Подолия и Волынь до сих пор считаются

русскими областями, и никакая логика в мире не убедит Россию, что у этих областей может быть другой государь, а не тот, который царствует в ней».

Снова, в который уже раз, Александр откладывает урегулирование польского вопроса под предлогом, что не хочет раздражать Берлинский и Венский кабинеты. На самом же деле он уже принял решение: он считает, что Россия, победив Наполеона, мечом и кровью завоевала право *ipso facto*^[40] на владение Варшавским герцогством.

В Калише, куда он перенес главную квартиру, военачальники во главе с Витгенштейном и Блюхером настаивают на перенесении военных действий и на другую сторону Эльбы. «Дедушка» Кутузов, по обыкновению, противопоставляет их горячности осмотрительность, сонливость, рассчитанную медлительность. Он предлагает дать армии отдых и дожждаться подхода резервов. «Самое легкое дело, — пишет он, — идти теперь за Эльбу. Но как воротимся? С рылом в крови».

Несмотря на эти соображения, он в конце концов подчиняется мнению государя. Он слишком верный подданный, чтобы идти против императорской воли. Впрочем, уже несколько дней он чувствует себя больным, ослабевшим, мысли его путаются. Однако он хочет участвовать в новой кампании: он поедет в коляске. 26 марта/7 апреля 1813 года Александр выступает во главе своих войск. Перед тем как пересечь границу России, он заявляет в обращении к армии: «Мы стоим за веру против безверия, за свободу против властолюбия, за человечество против зверства». Неделю спустя, возле Стенау, он переходит Одер и вступает в Саксонию. Народ при виде его ликует. Ему подносят лавровый венок. Он посылает венок Кутузову со словами: «Эти лавры принадлежат вам». С тех пор

как болезнь фельдмаршала приобрела опасный оборот, Александр удваивает свое внимание к нему, как будто последними почестями стремится искупить недооценку его в прошлом. В Бунцлау вконец измученный Кутузов окончательно слег. Пусть другие заканчивают начатое им дело. Он умирает 16/28 апреля 1813 года.^[41] «Не вы одна проливаете о нем слезы, — пишет Александр вдове фельдмаршала. — С вами плачу я и плачет вся Россия».

Сначала Александр намеревается сам принять командование армией и сражаться с Наполеоном, как государь с государем. Затем, не желая, чтобы неудачный поворот событий омрачил его славу, вместо Кутузова назначает главнокомандующим Витгенштейна. Таким образом, не будучи военачальником, он целиком посвятит себя свершению своей провиденциальной миссии. Благодаря ему впервые в истории человечества свет миру воссияет не с притязającego на цивилизованность Запада, а с Востока — из прославившей варварской России.

Глава IX

Французская кампания

24 апреля 1813 года, в солнечный весенний день, Александр и король Пруссии — в парадных мундирах, верхом, в сопровождении блестящей свиты — вступают в Дрезден, столицу Саксонии. Русские и прусские войска встречают их под звуки труб и бой барабанов. Народ, запрудивший улицы на всем пути их следования, приветствует монархов радостными криками. Однако король Саксонии Фридрих-Август не разделяет восторга своих подданных: он не верит, что Александр и Фридрих-Вильгельм III действительно победили Наполеона, и, предусмотрительно покинув Дрезден, удаляется в Богемию, где ждет исхода военных действий.

Александр, уведомленный о последних событиях во Франции, полон радужных надежд. Хотя заговор генерала Мале в Париже, происшедший в отсутствие Наполеона, и потерпел неудачу, он свидетельствует, полагает Александр, о неблагополучии в стране, истощенной непрерывными войнами. Тайные агенты доносят ему, что большинство французов мечтает о мире, что последний рекрутский набор до предела обострил общее недовольство, что финансы расстроены, а рождение Орленка несколько не упрочило союз Австрии и Франции. Разумеется, император Франц, отец Марии Луизы и дед Римского короля, не выступает открыто за низложение зятя, но Меттерних, действуя за кулисами, всячески затягивает переговоры с Наполеоном и незаметно сближается с Россией.

С конца апреля Наполеон находится в Веймаре. Встав во главе армии, он заявляет: «Я буду вести эту кампанию не как император, а как генерал Бонапарт». И по мановению его руки 125 тысяч человек при поддержке многочисленной артиллерии двигаются по направлению к Лейпцигу. 29 апреля Александр и прусский король покидают Дрезден и присоединяются к армии (39 тысяч русских и 33 тысячи пруссаков), вовремя подоспев к разыгравшемуся при Люцене сражению. Под градом картечи царь отвечает тем, кто советует ему поскорее спрятаться в укрытие: «Моей пули здесь нет». Французы, сначала оттесненные, оправляются и отбрасывают неприятеля; союзники отступают к Эльбе. Из-за малочисленности конницы Наполеон не может развить успех и преследовать разбитые армии. Царь, удрученный новым поражением, ночью приходит в дом, где после тяжелого дня отдыхает прусский король, будит его и делится своими соображениями: потери слишком велики, не может быть и речи о том, чтобы утром возобновить сражение. Фридрих-Вильгельм III, злой и расстроенный, приподнимается на своем ложе и в сердцах произносит: «Я так и знал! Если мы начнем отступать, то не остановимся на Эльбе, а перейдем и Вислу. Если и дальше так пойдет, я снова окажусь в Мемеле. — И, вскочив с кровати, добавляет: „Это новый Ауэрштадт!“ Все-таки по политическим мотивам сражение под Люценом представляют как успех союзников. Витгенштейн награжден орденом Александра Невского, Блюхер — орденом Святого Георгия 2-й степени. А Наполеон велит прочесть солдатам напыщенную прокламацию: „Мы отбросим эти татарские полчища обратно в их страну с ее ужасным климатом, и никогда больше они не переступят ее границ. Пусть живут в своих ледяных пустынях, пребывают в рабстве,

варварстве и разврате, низведенными до скотского состояния“».

Союзники в полном порядке отступают за Эльбу, занимают стратегически выгодную позицию под Бауценом на реке Шпре, в то время как император Франции вступает в Дрезден под звон тех самых колоколов, которые недавно приветствовали вступление в город императора России. Разместившись в королевском дворце, Наполеон пишет королю Саксонии, приглашая его вернуться в «освобожденную столицу». Затем, окрыленный победой, посылает к Александру Коленкура с предложением начать мирные переговоры без ведома Австрии, вероломно его обманувшей. Но царь не принимает посланца и приказывает передать ему, что переговоры будут вестись через австрийский кабинет, на посредничество которого он согласен. Раньше он величал властелина Франции «сущий дьявол», а теперь перекрестил его в «современного Атиллу». Наполеон не остается в долгу и называет его «Византийский грек».

Тем временем союзники получают подкрепление: Барклай де Толли, захватив Торн, подходит со своим корпусом к Бауцену, и теперь соединенные русско-пруссские войска насчитывают 100 тысяч человек. Как тут удержаться от искушения и не нанести по противнику решающий удар? Бауцен повторит Бородино: что бы ни случилось, они не отступят. Но дело поворачивается не в их пользу. К вечеру первого дня сражения русские теряют несколько передовых позиций. На второй день Александр не покидает поля боя. Витгенштейн ни на шаг не отстает от него. Вражеский лагерь так близко, что Александр в зрительную трубу может рассмотреть серый сюртук и треуголку Наполеона. В четыре часа пополудни, увидев, как под натиском французов откатываются ряды русских и прусских войск. Александр оборачивается к

Витгенштейну со словами: «Не хочу быть свидетелем поражения. Приказывайте отступить!» И, прищпорив коня, мчится прочь.

Вечером оба государя-союзника верхом едут в Рейхенбах. Александр пытается ободрить короля Пруссии, но тот погружен в мрачные размышления и едва слушает его. Наконец он прерывает молчание и с тяжким вздохом произносит: «По правде сказать, я надеялся на иной исход. Мы намеревались идти вперед на запад, а отступаем на восток... И если Всевышний благословит наши общие усилия и мы все же снова двинемся на запад, мы признаем перед лицом всего мира, что Ему одному принадлежит вся слава победы». Эти слова поражают Александра: они словно вырвались из его собственного сердца. С некоторых пор он тоже во всем происходящем видит проявление Божьей воли. Чем выше он возносится над людьми, тем более ничтожным чувствует себя перед Создателем. Наклонившись в седле, он с силой пожимает руку королю Пруссии и клянется исполнить этот обет.

Достигнув Рейхенбаха, Александр приказывает Витгенштейну продолжать отступление до Швейдница и там соединиться с подходящими из России резервами. Через несколько дней он назначает Баркляя де Толли главнокомандующим соединенными армиями союзников.

Наполеон, хоть и победитель, не может воспользоваться плодами победы: малочисленность конницы не позволяет ему закрепить успех пехоты. И он прекрасно знает, что людские ресурсы — как во Франции, так и в завоеванных им странах — не безграничны. Снова он предлагает перемирие. На этот раз союзники с готовностью соглашаются. По общей договоренности местом встречи уполномоченных выбран город Плейсвиц. На переговорах Россию представляет генерал граф Шувалов, Пруссию —

генерал Клейст, Францию — генерал Коленкур. Наполеон поручил Коленкуру попытаться расколоть коалицию, предложив России значительные территориальные компенсации. Но Коленкуру, несмотря на все его усилия, не удается побеседовать наедине с Шуваловым, соблюдающим верность коалиции, ни тем более добиться аудиенции у Александра. После долгих проволочек подписывают соглашение о прекращении огня до 4 июня. Перемирие будет продлено и продлится два месяца. «Дипломатам почти нечего делать в наше время, — замечает Александр. — Исход событий решает меч». Однако, ратуя за войну, он не пренебрегает и политическими демаршами. Переговоры едва закончились, как Александр понимает, что перемирие, на условия которого Наполеон так опрометчиво согласился, позволит партнерам по коалиции усилить свою боеспособность: пополнить армию свежими силами и, главное, привлечь к союзу страны, которым ненавистно французское владычество. Александр не ошибся: в этой паузе Меттерних, оставив роль посредника, склоняется на сторону России и Пруссии и принимает план совместных операций против Франции. Англия присоединяется к коалиции и посылает в ставку союзников для переговоров с Австрией генерала лорда Каткарта и для переговоров с Пруссией генерала Стюарта. Англия обязуется оплатить военные расходы при условии, что «высокие договаривающиеся стороны» не пойдут на сепаратные переговоры с врагом.

За Рейхенбахским перемирием последовал конгресс в Праге, где центральной фигурой стал Меттерних. Чтобы побудить его считаться с интересами России, Александр прибегает к чарам своей сестры, «обаятельной безумицы» Екатерины, — она тоже приехала в Прагу. 20 июля/1 августа 1813 года он пишет ей: «Я тронут усилиями, которые Вы употребляете на пользу *общему делу*... Меня огорчает,

что Вы мне все еще ничего не рассказали о Меттернихе и о том, что необходимо, чтобы он всецело стал нашим. У меня есть нужные суммы, так что не скупитесь... Я поручаю Вам пустить в ход это средство — оно самое надежное там, где может иметь успех». Екатерина не мешкая берется за дело. Очень скоро она получает «нужные суммы». Меттерних легко позволяет себя уговорить. Впрочем, он в любом случае пошел бы на сделку. Когда Коленкур приезжает в Прагу, игра уже сыграна. Он точно передает инструкции своего повелителя: «Хотят продлить перемирие — я согласен. Хотят воевать — я готов». Россия, Пруссия, Австрия и Англия предлагают перемирие на условиях, слишком унижительных для Наполеона, явно рассчитывая, что Наполеон их отклонит. «Ни один конгресс, — замечает Нессельроде, — не был более бесполезным: мира не хотел никто». Переговоры прерваны. Коленкур ни с чем покидает Прагу. Зато появляются два запятнанных предательством генерала: Моро, вернувшийся из Америки, и Жомини, дезертировавший из Великой армии и перешедший на службу к русским, — оба, несомненно, почуяли, куда дует ветер. Александр встречает Моро с распростертыми объятиями, и тот дает ему ценные советы, как побеждать его бывших собратьев по оружию. Суть его наставлений в том, чтобы в сражения, которыми Наполеон руководит сам, вступать при подавляющем численном превосходстве, а маршалов, рассредоточенных по разным пунктам театра военных действий, атаковать и разбить поодиночке. Очарованный Александр восклицает: «Моро — великий человек! Я хотел бы быть Моро!» Тут Австрия официально вступает в коалицию, и император Франц объявляет, что идет войной на своего зятя. Сигнальные огни, зажженные вдоль дороги, ведущей из Праги в главную квартиру союзников, оповещают об окончании перемирия.

Русско-прусские войска двигаются в сторону Дрездена. Союзники теперь располагают вместе с австрийской армией и корпусом, присланным Бернадоттом, полумиллионом человек и, кроме того, значительными резервами против 300 тысяч французов. Но силы союзников раздроблены, и в сражении под Дрезденом они выставляют против примерно 100 тысяч французов всего 250 тысяч своих солдат.^[42] Несмотря на численное превосходство, союзники, в штабе которых нет единства, ибо каждый заботится в первую очередь о своих интересах, в беспорядке отступают под непрекращающемся дождем. Увязая по колено в грязи, солдаты ропщут и бранятся на всех европейских языках. Моро, придя в ярость от бездарности Шварценберга, кричит ему в лицо: «Черт возьми, сударь! Я не удивлюсь, если и через семнадцать лет вас снова побьют! — И, повернувшись к Александру, добавляет: — Государь, этот человек все погубит». В тот миг, когда царь отъезжает на лошади на несколько шагов, французское ядро разрывается там, где он только что стоял. Моро, оказавшийся на его месте, смертельно ранен. Ему ампутируют обе ноги. Александр, который от сражения к сражению набирается боевого опыта, тем не менее «очень расчувствовался» у постели умирающего. Однако, присутствуя при агонии человека, который пал как раз на том месте, где сам он находился минуту назад, он поглощен мыслями о Боге. «Это событие, — пишет он князю Голицыну, — заставив меня горько оплакивать судьбу генерала, произвело на меня и другое впечатление. Оно укрепило мое убеждение в том, что все в руках Божьих, и *моя вера в Него сильнее, чем во всех Моро на земле*». Все глубже укореняется в его сознании мысль, что он избран Всевышним, дабы сокрушить дух Зла, воплощенный в Наполеоне.

После Дрездена Наполеон по-прежнему остается непобежденным. Сколько же надо объединить народов, чтобы его одолеть? И вдруг — о чудо! — десница Божья разгоняет мрак, забрезжил свет надежды: военное счастье переменило лагерь. О разгроме у Дрездена больше не вспоминают: у Грос-Берена пруссаки наносят поражение Удино, у Кацбаха — Макдональду, под Кульмом русские дают отпор генералу Вандаму. Двухдневный бой при Кульме заканчивается блестяще: Вандам взят в плен вместе со всей свитой, захвачено 10 тысяч пленных и вся артиллерия (82 орудия). Александр ликует — это первая победа, одержанная над французами в его присутствии и благодаря его распоряжениям. До последних дней жизни воспоминания о славных часах сражения под Кульмом будут наполнять его душу счастьем. Перед ним проходит длинная серая колонна пленных. Наконец, верхом на лошади, окруженный казаками появляется Вандам. Спешившись, генерал, прощаясь с конем, целует его. Александр встречает генерала холодно, но, когда Вандам делает масонский знак «помощь»,^[43] смягчается и обещает облегчить его участь. На следующий день пленник отправлен в Москву.

В течение нескольких недель противники переводят дух и подсчитывают потери. В лагере французов отчаявшиеся маршалы оправдываются, сваливая поражение на недостаток сил. В лагере союзников первые успехи в войне еще теснее сплачивают партнеров по коалиции. Каждый из них обязуется бросить в эту битву гигантов стопятидесятитысячную армию. 16 октября 1813 года их объединенные силы стягиваются к Лейпцигу: 360 тысяч человек против 185 тысяч французов.^[44] Тем временем Бавария выходит из Рейнского союза и присоединяется к союзникам. Для Наполеона это тяжелый удар. Он сам командует

военными операциями. Александр мечтает о том же и выговаривает Шварценбергу, диспозицию которого находит нелепой. «Что ж, господин маршал, — говорит он ему, — раз вы остаетесь при своем мнении, то вы и австрийская армия можете поступать, как вам будет угодно, — но русские войска великого князя Константина и Барклая перейдут на правую сторону Плейсы, где им следует быть, и больше никуда!» Император Франц и король Пруссии не вмешиваются в спор, как люди, в деле не сведущие. Развитие событий подтверждает правоту царя. В течение всего дня атаки и контратаки следуют одна за другой. Наполеон бросает в бой кавалерию, но ее натиск отбит русскими казаками и гусарами. Не обращая внимания на рвущиеся вокруг ядра, Александр пристально следит за ходом сражения. Атака, которую по его приказу предпринял Блюхер, увенчивается огромным успехом: захвачено 53 пушки и 2 тысячи пленных. Напротив, атака австрийцев, которыми командует упрямец Шварценберг, захлебывается. В этот день каждая из сторон потеряла по 30 тысяч человек. Австрийский генерал Мервельд взят в плен и вечером обедает вместе с адъютантами Наполеона. «Мне жаль вас, господи французы, — говорит он. — Вы заперты в мышеловке». На следующий день Наполеон посылает его к Александру с предложением о перемирии. Царь не удостоивает его ответом. День проходит в перестрелке.

18 октября баталия возобновляется с удвоенным ожесточением. Александр удивляет свиту своей твердостью и храбростью. Его не пугает свист пуль и разрывы картечи, и он переезжает с одного фланга на другой, отдает приказы, воодушевляет упавших духом. В разгар сражения саксонцы оставляют свои позиции и переходят на сторону союзников. Вскоре обращают свое оружие против французов и вюртембергцы. На покрытое трупами поле битвы спускается вечер.

Наполеон потерял 20 тысяч убитыми, ранеными и пленными, союзники — 50 тысяч...^[45] Во время боя царь вместе с Фридрихом-Вильгельмом III, императором Францем и генеральской свитой находится на возвышенности, которую потом назовут «Холм монархов». В наступающих сумерках он наблюдает за концом сражения. Его затаенное желание — преследовать бегущего врага, но военачальники коалиции докладывают ему, что полки истреблены, солдаты измучены — войска нуждаются в отдыхе. Он подчиняется и, когда наконец-то побежденные французы отступают к Рейну, пишет Голицыну: «После четырехдневного сражения под стенами Лейпцига Всемогущий Господь послал нам блестящую победу над этим пресловутым Наполеоном... 27 генералов, почти 300 пушек и 37 тысяч пленных — результат этих незабываемых дней. Мы сейчас в двух переходах от Франкфурта-на-Майне. Вы догадываетесь, что творится в моей душе». И графине Зинаиде Волконской: «Сам Всевышний направлял нас, и Ему одному мы обязаны нашим блестящим успехом».

Король Баварии также отзывает свои войска из армии Наполеона и переходит в лагерь союзников. Но ему не повезло: победители в битве под Лейпцигом вяло и беспорядочно преследуют побежденных, и у Ганау Наполеон рассеивает изменивших ему баварцев, а затем переправляет через Рейн и с остатками своей армии отступает на территорию Франции.

Теперь главная забота Меттерниха — опередить русских и дать возможность императору Францу как победителю первым войти во Франкфурт — естественную столицу освобожденной Германии. Но Александр, охваченный азартом игрока, обгоняет австрийцев, раньше их вступает в город и на следующий день злорадствует, встречая, как хозяин,

своего не умеющего скрыть недовольство союзника. Как он демонстрирует всей Европе свое превосходство над Австрией и Пруссией. Отныне он — вождь коалиции, и уже немецкие князья и дипломаты осаждают его приемную, как вчера осаждали приемную Наполеона.

Вскоре после прибытия во Франкфурт Александр получает известие, что на другом конце мира, в деревне Гюлистан его послы подписали с Персией договор, закрепивший за Россией все ее завоевания на Кавказе. Он предвидит: легче заключить мир на востоке, чем добиться согласия союзников на продолжение войны на западе. В этом вопросе его самый непримиримый противник — Меттерних. Он опасается, с одной стороны, новой победы Наполеона, с другой, если Наполеон будет разбит, губельного для Австрии военного и дипломатического торжества России. Министр императора Франца в глубине души — сторонник соглашения с общим врагом, лишь бы умерить амбиции царя, который становится все более высокомерным, властным и воодушевленным к дальнейшим победам. По инициативе Меттерниха союзники посылают к Наполеону официального эмиссара, графа Сен-Эньяна,^[46] предлагая мир при условии, что Франция вернется в свои «естественные границы». Наполеон соглашается обсудить эти условия. Между тем во Франкфурте, где собрались монархи-союзники, одерживают верх приверженцы продолжения войны. За несколько недель передышки союзники сумели организовать управление освобожденными территориями и снабдить войска экипировкой и провиантом. В совместном заявлении союзные державы объявляют о возобновлении войны, но не против Франции, а против ее императора: «Союзные державы считают необходимым заявить, что ведут войну не с Францией, а противоборствуют желанию Наполеона

господствовать в Европе... Союзные государи желают видеть Францию сильной и процветающей». Тем временем неаполитанский король Мюрат, подстрекаемый Меттернихом, переходит на сторону коалиции, предоставив в ее распоряжение пятидесятитысячное войско. Остается лишь определить маршрут вторжения. Согласно выработанному плану первая цель союзников — захват операционной базы в Швейцарии. Этот маневр позволил бы ускорить движение войск в сторону Франции, но его осуществление предполагает нарушение территориальной неприкосновенности Гельветической республики. Поначалу Александр энергично протестует, потом начинает колебаться и тут узнает, что австрийцы, не дожидаясь его согласия, перешли границу Швейцарии. Он с досадой восклицает: «Это несчастнейший день моей жизни!» Однако позже говорит Меттерниху: «Успех оправдывает все... Что сделано, то сделано... С военной точки зрения операция хороша». И пишет своему дорогому Лагарпу, изливая огорчение и перекладывая ответственность «на этих господ из Берна», которые завлекли войска союзников в свою страну, дабы при их поддержке задушить порыв к независимости более свободолюбивых кантонов: «Позвольте сказать Вам, что, если некоторые настойчивость и энергия, которые мне посчастливилось выказать за последние два года, послужили делу независимости Европы, то этим, кроме помощи Божественного Провидения, я обязан Вам и Вашим наставлениям. В трудные минуты, которые выпали на мою долю, я мысленно всегда обращался к Вам, и желание оправдать Ваши попечения и заслужить Ваше уважение поддерживало мой дух. Теперь мы, оставив берега Москвы, дошли до берегов Рейна, который на днях перейдем. Находясь вблизи от Вас, я утешаюсь тем, что скоро смогу обнять Вас и лично высказать Вам

всю ту признательность, которую до гроба буду хранить в моем сердце».

При переправе через Рейн Александр задерживает русскую гвардию и пропускает вперед австрийские войска. Он хочет перейти мост в первый по юлианскому календарю день нового, 1814 года, и тем придать символический смысл вступлению на землю Франции. Мистическое настроение снова охватывает его. Он действует, повинувшись магии знаков и чисел и, полагает он, Божьей воле.

Разместив главную квартиру в Базеле, Александр 1/13 января 1814 года находится у моста и, невзирая на ветер, на дождь, смешанный со снегом, лично следит за переправой русских войск. Перед своим новым дипломатическим советником И. А. Каподистрией, уроженцем острова Корфу, он развивает программу, которую сам начертал себе на будущее: «Вернуть каждой нации целиком и полностью ее права и учреждения; вверить защиту их и нашу собственную общему союзу; защищать себя и защищать другие народы от властолюбия завоевателей: таковы принципы, на которых с помощью Божьей мы надеемся основать нашу новую систему. Всевышний указал нам путь к цели. Мы уже прошли часть пути. Путь, который нам еще предстоит пройти, усеян преградами. Нам предназначено их преодолеть».

16 января он покидает Базель и наконец ступает на французскую землю. Его волнение достигает предела. Это волнение не только победителя, но и ученика: мыслить и чувствовать он учился у Франции! Всеми силами души он желает быть достойным своей победы. Приученный Екатериной Великой с раннего детства переносить непогоду, он едет верхом без плаща, в одном мундире, не обращая внимания на порывы ледяного ветра, всем своим видом излучая счастье. На ночлег останавливается в деревнях, и нередко он

вскакивает среди ночи, бежит по темным грязным улочкам в сопровождении адъютанта, несущего фонарь, будит кого-нибудь из генералов и передает донесение или отдает приказание. На всем пути от Рейна до Марны союзники почти не встречают сопротивления и один за другим занимают города Страсбург, Саверн, Эпиналь, Тул, Шомон, Люневиль, Нанси. 22 января Александр уже в Лангре вместе с королем Пруссии и императором Францем. В Лангре он бурно радуется встрече со своим дорогим Лагарпом, прибывшим разделить триумф воспитанника. Но Александру некогда предаваться воспоминаниям о детстве в обществе того, «кому он всем обязан»: у него есть дела поважнее. Между ним и его партнерами по коалиции вновь обостряются противоречия при обсуждении вопроса о том, как закончить кампанию: заключить мир или продолжать войну. Один только Александр твердо стоит за войну, все остальные — среди них Каслри, Шварценберг, Меттерних и даже Нессельроде, Барклай де Толли и Волконский — за мирные переговоры. Все они, не признаваясь себе в этом, боятся революционного взрыва во Франции — повторения Вальми. Принимается компромиссное решение: продолжать войну, но одновременно вступить в переговоры с Наполеоном. Представителем французов выбирают Коленкура, а местом переговоров — Шатийон.

Накануне конгресса в Шатийоне Александр получает тревожные рапорты о моральном состоянии своего войска. Ему доносят, что русские солдаты перестали понимать, за что они воют. В России они защищали свое Отечество, в Германии их встретили как освободителей, но во Франции с первых же шагов они наталкиваются на враждебность населения. Здесь все боятся и ненавидят их. Крестьян пугает гортанная речь этих пришедших с севера людей, особенный же страх

внушают им казаки, киргизы, калмыки — косматые свирепые всадники, примчавшиеся сюда из диких степей. Они с гиканьем проносятся по улицам, хватая кур и свиней, расправляются с мужчинами, насилуют женщин. Разумеется, по приказу царя в городах соблюдается строгая дисциплина, но на окраинах хижины и целые деревни подвергаются опустошительным набегам. Крестьяне защищаются, вооружившись ружьями и вилами. Отряды этих франтиреров скрываются в лесах, устраивают засады и неожиданно нападают на врага.

Все это тяготит царя в дни Шатийонского конгресса. Он по-прежнему стоит на своем и без стеснения заявляет: «Пока Наполеон на троне, я мир не заключу». Он предписывает своему представителю на конгрессе графу Разумовскому занять уклончивую позицию и затягивать переговоры, пока события на театре военных действий не прояснят политическую картину. Таким образом, если большинство участников конгресса — сторонники мира на почетных условиях, посланец царя уполномочен завершить переговоры только после полной, без всяких условий, капитуляции «тирана». Кроме того, со всех сторон раздаются голоса, что Александр, одурманенный абстрактными теориями, собирается предоставить французам самим выбрать форму будущего правления. «По моему мнению, — докладывает Каслри в Лондон, — в настоящее время нам всего опаснее рыцарские побуждения императора Александра. Его отношение к Парижу не соответствует ни политическим, ни военным интересам. Русский император лишь ждет случая во главе своей блестящей армии триумфально вступить в Париж для того, несомненно, чтобы противопоставить разорению Москвы свое великодушие к покоренной столице».

Тем не менее сражения за столом продолжаются, страсти накаляются, и каждая сторона печется о своих

выгодах. Прусский министр Гарденберг записывает в дневнике: «Видел короля и императора России. Спор о плане операции и разногласия. Штейн интригует за немедленное выступление на Париж, чего хочет и император Александр. Австрийская партия против этого. Другие сами не знают, чего хотят». Последняя фраза — намек на нерешительность короля Пруссии. В конце концов Фридрих-Вильгельм III уступает авторитету Александра: итак, идут на Париж и там побратски примут решение, которое предпишут обстоятельства и Божья воля. По настоянию царя конгресс в Шатийоне прерван, и его участники съезжаются в Труа, куда перенесена главная квартира.

Впрочем, еще до окончания конгресса в Шатийоне военный совет государей в Шомоне завершился подписанием особого договора, подтверждавшего продолжение войны. Четыре договаривающиеся стороны (Россия, Пруссия, Австрия, Англия) обязались выставить каждая по 150 тысяч человек, не вступать в сепаратные переговоры с врагом, избавить Европу от господства завоевателя и после победы установить справедливое равновесие между державами. Кроме того, Каслри обязуется от имени Англии в 1814 году предоставить союзникам субсидию в размере 5 миллионов фунтов стерлингов, дабы внести свой вклад в торжество общего дела.

Тем временем война снова разгорается. Наполеон, назначив регентшей Марию Луизу, покидает Париж и едет в армию. С самого начала военных действий он, «надев итальянские сапоги», ошеломляет союзников быстрым и смелым наступательным движением. Шварценберг и Блюхер совершают ошибку, разделив свои силы и направившись в разные стороны: один идет к Обу и Сене, другой к Марне и Пти-Морену. Наполеон без промедления атакует сначала одного, потом другого. Он наносит подряд четыре чувствительных

поражения Блюхеру у Шампобера, Монмирайля, Шато-Тьерри и Вошане. Шварценберга, преграждающего путь к Фонтенбло, побивает при Монтере и отбрасывает на правый берег Сены. Перепуганные государи коалиции держат военный совет в Бар-сюр-Об. Король Пруссии и император Франц, вконец деморализованные, заговаривают об общем отступлении, но царь, решительный как никогда, требует, чтобы армии Блюхера был дан приказ не отступить, а двигаться на Париж и осадить его. В случае отказа союзников Александр грозит отделиться от них и все свои войска бросить на Париж. Александр неутомим в спорах с партнерами, которые, по свидетельству очевидца, рядом с ним выглядят простыми адъютантами. Александр набрасывает карандашом по-французски мысли об общем плане операции, приходящие ему в голову при обсуждении статей договора: «1. Не давать сражения при Бар-сюр-Об. 2. Блюхеру по-прежнему действовать отдельно. 3. Главным силам двигаться через Шомон к Лангру. 4. Продолжительность этих движений зависит от обстоятельств».

В конце концов все склоняются перед волей Александра. Измученная, оборванная армия Блюхера выступает по раскисшим дорогам. Потерпев поражение у Краонна, она занимает позицию у Лаона, откуда Наполеону, несмотря на упорные атаки, не удается ее выбить. Французы овладевают Реймсом, но теряют крепость Суассон, сданную трусливым и бездарным комендантом Моро, однофамильцем генерала. Падение города расстраивает стратегически превосходный план Наполеона, но силы союзников раздроблены, и движение на Париж кажется вождям коалиции чересчур рискованным. В этот момент Александру наносит визит представитель французских легитимистов барон де Витроль, тайно посланный Талейраном. Витроль передает записку, написанную

симпатическими чернилами герцогом де Дальбергом^[47] под диктовку князя Беневентского: «Вы двигаетесь как на костылях. Станьте на собственные ноги и пожелайте всего, что в ваших возможностях». Витроль уверяет, что весь Париж против Наполеона и, едва завидев на горизонте армии союзников, с радостью откроет им ворота. Но когда он заговаривает о восстановлении на троне Бурбонов после низложения корсиканского тирана, Александр его прерывает. «Если бы вы их знали, — говорит он, — вы были бы убеждены, что бремя короны им не по силам... Может быть, разумно организованная республика больше соответствовала бы духу французской нации? Не могли же идеи свободы, давно зародившиеся в вашей стране, исчезнуть, не оставив следа?» Витроль не верит своим ушам. «Император Александр, царь царей, объединившихся для спасения Европы, стоит за республику!» — восклицает он. Опомившись от испуга, он с удвоенной энергией закликает царя ускорить наступление, как можно быстрее овладеть столицей и восстановить монархию. В сущности, эти речи не так уж неприятны Александру. Его фраза о возможности республиканского правления во Франции — всего лишь словесная уступка вольнолюбивым мечтам юности, поклон в сторону Лагарпа. В основе его убеждений — монархический принцип. «Господин Витроль, — произносит он, — в тот день, когда я вступлю в Париж, у меня будет только один союзник — французская нация. Обещаю, что наш разговор будет иметь серьезнейшие последствия».

Однако в данный момент между Парижем и Александром стоит все тот же непредсказуемый, неуловимый Наполеон. 20 марта 1814 года Александр направляется в Асир-сюр-Об, где, как считают, должна решиться судьба кампании. Ранним утром он в

сопровождении брата Константина и многочисленной свиты прибывает на место, спешивается, поднимается на высоту, с которой легко обозреть поле сражения, и произносит: «Что ж, Шатийонский конгресс распущен, дипломатам указано на дверь, посмотрим, что будет дальше». Сражение из-за нераспорядительности и медлительности Шварценберга, этого чемпиона полумер, упустившего из рук победу, никому не дает перевеса. Между тем Наполеон, не веря, что союзники рискнут идти на Париж, двигается к Сен-Дизье с целью ударить в тыл союзным армиям. Но допускает промах, раскрыв свои намерения в письме к Марии Луизе. Письмо перехвачено казаками и передано Блюхеру, переславшему его Александру. Царь только что вернулся из церкви, где отслужил панихиду по отцу: ровно тринадцать лет назад Павел I был убит при молчаливом согласии сына. Мрачная годовщина. Поглощенный воспоминаниями о той трагической ночи, Александр, прочитав перехваченное послание, созывает военный совет. Австрийцы настаивают на отступлении к Рейну, чтобы уберечь арьергард армии. Царь не скрывает возмущения этой чрезмерной осторожностью. На следующий день в его руки попадает еще одно перехваченное письмо, в котором Савари уговаривает Наполеона вернуться в Париж, где роялисты готовят переворот. Теперь Александр принимает окончательное решение и собирает в мэрии городка Сомпью, где остановился на ночлег, военный совет. «Наши армии соединились. Будем ли мы преследовать Наполеона и атаковать его превосходящими силами, — спрашивает он генералов, — или пойдем прямо на Париж?» Генерал Толь считает, что в данных обстоятельствах возможно только одно решение. «Надо двигаться к Парижу форсированными маршами со всей армией, — предлагает он, — а десятитысячный кавалерийский корпус послать вслед за Наполеоном, маскируя

движение главных сил». Генерал Дибич, сделав несколько замечаний, со вздохом заключает: «Если Вашему Величеству угодно восстановить на троне Бурбонов, тогда лучше со всеми силами идти на Париж». — «Речь идет не о Бурбонах, — возражает Александр, — а о низложении Наполеона». Однако когда приходит время принять решение, он колеблется: может быть, он недооценивает опасность? Он делится своими сомнениями с князем Голицыным: «В глубине моего сердца затаилось какое-то смутное чувство ожидания, непреодолимое желание положиться во всем на Божью волю. Заседание совета продолжалось, но я на время покинул его и поспешил в свою комнату. Там колена мои сами собой подогнулись, и я излил перед Господом мое сердце». Озарение нисходит на Александра — он уверовал, что повинуется Божьей воле. Всевышний, став русским, указывает ему образ действий. Отныне прочь сомнения! Царь встает, одергивает мундир, возвращается в зал заседаний и объявляет свою волю — немедленно идти на Париж.

По окончании совета он велит подать себе коня, скачет за королем Пруссии и Шварценбергом, догоняет их, спешивается и, приказав расстелить карту прямо на земле, разъясняет свой план. Шварценберг принимает его против воли. И вот наконец армиям союзников дан приказ — двигаться на Париж, а кавалерии генерала Винцингероде — направиться к Сен-Дизье и, введя в заблуждение Наполеона, задержать его. Военная хитрость удастся. Легко опрокинув кавалерию противника у Сен-Дизье и Витри, Наполеон из перехваченных депеш узнает, к своему ужасу, что сражался не с авангардом главных сил союзников, как полагал, а с кавалерийским отрядом, посланным отвлекать его, пока армии русских и пруссаков быстрыми переходами приближаются к столице. «Превосходный шахматный ход, — восклицает он. —

Никогда бы не поверил, что кто-нибудь из генералов коалиции способен такое придумать!» И устремляется к Парижу через Труа и Фонтенбло. Но этот обходной путь требует много времени. Преимущество на стороне союзников, они становятся хозяевами положения. Между ними и столицей Франции только небольшие корпуса маршалов Мармона и Мортье, прикрывающие подходы к городу. 25 марта Шварценберг сталкивается с ними у Фер-Шампенуаз. Присутствие Александра на поле боя воодушевляет русских. Исход сражения решает конница. Пехота не делает ни одного выстрела. Режут друг друга холодным оружием. Вокруг царя и короля Пруссии идет рукопашный бой. Разгром французов очевиден. В руки союзников попадают генералы Пакто и Амэ, пять бригадных генералов, а также 75 пушек, 4800 рядовых и весь обоз. Мармон и Мортье, отброшенные к Парижу, 29 марта подходят к нему со стороны Шарантонских ворот. Вечером того же дня Александр устраивается на ночлег в замке Бонди, в нескольких километрах от Парижа.

Близость цели и воодушевляет, и пугает Александра. Он еще не осмеливается поверить в столь великий триумф. А вдруг город окажет сопротивление? А вдруг Наполеон подойдет раньше, чем город капитулирует? Если Шварценберг вечно дрожит за свои коммуникации, то царь вечно дрожит за свой престиж. Он, освободитель Европы, не должен допустить, чтобы его разбили у самых ворот Парижа. В сотый раз он взвешивает свои шансы: у него 100 тысяч человек, из которых 63 тысячи русских, против примерно 40 тысяч короля Жозефа, брата Наполеона; в это число входят потрепанные корпуса Мортье и Мармона, а также 12 тысяч национальных гвардейцев. С другой стороны, политическая обстановка сложилась не в пользу французов: Веллингтон выгнал их из Испании и занял Бордо, австрийцы уже в Лионе; в самом Париже

поднимают голову противники режима, искусно руководимые хитроумным Талейраном. Вопреки приказу своего императора, Талейран не последовал за Марией Луизой и Римским королем, покинув столицу и укrywшимися в Рамбуйе. Вот с этим изворотливым хромым и надо договариваться, заключает свои размышления Александр.

На рассвете 30 марта завязывается сражение. Пушки палят с высот Роменвилля, а к царю приводят французского пленного, инженер-капитана Пейра, атташе при главном штабе национальной гвардии. Расспросив его о настроениях парижан, Александр поручает ему передать главнокомандующему французскими войсками, что численный перевес на стороне союзников и они требуют сдать город; царь подчеркивает, что воюет не с Францией, а с Наполеоном. Полковнику Михаилу Орлову^[48] поручается как парламентарю сопровождать Пейра в расположение французов. Доверив Орлову эту миссию, царь торжественно напутствует его по-французски:^[49] «Ступайте, я даю вам право остановить огонь везде, где вы сочтете это нужным. И для того, чтобы предупредить и отвратить все бедствия, облакаю вас властью, не подвергаясь никакой ответственности, прекращать самые решительные атаки, даже обещающие полную победу. Париж, лишенный своих рассеянных защитников и своего великого мужа, не будет в состоянии противиться. Я твердо убежден в этом. Богу, который даровал мне могущество и победу, угодно, чтобы я воспользовался тем и другим только для дарования мира и спокойствия Европе. Если мы можем приобрести этот мир, не сражаясь, тем лучше; если же нет, то уступим необходимости, станем сражаться, потому что волей или неволей, с бою или

парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна ныне же ночевать в Париже».

Орлов и Пейр скачут в селение Пантен, где уже завязалась перестрелка. Тщетно оба парламентаря пытаются прекратить кровопролитие: от Венсенна до склонов Монмартра идет ожесточенный бой. Продвигаясь вперед по западной дороге вдоль Урского канала, союзники захватывают Монтрей, Бельвилль, Менильмонтан, Сен-Шомон, позже Обервиллье и Ла Виллет. С высоты Шомонского холма царь, король Пруссии, Шварценберг, Блюхер, Барклай де Толли в зрительные трубы наблюдают за наступающими по всей линии полками. На таком расстоянии трудно различать мундиры. Сражающиеся перемешались, образуя подвижные зеленые, красные, синие полосы. Сверкающие штыки прорывают дымовую завесу точно булавки. Знамена плещутся на ветру, как крылья бабочек. Монмартрский холм с его очаровательными ветряными мельницами взят приступом войсками генерала Ланжерона, французского эмигранта, перешедшего на русскую службу. У заставы Клиши маршал Монсей вместе с воспитанниками Политехнической школы строит баррикаду. Но очень скоро защитники города осознают бесплодность сопротивления атакующим, число которых непрерывно возрастает. Наконец во второй половине дня в кабачке на бульваре де ла Шапелль Мармон подписывает капитуляцию Парижа.^[50] Союзников представляют граф Орлов, граф де Парра и Нессельроде. По условиям капитуляции французские войска, находящиеся в Париже, не считаются плененными и имеют право свободно покинуть столицу. Курьеры мчатся во все концы города, разнося новость сражающимся. Одна за другой смолкают батареи. В наступающих сумерках глубокая тишина воцаряется вокруг Парижа. Из рядов

русских раздается громкое «Ура!» — Александр объезжает позиции возле Бельвилля и Сен-Шомона и поздравляет свои войска с победой.

На рассвете следующего дня в замок Бонди прибывает депутация парижского муниципалитета во главе с префектом полиции бароном Паскье. Орлов входит к царю, который принимает его, лежа в постели. «Ну, что вы привезли нового?» — спрашивает Александр. «Вот капитуляция Парижа», — отвечает Орлов. Александр берет документ, пробегает его глазами, складывает, прячет под подушку и требует подробного рассказа о происшедшем. Узнав, что Орлов встречался с Талейраном, он с улыбкой произносит: «Теперь это еще анекдот, но может сделаться историей».^[51] Затем, обессилев от волнений, закрывает глаза и еще до того, как Орлов переступает порог комнаты, крепко засыпает.

Проснувшись, Александр тщательно занимается своим туалетом, а депутация парижан ждет в соседней комнате. В этот великий день он хочет предстать перед французами во всем своем блеске. Теперь он уверен — игра выиграна. Наполеон, встретив передовые части Мармона и Мортье, которые только что оставили Париж, возвращается в Фонтенбло. Отречение тирана неизбежно.

Наконец барон Паскье и его спутники допущены к царю. Нервно шагая взад и вперед по комнате, Александр обращается к ним по-французски с удивляющей их горячностью. «У меня только один враг во Франции, — говорит он, — и этот враг — человек, который недостойно обманул меня, злоупотребил моим доверием, нарушил наши общие клятвы и начал с моим государством самую несправедливую, самую гнусную войну. Примирение между нами невозможно. Но, я повторяю, во Франции у меня только один враг. Ко всем

французам, кроме него, я отношусь благосклонно. Я чту мужество и славу храбрецов, против которых сражаюсь уже два года... Я готов отнестись к ним с той справедливостью и оказать им те почести, которых они заслуживают. Передайте парижанам, что я вступаю в стены их города не как враг и желаю лишь одного — пусть они видят во мне друга». Произнеся эту речь, царь уточняет условия занятия Парижа войсками союзников: город поставляет провиант, выделяет места для солдатских бивуаков. Александр предоставляет охрану порядка национальной гвардии и гарантирует уважение как жителям, так и их собственности. Переполняющие его чувства он изливает в письме к матери: «Если что-то и радует меня, так это поворот, которым по соизволению Божьему все завершилось: я пришел не как враг, а как друг».

Отпустив депутатов, Александр поручает Нессельроде об остальном договориться с Талейраном. Потом он принимает Коленкура, который от имени Наполеона предлагает мир на условиях, выработанных в Шатийоне. Александр высокомерно отвечает, что ни он, ни союзники не собираются вести «с этим человеком» какие-либо переговоры. Не время вести пустые разговоры в тот час, когда он готовится как победитель вступить в столицу. Конюший подводит Александру коня, которого он выбрал для въезда в Париж — это великолепная чистокровная серая лошадь по кличке Эклипс. С горечью Коленкур узнает кобылу, подаренную несколько лет назад царю от имени «человека», голос которого сегодня никто не желает слушать. Царь вскакивает в седло. Лицо его сияет благородством, добротой, счастьем. Погода великолепная. Настает исторический день. В восемь часов утра Александр трогает повода и держит путь в Париж.

Глава X

Русские в Париже

Гром приближающейся канонады не слишком тревожит парижан. Никто из жителей столицы ни на миг не может вообразить, что осажденный Париж подвергнется участи Москвы. На улицы предместья, где идет бой, стекаются группы зевак, пробравшихся через выставленные повсюду заслоны национальной гвардии. Те, кто посмелее, добираются до позиций стрелков и слушают свист пуль. Нарядные парижане прогуливаются по бульварам, заполняют террасы кафе, час за часом обсуждая ход событий. Известие о капитуляции французы, одолеваемые страхом и любопытством, встречают со вздохом облегчения.

Солдаты русской армии не питают ненависти к врагу. С того дня, как они воюют на чужой земле, они не помышляют о мести за унижение родного края. Большинство офицеров воспитаны французскими гувернерами, и Париж притягивает их, как светоч мира. Они лихорадочно готовятся вступить в этот «современный Вавилон». Ординарцы наглаживают парадные мундиры, начищают пуговицы, наводят глянец на сапоги. Под знаменами царя немало французских эмигрантов: Полиньяк, Рошешуар, Монпеза, Рапатель, Ламбер, Дама, Бутч... Этим не меньше, чем их русским товарищам, не терпится войти в Париж и снова оказаться «дома». «Мы чувствовали, что малейший наш жест войдет в историю, — пишет русский генерал Левенстерн. — Всю нашу последующую жизнь мы будем слыть особыми людьми: на нас будут смотреть с удивлением, слушать с любопытством и

восхищением. Нет большего счастья, как повторять до конца своих дней: „Я был с армией в Париже“».

Такие же мысли владеют Александром, когда он солнечным утром 31 марта 1814 года едет верхом по дороге, ведущей в столицу покоренной страны. Торжественное шествие открывает легкая конно-гвардейская дивизия во главе с казачьим полком, за ней идут кирасиры и гусары прусской королевской гвардии, затем — драгуны и гусары русской императорской гвардии. На некотором расстоянии от них едет Александр, по его левую руку — король Пруссии, по правую — князь Шварценберг, представляющий императора Франца. За ними, держа дистанцию, следует блестящая свита из тысячи генералов разных наций; среди них старшие по званию Блюхер и Барклай де Толли, возведенный накануне в звание фельдмаршала. Замыкают шествие австрийский и русский гренадерские корпуса, пехота русской императорской гвардии и три дивизиона русских кирасир.

На Александре мундир кавалергардского полка. Голубая лента ордена Святого Андрея пересекает грудь. Черный пояс стягивает стан. Тяжелые золотые эполеты расширяют плечи. Жесткий, шитый золотом воротник обрамляет лицо, кажущееся бледным под большой зеленой треуголкой, украшенной султаном из белых перьев. Он едет верхом на Эклипсе, когда-то подаренной ему Наполеоном, окидывая взглядом высыпавший на улицы народ. Жители предместий ведут себя сдержанно, боязливо, почти враждебно. Но когда минуют ворота Сен-Дени, атмосфера становится более дружелюбной. По условиям перемирия французская регулярная армия ночью покинула город, в котором осталась только национальная гвардия. Национальные гвардейцы в голубых с красными эполетами мундирах построены шпалерами на пути тех, с кем вчера

сражались. Их ряды сдерживают толпы парижан. Все окна заполнены людьми. Самые любопытные забрались на деревья, крыши экипажей, кровли домов. При приближении царя одни снимают шляпы, другие рукоплещут. Александр отвечает на приветствия, подняв руку и ласково улыбаясь. Женщины машут платками. Там и тут в окнах вывешены белые скатерти, символизирующие роялистские симпатии домовладельцев. В армии союзников столько разных национальностей и такая пестрая смесь мундиров, что, во избежание столкновений между защитниками общего дела, приказано всем, от генерала до солдата, носить знак отличия — белые повязки на рукавах. Легитимисты, а их немало среди встречающих, истолковывают белый цвет этих шарфов как проявление благосклонности к Бурбонам. Во время остановок кортежа царь беспрестанно повторяет: «Я пришел не как враг. Я несу вам мир и торговлю». Его слова тонут в рукоплесканиях. Какой-то буржуа, оттеснив национальных гвардейцев, выступает вперед и обращается к царю: «Мы уже давно ждем Ваше Величество!» Александр отвечает: «Храбрость ваших солдат помешала мне прийти раньше». В ответ раздаются возгласы: «Да здравствует Александр! Да здравствуют русские! Да здравствуют союзники!»

В эти мгновения Александр чувствует, что он прекрасен и душой, и всем своим обликом. Люди одобряют его. Бог к нему милостив. «На лице его отражалось умиление, смешанное с безмерной радостью», — замечает мадам де Шастеней. По мере того как войска продвигаются вперед по бульварам, ликование парижан возрастает. Можно подумать, что французы обрели вторую родину, и эта родина — Россия. На улицах и площадях Сен-Жерменского предместья дамы раздают прохожим белые кокарды с

возгласами: «Долой тирана! Да здравствуют Бурбоны!» Но их призывы почти никто не подхватывает.

Достигнув Елисейских Полей, царь и его свита останавливаются на главной аллее и пропускают войска союзников, проходящие перед ними церемониальным маршем. Особенно рьяные роялистки карабкаются на лошадей офицеров из эскорта императора, чтобы получше рассмотреть «Агамемнона всех народов». Царь с улыбкой показывает на них стоящим рядом. Шварценберг отвечает: «Как бы это не кончилось похищением сабинянок».

В течение пяти часов — с десяти утра до трех часов пополудни — жители французской столицы наблюдают за прохождением русских и прусских войск. Появление двадцати тысяч казаков и калмыков вызывает шепот изумления: сама Азия переселилась на Елисейские Поля! За ними проезжают четыреста пушек, оглушая зрителей грохотом колес. Денщики, объединенные в отдельные отряды и одетые у старьевщиков, увеличивают численность войска. Теперь-то парижанам ясно: имея в столице такую военную силу, союзники не испугаются Наполеона.

Еще до окончания смотра Александр выбирает резиденцию. Поначалу он предполагал остановиться в Елисейском дворце, но неожиданно его предупредили, что в погребе здания заложен порох. Неудобен и Тюильри. Александр соглашается поселиться в особняке Талейрана на улице Сен-Флорантен и, когда последние шеренги солдат скрываются из глаз, отправляется туда пешком.

В особняке Талейрана в гостиной первого этажа — «Салоне орла», окна которого выходят на угол улиц Сен-Флорантен и Риволи, начинается прием, на котором присутствуют государи России и Пруссии, Шварценберг, Талейран, герцог Дальберг, Нессельроде и Поццо ди Борго. Чуть позже приглашают к столу переговоров

барона Луи, генерала Дессоля и аббата Прадта. Верный своим заявлениям, Александр готов выслушать и обсудить любое предложение о политическом будущем Франции, будь то регентство Марии Луизы, реставрация Бурбонов, возведение на трон Бернадотта или провозглашение республики. Барон Луи, имея в виду Наполеона, восклицает: «Этот человек уже труп, только он еще не смердит». Талейран, поддерживая, хотя и с оговорками, эту точку зрения, менторским тоном объясняет, что исключает мир с Наполеоном, что «республика невозможна, регентство Марии Луизы или Бернадотт на престоле — всего лишь случайности, одни только Бурбоны олицетворяют определенный принцип». Это удачное выражение поражает Александра: ему кажется, он слышит голос самой Франции, говорящей устами князя Беневентского. Однако у него есть и возражение: на реставрацию необходимо «согласие всех французов». Талейран берется добиться поддержки Сената. Действительно, на следующий день, 1 апреля, наскоро созванные шестьдесят четыре сенатора учреждают временное правительство во главе с Талейраном. Генеральный и муниципальный советы, собравшиеся в ратуше, вотируют низложение династии Наполеона и призвание на французский трон Людовика XVIII. Курс пятипроцентной ренты, упавший до сорока пяти франков, резко подскакивает.

Вечером Александр присутствует в Опере на представлении «Весталки» и видит из ложи у своих ног великолепно украшенный и пестрящий белыми кокардами зал. В перерыве актер Лаис выходит на просцениум, кланяется царю и на мелодию популярной песенки о короле Генрихе IV поет сочиненный им куплет:

Трижды славен Александр —
Август, рыцарь и герой!

Он, Агамемнон, Царь царей,
Ничего у нас не взял,
Свой закон не навязал —
Нам в короли Бурбона дал!

Гремят аплодисменты, роялисты обнимаются, взволнованный Александр слегка склоняется в величественном поклоне. Вспоминает ли он в эти мгновения другой театр — в Эрфурте, где шесть лет назад он вызвал такую же бурю оваций, на глазах у всех пожав руку Наполеону?

В Комеди Франсез публика заставляет Тальма прочесть поэму в честь Людовика XVIII. На следующий день на улицах разносчики раздают прохожим гравюру, выполненную Ж. Л. Бенуа, с такой подписью:

Победитель, величием души наделенный,
Разум свой проявил и глубокую мудрость:
Мир возвратил он народам,
А законных монархов — французам.

На улицах мальчишки пристают к русским офицерам и, протягивая руку за милостыней, напевают:

Творец, храни царя России
И род его благослови,
Дабы и в будущем свершили
Деянья славные они!

В моду входят посредственные стишки, прославляющие оккупантов. Их читают, заведя в каком-нибудь общественном месте офицера или солдата в иностранном мундире:

Приятно мне встречать на наших берегах
России воинов суровых.
Грозны в сраженьи Севера сыны,
Но среди нас, как на родной земле,
Они добры, щедры, великодушны.
Каких друзей еще желать французам?

Сам Руже де Лилль, автор «Марсельезы», опускается до угодничества перед царем, превознося его в высокопарной и неуклюжей поэме:

Героем века будь, истории красой!
Изгнал ты с Запада зловредного тирана,
Утешь французов радостью победы,
Верни Бурбонам трон, а лилиям их блеск. [\[52\]](#)

Эта лавина славословий едва не заставляет Александра поверить, что народ Франции соединяет Романовых и Бурбонов, с равной нежностью называя эти имена. Но что замышляет Наполеон, статую которого тщетно пытался сбросить с Вандомской колонны рьяный роялист Состен де Ларошфуко? Роялиста сменил какой-то наглый субъект. Этот забрался на вершину колонны и бил бронзовую статую по лицу, поощряемый криками собравшейся внизу черни. Победенный и запертый в Фонтенбло император готовит, несомненно, ответный удар. Сенат, чтобы опередить его, объявляет его низложенным, вменив в вину «нарушение присяги, попрание прав народов, утрату богатств и населения страны...».

Александр, принимая сенаторов, пришедших объявить о низвержении бывшего властелина, требует образовать французское правительство на принципах «прочных и либеральных». Он не испытывает к

Бурбонам ни малейшей симпатии, но склоняется перед тем, что принимает за волю народа. Сразу после ухода сенаторов он принимает Коленкура, приехавшего из Фонтенбло с предложением вступить в переговоры лично с Наполеоном. Это предложение категорически отвергнуто. Пока Наполеон не подпишет отречение от престола, Александр не станет его слушать. И по обыкновению, просвещенный Провидением, повторяет, что не питает никакой личной ненависти к Наполеону, что от всего сердца жалеет его и прощает ему зло, причиненное России. Он предоставляет свергнутому суверену самому выбрать место ссылки при условии, что оно будет не во Франции и не в Италии. Более того, он предлагает ему приют в своих владениях. «Если он поедет в Россию, он будет принят, как подобает государю, — обещает он Коленкуру. — Если бы он доверился мне, то в России, а не в какой-нибудь другой стране, понял бы, какие права имеют надо мной несчастья и личность великого человека. Он неправильно судит обо мне: он сам погубил себя, против него обратилось все то зло, которое он принес Европе. Заботясь о благе наших народов, мы вынуждены принять предосторожности... но в тот день, когда все это утрясется, во мне не останется и следа злопамятства. Я открываю вам двери, выбор за вами». На деле он, увлекшись своим красноречием и предлагая Наполеону убежище в России, в мыслях держит совсем другое место ссылки — остров Эльба.

Наполеон, узнав о новом отказе вести переговоры лично с ним, решает идти ва-банк. В Фонтенбло у него 60 тысяч штыков — его гренадеры и старая гвардия, нестигаемые воины, поклявшиеся лечь костями под стенами Парижа. Политическую поддержку он рассчитывает найти у Австрии, которая поддержит его при условии регентства Марии Луизы. Он делает попытку привлечь в свою свиту прежних соратников, но

маршалам опротивела война, они не верят в победу и не желают вновь подвергать себя опасностям. 4 апреля под давлением Нея, Удино, Лефевра Наполеон пишет акт отречения в пользу сына при регентстве императрицы Марии Луизы и поручает Коленкуру, Нею и Макдональду передать Александру о своем отречении на этих условиях.

Ночью, под проливным дождем, они прибывают в Париж. Александр сразу их принимает и внимательно выслушивает предложения Наполеона. На его взгляд, преимущество регентства в том, что оно позволит, не прибегая к кровопролитию, устранить Наполеона и не оставит шанса роялистам, несмотря ни на какие их усилия, навязать ему Людовика XVIII. Здесь, в самом сердце Франции, раздираемой противоречиями, Александр снова во власти сомнений. Сколько партий в этой погрязшей в политических интригах стране: бонапартисты, легитимисты, республиканцы! Как спокойна, как едина и целостна Россия по сравнению с кипящим политическими страстями французским котлом! «Я не держусь за Бурбонов, я их не знаю, — отвечает царь посланцам. — Я передам ваши предложения союзникам и я их поддержу. Мне не терпится со всем этим покончить». И отпускает своих собеседников, которые удаляются с ощущением, что дело выиграно. Новая встреча назначена на следующий день, 5 апреля. Между тем корпус Мармона под командованием генерала Суама перешел австрийские аванпосты и построился на позициях союзников. Царь еще не уведомлен об этом, когда снова принимает Нея, Макдональда и Коленкура, уже оповещенных об измене Мармона. Переговоры возобновляются. Александр держится очень любезно. Вдруг в салон проскальзывает адъютант и что-то тихо говорит Его Величеству. Царь едва заметно вздрагивает. Новость меняет его планы. Как будто бы опять в момент, когда он колеблется и

медлит принять решение, перст Божий указывает ему правильный путь. Покинув своего властелина, Суам и Мармон доказали, что вовсе не вся французская армия верна Наполеону. В таких обстоятельствах абсурдно было бы идти на уступки. «Это решает дело», — как бы про себя произносит Александр и обращается к Поццо ди Борго: «Вы видите, так угодно Провидению, — оно явило свою волю. Нет больше сомнений, нет колебаний!» Тем не менее он откладывает окончательное решение до завтра: пора посоветоваться с Фридрихом-Вильгельмом III и Шварценбергом. Их вердикт предельно ясен: союзники «не вступят в переговоры ни с Наполеоном, ни с членами его семьи», — это требование отречения без всяких условий.

Наполеон, оставшийся в полном одиночестве, покоряется и 6 апреля подписывает акт безоговорочного отречения: «Поскольку союзные державы заявили, что император Наполеон — единственное препятствие к восстановлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что от своего имени и от имени своих наследников отказывается от престолов Франции и Италии, ибо нет такой жертвы, вплоть до жертвы собственной жизнью, которую бы он ни принес ради интересов Франции».

В тот же день на совместном заседании Сената и законодательного собрания принято решение: «Французский народ свободно призывает на трон Людовика-Станислава-Ксавье Французского, брата последнего короля». О новом монархе, после революции бежавшем в Англию, народ знает одно — он тучный добродушный подагрик. Важно другое: Людовик XVIII — это конец войне, а для большинства французов главное — мир. Что до Наполеона, то Александр проявляет глубокое сострадание к судьбе побежденного и

предлагает ему в пожизненное владение остров Эльба и два миллиона франков содержания, которое обязан выплачивать Людовик XVIII.

Пока длятся переговоры, царь постоянно ощущает присутствие Господа. В том, что столь знаменательные события происходят на Страстной неделе, он усматривает новое подтверждение божественного вмешательства в его судьбу, а совпадение в тот год дня православной и католической Пасхи^[53] воспринимает как знак божественной милости к примирившимся народам. Глубоко взволнованный, он строго соблюдает пост и ежедневно молится в устроенной специально для него часовне. Стоит ему появиться на улице, как парижане обступают его, дотрагиваются до него, выкрикивают приветствия. В конце концов он спрашивает сам себя: не его ли хотели бы видеть своим королем французы. Для присмотра за своими дорогими парижанами он назначает генерала Остен-Сакена генерал-губернатором города и дает ему трех помощников, один из них — граф Рошешуар, французский эмигрант на русской службе. Александр хочет, чтобы русские войска прониклись таким же религиозным настроением, как и их повелитель, и приказывает Остен-Сакену отдать от его имени следующее распоряжение: «Государь император надеется и уверен, что ни один из русских офицеров, в противность церковного постановления, во все время продолжения Страстной недели спектаклями пользоваться не будет, о чем даю знать войскам. А кто явится из русских в спектакль, о том будет известно Его Императорскому Величеству».

На Пасху, 10 апреля, к изумлению парижан Александр велит отправлять православную службу на площади Людовика XVI.^[54] Алтарь установлен на помосте, сооруженном на месте эшафота, где скатилась

под ножом гильотины голова Людовика XVI. Проведя смотр войск, царь и прусский король поднимаются по ступеням на возвышение, где уже собрались православные священники. Вокруг площади выстроены войска. Пехотинцы обнажают головы и преклоняют колени, кавалеристы остаются верхом, но обнажают головы и опускают сабли острием вниз. На протяжении всей церемонии Александр упивается диковинным зрелищем: в самом сердце Парижа, в двух шагах от Сены, бородатые священники, облаченные в расшитые золотом ризы, с митрами на головах, держа в руках хоругви, иконы, кадильницы, совершают торжественное богослужение, и под небом Парижа звучат русское пение и молитвы на церковно-славянском языке. Огромное стечение народа, привлеченного невиданным зрелищем, убеждает Александра, что Франции приятно все, что он предпринимает. Вспоминая этот Te Deum, [\[55\]](#) он пишет Голицыну: «Торжественной была эта минута для моего сердца; умилителен, но и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтобы в земле иноплеменников, столь недавно еще нагло наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести соборную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны Севера совершали как бы тризну по королю французском Людовику XVI. Русский царь по ритуалу православному всенародно молился вместе со своим народом и тем как бы очищал окровавленное место растерзанной царственной жертвы. Духовное наше торжество в полноте достигло своей цели... Мне даже было забавно тогда видеть, как французские маршалы, как многочисленная фаланга генералов французских

теснилась возле русского православного креста и друг друга толкала, чтобы иметь возможность скорее к нему приложиться».

Однако Меттерних, прибывший в Париж в тот же день, не замечает в Александре никаких признаков религиозной экзальтации. «Я нахожу, что русский император настроен весьма благоразумно, — докладывает он императору Францу. — Он фантазирует гораздо менее, чем я предполагал... Впрочем, он с трудом скрывает свою радость от того оборота, который приняли события, но, надо признать, и успех превзошел все ожидания». Единственный пункт в соглашении с Наполеоном вызывает возражение Меттерниха — предоставление Наполеону во владение острова Эльба. Вряд ли тиран будет там смиренно сидеть. Александр клянется, что будет. Он верит, что Наполеон никогда не нарушит обязательств, взятых им на себя перед лицом всего мира. «Сомневаться в слове солдата и государя, — вступается он за Наполеона, — значит нанести ему оскорбление!» Меттерних уступает, но, подписывая договор, говорит с иронической улыбкой наблюдающему за ним Александру: «Не пройдет и двух лет, как этот договор снова приведет союзников на поле битвы».

20 апреля в Фонтенбло происходит душераздирающее прощание Наполеона со старой гвардией; после этого он отправляется в ссылку. Великая княгиня Екатерина пишет брату из Лондона: «Примите, мой друг, поздравления по случаю великой новости — отречения Наполеона. Воображение с трудом осваивается с такой переменой. В истории нет примера столь внезапного перехода от ужасной и кровавой войны ко всеобщему миру. Здесь радость доходит до исступления, ваше имя благословляют, как оно того заслуживает: иллюминация города в вашу честь длилась три дня». Александру льстит, что его слава

дошла до берегов Англии. Он отвечает любимой сестре, в 1812 году потерявшей мужа, герцога Ольденбургского, и разъезжавшей по Европе, светской суетой заглушая свое горе: «Будь благословен Всевышний за все бесчисленные благодеяния, которые Ему угодно было излить на нас. Они превзошли самые смелые расчеты. Наконец-то великая цель достигнута, и Наполеон не тиранствует больше ни в Европе, ни во Франции. Он на пути на остров Эльба».

Тем временем жизнь русских в Париже налаживается. В тенистых аллеях Елисейских Полей казаки разбивают свой лагерь, и парижане целыми семьями ходят поглазеть на этих «азиатских дикарей», толпятся вокруг бивуачных огней, разглядывают шалаши, сооруженные из связок соломы, закрепленных на воткнутых в землю копьях. Пришельцы сушат свои пожитки на веревках, протянутых между ветвями деревьев, а их привязанные к стволам малорослые лошади глодают древесную кору. От стоянки исходит запах шерсти, сала и лошадиного навоза. Не обращая внимания на гуляющих, мужчины вычесывают вшей, играют в карты или спят, подложив под голову седло. У них бородатые, смуглые и обветренные лица с высокими скулами. Прилети они с Луны, они не возбудили бы большего любопытства. После отречения Наполеона Елисейские Поля пустеют. Отборные русские полки, оставшиеся в Париже, размещены по казармам на улицах Бабилон, Рюэйль, Гренель... Остальные расквартированы в близлежащих предместьях. Для солдат начинается суровая и однообразная жизнь. Александр, опасаясь, как бы его войска не предалась бесчинствам в городе, полном разного рода соблазнов, вводит жесткую дисциплину. Большую часть времени солдаты проводят в казармах, словно победители стали пленниками побежденных. Их плохо кормят (да и как готовить в Париже привычную русскую еду?),

заставляют приводить в порядок обмундирование и изнуряют смотрами, дабы произвести впечатление на парижан. «Государь, — пишет генерал Н. Муравьев, — был пристрастен к французам и до такой степени, что приказал Парижской национальной гвардии брать наших солдат под арест, когда их на улицах встречали, от чего происходило много драк, в которых большею частью наши оставались победителями. Но такое обращение с солдатами отчасти склонило их к побегам».

Солдаты ограждены от контактов с парижанами. Иное дело офицеры. Большинство из них имеют билеты на постой и приняты на пансион в частные дома. Поначалу их встречают прохладно, но вскоре настороженность сменяется взаимной симпатией. Завязываются дружбы, намечаются любовные интрижки. Русский мундир пользуется успехом у дам высшего общества, и двери салонов Сен-Жерменского предместья широко распахиваются перед русской знатью. На одном из приемов, устроенном графом Рошешуар, хор охотников императорской гвардии исполняет народные песни, приводя в восторг гостей-французов. Они, не вставая со стульев и не прилагая к тому никаких усилий, на мгновение словно перенеслись в чужую страну. В конце ужина хозяин дома произносит тост за возвращение Людовика XVIII. Расходятся в четыре часа утра, и великий князь Константин, присутствовавший на празднике, заявляет, что ни на одном придворном балу в России так не веселился.

Офицеры поскромнее, которым недоступны аристократические гостиные, развлекаются на свой лад: фланируют по бульварам, посещают театры, где какой-нибудь забавник смешит публику грубоватыми шутками, обедают в модных ресторанах, глазают по сторонам, сидя в кафе за чашкой кофе, или же слоняются по Пале-Роялю в поисках галантных

приключений. Самые серьезные осматривают музеи, замирают в экстазе перед витражами собора Парижской Богоматери, наведываются к инвалидам, где завязывают беседы с подозрительно посматривающими на них ветеранами, поднимаются на Монмартрский холм, чтобы полюбоваться заходом солнца, совершают поездки в Сен-Дени, Версаль, Сен-Клу, добираются даже до Эрменонвилля, где те, чье сердце чувствительно, с благоговением вызывают в памяти образ Жан-Жака Руссо. Иные наэлектризованы разного рода идеями, бурлящими во французской столице. Подхватив «французскую заразу», они вдруг загораются желанием обсудить проблемы дня с великими умами Парижа. Политические и литературные круги привлекают их больше, чем светские. Сыны самодержавного государства, они поддаются столь же опьяняющему, сколь и опасному увлечению: порассуждать о свободе с сыновьями Революции, невзирая на то, что Франция вновь стала монархией. Князь Волконский встречается с Бенжаменом Констаном и мадам де Сталь; Никита Муравьев знакомится с Сийесом и аббатом Грегуаром; Лунин наносит визит Сен-Симону. Наконец, немало офицеров царя введены во французские масонские ложи. Терпимость и свободомыслие, которые они там находят, ошеломляют их. Члены этих тайных обществ, будь они роялистами, бонапартистами или республиканцами, воодушевлены общими идеалами — человеколюбием и уважением к личности. Масоны вызывают у русских сложные чувства. Русские гордятся своим государем, но стыдятся своего государства. Они пылко любят свою родину, но краснеют за ее отсталость. Они пришли «дать урок», но оказалось, что сами в нем нуждаются.

«В отличие от русских французы не смотрят на своего монарха как на олицетворение Провидения на земле», — замечает Михайловский-Данилевский. И

клянется председателю масонской ложи в «ненависти к тиранам». Николай Тургенев, секретарь барона Штейна, на собрании масонской ложи произносит тост за освобождение крестьян в России. «Где, как не на собрании истинных масонов, — восклицает он — можно открыто высказать подобное желание? Разве идеи масонов не совпадают с идеями космополитизма и всеобщего братства?» И записывает в дневнике: «Теперь возвратятся в Россию много таких русских, которые видели, что без рабства может существовать гражданский порядок и могут процветать царства».

Русские офицеры охотно продлили бы свое пребывание в Париже, но Александр торопится покончить с французскими делами. Однако ни один документ не может быть подписан, пока Людовик XVIII не вернется в столицу. А он заставляет себя ждать. 13 апреля в Париж въезжает его посланец и брат граф д'Артуа, одетый в мундир национальной гвардии. Затем прибывает император Франц. Помпа, с которой его встречают, раздражает парижан. Они считают, что отцу Марии Луизы не подобает так явно выказывать свое торжество.

Наконец 29 апреля Людовик XVIII приезжает в Компьен. Покидая Англию, он обратился к принцу-регенту с письмом, воспроизведенном в лондонской «Таймс»: «Восстановлением моей королевской династии на троне моих предков я, после воли Божественного Провидения, более всего обязан советам Вашего королевского Высочества, Вашей славной стране и доверию ее народа». Ни единым словом он не упомянул ни русского гостеприимства, которым, будучи графом Прованским, пользовался в России, ни о потоках русской крови, пролитых в борьбе с Наполеоном. Ничему не научившийся в изгнании, Людовик XVIII словно считает все усилия союзников, предпринятые для его возвращения, само собой разумеющимися. Опасаясь,

как бы он не возбудил недовольство народа своим вызывающим поведением, Александр через своего адъютанта Поццо ди Борго передает ему письмо, в котором советует щадить чувства французской армии и даровать стране либеральный режим. «Существует воля нации, — пишет царь, — есть несколько оппозиционных партий и еще не определившиеся мнения — все их можно примирить лишь умеренностью, если только не желать новых потрясений в момент, когда общая задача — умиротворение и объединение, и честь выполнить эту задачу выпала Вашему Величеству. Ваше Величество покорит сердца всех своих подданных, если провозгласит либеральные идеи и постарается поддержать и укрепить органичные для Франции институты».

Людовик XVIII отвечает на это послание так уклончиво, что обеспокоенный Александр велит Фуше составить ноту, в которой призывает уважать двадцать пять лет славы и сохранить трехцветное знамя. Эту ноту он сам везет в Компьен. Его принимают с оскорбительной холодностью. Не вставая с кресла, наследник трона Людовика Святого, лопаюсь от жира и спеси, указывает на стул главе дома Романовых. Он слушает царя рассеянно и вдруг, оставив свою сдержанность, произносит несколько слов о том, какое благо для Франции возвращение законного государя. Позже, направляясь в отведенные ему покои, Александр проходит через великолепно убранные апартаменты, приготовленные для графа д'Артуа, герцога Ангулемского и герцога Беррийского, и по темным коридорам и узким лестницам добирается до скромных комнат управляющего дворцом, предназначенных для императора всея Руси. Александр, намеревавшийся переночевать в Компьене, приказывает подать экипаж, как только он встанет из-за стола. В столовую Людовик XVIII входит первым и, когда слуга подносит блюдо

царю, пронзительно кричит: «Мне первому!» Александру ясен урок: ему умышленно дают почувствовать, насколько «наихристианнейший король», легитимный монарх династии Бурбонов выше и его самого, и его побед. «Людовик XIV, — заметит позже Александр, — не принял бы меня так в Версале даже в год своего высшего могущества. Можно подумать, что не я ему, а он мне вернул корону. Его прием был точно ушат холодной воды на голову... Мы, северные варвары, учтивее принимаем гостей у себя дома». И на другой день одному из собеседников, выразившему надежду, что Бурбоны вернулись во Францию, «исправившись от своих ошибок», отвечает: «Неисправившиеся и неисправимые, — и добавляет: — Эти люди здесь не удержатся».

Тем не менее он вынужден против воли привыкать к этой величественной туше. При одном условии: перед вступлением в Париж Людовик XVIII должен принять конституцию, одобренную Сенатом и устанавливающую нечто вроде парламентской монархии по английскому образцу. Но король, опираясь на принцип легитимизма, 2 мая в Сент-Уане оглашает манифест, в котором отвергает выработанную Сенатом конституцию и обещает от своего имени даровать народу представительное правление и основные гражданские права. Это устраняет любую форму абсолютизма, но уничтожает идею народного суверенитета, несовместимого с династической идеей. Манифест будет подкреплён не конституцией, а Хартией, пожалованной подданным от имени короля и датированной девятнадцатым годом его правления (начиная со смерти в Тампле Людовика XVII). Александр удовлетворяется этим решением, раз оно устраивает и трон, и улицу.

3 мая, на следующий день после провозглашения Сент-Уанского манифеста, Людовик XVIII въезжает в

Париж, украшенный белыми знаменами и картонными эмблемами с изображением белых лилий. Толпа приветствует сидящего в коляске грузного старца, который время от времени слегка приподнимает свою огромную треуголку. Военный губернатор города Остен-Сакен из деликатности приказал, чтобы в этот день ни один солдат или офицер не появлялись на улицах в мундирах союзных армий. Роялисты встречают короля манифестациями, но Людовик XVIII отнюдь не возбуждает народного восторга, которым наслаждается во французской столице Александр. Водворившись во дворце Тюильри, король, к своему неудовольствию, со всех сторон слышит хвалы русскому государю и в насмешку называет его «королек Парижа». Александру, переселившемуся в Елисейский дворец, противен новый французский монарх, внушающий ему одно лишь презрение. Он почти сожалеет о падении Наполеона, которого ненавидел, но которым и восхищался. Когда поднимается вопрос — в весьма осторожной форме — о возможности брака между его сестрой, великой княжной Анной (именно ее хотел взять в супруги французский император) и герцогом Беррийским, он возражает, не желая связывать дом Романовых с семьей Людовика XVIII, ибо не находит его трон достаточно прочным.

Наоборот, он подчеркнуто внимателен к близким Наполеона. Слово разум повелевает ему способствовать реставрации Бурбонов, в то время как чувство привязывает к памяти павшего врага. Он наносит визит вежливости в Рамбуйе, временную резиденцию Марии Луизы, но особую предупредительность проявляет к Жозефине. Каждый день он навешает в Мальмезоне первую супругу Наполеона. Желание понравиться женщине, обворожившей «великого человека», воспламеняет его воображение, подогревает тщеславие, и он пускает в

ход все свое обаяние. Он также настойчиво ухаживает за дочерью Жозефины королевой Гортензией, чьи голубые глаза, прелестные ножки и прошлое, овеянное любовными победами, ценит весьма высоко. В приливе любезности он, вздыхая, признается: «Я ехал в Париж с враждебным чувством к вашей семье, но, оказавшись в ее кругу, обрел радость жизни», — и добивается для нее у Людовика XVIII титула герцогини де Сен-Лье. К Жозефине он относится нежно, но почтительно. Однажды вечером, когда он прогуливался вместе с ней по парку Мальмезона, ее охватывает лихорадка. В бальном туалете, разгоряченная танцами, она вышла подышать свежим воздухом и простудилась. 29 мая она умирает. Царь бодрствует всю ночь в соседней комнате во время ее агонии. Он присутствует на ее похоронах в сопровождении многочисленной свиты и приказывает отряду русской гвардии салютовать в честь покойной.

Поскольку Франция сама выбрала в государи Бурбона, он считает необходимым объединить вокруг нового монарха и тех, кто служил прежнему режиму, иначе, полагает он, в стране воцарится хаос, а равновесие в Европе нарушится. Несмотря на личную неприязнь к Людовику XVIII, он старается сплотить вокруг нового короля сторонников бывшего императора. Он не скупится на похвалы побежденным маршалам и танцует с их супругами на светских приемах. Его личный авторитет чрезвычайно возрастает. Легитимисты прославляют его за помощь в реставрации Бурбонов, бонапартисты — за уважение к памяти поверженного кумира. В то время как старый король безвыходно сидит в Тюильри, Александр почти каждый день прогуливается верхом, без эскорта, отвечает на приветствия гуляющих, посещает общественные учреждения, справляется о положении больных в госпиталях, объезжает Елисейские Поля и осматривает поврежденные казаками лужайки и

деревья, дабы возместить причиненный ущерб, произносит глубокомысленные речи, но умеет и отпустить острое словцо, которое тотчас подхватывают парижские газеты. Какому-то прохожему, обратившемуся к нему со словами благодарности за приветливость, с которой русский самодержец относится к любому человеку, царь отвечает: «Разве не в этом долг государей?» Рассматривая статую Наполеона на вершине Вандомской колонны, он произносит: «Если бы я стоял так высоко, то боялся бы, как бы у меня не закружилась голова». Когда ему предлагают переименовать Аустерлицкий мост, он возражает: «Нет, хватит и того, что я перешел этот мост с моей армией».

Он в высшей степени милостиво принимает депутацию Института. В салоне мадам де Сталь, только что вернувшейся из эмиграции в Париж и с головой погружившейся в политику, он открыто высказывается в защиту мира и свободы. Он снисходительно рассуждает о низкопоклонничестве французской прессы и к величайшему изумлению соотечественников заявляет, что уж русская-то печать совершенно свободна. И своим мелодичным голосом обещает мадам де Сталь: «С Божьей помощью крепостное право будет уничтожено еще в мое царствование». А в разговоре с Лафайетом решительно высказывается против работорговли. Мадам де Сталь, до слез взволнованная, пишет: «Я от всего сердца желаю осуществления всего того, что дано свершить человеку, который представляется мне чудом, ниспосланным Провидением для спасения свободы, со всех сторон подвергающейся опасности». Канцлер Паскье в свою очередь отмечает: «Император Александр становится очень популярным. Все исходит от него, все вертится вокруг него. Его союзника, короля Пруссии почти не замечают; его мало видят, он редко показывается в публичных местах и держится робко,

предпочитая оставаться в тени». Сам Шатобриан, так уязвленный в своем патриотизме при вступлении в Париж союзников, теперь хочет встретиться с Александром. Позже он напишет: «Ошеломленный и униженный, как если бы меня лишили имени француза и заменили его номером сибирского каторжника, я чувствовал, как душа моя наполняется яростью против человека, который ради собственной славы довел нас до такого позора». Эту свою неистовую ярость он излил в памфлете «О Буонапарте и Бурбонах», который, полагает он, дает ему право быть с почетом принятым Александром. Запомня, что уже видел себя «каторжником в сибирских рудниках», он возлагает огромные надежды на личную встречу самого великого писателя и самого великого монарха. Но Александр не оправдывает его надежд, выказав крайнюю сдержанность. Вместо ожидаемых восхвалений Шатобриан слышит от него назидательные речи о том, что литераторы не должны вмешиваться в политику. Верный избранной им линии великодушного отношения к павшему врагу, царь не прощает французскому автору того, что он обрушил свои филиппики на самого знаменитого из побежденных монархов, чем вновь ублажает сердца бонапартистов.

Тем временем статуя Наполеона снята наконец с Вандомской колонны и заменена белым знаменем, которое будет развеваться там до тех пор, пока туда не водрузят статую Мира. Дипломаты, вырабатывая принципы этого мира, трудятся уже несколько недель. 30 мая 1814 года подписан мирный договор с Францией, согласно которому она возвращается в границы 1792 года. Национальная гордость французов жестоко уязвлена. Уступки Талейрана союзникам расцениваются как скандальные. Поговаривают, что Людовик XVIII «вернулся в обозе союзников». Однако, с точки зрения дипломатов, Франция несколько не ущемлена

победителями. Благодаря энергичному заступничеству Александра, она освобождалась от выплаты контрибуций и возмещения ущерба. Кроме того, вопреки желанию Штейна, царь не согласился передать Пруссии Эльзас и крепости на Рейне, и они сохранились за Францией. Наконец, проявляя благородное бескорыстие, Александр решил, что художественные ценности, захваченные в военных походах как трофеи, должны остаться у побежденных. По его мнению, на берегах Сены все эти шедевры более доступны обозрению европейцев, чем в любом другом месте. Приближенные Александра находят его благожелательность к Франции чрезмерной, а территориальные приобретения России в обмен на страдания народа и пролитую кровь ничтожными. В действительности же Александр широко вознагражден за счет Польши и рассчитывает осенью, на конгрессе в Вене, добиться от союзников официального признания присоединенных им ранее новых территорий. Пока что он остерегается раскрыть свои карты и обольщает поляков разнообразными проявлениями дружбы и цветистыми речами. Прибыв в Париж, Чарторыйский встречает у царя братский прием, напомнивший дни их юности. Александр разрешает польским полкам, оставшимся до самого конца верными Наполеону, возвратиться в Польшу «под бой барабанов», «с оружием и всеми знаменами». В главнокомандующие прочат великого князя Константина. На вопрос генерала Сокольницкого, позволено ли будет польским войскам сохранить национальную кокарду, Александр отвечает: «Да, и, надеюсь, вы будете носить ее с уверенностью, что сохраните ее навсегда. Правда, мне еще предстоит преодолеть немало трудностей, но я принимаю вас, здесь в Париже, и этого довольно. Я предаю забвению прошлое и, хотя имею право жаловаться на многих лиц вашей нации, хочу все

забыть. Я знаю: вы храбры, и честно несли вашу службу». А депутаты польских офицеров он говорит: «Две соседние нации, близкие по своему языку и обычаям, объединившись, должны полюбить друг друга навсегда». На обеде у генерала Крассинского он поднимает тост за здоровье «храброй польской нации». На балу у княгини Яблоновской он спрашивает у Костюшко, бежавшего во Францию после раздела Польши, не хочет ли он вернуться на родину. Старый бунтарь отвечает, что вернется на родину только тогда, когда она будет свободной. При этих словах царь ангельски улыбается и говорит громко, чтобы его слышали стоящие вокруг офицеры: «Господа, надо урегулировать дела так, чтобы этот благородный человек мог вернуться на родину». А свои истинные мысли высказывает Лагарпу: «Как порядочный человек может отказываться вернуться на родину? Если бы я был поляком, я бы поддался искушению, перед которым они устояли. Мое намерение состоит в том, чтобы вернуть их отечеству все земли, какие только смогу, даровать им конституцию, расширяя их свободы по мере того, как будет возрастать мое к ним доверие». Простодушный Лагарп, взволнованный этими словами, поверяет одному из друзей: «Эти слова все еще звучат в глубине моего сердца, и мне нравится повторять их перед его портретами и бюстами».

Александр, по видимости столь покладистый, умеет, по выражению Беньо,^[56] когда надо, «говорить наполеоновским языком»: «Приказ отдан — действуйте!» Так как Людовик XVIII медлит обнародовать обещанную подданным Хартию, царь доводит до его сведения, что союзные войска не покинут столицу, пока это обязательство не будет выполнено. Король нехотя назначает на 4 июня торжественное оглашение Хартии.

Какое будущее ждет Францию? Александр настроен скептически: по его убеждению, трон, «установленный на обломках революции», не может быть прочным. С другой стороны, его разочаровывает и раздражает Талейран. Выставляя напоказ свою преданность царю во время вступления русских войск в Париж, князь Беневентский сумел, по прошествии нескольких недель, занять независимую позицию. Поццо ди Борго так характеризует его в письме к Нессельроде: «Этот человек ни на кого не похож, он вредит, улаживает, интригует, управляет, тысячу раз на дню меняя средства. Его интерес к другим людям пропорционален пользе, которую он имеет от них в данный момент. Даже степень его учтивости зависит от тех изменений, которые происходят в течение дня». После периода увлечения французским дипломатом Александр обращается с ним холодно, отказывается ему в прощальной аудиенции и нелестно отзывается о нем: «Этот человек принесет в жертву своему честолюбию и родину, и друзей».

Талейран, зная об отношении к нему царя, пишет ему, рассыпаясь в любезностях: «Я не видел Ваше Величество перед Вашим отъездом и я осмеливаюсь упрекнуть за это Ваше Величество со всей искренней почтительностью, которую может позволить себе самая нежная привязанность... Я давно предугадывал Ваше предназначение и чувствовал, что смог бы, оставаясь французом, принять участие в ваших планах, ибо они всегда были благородными. Вы полностью исполнили свое особое предназначение... Вы спасли Францию, Ваше вступление в Париж ознаменовало конец деспотизма... Пережив подобную бурю, кто может похвастаться, что за такое короткое время понял характер французов?.. Французы вообще всегда были и всегда будут легкомысленными... Эта изменчивость

скоро побудит их облечь своим доверием нового суверена: наше доверие они обманут».

Покинув Париж накануне провозглашения Хартии, одобренной Сенатом и Законодательным корпусом, Александр держит путь в Лондон, оставив о себе память как о просвещенном монархе, человеке тонких чувств и благородной души. Вспоминая о пребывании царя в столице, Шатобриан пишет: «Он, по-видимому, сам был удивлен своим триумфом; он смущенно вглядывался в лица парижан, как будто признавал их превосходство над собой; кто знает, быть может, оказавшись среди нас, он ощущал себя варваром, подобно римлянину, который, побывав в Афинах, устыдился самого себя. Быть может, ему приходила мысль о том, что эти же самые французы заняли и сожгли его столицу и что его солдаты в свой черёд стали хозяевами Парижа, в котором наверняка отыскалось бы немало обуглившихся факелов, пламя которых испепелило Москву. Мысли о внезапных поворотах судьбы, об изменчивости фортуны, о тщете усилий как народов, так и их земных владык должны были глубоко поразить его религиозный ум».

И в самом деле, длительная война, когда отчаяние сменялось надеждой, кровопролитные сражения — хитросплетениями дипломатических интриг, триумфальные арки — горами трупов, сверкание люстр на придворных балах — бивуачными огнями, сильно повлияла на характер Александра. Для поверхностных наблюдателей лицо Александра по-прежнему прекрасно, осанка величественна, речь отточена. Внешний облик остался неизменным, но в душе совершался переворот. После пережитых потрясений изнеженный внук Екатерины II, прилежный ученик Лагарпа, юный царь-либерал, которого при вступлении на трон приветствовали как «порфиноносного ангела», незаметно для окружающих превратился в человека

глубоко и искренне верующего, но не обретающего в своей вере утешения. Уступая обольщениям славы, он чувствует временами всю тщету человеческого величия. Он не в силах отказаться от удовольствия повсюду принимать восславления и почести, но душу его переполняют печаль и тоска. Иногда ему кажется, что нет такой земной награды, которая утолила бы терзающую его жажду Абсолюта.

3 июня 1814 года он покидает Париж с надеждой, что путешествие подарит ему радость: в Лондоне его с нетерпением ждет сестра Екатерина, предсказавшая, что в Англии его личный успех будет еще больше, чем во Франции. «Есть ли еще в истории монарх-завоеватель, характер которого превозносился бы и как образец добродетели? — пишет она ему. — Необыкновенно приятно слышать все то, что о Вас говорят и, воздав хвалу, добавляют: „Все это ничто, надо знать его душу“. Не браните меня, я Вам это передаю потому, что просто задыхаюсь от восторга. Увидите сами, преувеличиваю ли я».

После отъезда царя полки союзников один за другим также покидают Париж. Их уход проходит незаметно, как будто войско отправилось на очередные маневры. После двух месяцев оккупации французы остаются один на один со своим королем, уже дискредитированным в общественном мнении промахами вернувшихся во Францию эмигрантов.

Глава XI

Венский конгресс

Высадившись в Дувре, Александр с удовлетворением отмечает, что англичане увлечены им не меньше, чем французы. Толпа встречает его громкими восклицаниями, выпрягает лошадей из коляски, в которой Александр сидит с королем Пруссии, и везет экипаж на себе по улицам города. Так же ли горячо, как английский народ, встретит его английское правительство? В Париже Александр столкнулся с отрицательным отношением английских дипломатов к его видам на Польшу и надеется, что, приехав в Лондон, сумеет переубедить принца-регента и общественное мнение, и англичане предоставят ему свободу действия на славянских землях. По обыкновению, он полагает, что его собственное обаяние и Божья воля принесут ему удачу и в этом деле.

Политические круги Лондона оказались более расколотыми, чем предполагал Александр. Его сестра Екатерина, сумасбродная, порывистая и властная, не снискала благосклонности чопорного английского двора и с досады сблизилась с оппозиционной регенту партией вигов. Вовлеченная в интриги, опутавшие королевскую семью, она привлекла на свою сторону лорда Грея и лорда Голланда, яростных противников находившейся у власти партии тори, чем возбудила крайнее неудовольствие регента.

Встреча брата и сестры прошла во взаимных изливаниях нежности и восхищения. Александр далек от того, чтобы порицать Екатерину, неосмотрительно впутавшуюся в политические интриги, и оправдывает ее. Разве в Париже он сам не выдавал себя за

поборника либеральных идей? Разве не он вынудил Людовика XVIII даровать народу Хартию? Он и в Лондоне будет таким же, как в Париже: прослышет государем свободного образа мыслей. В Сент-Джеймском дворце для него приготовлены апартаменты, но Екатерина уговаривает его отказаться от них и устроиться более просто, у нее в Пултней-Хаузе. Она уверяет, что, отклонив гостеприимство официального Лондона, Александр завоеует симпатии народа, который ненавидит регента и оценит жест царя. И действительно, прибыв в Пултней-Хауз, царь признает, что сестра все рассчитала правильно. Восторженная толпа собирается перед домом, когда он ждет визита принца-регента. Раз двадцать он выходит на балкон и легким поклоном отвечает на овации лондонцев. Однако знатный гость не торопится. Наконец по истечении трех часов царю сообщают, что Его Королевское Высочество не рискует показаться в этом густонаселенном квартале, где его присутствие может «вызвать волнение». Екатерина торжествует. Александр, посмеявшись над этим приступом малодушия принца-регента, первым наносит ему визит в его резиденции Карлтон-Хауз и возвращается оттуда, окончательно уверовав в непогрешимую проницательность сестры.

Как и сестра, он встречается с известными вигами и, желая удивить их своим либерализмом, просит главу вигов лорда Грея представить ему записку «О создании оппозиции в России». После аудиенции его несколько озадаченный собеседник спрашивает у Меттерниха: «Неужели царь намерен созвать в России парламент? Я бы весьма поостерегся побуждать его к этому, но, если он его созовет, ему не придется создавать оппозицию — она не замедлит образоваться сама». Разумеется, вопрос об этой гипотетической оппозиции больше не поднимался. Есть проекты, которые приносят

некоторую выгоду, не будучи реализованы, — такова поэтика политики.

Между тем Александр принимает видных предводителей квакеров, обсуждает с ними религиозные проблемы, разделяет их поклонение Христу в духе и приглашает их в Петербург. Он также встречается с самым авторитетным в Европе философом и правоведом Джереми Бентамом и советуется с ним о возможности пересмотра российского законодательства. В Оксфорде, на церемонии вручения ему диплома *honoris causa*,^[57] он огорчается, что не держал диспута. Ректор возражает: «Государь, вы выдержали такой диспут против поработителя народов, какого не выдерживал ни один доктор права в мире». Поддерживая свою популярность у лондонцев, Александр часто прогуливается верхом в Гайд-Парке, надев английский мундир, и легкими поклонами отвечает на рукоплескания своих почитателей. Вместе с сестрой он посещает Вестминстер, приют Сен-Поль, Гринвич, Королевскую биржу, Британский музей и присутствует в Аскоте на скачках. Вечера посвящены банкетам, балам, парадным приемам. Лорд Каслри и лорд Ливерпуль устраивают в его честь обеда. Лорд Грей и герцог Devonshire, вожди оппозиции, следуют их примеру. Принц-регент не появляется на светских собраниях, устраиваемых вигами, где Александр частый гость. «Появление императора производило магический эффект, — вспоминает княгиня Ливен. — Его везде встречали радостными восклицаниями, что было крайне унижительно для регента. Он был раздражен и глубоко уязвлен и в конце концов стал видеть в Александре соперника». Пригласив Александра на смотр в Гайд-Парке, регент умышленно прибывает туда с часовым опозданием. Александр в ответ заставляя два часа

ждать себя на приеме во дворце и, оправдываясь перед разъяренным регентом, признается, что задержался у лорда Грея — самого непримиримого из лидеров оппозиции. Когда Эгерия вигов леди Джерсей приглашает Александра на бал 15 июня, регент нарочно удерживает его в Оксфорде, чтобы он попал в Лондон только 16-го. Александр возвращается в Лондон в три часа утра, быстро переодевается, на рассвете появляется на балу у леди Джерсей и до пяти часов утра танцует scotchreel^[58] — быстрый шотландский танец. Как всегда, в нем прекрасно уживаются порывы к великим свершениям и жажда внешнего блеска, сколь бы этот блеск ни был обманчив. Александр поддается впечатлению, что, наслаждаясь светскими успехами из духа противоречия регенту в Лондоне, как и Людовику XVIII в Париже, он завоевывает симпатии народа.

Однако политика делается при дворе, а не на улицах, и пока царь красуется перед лондонской публикой, за его спиной Каслри и Меттерних сговариваются совместно дать отпор не слишком завуалированному намерению России завладеть Польшей.

Впрочем, мало-помалу увлечение лондонцев Александром ослабевает. Всеобщее внимание переключается на фигуры более колоритные. Теперь общий кумир — воинственный вождь партизан казачий атаман Платов, разъезжающий по улицам английской столицы в окружении бородатых всадников с горящими как уголь глазами. По множеству неуловимых признаков царь угадывает, что его звезда закатывается не только при дворе, но и в английском обществе. Это явно обнаруживается на грандиозном банкете, данном в Гилдхолле, лондонской ратуше, где присутствует 700 приглашенных во главе с императором России, королем Пруссии и принцем-регентом. Ужин, поданный на

золотой посуде, проходит в угрюмом молчании. Итальянские певцы стараются развеселить гостей, но великая княгиня Екатерина, которая не выносит музыки, резко приказывает артистам замолчать. Тугой на ухо Александр не сразу понимает, из-за чего смущенно перешептываются его соседи по столу. Неожиданно он решает покинуть эту опрятную, холодную и чопорную страну. 26 июня он отплывает из Дувра в Кале, пересекает Голландию под радостные крики жителей и прибывает в Брухзаль, город на Баденской земле, где после полуторагодовой разлуки встречается со своей супругой. В Брухзале собралась вся Баденская фамилия. Императрица Елизавета, сдержанная и гордая, недавно отклонила приглашение супруга приехать к нему в Париж. «Я была бы счастлива, если бы могла в Париже видеться только с членами королевской семьи и с теми, кто всегда сохранял им верность, — пишет она. — Но мне пришлось бы появляться в смешанном обществе, среди людей, которых я презираю, а я бы не смогла скрыть своих чувств. Наконец, я побаиваюсь предстать перед разношерстной, любопытствующей и испорченной публикой Парижа».

В тихом немецком городке в Брухзальском замке царь отдыхает душой, проводя время в беседах с Лагарпом, бароном Штейном и несколькими близкими ему людьми. После шумных лондонских торжеств он наслаждается простыми радостями. Но и в этом уединении его разыскивают искусители славой. Депутация из четырех высокопоставленных русских прибывает в Брухзаль и просит его от имени Сената, Священного Синода и Государственного совета принять наименование «Благословенный», позволить воздвигнуть в Петербурге в его честь монумент и выбить медаль с надписью «Великодушному держав восстановителю от признательной России». Но если в

Париже и Лондоне Александр с видимым удовольствием позволял воздавать себе почести, то здесь он их отклоняет. Как будто успех в Англии и Франции — всего лишь безделка, тогда как поклонение русского народа стало бы непосильной тяжестью для него, носителя российской короны. Как будто он боялся, согласившись принять знаки признания его заслуг, оскорбить Бога своим самодовольством. Как будто грех суетности и гордыни, в который он впал в Европе, превратился бы в смертный грех в России.

Шишкову, растерянному, не знающему, как объяснить народу отказ царя и умоляющему его не разочаровывать нацию, он велит составить ответ в неопределенных выражениях и без исправлений подписывает его: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам! Да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю оный! Да благоденствует Россия, и да будет надо мной и над нею благословение Божье».

Итак, не будет ни статуи, ни медали, но прозвище, которое звучит так приятно для слуха, навсегда сопряжется в памяти народной с личностью освободителя отечества. Страшась апофеоза, который ждет его в России по возвращении, Александр пишет губернатору Петербурга: «Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их еще мене приличными ныне. Един Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед Ним все мы должны смиряться. Объявите повсюду мою непреклонную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делать».

В Петербурге городские власти, приготовившие государю пышную встречу, поспешили отменить

празднества и разобрать триумфальные арки. 13/25 июля, ранним утром, без свиты и без фанфар, Александр въезжает в свою столицу и сразу направляется в Казанский собор, где служит благодарственный молебен. Всех, кто его видит, поражает его угнетенный вид. Несомненно, он пресыщен славой и, достигнув вершины земного величия, мучается от того лишь, что ему нечего больше желать. Сознание тщетности самых благородных человеческих деяний подрывает его душевную энергию, но приближает к Богу. Тем не менее спустя несколько дней он дает согласие почтить своим присутствием празднество, которое с большой помпой устраивает в Павловске в Павильоне роз по случаю возвращения победителя его мать. Он появляется хмурый, сдержанный, рассеянный. Хор исполняет в его честь кантату на слова поэта старца Державина:

Ты возвратился, благодатный,
Наш кроткий ангел, луч сердец!

Вместо того чтобы поблагодарить автора, Александр делится с ним своими заботами: страна разорена, города в развалинах, финансы расстроены. Предстоит трудная работа, ему нужны надежные сотрудники. И он возвращает на службу несокрушимого Аракчеева, некоторое время бывшего не у дел и жившего в своем имении Грузино. «Пора, кажется, нам за дело приняться, — пишет он ему, — и я жду тебя с нетерпением». Александр увольняет государственного канцлера, почтенного старца графа Румянцева и заменяет его своим адъютантом, графом Нессельроде; на место давно хворавшего Шишкова назначает А. Н. Оленина; смещает губернатора Москвы графа

Ростопчина, всегда раздражавшего его своим фанфаронством.

Перед уходом от дел Шишков, по поручению императора, составляет благодарственный манифест к русскому народу за участие в Отечественной войне. Александр читает проект и резко возражает: с одной стороны, автор, перечисляя сословия, назвал дворянство *раньше* армии, что явно несправедливо по отношению к доблестному русскому воинству, совершившему столько подвигов; с другой стороны, автор осмелился написать, что между помещиками и крепостными издавна существует добрая связь, «на обоюдной пользе основанная». Ни то ни другое царь одобрить не может. Шишков переделывает текст документа в соответствии с требованиями государя, но замечает: «Несчастное в государе предубеждение против крепостного права в России, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка внушено ему было находившимся при нем Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, языка, нравов, словом, от всего русского».

Манифест оглашается 30 августа 1814 года, и через два дня Александр уезжает из Петербурга в Царское Село, а оттуда едет в Вену, на конгресс. Уже садясь в коляску, он посылает записку Аракчееву: «Прощай, любезный Алексей Андреевич, я проработал насквозь всю ночь и еду сейчас».

По дороге в Австрию он заезжает в имение Чарторыйских Пулавы, уверяет владельцев, что предпочитает это место всем другим, целует руку вдовствующей княгине, называет ее «маман», а ее взволнованным монаршей лаской сыновьям заявляет: «У Польши три врага: Пруссия. Австрия и Россия, и один друг — это я!» И по-прежнему ничего не пообещав,

уезжает среди ночи, оправдываясь тем, что должен мчаться, «точно курьер».

25 сентября 1814 года он въезжает в Вену вместе с королем Пруссии и останавливается в императорском дворце Хофбург. Свои мысли о предстоящих переговорах он наскоро набрасывает по-французски: «России — герцогство Варшавское. В крайнем случае соглашусь уступить Пруссии Познань до линии, проведенной от Торна до Пейзерна и оттуда по реке Просне до границы Силезии и от Кульмского округа до Древенца, за исключением Торнского округа». И так обосновывает свои притязания: «Будет только справедливо вознаградить моих подданных за все принесенные ими жертвы и навсегда оградить их от нового вторжения, обезопасив границы». При этом он вовсе не предполагает просто аннексировать Польшу. Он хочет, чтобы Польша, увеличенная за счет территорий, отданных Пруссии и Австрии по разделу, стала самостоятельным королевством, а он сам — его королем. В этом случае Польша, не войдя в состав России, находилась бы под ее охраной. Она была бы связана с Россией особой государя. Она приобрела бы географическую, а не политическую автономию. Две славянские страны, объединенные под одним скипетром, — разве это не разумно? Австрии, в обмен на ее уступки, достались бы «север Италии до Тессина, озеро Маджоре, Венеция, Тироль, Страсбург, Энневиртель и Долмация». Пруссия получила бы в возмещение остатки Саксонии, большая часть которой отошла бы к Веймарскому и Кобургскому домам.

Но такой расклад никого не устраивает, и с самого начала переговоров Александр наталкивается на решительный протест не только Австрии и Англии, но и Франции. Да, Франции! К изумлению царя, вчерашний побежденный осмеливается перечить ему устами Талейрана. Едва появившись в Вене, Талейран из

смирненного просителя превращается в равноправного партнера. Он сумел, по его собственному выражению, «усесться на почетное место за столом переговоров». На первой же аудиенции у царя Талейран позволяет себе дерзкий, граничащий с наглостью тон. Обсуждая выводы, которые каждая из представленных на конгрессе наций надеется получить по новому договору Александр говорит:

— Я сохраню за собой все, чем владею.

— Ваше Величество соизволит сохранить за собой лишь то, что будет вам предоставлено на законных основаниях, — возражает Талейран, втягивая голову в высокий воротник. При этом углы его рта опускаются, и на лице появляется гримаса холодного презрения.

— Я действую в согласии с великими державами, — отвечает Александр.

— Мне неизвестно, включает ли Ваше Величество Францию в число великих держав, — вкрадчиво произносит Талейран.

— Да, разумеется. Но если вы не хотите, чтобы каждый исходил из своих интересов, то чем вы руководствуетесь?

— Я ставлю право выше выгоды.

— Европа имеет право на выгоды.

— Этот язык не ваш, государь, он вам чужд, ваше сердце отвергает его.

— Нет, — обрывает Александр. — Повторяю, Европа вправе рассчитывать на выгоды.

— Европа! Европа! Несчастливая Европа! — горестно стонет Талейран и в притворном отчаянии ударяется головой об стену.

Когда Александр выражает недовольство теми, кто «изменил общему делу Европы», подразумевая короля Саксонии, он слышит в ответ от «этого француза»: «Государь, он уступил силе обстоятельств, в которых может оказаться каждый». Не ядовитый ли это намек

на позицию русских в Тильзите? Александр смертельно бледнеет от оскорбления. А суть дела в том, что Талейран не желает допустить превращения Польши в вотчину России. На его взгляд, это создало бы большую и неминуемую «опасность для Европы и, если исполнению этого плана можно воспрепятствовать лишь силой оружия, следует, не колеблясь ни минуты, прибегнуть к нему. С другой стороны, он не желает и усиления Пруссии, а это случится, если ей отойдет часть Саксонии. Лорд Каслри готов согласиться, самое большее, на создание Польского королевства, но без его династического союза с Россией. Меттерних считает, что восстановление Польши под скипетром царя не позволит Австрии сохранить за собой Галицию, а чрезмерное усиление России нарушит политическое равновесие в Европе. Александр в одиночку яростно борется с тремя дипломатами — французом, англичанином и австрийцем. Он опирается на группу из семи советников, только один из которых — граф Разумовский — коренной русский; другие — три немца, поляк, корсиканец и грек. Такое разнообразие национальностей тешит тщеславие царя: он — единственный интернационалист среди европейских государей! В дискуссиях он неутомим. Он кричит Талейрану: „Я полагал, что Франция мне кое-чем обязана. Вы постоянно твердите мне о принципах, но ваше общественное право для меня пустой звук. Я и знать не хочу, что это за право. Все ваши пергаменты и трактаты для меня ничто. — И заключает: — Король Пруссии будет королем Пруссии и Саксонии, как я буду императором России и королем Польши. От уступчивости Франции в двух этих пунктах зависит моя уступчивость во всем, что может ее интересовать“. Выходя из зала заседаний, Александр раздраженно замечает: „Талейран разыгрывает здесь министра Людовика XIV“».

Меттерних тоже выводит его из терпения, и однажды Александр надменно обрывает его: «Вы единственный человек в Австрии, позволяющий себе мне противоречить». В другой раз, бросив на стол шпагу, он вызывает австрийского министра на дуэль. Император Франц озадачен тем, что монарх милостью Божьей снисходит до поединка с простым дворянином, лишь недавно возведенным в княжеское достоинство. «Боже, в какое время мы живем», — сокрушается австрийский император и берется уладить конфликт. Русский царь и австрийский министр не скрестят шпаги. Но с этого дня Александр перестает появляться на приемах, даваемых Меттернихом, а встретившись с ним в чьей-нибудь гостиной, делает вид, что его не заметил.

Тем временем Талейран продолжает свою подрывную работу. Его интриги увенчиваются заключением 3 января 1815 года тайного союза между Францией, Австрией и Англией, направленного против России и Пруссии. В восторге от того, что сумел перессорить союзников, Талейран пишет Людовику XVIII: «Коалиция распалась и распалась навсегда». Александр, не подозревая о замышляемых за его спиной кознях, возвращается к мысли о браке между великой княжной Анной и герцогом Беррийским. В то же время он, пока не заговаривая об этом, готовится пойти на уступки и согласиться на воссоздание Польши без Познани и Галиции. Он понимает, что в настоящий момент не добьется большего, не прибегая к оружию, а он слишком дорожит своей славой миротворца, чтобы вновь ввязаться в военную авантюру.

Яростно схлестываются за столом переговоров, но отменно учтивы в гостиных. «Конгресс танцует, но не двигается», — острит принц де Линь. Со дня открытия конгресса Вена превратилась в некую международную ярмарку, куда съехались со всех концов Европы коронованные особы и легкомысленные женщины,

дипломаты и мошенники, принцессы и торговцы. В городе невозможно найти свободную комнату. Посол каждой страны держит целый штат осведомителей и осведомительниц, главная обязанность которых — наблюдать за другими нациями. Шпионы по случаю дополняют армию шпионов австрийской полиции. Тайные донесения скапливаются в кабинетах. Каждый праздник вызывает поток доносов. Самые очаровательные женщины пытаются, танцуя, болтая или предаваясь любви, выведать что-нибудь у своего партнера. В театральных ложах и в альковах, между двумя улыбками или двумя объятиями, соревнуются в добывании секретов. По сравнению с этими отрядами добровольных соглядатаев любимая племянница Талейрана Доротея, герцогиня Курляндская, и ее сестра, герцогиня Саганская, действуют как профессионалки. У царя тоже лучший агент разведки — беспутная княгиня Багратион. Она пыталась соблазнить Талейрана, но была отвергнута. В отместку уязвленная княгиня говорит всем, что один его вид внушает ужас, что у него «глаза дохлой рыбы», а «веки висят, как навес над витриной». Талейран в ответ говорит об этой ловащей слухи распутнице: «Не очень-то сподручен ее способ выуживать секреты».

Посреди этой блестящей круговерти мистик Александр чувствует себя в своей стихии. Доля легкомыслия дает отдых от возвышенных мыслей. Шутливая болтовня подстегивает энергию для свершения великих дел. Разумеется, в России он не был так падок на светские увеселения. Он из той породы мужчин, которые степенны дома и ветрены за его стенами. Пристрастие к такого рода экзотике одновременно и удовлетворяет тягу к беспутству, и ее оправдывает. Он настоял на приезде в Вену императрицы Елизаветы, но все свое внимание отдает другим дамам. Каждое утро он протирает лицо

кусочком льда, чтобы освежить кожу. Он присутствует на всех приемах, порхает по всем гостиным, увивается за всеми хорошенькими женщинами. Если бал по традиции открывается полонезом, он возглавляет танцующих и упивается успехом, ловя восхищенные взгляды, со всех сторон устремленные на его особу. Затянутый в парадный мундир с жестким воротником, в белых в обтяжку лосинах, в лаковых, плотно облегающих ногу остроносых сапогах, он скользит, поворачивается, кланяется, повинуюсь звукам музыки. На пороге сорокалетия он по-прежнему красив: у него цветущее лицо, полный жизни взгляд, узкие губы, тщательно зачесанные на лысеющий лоб волосы, шелковистые бакенбарды. Близорукость вынуждает его пользоваться лорнетом, а легкая глухота — наклонять голову к собеседнику, что он проделывает весьма грациозно. Он утонченно галантен в обращении с дамами. Разнообразие и пыл его комплиментов нередко ставят под сомнение его искренность, и некоторые дамы находят его «чересчур любезным». То поочередно, то одновременно он увлекается княгиней Габриэль д'Ауэрсберг — «добродетельной красавицей», графиней Каролиной Сеченьи — «кокетливой красавицей», графиней Софи Зичи — «тривиальной красавицей», графиней Эстергази — «удивительной красавицей», Юлией Зичи — «ослепительной красавицей» и графиней Сааран — «дьявольской красавицей». К этой коллекции красавиц венки добавляются две подруги Меттерниха, герцогиня де Саган и княгиня Багратион, вдова героя 1812 года, павшего в Бородинском сражении, а также немалое число молодых женщин более скромного происхождения. По свидетельству одного полицейского, «за ужином у Карла Зичи Александр и графиня Вера спорили, кто переодевается быстрее, мужчина или женщина. Они держали пари и удалились

для переодевания в соседние комнаты. Выиграла графиня Вбрна».

Впрочем, по большей части вся эта цветистая болтовня и светские игры не имеют последствий. Любитель неуловимых прикосновений, мимолетных влюбленных взглядов и куртуазных намеков, Александр довольствуется легким трепетом чувств. Донесения полиции обильны, но однообразны: «Княгиня Леопольдина Лихтенштейн больше других светских дам нравится Александру. По этому поводу острят, что он выказывает себя истинно русским человеком, предпочитая женщин холодных как лед». И еще: «Александр уделяет много внимания графине Эстергази, Софи Зичи и княгине Ауэрсперг. Он много танцует и любезничает с княгиней Лихтенштейн и юной Сеченьи. Обе они убеждены, что поймали его в свои сети; но остальные хорошо понимают, что здесь, как во Франкфурте, как и повсюду, все это для Александра — одно лишь чистое кокетство». Однако шпионы, по приказу австрийского министра полиции барона Хагера приставленные к Александру и следящие за каждым его шагом, отмечают, что царь, случается, поздно ночью проскальзывает в особняк княгини Багратион и украдкой выходит оттуда, проведя три часа в обществе своей восхитительной соотечественницы. Некоторые уверяют, что видели его быстро идущим по темному коридору Хофбурга к комнатам, отведенным двум фрейлинам его супруги. Впрочем, ветер любовного безумия гуляет надо всем конгрессом. Австрийские полицейские сбились с ног. Они подробно фиксируют все подряд: «Лорд Стюарт снова провел ночь у Саган», «связь Франсуа Пальффи и Ла Биготтини подходит к концу», «Веллингтон привез свою любовницу Крассини», а князь Волконский принимает у себя каждый вечер девицу Жозефину Уолтерс, «часто переодетую в мужской костюм». Что же до сестры

Александра, «дорогой безумицы», великой княгини Екатерины, то у нее далеко зашедшие отношения с принцем Вильгельмом Вюртембергским, которого она не прочь взять в мужья. И вокруг дворца, в парках, хижинах и кабачках, правит та же исступленная страсть служения Афродите. Здесь тоже заигрывают с женщинами и под звуки скрипок кружатся в танце, пока дипломаты вершат судьбы Европы.

Даже рассудительная императрица Елизавета чувствует, что и у нее голова идет кругом. Давно покинутая царем, в Вене она вновь встречает своего давнего поклонника, князя Адама Чарторыйского. Годы оставили свой след на челе государыни, но ее обожатель охвачен тем же волнением, что и во время их встреч в годы юности. Он доверяет дневнику свои чувства: «Здесь я вижу ее, сильно изменившуюся, но для меня все ту же, и все те же и ее и мои чувства (они утратили прежний пыл, но все еще сильны, и мысль, что я не могу видеть ее, причиняет мучительную боль). До сих пор я только один раз видел ее. Был принят плохо и весь день несчастен... Вторая встреча. Снова чувство долга вынуждает нас... Она, как всегда, истинный ангел. Ее письмо... Она моя первая и по-прежнему единственная любовь... Обмен кольцами... Я желаю ей счастья и ревную к этому счастью; страстно люблю, а все-таки... Долгая неуверенность, сопротивление, постоянные огорчения и двадцатилетнее ожидание; трагический исход ее единственной неверности оскорбил некоторые самые деликатные чувства. Но это меня не оправдывает, ибо я простил от всего сердца, а она не прощения, но любви, поклонения и обожания достойна». Императрица в письме к матери жалуется, что ее положение вынуждает ее «принести в жертву официальному положению счастье всей своей жизни, расставаясь с человеком, в котором в течение лучших

четырнадцати лет жизни она привыкла видеть свое второе „Я“».

Так на берегах Дуная вновь разгорается любовь между императрицей и князем Чарторыйским, оборвавшаяся в 1807 году во время романа Елизаветы с корнетом Охотниковым. Он «простил от всего сердца» ее неверность, она вновь видит в нем «счастье всей жизни». Конечно, в этой взаимной страсти, сдерживаемой велением долга, много романтического. Взаимное влечение двух душ обостряется невозможностью физического обладания. Они скрывают, каких страданий им стоит отказ от того, чего оба страстно желают. С каждой новой встречей искушение возрастает. «Чарторыйский по-прежнему на хорошем счету у императрицы», — читаем в полицейском донесении от 3 октября 1814 года. Останутся ли они верны своим моральным принципам или позволят себе потерять голову? Позволено предложить, что Елизавета в конце концов дала своему вздыхателю увлечь себя, и царю донесли об этом. Сам постоянно обманывая жену, он все более сурово обращается с ней на людях. Как если бы он вымещал на ней какую-то застарелую обиду. Донесения австрийской полиции сообщают об оскорбительном отношении Александра к супруге: «Сообщение барона Хагера, министра полиции, 2 января 1815 года. Вот что рассказывают у Этьена Зичи: 1. В прошлую пятницу Александр заставил свою несчастную супругу присутствовать на балу у княгини Багратион. Императрица неохотно повиновалась, но канапе, на которое она села, было в таком плохом состоянии, что развалилось под ней. 2. В субботу на семейном обеде у Александра он невероятно грубо обошелся с императрицей, со своим братом, великим герцогом Баденским, и сестрой, баварской королевой. Говорят,

что императрица не вернется в Россию, а уедет к брату в Карлсруэ».

Другой рапорт полиции от 5 февраля 1815 года: «Императрица России... супружество которой столь несчастливо, никогда не обедает ни с императором, ни с его сестрами, великими княгинями... Предполагают, что она не вернется в Петербург. Если так действительно произойдет, это произведет глубокое впечатление в столице, где императрица очень популярна и любима».

Чуть позже новое донесение в том же духе: «На последнем балу у княгини Багратион при появлении императрицы раздались возгласы: „Как она прекрасна! Бесспорно, эта женщина — настоящее чудо!“ Александр, задетый за живое, так как заподозрил выпад в свой адрес, произносит, повысив голос: „А я этого не нахожу! У меня другое мнение“».

Елизавета безропотно переносит унижения и даже оправдывает холодность мужа. «Из чувства справедливости я должна признать, что император любезен со мной, — пишет она 2 февраля 1815 года матери, — он сам предложил мне чаще обедать у него и даже вдвоем с ним, когда я буду одна. Нужно судить, исходя из характера человека, особенно такого человека, как император».

Красота, чувство собственного достоинства, выдержка этой брошенной супруги пленяет придворное окружение, обычно столь злоязычное. Мадам де Сталь называет ее «ангел-хранитель России», а граф де Ла Гард так описывает ее: «У нее прелестная фигура и глаза, в которых отражается чистота души. Прекраснейшие пепельные волосы распущены по плечам. Фигура ее изящна, гибка и грациозна; походка воздушна и тотчас выдает ее, даже если лицо скрыто маской. Очаровательный характер, живой и развитой

ум, возвышенная душа соединяются в ней с любовью к искусствам».

Хотя у нее никогда не было вкуса к светской жизни, она, соблюдая налагаемые придворным этикетом обязанности, присутствует на всех приемах. На балах дамы увешаны драгоценностями стоимостью 30 миллионов франков. 18 октября 1814 года, в первую годовщину сражения под Лейпцигом, в Пратере дается парадный прием. На обеде, устроенном для войск, Александр поднимает тост за здоровье «народа и армии». На следующий день празднество продолжается во дворце посла России графа Разумовского. Императорская чета принимает за столом, сервированным на 360 персон, всю высшую знать Европы, высших офицеров союзных армий: здесь два императора, четыре короля и триста царствующих принцев и князей. Император Франц сидит по правую руку Елизаветы, а царь — возле императрицы Австрии, тщетно пытаясь завязать с ней беседу: оба они глуховаты, но не ни одно и то же ухо.

6 декабря манеж, ранее переоборудованный в парадную столовую, превращен в бальную залу для празднования именин великой княгини Екатерины. Приглашенные в восторге от русских плясок, исполнявшихся в национальных костюмах. Ужин сервирован на пятидесяти столах по шести приборов на каждом, при свете целого леса свечей. Царь и царица потчуют гостей привозными деликатесами: здесь стерлядь с Волги, устрицы из Канкале и Остенде, трюфели из Перигора, апельсины из Палермо, ананасы из императорских оранжерей в Москве, спелая земляника из Англии и виноград, собранный во Франции. Кроме того, у каждого прибора стоит тарелка с вишнями, доставленными в холодильниках из Петербурга, каждая ягода обошлась в рубль серебром. Восхищенный граф де Ла Гард пишет: «По правде

говоря, я с трудом верю собственной памяти, когда вспоминаю это безудержное расточительство». После ужина возобновляются танцы. Александр захвачен общим весельем и кокетничает со всеми своими партнершами по танцам. «As for the emperor of Russia, he dances while Rome is burning»,^[59] — пишет Е. Гук, секретарь Каслри.

Но все эти галантные и политические треволнения не могут отвлечь союзников от не дающей им покоя мысли — о запертом на своем острове Наполеоне. Принц де Линь острит: «Наполеон играет в Робинзона Крузо», а Талейран не перестает требовать, чтобы корсиканца удалили от берегов Средиземного моря. Он предлагает другое место заключения — Азорские острова, «в пятистах лье от всякой земли». Веллингтон, прибывший в Вену, поддерживает его. Но Меттерних предпочитает не спешить с депортацией низвергнутого императора и дожидаться, пока тот сам каким-нибудь опрометчивым поступком не даст для этого повода. Царь категорически возражает против переселения бывшего врага в новое место заключения. Причины великодушия Александра две: во-первых, он догадывается, благодаря донесениям шпионов обоего пола, что Англия, Австрия и Франция подписали недавно договор, направленный против России и Пруссии; во-вторых, он только что узнал от Талейрана, что Людовик XVIII отклонил возможность брака между герцогом Беррийским и великой княжной Анной. Забыв, что недавно сам был против этого союза, он возмущается: этот подагрический королишка, посаженный на трон стараниями России и союзников, находит сестру русского царя, великую княжну из дома Романовых, недостойной своего племянника! Этот новый афронт разжигает давнюю злобу Александра против Бурбонов и склоняет его к доброжелательному

отношению к Наполеону, который, по крайней мере, всегда выказывал себя лояльным противником. Его сердечная переписка с королевой Гортензией, его ежедневные прогулки по улицам Вены под руку с Евгением Богарнэ — замаскированный ответ на оскорбления со стороны Тюильри. «По какому праву, — негодует он, — отбирают у этого человека остров Эльба, предоставленный ему в соответствии с договором всего год назад?»

Споры о будущем Наполеона неожиданно прерваны новостью, поразившей конгресс точно гром среди ясного неба: в ночь с 6 на 7 марта 1815 года Меттерних получает сообщение, что экс-император Франции тайно отплыл с острова Эльба в неизвестном направлении. В восемь часов утра Меттерних устремляется к императору Францу, а тот, до смерти перепуганный, приказывает ему бежать к императору России и королю Пруссии. Впервые после трех месяцев дипломатических размолвок Меттерних является к царю. Александр, узнав новость, без колебаний заявляет, что готов взяться за оружие. Перед лицом общей опасности вчерашние раздоры отступают, и соперники вновь становятся союзниками. Потом царь, проявив беспримерное великодушие, говорит Меттерниху: «Покончим с нашей личной распрей. Мы оба христиане, а наша вера учит всепрощению. Обнимем друг друга и предадим забвению прошлые обиды». И прижимает австрийского канцлера к своей груди.

Через час участники конгресса собираются и обсуждают ситуацию. Александра мучает чувство вины: не он ли всегда утверждал, что нет никакого риска оставлять Наполеона на его острове? Ведь пленник нарушил слово, данное ему, Александру! Он и злится на него, и восхищается им: какова дерзость! Он упрекает Веллингтона: «Как могли вы позволить ему бежать?» Невозмутимый англичанин парирует: «Как могли вы там

его оставить?» Пока что о намерениях беглеца ничего не известно. Талейран предполагает или делает вид, что предполагает, что Наполеон высадится в Италии и попытается обосноваться в Швейцарии. Меттерних уверенно прерывает его: «Он пойдет прямо на Париж». Каждый из них надеется, что, едва ступив на землю Франции, Наполеон будет арестован без единого выстрела. Но могут ли Бурбоны рассчитывать на поддержку французского народа? Некоторые министры в этом сомневаются. События следующих дней подтверждают их правоту. Наполеон, высадившись в бухте Жуан, стремительно приближается к Парижу, и города с энтузиазмом открывают перед ним ворота, крестьяне восторженно приветствуют его, а солдаты отказываются в него стрелять. Маршал Ней, обещавший «привезти узурпатора в железной клетке», встречает своего императора в Оксерре и переходит на его сторону. Брошенный всеми Людовик XVIII в панике бежит из Парижа и скрывается в Генте.

20 марта 1815 года Наполеон, устроившись в Тюильри, находит в одной из папок Министерства иностранных дел тайный договор от 3 января 1815 года, который король в спешке забыл захватить с собой. В восхищении от своей находки, Наполеон поручает секретарю русской миссии в Париже Бутягину переслать этот документ царю в Вену, дабы открыть ему глаза на двуличие его так называемых союзников и побудить его вступить в переговоры лично с ним, Наполеоном. Александр, давно уже подозревавший своих партнеров в вероломстве, впадает в неистовый гнев. Каподистриа наблюдает, как он мечется по кабинету, и замечает, как медленно краснеют его уши. Но царь быстро овладевает собой. Призвав Меттерниха, он спрашивает, известно ли ему «это произведение», и, так как австрийский министр онемел от страха, Александр его успокаивает: сейчас не время вникать в

дипломатические каверзы, союзники должны еще теснее сплотиться для борьбы с узурпатором. Потом, подойдя к зажженному камину, бросает документ в огонь. Королю Баварии, который пришел извиняться, он говорит: «Вас завлекли, забудем об этом».

Но вместе с копией договора от 3 января Бутягин передал Александру письмо королевы Гортензии, умолявшей его вернуть благосклонность Наполеону: «Нация всецело высказалась за императора, но она хочет мира, и он достаточно умен, чтобы следовать за господствующим мнением, ибо он уже на себе испытал его силу, да и пример Бурбонов доказывает, что государь может удержаться на троне, если не отделяет свое дело от дела всей нации... Парижу не терпится узнать намерения императора Александра, здесь говорят, что царь заинтересован в мире с Францией и не должен опасаться, что ему будут чинить препятствия в вопросе о Польше... Он обещает даровать либеральную конституцию, свободу печати, одним словом, он намерен удовлетворить всех, ибо, если он этого не сделает, он не сможет здесь удержаться... Если вы будете нашим другом, то все пойдет хорошо». Короче, пером экс-королевы Голландии Наполеон закликает Александра отделаться от предавших его союзников и пойти на союз с ним, ибо он вернулся с острова Эльба преображенным — с душой невинного агнца.

Несмотря на симпатию, которую Александр питает к своей корреспондентке, он не поддается на уговоры. Впрочем, он уже подписал 25 марта декларацию восьми государств об отношении к Наполеону: «Наполеон поставил себя вне гражданских и социальных законов, порвав договор от 11 апреля 1814 года, водворивший его на о. Эльба, и подлежит преследованию».

По новой договоренности между союзниками царь обязуется выставить 150 тысяч человек и не складывать

оружия до тех пор, пока общий враг не будет окончательно раздавлен. Действующая армия союзников достигает 800 тысяч человек. Русская армия, оставившая Францию год назад, получает приказ двигаться маршем к берегам Рейна.

В Вене праздники кончились. Ни балов, ни банкетов. В парадных залах погасли люстры; молчат оркестры. Галантные шпионки изнывают от безделья. Конгресс в спешке завершает работу. Пользуясь общим смятением, Россия получает большую часть территории Великого герцогства Варшавского, но Познань, Бромберг и Торн отходят к Пруссии в качестве компенсации за уступки в вопросе о Саксонии. Кроме того, Тарнопольский округ, уступленный России в 1809 году, возвращен Австрии, а Краков объявлен вольным городом. Александр принимает титул короля Польши с правом даровать этому государству, которое «будет пользоваться административной самостоятельностью», «то внутреннее управление, которое найдет приемлемым». «Герцогство Варшавское за исключением частей, отходящих к Пруссии и Австрии, присоединяется к Российской империи, — говорится в документе. — Оно получает статус конституционной монархии, неразрывно связанной с Россией династической унией».

Во избежание всяких экивоков, царь пишет главе польского Сената графу Островскому: «Приняв титул короля Польши, я хотел удовлетворить чаяния нации. Польское королевство будет присоединено к русской империи статьями своей собственной конституции, на которой, я надеюсь, будет основываться счастье страны. Если в интересах общего умиротворения Европы нельзя будет объединить всех поляков под одним скипетром, я, по крайней мере, попытаюсь смягчить, насколько возможно, жесткость их разделения и повсюду действовать в их интересах».

Подписаны один за другим договоры, согласно которым Генуя переходит к королю Сардинии, Австрия получает Ломбардию и владения Венецианской республики; Неаполитанское королевство после кровопролитных боев и бегства Мюрата возвращено Бурбонам; специальным актом учреждается Германский союз. Наконец, 9 июня 1815 года подписан Заключительный акт, закрепляющий новые границы государств, установленные в результате передела Европы.

Недели за две до официального закрытия конгресса Александр уезжает из Вены, направляется к Рейну и там ждет прибытия русских войск. После короткой остановки в Мюнхене и Штутгарте он прибывает в небольшой городок Гейльбронн, где разместится главная квартира русской армии. После возвращения Наполеона Александра мучают не только политические, но и религиозные проблемы. Как Господь, который так явно принял сторону союзников в борьбе с Наполеоном, позволил дьяволу вырваться из заточения? И что думать об этих французах, которые рукоплещут деспоту, от которого он, Александр, ценой стольких жертв их освободил? Стоит ли снова проливать кровь русских солдат ради нового возвращения Бурбонов? Не наказывает ли его Всевышний за то, что он слишком много развлекался в Вене? Сам себе ставя эти мучительные вопросы, Александр ищет ответа на них в богословских книгах, которые присылает ему его друг Кошелев. После блестящих празднеств в Вене, Штутгарте и Мюнхене Александр испытывает потребность уединиться, углубиться в себя и погрузиться в благочестивые размышления. Он желал бы найти избранное существо, ангела-хранителя, который рассеял бы терзающие его сомнения и указал бы ему путь к Богу. Год назад в Брухзале фрейлина императрицы мадемуазель Стурдза, будущая графиня

Эдлинг, представила ему знаменитого немецкого мистика Юнг-Штиллинга, последователя шведского мистика и теософа Сведенборга.^[60] Жаль, что тогда он лишь перекинулся парой слов с этим великим человеком. Но та же мадемуазель Стурдза рассказывала ему о своей подруге, баронессе Юлии де Крюденер, исключительной женщине, умеющей внести свет истины в самые заблудшие души. Не так давно мадам де Крюденер проявила необычайный пророческий дар, предсказав в одном из своих писем близкое возвращение Наполеона: «Близится буря; эти лилии, сбереженные Предвечным, эта эмблема чистого и хрупкого цветка разбила железный скипетр, ибо так было угодно Всемогущему; эти лилии, которые возникли, дабы воззвать к любви к Богу и покаянию, появились и исчезли. Урок дан, но люди, еще больше ожесточившиеся, погрязли в мирской суете». В памяти Александра запечатлелись эти слова, переданные ему мадемуазель Стурдза. Бесспорно, баронесса Крюденер несет в себе живое Божье слово. Каким было бы утешением поговорить с этой свыше вдохновенной особой. Где она может быть сейчас? Однажды вечером, когда он в тиши своего кабинета размышляет над этими вопросами, входит с раздосадованным видом князь Волконский и объявляет, что, несмотря на поздний час, посетительница, русская по происхождению, настаивает на аудиенции у Его Величества. Ее зовут баронесса де Крюденер. Точно молния поразила Александра, все больше попадавшего под власть суеверий. «Можете представить себе мое удивление, — расскажет он позже мадемуазель Стурдза. — Мне казалось, что я брежу. Я немедленно принял ее, и она, словно читая в моей душе? обратилась ко мне со словами поддержки и утешения, рассеявшими тревожные мысли, давно уже не дававшие мне покоя».

На самом деле Александр задолго до встречи с Юлией де Крюденер слышал о ней от своих близких. Дочь лифляндского дворянина старинного рода, барона Фитингофа, и вдова видного дипломата барона де Крюденера, она провела бурную молодость, исколесила всю Европу, жила в Италии, Франции, Германии, Швейцарии, завязала дружеские отношения с Шатобрианом, Бернарденом де Сен-Пьером, мадам де Сталь, Бенжаменом Констаном, королевой Гортензией, прусской королевой Луизой и опубликовала в Париже сентиментальный роман «Валерия». После смерти мужа, потеряв часть состояния, она мало-помалу отдалилась от общества красавцев офицеров и блестящих дипломатов, до той поры смущавших ее воображение и будораживших ее чувства. С возрастом она стала находить утешение в соблюдении церковных обрядов и в религиозной экзальтации. Она страстно увлеклась доктриной Сведенборга и уверовала, что призвана самим Провидением нравственно возродить человечество, служа посредницей между миром материальным и миром духовным. Она верит, что, встретившись с Александром, сумеет внести небесный свет в его душу? дабы он вел свой народ по праведному пути.

Александр, увидев ее, сразу поддается ее влиянию. А между тем эта пятидесятилетняя дама — увядшее создание, с неправильными чертами лица, заострившимся носом, покрытой красноватыми пятнами кожей, ко всему прочему, носившая белокурый парик. Царь, обхаживавший в Вене столько красавиц, не испытывает, конечно, никакого влечения к ночной посетительнице. Он видит в ней не привлекательную женщину, которую стоило бы обольстить, но пророчицу, сверкающий взгляд и властные переливы голоса которой наполняют его душу сладким ужасом. Недавно он получил от Кошелева мистическую книгу,

переведенную с немецкого А. Лабзиным и озаглавленную «Облако над святилищем». Книга так трудна, что он не может проникнуть в ее смысл. Он признается в этом мадам де Крюденер, и она без всяких усилий разъясняет ему смысл самых темных пассажей. Потом начинает проповедь, которая ошеломляет его. Обличительным тоном, к которому он не привык, она перечисляет заблуждения его прежней жизни, упрекает в суетной гордыне, обвиняет в неумении покаяться перед Богом. «Нет, государь, — восклицает она, — Вы еще не приближались к Богочеловеку, как преступник, молящий о помиловании. Вы не покаетесь в грехах ваших, не смирились перед Иисусом. Вот почему нет мира в вашей душе». Этот намек на убийство Павла I потрясает Александра, он не знает, что отвечать. В течение трех часов пророчица голосом, в котором звучат металлические ноты, обличает своего раздавленного угрызениями совести государя. Никогда никто не осмеливался так обращаться с ним. Это больно. Но это и во благо. Он опускает голову и проливает обильные слезы. Спohватившись, что зашла слишком далеко, баронесса оправдывается, ссылаясь на Божью волю: «Я лишь исполняла свой священный долг». «Не бойтесь, — отвечает Александр, — все ваши слова дошли до моего сердца». И он просит ее всюду следовать за ним и укреплять его душу назидательными беседами.

Ей легко удастся внушить ему, что он «Белый ангел», соперник Наполеона, и рано или поздно «Черный ангел» падет под ударами своих правоверных противников. И тогда предназначено царю вершить европейскую политику в духе принципов раннего христианства. Обеспокоенный происками этой визионерки, Лагарп в письме к бывшему воспитаннику осуждает этот новый «крестовый поход» против Франции. Александр отвечает ему в довольно резком

тоне: «Подчиняться гению зла значит упрочивать его могущество, дать ему возможность установить тиранию более жестокую, чем раньше. Нужно найти в себе мужество сразиться с ним, и тогда, с помощью Божественного Провидения, единства и упорства, мы добьемся счастливого исхода. Таково мое убеждение».

В то время как готовится решающее столкновение между армиями союзников и новой армией Наполеона? Александр покидает Гейльбронн и переезжает в Гейдельберг, где занимает небольшой дом, принадлежащий англичанину Пикфорду. Здесь он ждет подхода своей армии. Туда же приезжает баронесса де Крюденер и вместе с дочерью, зятем и своим сотрудником, проповедником Эмпейтазом, поселяется неподалеку, в крестьянском домике. Александр проводит у нее почти каждый вечер, читает вместе с ней Библию, ведет беседы о спасении души или о посетивших ее видениях и смиренно выслушивает какое-нибудь из яростных обличений, тайной которых она владеет. Она бедна и, хотя и представляется бескорыстной, охотно принимает от царя денежную помощь. Во многих записках, которые он посылает Голицыну, речь идет о субсидиях, анонимно выплачиваемых баронессе де Крюденер и членам ее семьи. Она растроганно называет его своим «небесным банкиром», а он уверяет, что возле нее чувствует, как приобщается благодати и проникается духом Христа. Снова, как в юности, он мечтает удалиться от мира и жить отшельником. Однако долг призывает его вершить земные дела.

Предстоит кампания в Бельгии. Веллингтон уже в Брюсселе с 90 тысячами англичан, ганноверцев, голландцев и бельгийцев; Блюхер в Намюре со 120 тысячами пруссаков. Крупные силы австрийцев и русских двигаются к границам Франции. Как только они соединятся, союзники начнут наступление. Но пока

союзники в своей главной квартире развивают разнообразные стратегические планы, Наполеон, не дожидаясь, когда к ним подойдут подкрепления, начинает военные действия. Форсировав 15 июня Сомбру, он опрокидывает англо-прусские армии при Линьи. Как громом оглушенные этим разгромом, союзники держат военный совет и обсуждают ответный удар. Но их тревога скоро рассеивается: 22 июня приходит известие об окончательной победе над Наполеоном, одержанной Веллингтоном и Блюхером под Ватерлоо. Александр с просветленной душой заявляет: «Я великий грешник, но Господь избрал меня, дабы принести мир народам».

События стремительно следуют одно за другим: Наполеон вторично отрекается от престола, столица Франции открыта пруссакам. Людовик XVIII снова может туда вернуться. Александр сгорает от желания вновь вступить в Париж — подтвердить, что Добро восторжествовало над Злом. Не простившись с мадам де Крюденер, он безрассудно едет в сопровождении всего лишь отряда казаков через еще не успокоившуюся после недавних волнений страну, и его вера в Провидение так велика, что он убежден: ничто не грозит ему в пути.

Глава XII

Священный союз

10 июля 1815 года Александр благополучно вступает в Париж и снова останавливается в Елисейском дворце. Через полчаса он дает аудиенцию Людовику XVIII, снова обосновавшемуся в Тюильри. На этот раз король держится очень любезно, и царь благосклонно принимает его. Претенциозный Бурбон по-прежнему неприятен Александру, но царь более чем когда-либо убежден в необходимости сближения между Россией и Францией: партнеры по коалиции предали его, финальная победа над Наполеоном одержана без участия русских войск и его положение во главе коалиции поколеблено. Соблюдая верность провозглашенным ранее принципам, он и теперь хочет предстать в роли покровителя французского народа. Когда после часовой беседы два государя расстаются, грудь Александра украшает голубая лента ордена Святого Духа, возложенная на него французским королем.

Пять дней спустя Наполеон, последнее сопротивление которого сломлено, вступает на борт английского корабля «Беллерофонт», вручив свою судьбу великодушию Англии. «Я, как Фемистокл, ищу приюта у очага британского народа», — пишет он принцу-регенту. У этого «очага» есть название — остров Святой Елены.

Тем временем в Париже, при поддержке Талейрана и Фуше, укрепляется королевская власть. Новый префект полиции Деказ напрягает все усилия, чтобы держать в повиновении сбитое с толку, дурно снабжаемое, подвергающееся грабежам и насилию со

стороны оккупантов население. В Париже остался небольшой русский отряд и многочисленные войска Блюхера и Веллингтона. В захваченной столице особенно грубо и жестоко ведут себя пруссаки. Они стоят лагерем в парке Тюильри, в Люксембургском саду, на паперти собора Парижской Богоматери, а по ночам мародерствуют, вооружившись саблями, у таможенных застав. Блюхер сам толкает их к бесчинствам, как будто отыгрываясь на гражданском населении за поражения, понесенные от французских военных. Давая выход своей мстительности, он собирается взорвать Йенский мост и уничтожить само воспоминание о городе, возле которого Наполеон разгромил пруссаков. Когда все готово к взрыву, Талейран выступает с протестом. Блюхер раздраженно отвечает: «Я хотел бы, чтобы господин Талейран находился на мосту в момент взрыва!» Тотчас Людовик XVIII пишет Блюхеру, что не Талейран будет на мосту, а он сам, король, прикажет перенести себя туда в кресле и взорвется вместе с мостом.^[61] Александр, возмущенный грубостью Блюхера, не остается в стороне, протестует и выигрывает дело. Йенский мост спасен, но, чтобы удовлетворить, по словам Талейрана, «дикарское тщеславие пруссаков», его переименовывают в мост Военной школы.

Александр, озабоченный упрочением трона Людовика XVIII, не позволяет союзникам кромсать территорию Франции, но избегает вмешиваться во внутренние дела французов и не подает виду, что знает о расправах, чинимых ультрароялистами, и о разгуле белого террора в южных провинциях, подрывающих престиж монархии. Действительно, при второй реставрации жертвами роялистов, злейших врагов Наполеона, становятся не только бонапартисты, но и либералы, и конституционалисты, и колеблющиеся —

все те, кто не разделяет крайних монархических убеждений.

Второе пребывание в Париже кажется царю не таким приятным, как первое. Постарел ли он? Или пресыщен? Или чересчур легкомысленные французы утратили в его глазах былое очарование? Несмотря на постоянное чтение Библии, его меланхолия растет. Фатализм так глубоко укоренился в его душе, что нередко он ходит по Парижу пешком, совсем один, пренебрегая всякой осторожностью. Некоторые прохожие снимают перед ним шляпу, но никто больше не кричит: «Да здравствует император Александр!» Иногда он прогуливается верхом по аллеям Елисейских Полей в сопровождении конюшего или выезжает в коляске с двумя лакеями-французами на запятках и кучером-французом на козлах. Караул в Елисейском дворце несут по очереди англичане, пруссаки и русские.

Через месяц после приезда Александра русские гренадерская и кирасирская дивизии вступают в столицу, но во время церемониального марша три полка сбиваются с ноги. Эта оплошность разрастается в воображении царя до невероятных размеров: ему чудится оскорбление его чести самодержца, оскорбление величия России. Дух тупой гатчинской муштры просыпается в нем и овладевает его душой. Как когда-то его отец, он гневается на полковых командиров, виновных в упущениях, и приказывает посадить их под арест в Елисейском дворце. Напрасно генерал Ермолов напоминает, что в этот день караул во дворце несут англичане. «Нет, тем хуже для них, — кричит царь. — Так будет для них позорнее!» Как-то раз князь Волконский не смог сразу найти нужный документ, и царь кричит на него: «Я тебя сошлю в такое место, которое не найти ни на одной карте!» Изумленным свидетелям этой сцены кажется, что им

явился призрак Павла I в приступе безумного гнева. Под вечер царь, которому попала под руку эта депеша, успокаивается, посылает за Волконским и говорит ему, смеясь: «Признайся, что ты был виноват. Давай помиримся». Волконский отвечает: «Бранили вы меня при всех, а миритесь наедине».

Эти мелочные служебные придирки, эти вспышки гнева по пустякам не ослабляют веры Александра в то, что все его поступки внушены ему свыше. Пригласив мадам де Крюденер в Париж, он поселяет ее в особняке Моншеню, Фобур Сент-Оноре, 35, недалеко от Елисейского дворца, и по вечерам навещает ее. Он проникает в дом через укромную калитку, выходящую на Елисейские Поля, и уже с порога слышит бормотание впавшей в транс баронессы: «Брат мой во Христе, благодарю за то, что вы пришли. Помолимся, помолимся. Да будет с нами милосердие Божие». В большой сумрачной гостиной с обветшавшей обивкой стен и простой мебелью возобновляются благочестивые беседы и вдохновенные проповеди. Они перечитывают Священное Писание, толкуют прочитанное, до слез умиляясь чудом приобщения к Богу, и рассуждают о том, какая политика угодна Господу. Под влиянием хозяйки в Александре растет отвращение к светской жизни, до которой он был так охоч в Вене. Теперь он черпает удовольствие не в шутилой болтовне с хорошенькой женщиной под нежные звуки скрипки, а в нескончаемых, бессвязных, насыщенных цитатами из Священного Писания беседах с увядшей и многословной особой, сменившей на склоне лет любовь земную на любовь небесную. «Александр — избранник Божий, — пишет баронесса де Крюденер. — Он вступил на путь самоотречения. Крепнет его духовная связь с Богом. По обязанности он бывает иногда в свете, но никогда не посещает ни балов, ни спектаклей. Он признался мне,

что они производят на него такое же впечатление, как и похороны».

Тем не менее в приемные дни Александр встречается у своей Эгерии старую французскую аристократию, стекающую сюда из любопытства, а также в надежде приблизиться к Его Величеству. У баронессы де Крюденер бывают герцогиня де Бурбон, герцогиня де Дудовилль, герцогиня де Дюра, мадам Рекамье, мадам де Сталь, мадам де Жанлис, Мишо, Банжамен Констан, ученик Месмера^[62] Бергасс. Ламартин передает жрице особняка Моншеню послание, посвященное «мудрому венценосцу», а Шатобриан, которому покровительствует баронесса, призывает царя «низвергнуть революцию так же, как он низверг тирана». Однако автор «Гения христианства» недолго поддается чарам христианской Веледы.^[63] «Мадам де Крюденер пригласила меня на одно из этих небесных волхвований, — напишет он позже в „Замогильных записках“. — Я, хоть и увлекаюсь разного рода химерами, ненавижу бессмыслицу, не терплю туманностей и презираю фиглярство. Вся эта комедия мне быстро наскучила; чем усерднее я старался молиться, тем меньше веры ощущал в своей душе. Мне нечего было сказать Богу, а дьявол подстрекал меня засмеяться». Но светлое спокойствие царя находит у него отклик.

Общение с блестящими завсегдатаями салонов и литературными знаменитостями не производит на царя особого впечатления. Он не отзывается на их просьбы ходатайствовать перед Людовиком XVIII о помиловании генерала Лабедуайера и маршала Нея и, оставшись вдвоем с мадам де Крюденер, сокрушается: «К чему послужат столь жестокие меры? Чего хотят добиться?.. Права есть не только у правосудия, но и у милосердия». Александр остается молчаливым зрителем и позволяет

расстрелять этих людей за то, что они примкнули к вернувшемуся с острова Эльба Наполеону, тогда как должны были арестовать его.

Желая продемонстрировать всей Европе военные силы русских и побудить союзников больше прислушиваться к его голосу на предстоящих переговорах, Александр задумывает грандиозный смотр русской армии на обширной равнине возле городка Вертю в 120 верстах от Парижа между Эпернеем, Бриенном и Шалоном — на тех самых Каталаунских полях, где в 451 году римский полководец Аэций разгромил орды Аттилы. В смотре участвуют семь дивизий кавалерии и одиннадцать дивизий пехоты общей численностью 150 тысяч человек, в том числе 96 генералов, а также 540 орудий. Царь лично входит в малейшие детали расстановки и передвижения войск, в продолжение нескольких недель держа в напряжении весь штаб. Ни одно сражение не готовилось с большей тщательностью. Генеральная репетиция в присутствии Его Величества и молодых великих князей проходит как по маслу. На следующий день прибывают иностранные гости: император Франц, король Пруссии, герцог Веллингтон, князь Шварценберг и множество маршалов, генералов и принцев крови, съехавшихся в Вертю из Парижа, Гааги, Берлина, Лондона; разумеется, присутствует и неизбежная баронесса де Крюденер в сопровождении дочери, зятя и д'Эмпейтаза. Все дома в Вертю и его окрестностях реквизированы для размещения именитых гостей. Павильоны, предназначенные для заседаний и банкетов, украсил сам Фонтен, любимый архитектор Наполеона. Военный лагерь, осаждаемый толпами бродячих торговцев, походит на ярмарку, разукрашенную разноцветными флагами и иллюминированную, но на которой властвуют военные. Под белыми тентами собраны все роды русских войск. Трубачи и барабанщики репетируют в

соседнем лесочке. Сердца всех — от простого пехотинца, начищающего свою амуницию, до генерала, мысленно повторяющего инструкции, — сжимает одна и та же тревога: будет ли Александр доволен зрелищем?

10 сентября, солнечным утром, царь и приглашенные поднимаются на вершину холма, и парад начинается. Великий князь Николай впервые командует бригадой гренадер, великий князь Михаил — ротами конной артиллерии. Во главе армии — фельдмаршал Барклай де Толли. Безупречно прямые линии войск ослепляют даже знатоков. По сигналам — они даются пушечными залпами — живые линии расходятся, вытягиваются, поворачиваются, соединяются, снова разъединяются, не допуская ни единой ошибки. Солдаты вышагивают как автоматы. Лошади безупречно держат равнение и в такт качают головами. Один полк сменяется другим. Полки отличаются друг от друга только цветом мундиров. Когда на миг замолкают барабаны и трубы, слышен шум, производимый движением мощного войска, подобный шуму катящей свои воды могучей реки. Когда войска выстраиваются в каре, начинается пушечный и ружейный огонь. От артиллерийских залпов содрогается земля, и вся равнина заволакивается клубами дыма. Под прикрытием этой дымовой завесы армия молниеносно покидает поле маневров. Через двенадцать минут оглушительной пальбы наступает тишина, дым постепенно рассеивается и открывается опустевшая равнина. Подобного геройства не ожидал никто из союзников. Веллингтон в изумлении восклицает: «Никогда я не представлял, что можно довести армию до подобного совершенства!» Александр, лучась счастьем, отвечает: «Я вижу, что моя армия — первая в мире, для нее нет ничего невозможного!»

Сияющая мадам де Крюденер восседает в элегантном придворном экипаже, присланном за ней

императором и запряженном четверкой лошадей. Соломенная шляпа прикрывает шиньон из белокурых волос. На нее устремлены все взгляды, и она воображает себя героиней праздника, настоящей императрицей, чье место рядом с императором, ее *мистическим* супругом. «Я видела во главе армий великого человека, избранника судьбы. На заре веков предсказано его явление, и память о нем сохранится в веках, — скажет она позже. — Предвечный призвал Александра, и Александр покорно явился на зов Предвечного». Она не предчувствует, что этот апофеоз предвещает закат. В тот же день царь принял решение удалить ее от себя. Что это — усталость? Или прозрение? Он еще не объявил ей об отставке, и вечером она царит на званом обеде, сервированном на триста персон, который Александр дает своим гостям. На следующий день — день памяти Святого Александра Невского — она вместе с государями-союзниками присутствует на торжественной службе, свершаемой под открытым небом семью священниками у семи алтарей перед стопятидесятитысячным войском, построенным в семь каре. За молебном следует банкет для русских и иностранных генералов. Александр поздравляет их с блестяще проведенным смотром, объявляет, что жалует титул князя фельдмаршалу Барклаю де Толли и обещает солдатам скорое возвращение к домашним очагам. «Это самый счастливый день в моей жизни, — говорит он мадам де Крюденер. — Никогда его не забуду. Мое сердце переполняла любовь к моим врагам. Я горячо молился за них и, в слезах припав к подножию Распятия, молил Господа быть милостивым к Франции».

В состоянии религиозной экзальтации Александр задумывает скрепить союз великих держав — России, Пруссии и Австрии — торжественным актом, который основывался бы на заповедях Евангелия и соединил их,

«как братьев и соотечественников». Таким образом, политический альянс будет подкреплён мистическим союзом, что придаст ему особую значимость. Давно уже владеет им мысль, что государь может управлять своим народом, только постоянно сверяясь с Божьей волей. Беседы с мадам де Крюденер укрепили в нём это убеждение. Он собственноручно набросал вчерне проект документа — незыблемого, святого договора, назвав его «Священный Союз». Окончательная редакция документа поручена секретарю царя А. С. Стурдзе и графу Каподистрия. По настоянию Александра этот международный акт, беспрецедентный в истории европейской дипломатии, начинается приличествующим ему обращением к «Пресвятой и Нераздельной Троице». Державы, подписавшие акт, обязуются «руководствоваться... заповедями любви, правды и мира, которые, отнюдь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни, должны, напротив того, непосредственно управлять волею царей и водить всеми их деяниями». Далее в тексте уточняется: «Соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями, трое договаривающихся монархов пребудут соединёнными узами действительного и неразрывного братства, и, почитая себя как бы единосемцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они как отцы семейств будут управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены для охранения веры, мира и правды». Наконец, все три союзные государя «почитают себя, аки постановленными от Провидения для управления тремя единого семейства отраслями».

Александр очень гордится этим туманным по содержанию, выпендренным по стилю пактом, должным

объединить государей трех разных христианских конфессий: католика, православного и протестанта. Король Пруссии охотно подписывается под этим «Символом веры», вызвавшим в его памяти клятву, которой как-то ночью в Потсдаме они обменялись у гроба Фридриха Великого. Император Франц, не решавшийся ступить на столь мистический путь, вскоре уступает настояниям Меттерниха, который пренебрежительно называет договор: «Звонкая, но пустая бумага». На самом деле австрийский канцлер сразу распознал, каким полезным орудием станет Священный союз в политической практике. Согласно пакту долг государей — помогать друг другу в поддержании мира между союзными нациями и в подавлении революционных движений как в своей стране, так и у соседей. Иными словами, участники пакта, в теории представляя рыцарями порядка и защитниками легитимизма, на практике превращаются в полицейских Европы. Не подобные ли соображения руководили и Александром? Любитель единообразия и спокойствия народов, он охотно бы по-отечески властвовал над своими подданными, как отец семейства над своими чадами. Бог, которому он молится, одет в жандармский мундир. Так что царь, путаясь в рассуждениях, разрываясь в противоречиях, скрытничая и лукавя, по своему обыкновению, прикрывает будто бы искренним идеализмом трезвый политический расчет. Впрочем, его служение России не есть ли служение Богу? Все смешивается в его голове: территориальные приобретения — с толкованием Библии, вино банкетов — с вином причастия.

Акт Священного союза подписан в Париже 26 сентября 1815 года царем, императором Францем и королем Пруссии. Франция, Швеция, Испания, Неаполитанское и Сардинское королевства также присоединяются к нему. Англия, островная держава, с

присущей ей осторожностью вежливо уклоняется. Турецкий султан отказывается участвовать в лиге, объединившейся под знаком Креста, а папа римский — потому, что в документе не содержится четкого разграничения вероисповеданий.

Когда воспаришь в заоблачные выси, трудно вновь спуститься на грешную землю и приняться за решение конкретных мирских дел. Чем возвышеннее принципы, тем сильнее разочарование, когда пытаешься провести их в жизнь. Акт Священного союза подписан — пора заняться договором с вторично побежденной Францией. Александр собственноручно составляет ноту, объявляющую какой-либо новый раздел Франции несовместимым с равновесием в Европе. При отстаивании своей концепции ему приходится преодолевать сопротивление Пруссии, претендующей на Фландрию, Эльзас, Лотарингию, Франш-Конте, Бургундию, Савойю и Саар. Он советует Людовику XVIII пригрозить союзникам отречением от престола, если они не прекратят грабить и калечить его королевство. «Я не желаю быть орудием гибели моего народа, я скорее оставлю трон, чем соглашусь бросить на блеск древней династии тень беспримерного унижения», — пишет король 23 сентября 1815 года Александру. Предъявив это письмо союзникам, Александр говорит им: «Я это предвидел. Теперь мы в еще более сложном положении. Людовик XVIII отказывается от престола и поступает правильно. Франция опять без короля. Найдите ей другого, если можете. Я же не стану вмешиваться в дело, которое можно легко решить, не доводя до крайности. Да мне и пора домой. Нужно скорее кончать».

После долгих препирательств Пруссия, Австрия и Англия идут на уступки. Франция сохраняет территорию в границах 1790 года, выплачивает контрибуцию в размере 700 миллионов франков в

качестве возмещения военного ущерба, из которых 100 миллионов приходятся на долю России, а также будет оккупирована армией союзников численностью 150 тысяч человек. Более того, вопреки Первому Парижскому мирному договору, по настоянию союзников произведения искусства, вывезенные Наполеоном из музеев, дворцов и церквей завоеванных стран, возвращаются прежним владельцам. Окончательно Второй Парижский мирный договор будет подписан только 20 ноября 1815 года. По его условиям Австрия распространяет свое влияние на большую часть Италии, Пруссия удваивает свою территорию и обосновывается на Рейне. Англия становится владычицей морей. России договор не представляет никаких территориальных выгод, но она сохраняет Финляндию, недавно захваченную у Швеции, и Бессарабию, уступленную ей в 1812 году Турцией. Кроме того, династическая уния с новым Польским королевством раздвигает границы России до границ германских государств — до самого центра Европы, тесно связывая ее судьбы с судьбой Европейского континента. Наконец, Александра удовлетворяет участь Талейрана, которого он больше не в силах выносить: Людовик XVIII отстраняет его от дел, желая угодить союзникам. По правде говоря, Людовика XVIII коробят происки и претензии министра, постоянно вмешивающегося во все дела. Услуги, оказанные Талейраном на Венском конгрессе, отошли в прошлое, а сам Талейран утратил благоволение Людовика XVIII потому, что возомнил себя незаменимым, навязал ему в правительство гнусного Фуше, голосовавшего за казнь короля. Талейрана заменяет герцог де Ришелье, бывший французский эмигрант, бывший губернатор Одессы, две недели назад на смотре в Вертю носивший русский мундир. Узнав о его назначении, Талейран

ехидно замечает: «Выбор, безусловно, хорош: он лучше всех во Франции знает Крым».

Наконец, Александр, недовольный союзниками, которых находит чересчур алчными, и французами, которых находит чересчур непостоянными, покидает Париж и направляется в Пруссию. Вспоминая о Франции, где провел последние четыре месяца, он с горечью говорит: «На этой земле живет 30 миллионов двуногих животных, обладающих даром речи, но не имеющих ни правил, ни чести: да и что может быть там, где нет религии?» И пишет своей дорогой сестре Екатерине: «Наконец-то я удалился от этого проклятого Парижа».

Берлин устраивает ему триумфальный прием. В разгар парадного обеда император и король одновременно встают, и Александр объявляет о помолвке своего брата, великого князя Николая, и принцессы Шарлотты. Взрывом рукоплесканий встречен этот новый залог тесного династического союза двух народов, сражавшихся бок о бок с общим врагом.

27 октября/8 ноября Александр продолжает путь. Перейдя границу восстановленного Польского королевства, он переодевается в польский мундир и вместо звезды ордена Андрея Первозванного прикрепляет польский орден Белого орла. В этом облачении он верхом въезжает в Варшаву как в свою столицу. Почти всю его свиту составляют польские генералы и магнаты. На Саксонской площади он проводит смотр польских полков под громкие крики народа: «Да здравствует Александр, наш король!» На следующий день во дворце Чарторыйских он открывает бал в паре с матерью князя Адама. До слез взволнованная такой честью, она тем же вечером заносит в дневник: «Польша существует, у Польши есть король, который носит польский мундир и польский

орден. У меня есть родина, и я оставлю ее своим детям».

Стараясь завоевать расположение своих новых подданных, Александр щедро рассыпает царские милости. Он снимает секвестр с имущества поляков, сражавшихся под знаменами Наполеона, назначает своими адъютантами нескольких польских офицеров, раздает пенсии и пособия из своей личной казны, утверждает придворный штат королевского двора в Варшаве и выбирает из среды польских аристократов камергеров, церемониймейстеров, придворных дам и фрейлин. Он наносит визит вдове графа Доминика Радзивилла, муж которой погиб, сражаясь на стороне Наполеона, появляется в мундире конного польского стрелка у княгини Вюртембергской, сестры князя Адама Чарторыйского, танцует с ней «под бурю аплодисментов» и вообще «совершает тысячу безумств». «Императора обожествляют, — пишет генерал Ермолов одному из друзей. — Он, если захочет, обворочит любого». Однако, если высшее общество покорено своим новым королем, многие поляки видят в русских оккупантов, то есть врагов. Они ропщут, вполголоса требуют возврата Могилева, Витебска, Волыни, Подолии, Литвы и ждут с недоверием обещанной царем конституции.

Александр подписывает конституцию 15/27 ноября 1815 года. В целом это весьма либеральная конституция: создается народное представительство — сейм, избираемый прямым голосованием на основе умеренного избирательного ценза; гарантируется свобода печати, неприкосновенность личности и собственности, употребление исключительно польского языка в административных учреждениях и армии; отменяется конфискация имущества и высылка из страны... Таким образом, как это ни парадоксально, царь дарует полякам то, в чем отказывает русским. Но,

рассуждает он, у поляков есть опыт конституционного правления, тогда как у русских подобное новшество возбудило бы безрассудные мечты, а в обществе — глухое брожение. В Польше он испробует систему, которую впоследствии, после обстоятельной подготовки, можно будет ввести и в России. Маленькая Польша станет своего рода экспериментальной лабораторией для своего огромного соседа, сохраняющего пока автократический режим. Поляки отнеслись к конституции 1815 года сдержанно: они надеялись на большее. И потом, спрашивали они себя, какова природа уз, соединивших под властью одного государя новое королевство и старую империю? Вызван ли этот союз политической необходимостью или держится только личностью монарха?

Александрю остается назначить наместника, или вице-короля, который представлял бы его особу в Варшаве. Совершенно очевидно, что достоин занять столь высокий пост князь Адам Чарторыйский. Личная дружба с царем, глубокое знание польских проблем, работа в Негласном комитете, пребывание в главной квартире русских и союзных армий, участие в Венском конгрессе — все это окружило Чарторыйского в глазах как русских, так и поляков ореолом исключительной личности. Очевидно и то, что блестящие дарования, выдающийся ум и независимый дух Чарторыйского настораживают Александра. Он боится, что вице-король, горячо взявшись за дело возрождения Польши, завоюет уважение соотечественников и затмит короля. К тому же он не простил Чарторыйскому некоторых высказываний, вырвавшихся у него как у человека, по складу характера мало склонного к повиновению. Наконец, царь, конечно, не забыл, что в Вене возобновился роман Чарторыйского с императрицей. Так или иначе, ему нужен кто-то более бесцветный: исполнитель, а не вождь. Поэтому, никого не

предупредив, он назначает наместником Польши braveго одноногого генерала Зайончека, командовавшего польским войском в армии Наполеона. Во избежание протестов он объявляет свою волю в самый последний момент — в ночь отъезда из Варшавы. И, как в истории со Сперанским, поражает свою жертву внезапно, с глазу на глаз. Среди ночи Чарторыйского вызывают в кабинет императора, и тот наносит ему этот удар. Оскорбленный Чарторыйский не в силах скрыть разочарование. «Это случилось около двух часов ночи, — рассказывает генерал Михайловский-Данилевский. — Я находился в императорской приемной вместе с князем Волконским и статс-секретарем Марченко. Вдруг из кабинета быстро вышел князь Чарторыйский, крайне взволнованный, и заметался по комнате. Он не обращал на нас внимания и даже не поздоровался с нами. Он был вне себя из-за нанесенной его самолюбию раны».

На следующий день Чарторыйский, подавив бешенство, соглашается принять жалкую компенсацию — возглавить Сенат.

Александр, покинув наконец Польшу, останавливается в Вильно. Город иллюминирован в его честь, на одном из транспарантов выведена по-французски надпись: «Благодарность и доверие». Но в Петербурге, куда он приезжает ночью, его не встречают льстивые надписи: он в который уже раз запретил всякие чествования. Императрица Елизавета, вернувшаяся в город накануне, ждет его во дворце. Он встречается с ней, не выказывая никакого волнения. Его мысли далеко. Горячий почитатель царя Жозеф де Местр пишет Сардинскому правительству: «Великая душа наконец-то вернулась в свое великое тело — Император прибыл!»

В первые же дни в императорской семье замечают, что эта «великая душа» на редкость мрачна. Как будто

кончился период искусственного возбуждения от избытка излившихся на него почестей и наступил период пресыщения, отрезвления и меланхолии. Он становится все более взыскательным и придирчивым в соблюдении военной дисциплины. Офицерам запрещено носить гражданскую одежду даже в свободные от службы часы. Ужесточаются строгости в полках. Поскольку в высшем обществе отмечено немало случаев перехода в католичество, иезуиты высылаются из Петербурга в Полоцк. Этот шаг весьма далеко уводит его от дорогой для мадам де Крюденер идеи соединить всех христиан в одну великую семью.

Впрочем, расставшись с пророчицей в Париже, Александр совершенно от нее отдалился. Он не перестал быть мистиком, просто больше не нуждается в баронессе и самостоятельно продвигается по пути, ведущему к Богу. Она подтолкнула его и тем исполнила свое назначение. Однако она продолжает засыпать его нескончаемыми посланиями. Эти письма и льстят ему, и наводят скуку. В них все те же заклинания и тот же экстаз. Витиеватая тарабарщина вроде этой: «Государь, Бог милостив к Вам, и Вы не можете противиться Его воле. Он избрал Вас для свершения великих деяний... Он возложил на Вас великий подвиг — победить дракона и повести за собой народы... Каждый из нас идет по предначертанному ему пути... Вам уготован путь избранника Божьего, возглавившего нации... Благоволение Божие очистило вашу душу...» или «Великий император, дитя в душе, открою Вам без страха — не продвинуться Вам без меня по пути к Богу, ибо Господь направляет меня...» Не получив от Александра ответа, она, переезжая с места на место, скитается по Швейцарии и Германии, как всегда нуждаясь в деньгах. Посеяв везде понемногу слово Божие, она, утратив наконец иллюзии, возвращается на родину в Лифляндию, в свое поместье.

Александр, по обыкновению, быстро устает от человека, которым страстно увлекался. И потом, мадам де Крюденер — это за граница, Европа, а он снова у себя дома, в России. 25 декабря 1815 года он торжественно объявляет стране о заключении Священного союза. Священный Синод предписывает всем церквям вывесить на стенах текст договора, а священникам черпать из него темы для проповедей. На взгляд Александра, этого недостаточно. Чтобы донести до сознания народа глубокую значимость созданного им политико-мистического союза, 1 января 1816 года он публикует составленный в резких выражениях манифест. В этом документе, изъявив монаршую признательность воинству и народу за подвиги, совершенные в войне с французами, он приписывает одержанные победы одному только Богу. Затем, оценивая события, вдохновителем и героем которых был, бранит побежденную Францию, обличает Париж, «как гнездо мятежа, разврата и пагубы народной», называет Наполеона простолудином, преступником, чужеземным хищником и — худшее в устах самодержца обвинение — узурпатором, присвоившим себе «Богу токмо единому свойственное право единовластного над всеми владычества». Далее в манифесте говорилось: «Суд человеческий не мог толикому преступнику наречь достойное осуждение: не наказанный рукою смертного, да предстанет он на Страшном суде, всемирною кровью облианный, перед лицом бессмертного Бога, где каждый по делам своим получит воздаяние».

Приближенные к императору люди, пораженные, глубоко расстроенные, недоумевают: неужели один и тот же человек вел утонченные беседы при дворе Людовика XVIII в Париже и неистовствует, точно грубый, невежественный поп, в Петербурге? Как будто, вернувшись в пределы России, он пересек не только пространственную, но и временную границу, повернул

время вспять и переместился на целое столетие назад. Он больше не увлекается тонкими и точными политическими расчетами, а то и дело пускается в путаные рассуждения о борьбе Гения добра и Гения зла, о Божественном Провидении, о Гласе Всевышнего... Его идеалом делается некая неопределенная теологически-патриархальная монархия. Лагарп, испуганный новым направлением мыслей своего питомца, пишет ему: «Здесь отпечатали и широко распространяют Ваш манифест от 1 января. Я склонен думать, что всех живо задели некоторые эпитеты. В своем несчастье этот народ (французы. — А. Т.) хотел бы по-прежнему обратить свои взоры на того, кто выказал себя самым великодушным из его врагов. Но, кажется, у него отнято и это последнее утешение. Бывают моменты, когда я не сомневаюсь более, что существует заговор, цель которого отобрать у Вас славу, завоеванную в 1814 году».

Александра не трогают эти упреки. Зачем ему прислушиваться к общественному мнению, если его действия внушены ему Господом? Он пишет сестре Екатерине: «Вы спрашиваете, дорогой друг, что я делаю, чем я занят? Все тем же, то есть все больше привыкаю склоняться перед волей Провидения и нахожу удовлетворение в полном уединении, которое добровольно избрал и в котором пребываю». Это «полное уединение» он нередко уподобляет тому, которое стало уделом Моисея — вождя избранного народа.

Глава XIII

Мистические кружки и военные поселения

В августе 1816 года Александр отправляется в Москву, возрождающуюся из пепла и руин. Весь город — грандиозная стройка, вновь отстроенные дома соседствуют с обуглившимися развалинами. «Для новых домов приходится отыскивать пустыри, — пишет императрица 1 и 6 октября 1817 года, — так быстро строится город и становится краше, чем был. Как бы мне хотелось, чтобы об этом узнал Наполеон... Петербург поражает иностранцев правильной планировкой и духом молодости, Москва — разбросанностью, свидетельством пережитой ею длинной череды веков, и духом старины, внушающим почтение и восхищение».

В Кремле Александра встречают с иступленным энтузиазмом. Он жертвует 500 тысяч рублей на бедных и 150 тысяч на восстановление Благородного собрания. Однако в окружении царя удивляются, что в годовщину Бородина он не считает нужным посетить поле сражения и отслужить панихиду. Не забыл ли он, какой ценой досталась победа? Его близкие замечают, что он все реже и неохотнее вспоминает Отечественную войну. С некоторых пор его мысли целиком поглощены будущим, вернее, потусторонним.

Ничто, казалось бы, не предрасполагало Александра к религиозному обращению. В юности, прошедшей при дворе Екатерины II среди скептиков и вольнодумцев, он совсем не интересовался вопросами веры. Религиозное воспитание, порученное архиепископу Самборскому, либералу и англофилу, оставило в его памяти

воспоминание о поэтичности христианских и библейских легенд. Его отец Павел, набожный и склонный к мистицизму, сыну привил лишь вкус к военным парадом. После отцеубийства Александр терзался ужасом, отчаянием, угрызениями совести, но к Богу не обратился. Став императором и, следовательно, административным главой православной церкви, он, разумеется, неукоснительно соблюдал обряды, но оставался безразличным к догмам. По его собственному признанию, «осветил его душу» пожар Москвы. Религиозное настроение росло под влиянием друга юности князя Голицына, которого он назначил обер-прокурором Священного Синода. Голицын, в молодости светский фат и ловелас, приступив к новым обязанностям, остепенился и ударился в набожность. Голицын приобщил Александра к чтению Библии. Чтение Библии открыло Александру свет истины. К поискам духовного совершенства побуждал его и Кошелев, обер-гофмейстер императорского двора. Кошелев, сильно увлеченный оккультизмом, был последователем высоких посвященных умов: Сен-Мартена, Лафатера,^[64] Юнга-Штиллинга, Сведенборга, переписывался с вождями квакеров и моравскими братьями. Кошелев, единомышленник Голицына, учредил Русское Библейское общество по образцу British and Foreign Bible Society.^[65] Александр дал согласие принять звание почетного члена Общества. «Да ниспошлет Всевышний благословение на это учреждение», — пишет он Голицыну. Он выделяет Обществу единовременный капитал в размере 25 тысяч рублей, а также ежегодную субсидию в 10 тысяч рублей. По его настоянию митрополит Петербургский Амвросий и митрополит Киевский Серапион, вице-президенты Общества заседают, помимо своего желания, бок о бок с протестантским пастором Питтом,

председателем Британского Библейского общества. За исключением генерала ордена иезуитов, отклонившего приглашение вступить в Общество, в Русском Библейском обществе, таким образом, объединились главы всех существовавших в России христианских вероисповеданий. Вскоре Библейское общество насчитывает 189 отделений, разбросанных по всей империи. Цель Общества — бороться с религиозным невежеством и приобщать народ к вечным евангельским истинам, скрытым за внешними церковными обрядами. Для этого Библию переводят на языки неславянских народов России. Но духовенство противится публикации перевода Библии на русский язык, и слово Божие доходит до верующих, как до их дедов и отцов, на церковно-славянском языке.

Став своего рода официальным институтом Библейское общество не замедлило отступить от своей первоначальной миссии. Вскоре в аристократических кругах вошло в моду предаваться исступленным молитвам по примеру квакеров. Впрочем, после пережитого во время Отечественной войны многие представители высшего русского общества обращаются к разным формам религиозной экзальтации. Официальная религия, закостеневшая в рамках узкого богословия, не удовлетворяет томящую их жажду нравственного возрождения. Глубоко религиозные, но не умеющие разобраться в своих душевных порывах, они поддаются под влияние франкмасонства, мартинизма, иллюминизма, пиэтизма. Голицын и Кошелев — франкмасоны. Александр разделяет гуманные идеи масонства, но, будучи помазанником Божиим, не может пройти через символический обряд посвящения и вступить в масонскую ложу. Он хоть и не допущен в масонское братство, получает наставления в оккультизме, как сочувствующий ему. Эти наставления совпадают с проповедями мадам де Крюденер: человек,

затерянный в греховном тленном мире, должен сбросить грубую плотскую оболочку и душой слиться с Богом. Все события текущей повседневной жизни свершаются по воле Божьей. Все в ведении Библии — и внешняя политика страны, и ее внутреннее управление. «Россия — не нация, это церковь», — пишет графиня Блудова. Церковь со многими храмами и толпами верующих, охваченных страстными, не поддающимися логическому объяснению порывами благочестия. Все больше людей религиозных в приступах душевной тоски отворачиваются от традиционной религии, увлекаются таинственными явлениями и вступают в разного рода секты. Некоторые из этих сект соединяют мистицизм и садистские оргии. Секту скопцов, кастратов, возглавляемую Кондратием Селивановым, посещают из любопытства высокопоставленные чиновники, гвардейские офицеры, светские дамы, негоцианты. Селиванов принимает своих приверженцев в доме богатого торговца Солодовникова, приветствует гостей, восседая на золоченом троне, и, объявив себя «вместилищем Святого Духа, исходящего от Отца и Сына», предсказывает будущее, раздает благословения, дает советы. Перед дверьми его дома выстраивается вереница роскошных экипажей, запряженных четверкой или шестеркой лошадей. Голицын и Кошелев — его частные посетители. Его пророчества переданы царю, у которого они не вызывают опасений: он уважает любой поиск Бога. Свои взгляды он излагает в письме к маркизу Паулуччи, генерал-губернатору Риги, чинившему разного рода затруднения мадам де Крюденер и ее спутникам. «К чему нарушать душевный покой существ, которые только и делают, что предаются молитвам Предвечному и никому не причиняют зла? — пишет император. — Оставьте мадам де Крюденер и всех остальных в покое, ибо какое вам дело до того, кто и как молится Богу?

Каждый ведет себя перед Богом в соответствии со своей совестью и сам ответствен перед Ним. Лучше молиться любым способом, чем не молиться совсем». Веротерпимость царя распространяется на старообрядцев, на молоканцев (то есть пьющих молоко), близких к английским методистам, на духоборцев, которые не признают ни священников, ни обрядов, ни догм, ни брака и опираются лишь на Библию. Императорская милость не коснулась только иезуитов. Первой мерой против них было их удаление в 1816 году из Петербурга; знаменитый аббат Николь, директор лицея в Одессе, потерял свое место, отказавшись создать отделение Библейского общества среди лицейцев. В марте 1820 года все иезуиты в числе 380 человек были окончательно выдворены из России. В их лице страна теряла квалифицированных педагогов, но зато избавлялась от католиков, неутомимо обращавших в свою веру нестойких в вере православных. Какого накала достигло религиозное возбуждение умов, видно из донесения французского посольства: «Много светских женщин — большей частью тех, кто обойден вниманием мужчин, ищут удовлетворения своих чувств в мистической экзальтации. Они пишут письма императору, собираются вместе и читают такие книги, как „Чистая любовь“, „Астральная теология“ мадам де Гюйон, „Святые максимы“ Фенелона, труды Юнга-Штиллинга, баварских иллюминатов и знаменитого Сен-Мартена. Придворный издатель Сен-Флоран говорил мне, что не успевает удовлетворять спрос на эти сочинения. Если распространение Библии, изданной без примечаний и объяснений, подрывает основы всех христианских вероисповеданий, то мистицизм, который их заменяет, приводит к убеждению, что мир, нисходящий на душу, с любовью обращенную к Богу, оборачивается

безразличием к велениям плоти, даже тем, которые пошлые умы считают самыми греховными».

Последовательница Селиванова Екатерина Татаринова основывает свою секту, обряды которой близки к обрядам вертящихся дервишей. Ее мать, госпожа Буксгевден, бывшая гувернантка царских детей, живет в Михайловском замке. Свои апартаменты она предоставляет дочери для молитвенных собраний, на которых читают Библию, распевают кантаты и предаются священным пляскам, пока не впадут в мистический транс. Татаринова, очень близкая к Библейскому обществу, принимает вместе со своими почитателями и его членов, среди которых Голицын и Кошелев. В белом, похожем на саван одеянии она, точно волчок, кружится перед собравшимися и, дойдя до полного исступления, глухим голосом изрекает пророчества. Царь жалует ей ежегодную пенсию в 6 тысяч рублей и соизволяет испрашивать у нее толкования скрытого смысла неясных изречений Ветхого и Нового Заветов.

Мистический туман застигает сознание Александра, он охладевает к делам внутреннего управления империей и ищет, на кого бы переложить бремя текущих дел, в ком найти помощника, которому он мог бы полностью доверять и на которого мог бы всецело положиться. Его выбор падает на бывшего гатчинского друга, свирепого Аракчеева. Александр, изменчивый по натуре, мечтательный, колеблющийся, впечатлительный, нервный, видит в этом человеке, надежном, словно вросший в землю утес, своего рода противовес смутным грезам, в которые погружен он сам. Даже физический облик Аракчеева заражает его уверенностью. Он не стал бы полагаться на человека, ловко скроенного, а этот точно сработан топором. Сутулый, с короткими, жесткими, как щетка, волосами, низким лбом, тонкими, плотно сжатыми губами,

приплюснутым носом, мутными, холодными глазами, Аракчеев начисто лишен светского лоска. Образование его скудно, воспитание дурно, вкусы вульгарны. Аракчеев разъехался с законной супругой и завел любовницу, Настасью Минкину, жену какого-то матроса, особу дородную, грубую, распутную, большую охотницу до порнографических картинок. В одном из павильонов прекрасного имения Грузино стоило нажать потайную пружину, как появлялись спрятанные за зеркалами непристойные изображения. В библиотеке хранились эротические книги вроде «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами»... Но господствующей страстью Аракчеева была служба. Молчаливый и жестокий, с трудом умеющий составить рапорт без орфографических ошибок, он придумывает подробные правила служебного распорядка и сам с маниакальной строгостью наблюдает за их буквальным исполнением. Его подчиненные дрожат от страха в его присутствии: он издевается над ними, оскорбляет, бьет. Их унижение доставляет ему наслаждение более острое, чем любовь. Он редко появляется в свете, зная, что аристократы презирают его, и ему нравится сбивать с них спесь. «Против Аракчеева... все, что имеет здесь вес, и все, что держится за все то, что имеет вес... Тем временем он все уничтожает», — пишет Жозеф де Местр. Аракчеев, по его собственному выражению, «без лести предан» царю. Александр сознает, что в лице Аракчеева имеет слугу, болтливости или предательства которого может не опасаться. Это автомат, готовый слепо исполнить любой приказ императора. Некий зонт, защищающий Его Величество от ливня. Вскоре Александр уже не может обходиться без Аракчеева. Он подолгу гостит в имении генерала Грузино и восхищается наведенным здесь образцовым порядком: безупречно ровными аллеями, тщательно подстриженными деревьями, аккуратными белыми башенками и размещенными

повсюду императорскими эмблемами. Здесь каждая былинка, каждый камешек, так же как и каждый крестьянин, имеют свое раз и навсегда отведенное им место. И всегда наготове мокнущие в кадках с рассолом палки и прутья для наказания провинившихся, как и железные рогатки, которые надевают на шею. Так что никто и пикнуть не смеет. Для Александра Грузино — это образ рая на земле. Расставшись с Аракчевым, он пишет ему дружеские, едва ли не нежные письма. Их общее прошлое в Гатчине времен Павла придает их отношениям оттенок грубоватого армейского братства. Трусливый на поле боя, Аракчев не имеет себе равных в казарме. Он страстно увлекается ружейными приемами, надзором за чистотой спален, покроем мундиров, и Александр с удовольствием разделяет с ним эти причуды. Когда дело касается его полков, он не упускает ни одной детали. Медные пуговицы — его навязчивая идея. Он желает, чтобы его солдаты задерживали дыхание во время смотров, «чтобы не было видно, как они дышат». Его душа успокаивается, а нервы расслабляются при виде общего единообразия и симметрии. Когда он работает в своем кабинете, вид дурно очиненного карандаша или неровно положенной папки причиняет ему страдания. Зато ему приятно смотреть на два абсолютно одинаковых камина, на одном из которых стоит бюст Юноны, на другом — бюст Минервы, на свой стол, где в незыблемом порядке разложены гусиные перья и расставлены чернильницы, на совершенно одинаковые, крытые зеленым сукном столики, — каждый для определенного министра. Впрочем, в кабинете он принимает с докладами одного Аракчева, который держит в руках управление всеми внутренними делами империи. Не имея портфеля министра, он обладает властью диктатора. Люди, принадлежащие к разным партиям, в один голос называют его «Змей-горыныч», «изверг», «злой гений

России». Его сотрудники говорят, что он «трудолюбив, как муравей, и ядовит, как тарантул». Под эгидой Аракчеева Александр окончательно отрекается от либеральных проектов своей молодости. Бог, которому он отныне молится, это Бог порядка и угнетения. Соблюдение дисциплины становится первостепенной государственной задачей. Кое-кто поговаривает, что возвращаются времена Павла I.

В феврале 1816 года Карамзин, официальный придворный историограф, приезжает в Петербург, чтобы представить царю восемь томов своей «Истории государства Российского». Несмотря на неоднократные просьбы, он не может добиться аудиенции. После десяти недель тщетного ожидания ему передают слова Аракчеева: «Карамзин, видно, не хочет моего знакомства». Историк понимает: на аудиенцию у государя нужно позволение сторожевого пса, охраняющего вход. Он наносит визит Аракчееву. Тот заявляет ему: «Учителем моим был дьячок: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дело исполнять волю государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться: теперь уже поздно». На следующий день государь принимает Карамзина, жалует ему на печатание его труда 60 тысяч рублей, а также чин статского советника и орден Св. Андрея Первозванного. Сам Сперанский, друг юности царя, теперь генерал-губернатор Сибири, стал членом Государственного совета после того, как униженно выпросил протекцию у своего давнего врага.

Когда граф Разумовский вышел в отставку, Министерство народного просвещения, которое он возглавлял, было объединено с Министерством Духовных дел и вверено князю Голицыну. Это слияние произведено, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Библия становится единственным источником знания. «Соединение двух Министерств последовало с тем

намерением, чтобы мирское просвещение сделать христианским, — пишет Карамзин своему другу И. И. Дмитриеву. — Немудрено, если в наше время умножится число лицемеров».

Но самая главная идея, выдвинутая Александром и рьяно проводившаяся в жизнь Аракчеевым, — это идея военных поселений. По прочтении статьи французского генерала Сервана де Гербея «Пограничные войска государства» у Александра словно бы открылись глаза. Суть дела, как он понял, была в том, чтобы, с одной стороны, в мирное время не отрывать солдата от семьи, с другой — соединить службу солдата с работой мужика, обязанного нести военную службу. Земледелец, наделенный клочком земли в 15 гектаров, будет обеспечивать солдата и его семью хлебом, а его лошадь — фуражом. Таким образом, крестьяне станут солдатами, оставаясь хлебопашцами, а солдаты разделят с крестьянами полевые работы. Все — и крестьяне, и солдаты, будут носить одинаковую форму и жить по одним и тем же правилам армейской дисциплины. Эта часть населения будет сама себя кормить и сократит, таким образом, расходы на содержание армии.

Первый опыт предпринят в 1810 году в Могилевской губернии, но война его приостановила. В 1815 году царь возвращается к этому плану и поручает его исполнение Аракчееву. С 1816 года военные поселения устраиваются в Новгородской губернии, где находится имение Аракчеева, а также в Могилевской, Херсонской, Екатеринославской, Слободско-Украинской губерниях. Вскоре поселена уже треть армии. Происходит это просто: полк приводят в уезд на поселение, и автоматически все крестьяне этого уезда делаются солдатами. Разделенные на роты, батальоны, эскадроны, они образуют резерв той войсковой части, которая обосновалась на их земле. Бок о бок со своими

новыми товарищами по оружию они работают на полях, а в оставшееся время подвергаются муштре. Специалист по нивелировке и надзору за досугом, Аракчеев разрушает грязные, но живописные деревни, заменяет бревенчатые избы симметрично расположенными домами, а также сбривает бороды у мужиков. Их новую роль в них вбивают палками. Одетые в одинаковые мундиры, они пашут и косят под барабанную дробь. Браки устраиваются военным начальством, а выбор жениха и невесты производится по жребию. Чувства значения не имеют, зато брачная жизнь обязательна. Не остается ни вдов, ни старых дев, а женщины, рожаящие недостаточно часто, подвергаются штрафу. Мальчики с шестилетнего возраста зачисляются в кантонисты и таким образом навсегда утрачивают свободу. Аракчеев заказывает для них мундиры на три разных возраста. «Когда они окончены будут, — пишет он императору 25 мая 1817 года, — то раздам во все деревни и прикажу всем детям быть одетыми в один день, с приказанием, дабы они никогда другого платья не носили, кроме мундиров, употребляя оные и во всех работах». За письмом следуют инструкции, и он лично отправляется на место и любуется этой армией в миниатюре. «Только несколько старух плакали», — сообщает он царю.

В совершенно одинаковых домах, выкрашенных голубой и розовой краской, с одинаковым цоколем из кирпича, с одинаковыми межевыми столбами, окруженными одинаковыми невысокими живыми изгородями из жидких берез, живут одетые в одинаковое обмундирование семьи. Комнаты опрятны. Вещи, список которых, заключенный в рамку, вывешен на стене, расставлены в строгом порядке, и инспекторы в назначенный день проверяют их состояние. Уборка дворов, мытье полов, уход за скотом, растопка печей, выкармливание детей, чистка медных пуговиц — все

мелочи повседневной жизни предусмотрены и регламентированы соответствующей статьёй распорядка. При малейшем его нарушении — наказание розгами. Все это нравится Александру. Он мечтает увидеть всю Россию превращенной в гигантское военное поселение, когда каждый человек имеет в обществе свое раз и навсегда определенное место, свои обязанности, определенный мундир и не имеет никаких собственных мыслей.

Но если военные поселения восхищают императора, они ненавистны тем, кто вынужден в них жить. Крестьяне, привыкшие к грязи, ленивые, свыкшиеся со своим рабством, с трудом приспосабливаются к новым жилищам, новой одежде и новым хозяевам. Повиновение военной власти для них тяжелее, чем повиновение власти гражданской. Их традиционный быт, их личная жизнь насильственно уничтожаются на этой каторге буквального исполнения. Мужики протестуют, умоляют, бегут, прячутся в лесах, шлют посланцев к вдовствующей императрице, к великому князю Константину. При проезде великого князя Николая несколько сот этих несчастных выходят из лесу, где прятались, останавливают его, плачут и просят заступничества. Четверо женщин, насильно выданных замуж, бросаются к ногам Александра и молят о милости. Ответ Александра категоричен: «Военные поселения будут, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чугуева». А саксонскому министру он заявляет: «Я справлялся с куда более трудными делами и желаю, чтобы мне и в этом повиновались».

24 августа 1819 года Аракчеев шлет царю донесение о возмущении, вспыхнувшем в Чугуевском военном поселении. Бунт принял такие размеры, что военный трибунал вынес 275 смертных приговоров. Аракчеев хвалится, что, призвав «на помощь

всемогущего Бога», «как христианин» смягчил это наказание: просвещенный Господом, он приказал вместо расстрела наказать «шпицрутеном каждого через тысячу человек по двенадцать раз». На деле эта кара означала даже для самых крепких из осужденных смерть в ужасных мучениях. Для начала Аракчеев великодушно ограничивается наказанием сорока зачинщиков. Некоторые из их сообщников, раскаявшись, просят помилования, и Аракчеев, «принеся в душе благодарность Всевышнему» за то, что сумел их образумить, обещает выхлопотать монаршую милость. «Происшествия, здесь бывшие, — пишет он царю, — меня очень расстроили; я не скрываю от Вас, что несколько преступников, самых злых, после наказания, законами определенного, умерли, и я от всего онаго начинаю очень уставать». При чтении этого письма кроткий ангел Александр кипит от гнева против смутьянов. Ему нестерпима мысль, что неграмотные мужики, босяки осмеливаются противиться его повелениям. Он сочувствует в этом деле не жертвам, а другу Аракчееву, который так расстраивается, наказывая их. «С одной стороны, — пишет он Аракчееву, — мог я в надлежащей силе ценить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпеть в тех обстоятельствах, в которых ты находился. С другой, умею я также ценить и благоразумие, с коим ты действовал в сих важных происшествиях. Благодарю тебя искренно, от чистого сердца за все твои труды». Не только он не обмолвился о милости раскаявшимся бунтовщикам, но еще требовал, тяжело вздыхая, продолжить наказание. «Происшествие, конечно, прискорбное, — заключает он, — но уже когда, по несчастью, случилось оное, то не оставалось другого средства из онаго выйти, как дав действовать силе и строгости законов». Наказание виновных продолжилось и, по сообщению французского поверенного в делах

Мальвирада, 160 человек умерли под шпиррутенами. Кроме того, 26 женщин были наказаны розгами и сосланы в Оренбург, 60 офицеров подвергнуты дисциплинарным мерам.

Через год — новое восстание. Теперь это не сборище неграмотных мужиков, а любимый полк царя, тот самый, шефом которого он состоял, когда был наследником престола, — знаменитый лейб-гвардии Семеновский полк. Командир этого элитарного полка полковник Шварц, крутой и жестокий, требовал от подчиненных сверхчеловеческой четкости в исполнении маневров и, добиваясь полного автоматизма, не останавливался ни перед каким изуверством. Согласно депеше одного дипломата, «он заставлял рядовых маршировать босиком для выправки носков, рвал усы, плевал в лицо, изнурял ученьями, а одного солдата уложил на месте ударом палки».^[66] В ночь на 16 октября 1820 года рота Его Величества первого батальона заявила капитану, что не в силах более терпеть притеснения Шварца. Вся рота за неповиновение была посажена под арест в Петропавловскую крепость. На следующую ночь солдаты других четырех рот этого же батальона взбунтовались и потребовали освобождения товарищей из Государевой роты. Окруженные оставшимся верным властям батальоном, они не оказали сопротивления и тоже были брошены в казематы Петропавловской крепости. В общем, это был обычный случай возмущения, вызванный бесчеловечным обращением командира, ненавидимого солдатами. Но семеновцы — самый престижный полк русской гвардии, и восстал он в самом центре столицы. В отсутствие царя командиры не сумели удержать полк в повиновении. Александр, представив себе, какое воздействие это событие окажет на общественное мнение в России и за ее

пределами, задыхается от ярости. Эти инсургенты в русских мундирах нанесли ему оскорбление на глазах у всей Европы. Он не верит, что это всего лишь вспышка солдатского возмущения. «Никто на свете, — пишет он Аракчееву, — меня не убедит, что сие происшествие было вымыслено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца». Несомненно, здесь замешана политика: это революционеры из тайных обществ замышляют развалить русскую армию. Александр откровенно делится своими подозрениями с Меттернихом, который, как и царь, находится в Троппау на конгрессе. Меттерних пишет в «Мемуарах»: «Царь полагает, что должна быть какая-то скрытая причина того, что три тысячи русских солдат отважились на дело, так мало согласующееся с национальным характером. Он даже вообразил, что бунт устроили радикалы, чтобы запугать его и заставить вернуться в Петербург; я не разделяю его мнения. Слишком уж невероятно, чтобы в России радикалы распорядились целыми полками, и все это доказывает только, как сильно изменился император».

Вернувшись в Петербург, Александр утверждает приговор военного трибунала, судившего бунтовщиков Семеновского полка. Солдаты и офицеры, признанные непричастными к бунту, распределены по разным гарнизонам, несущим службу на окраинах, чтобы там поразмыслить о преступлении своих однополчан. Что до зачинщиков, то суд постановил: «Государь Император, приняв в уважение долговременное их содержание в крепости, равно и бытность в сражениях, Высочайше повелеть соизволил: избавя их от бесчестного кнутом наказания, прогнать шпицрутеном каждого через батальон по 6 раз и потом отослать в рудники».

Покарав этих несчастных, Александр с облегченной душой пишет Голицыну: «Я вполне отдаюсь Его

предрешениям, и Он один всем руководит, так что я следую только Его путями, ведущими лишь к завершению общего блага». Он тем более убежден в своем праве быть непреклонным, что по всей Европе всходят семена революции: в том же году в Париже убит герцог Беррийский, год назад в Германии заколот студентом писатель Коцебу, слывший агентом русского правительства; в Испании, в Италии усиливается брожение умов. Александр боится, что зараза перекинется в Россию. С возрастающей подозрительностью он следит за интеллектуальной и светской жизнью своей столицы.

После окончания войны вновь гостеприимно распахнулись двери особняков. Каждый вечер русская знать съезжается в один из княжеских дворцов, и вереница экипажей выстраивается вдоль всей улицы. В парадных залах, в салонах в сиянии тысячи свечей усыпанные бриллиантами красавицы танцуют с одетыми в парадные мундиры и увешанными орденами кавалерами. На тех, кто кружится под звуки оркестра, редко можно увидеть фрак. В стороне, за карточными столами располагаются игроки, не обращающие внимания на гром музыки. «Из ста домов в девяноста домах играют, — пишет генерал Михайловский-Данилевский. — Едва я успевал поклониться хозяйке, карта уже находилась в моей руке. На званных обедах перед столом садились за вист и игрою занимались не только люди в летах, но и молодые».

Другое безумство, охватившее петербургское общество, — театр. Театральные залы переполнены. Зрители, заполнившие ложи, раскланиваются друг с другом, ожидая поднятия занавеса. Лорнеты, веера, ленты, звезды, эполеты и диадемы сверкают и переливаются в огнях люстр, слепит глаза золотое шитье туалетов разряженной публики. Молодые офицеры вытягиваются, завидев генерала,

пробирающегося к своему креслу. У каждого зрителя есть свой кумир среди танцовщиц, певиц и актрис. Правительство поощряет этот род развлечений: те, кто загораются от взмаха кисейной юбочки или россыпи вокальных арабесок, не станут заниматься политикой.

Но кроме невинных и приятных зрелищ, вроде балетов Дидло, на которых зрители рукоплещут танцовщицам Колосовой и Истоминой, комических опер, в которых блистают знаменитые певицы мадам Данжвилль-Вандерберг и Каталани, или французских водевилей и русских комедий, есть род деятельности, не поддающийся контролю, — творчество поэтов. Поэты наделены духом независимости, обуреваемы тысячью разных фантазий и тем более опасны, что их сочинения далеко не всегда напечатаны, а ходят по рукам анонимно, переписанные в сотни экземпляров. Молодые литераторы объединяются в пародийное литературное общество «Арзамас», на собраниях которого превозносятся литературное новаторство и обновление языка в противовес «Беседе» Шишкова, придерживающейся архаической традиции в литературе. Среди членов «Арзамаса» рядом с прославленным поэтом Жуковским, признанным главой русского романтизма, мелькает силуэт юноши с курчавыми волосами, толстыми губами и вдохновенным взором — Александра Пушкина, по материнской линии происходящего от «арапа Петра Великого». Его эпиграммы на светских львов и высших сановников заставляют до слез смеяться его собратьев на этих веселых вечерах. Быстро освободившись от влияния французской литературы, Пушкин вскоре ослепит современников оригинальностью своего истинно национального гения. Его окружают именитые литераторы старшего поколения: Карамзин, автор монументального труда «История государства Российского», поэт-патриот Глинка, баснописец Крылов,

наконец, комедиограф Грибоедов, комедия которого «Горе от ума» запрещена к постановке, но известна по бесчисленным рукописным копиям. Множество ходит по рукам и читается тайно. Поистине можно подумать, что гонения властей возбуждают гений писателей. В Петербурге, как и в Москве, умственная жизнь кипит, перья летают по бумаге. Обществу «Арзамас» наследует общество «Зеленая лампа». На его собраниях говорят о литературе, о женщинах, немного о политике. Более серьезно настроены члены философского общества «Архивные юноши», члены которого — мечтатели в душе — изучают труды Шеллинга. Во время своих дискуссий, увлеченные проектами лучшего будущего своей страны и всего человечества, они забывают о пошлости повседневной жизни.

Все эти бросаемые на воздух слова точно передаются Аракчееву его шпионами. Аракчеев докладывает о них Александру и торопит его ужесточить полицейский надзор и цензуру. В 1818 году особому комитету, созданному при Министерстве народного просвещения, предписано согласовать преподавание всех наук с верой в Бога и принципом самодержавной власти.

Главная цель комитета — запрещать сочинения, которые «противоречат христианству», устранять из книг по естественным наукам «все пустые и бесплодные предположения о происхождении и изменении земного шара», а из медицинских трактатов все то, что «унижает духовную природу человека» и «Божественное предопределение». По приказу Комитета сожжено множество томов, много иностранных книг задержано на границе. Запрещены произведения, где упоминаются, хотя бы и не прямо, либеральные институты или народные движения, например «Политика» Аристотеля, «Десять лет изгнания» мадам де Сталь и даже «Поэтические

мечтания» Ламартина, чтением которых заполняла свой досуг императрица Елизавета. Небольшая брошюрка об опасности употребления в пищу некоторых видов грибов запрещена потому, что «грибы — постная трапеза православных». Тот же цензор подверг разносу бездарную поэму неизвестного автора как нечестивую. Стихотворец воспевает «небесную улыбку» своей избранницы, ждет у ее ног, когда будут услышаны звуки его лиры, и заключает: «О, как бы я желал всю жизнь тебе отдать!» Цензор возражает: «Женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть небесной; грешно и унижительно для христианина сидеть у ног женщины, и, если он отдаст свою жизнь женщине, то что же останется Богу?» Другому стихотворцу, написавшему: «О, как бы я желал пустынных стран в тиши, Безвестный, близ тебя к блаженству приучаться», цензор возражает: «Таких мыслей никогда развеивать не должно; это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того только, чтобы всегда быть со своею любовницей; сверх сего к блаженству можно только приучаться близ Евангелия, а не близ женщины».

Пушкин, рождающаяся слава России, обвинен Милорадовичем, генерал-губернатором Петербурга, в сочинении подрывных поэм, выслан из столицы и переведен на службу на юг России. Даже такие консервативные и благонамеренные писатели, как Карамзин и С. Глинка, издатель журнала «Русский вестник», не избежали придинок цензуры.

Заставив замолчать поэтов, журналистов, историков, центральная власть принимается за образование. Магницкий, бывший соратник Сперанского, переметнувшийся на сторону Аракчеева, возглавляет гонения на просвещение и проводит «чистку» университетов. Начинают с Казанского. Двенадцать профессоров уволены за то, что их лекции

недостаточно вдохновлялись Священным Писанием. Студентов обязали присутствовать на всех церковных службах и по благочестию определяли степень их благонадежности. Сочинения Вольтера, Руссо, Канта изъяты из библиотек, главным авторитетом в изучении истории признан Боссюэ.^[67] Ректор университета Никольский на лекциях по высшей математике доказывает, что гипотенуза «есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви», а потом уверяет учеников, что два треугольника равны третьему с «Божьей помощью». Из Казани «чистка» перекидывается в Краков, Москву, Петербург. Один столичный профессор изгнан за то, что излагал «философские системы и сразу же их не опровергал»; другой за то, что осмелился сказать: «Земля, обработанная свободными крестьянами, дает больший урожай, чем обработанная крепостными». Наведен порядок и в императорском Лицее в Царском Селе, когда-то основанном Александром, среди самых знаменитых выпускников которого — Пушкин. Профессор Куницын, любимый учитель Пушкина, уволен за распространение «опасных суждений, введенных в моду печально знаменитым Руссо». Эти драконовские меры дискредитируют учебные заведения в глазах молодежи. Вскоре в Петербургском университете останется всего сорок студентов, в Казанском — около пятидесяти. В июле 1822 года Дерптскому университету запрещено принимать студентов, слушавших лекции в европейских университетах. Через несколько месяцев последовал запрет русским учиться за границей, будь то Гейдельберг, Йена или Вюрцбург. Наконец, на всей территории России запрещено преподавать естественное право и политические науки.

Но надзора за университетами, салонами и литературными кружками недостаточно: мужики не

умеют читать, но услышать опасные речи могут. Властям на местах приказано выискивать подозрительных людей, которые «сбивают с толку крестьян опасными соблазнами свободы, к которой нация не готова». В 1822 году помещикам возвращено право, отобранное в 1809 году, беспрепятственно ссылать своих крепостных в Сибирь.

Вместе с тем Александр делает вид, что по-прежнему озабочен проблемой крепостного права, и любит провозглашать публично: «Я хочу вывести нацию из варварского состояния, допускающего торговлю людьми. Если бы развитие цивилизации было достаточным, я бы уничтожил рабство, хотя бы это стоило мне головы». Еще в 1816 году он обязал генерала Киселева представить записку «О постепенном уничтожении рабства в России». Похвалив автора за добрые намерения, Александр отослал документ в архив, где он затерялся среди прочего бумажного хлама. Он также поручает особой комиссии, заседавшей в Варшаве под председательством Новосильцева, разработать проект конституции для России. Французский юрист Дэшан руководит этими пустыми словопрениями. Законченный документ^[68] передан на рассмотрение царю. Александр его одобряет, но и не думает проводить его в жизнь. Чтобы успокоить свою совесть, ему достаточно помечтать о либеральной политике. Произнося вольнолюбивые речи, он поддается иллюзии, что ему по-прежнему двадцать лет и душа его открыта всему новому; на деле ему сорок, он душевно и телесно надломлен, боится перемен и все больше впадает в мрачный деспотизм. Аракчеев толкает его на путь подавления любого свободомыслия, лишь бы сохранить существующий порядок.

Фаворит, пользующийся неограниченным доверием императора, тем не менее страдает от того, что сфера его влияния ограничена гражданскими и военными делами. Царь, когда хочет воспарить душой к высотам мистицизма, призывает в наставники не его, а Голицына и Кошелева. В обществе двух этих «старых визионеров» он устраивает какие-то таинственные, длящиеся часами собрания, после которых его взор туманится меланхолической радостью. Аракчеев, не допущенный на эти беседы, бесится, точно обманутая супруга. Он не в силах перенести, что столь важная сторона жизни Александра ускользает от него. Совершенно очевидно, что он, хоть искренно верует и исправно посещает церковь, не настолько образован, чтобы обсуждать со своим властелином теологические проблемы. Однако он чует опасность, подстерегающую Александра, позволившего влиянию сект распространяться по всей стране. Как верный слуга Господа, он убежден, что церковь — самая надежная опора монархии и, стало быть, ослабление церкви ослабляет и монархию. А Библейское общество и секты разного рода ясновидцев отвращают часть народа от традиционной русской веры. Пусть царь поостережется: мистический сумбур в мыслях подготавливает сумбур в политических убеждениях! Чтобы вернее воздействовать на Александра, Аракчеев открывает ему глаза на скандальные выходки молодчиков, которым покровительствуют Голицын и Кошелев. И Александр, друг теософов, вдруг обнаруживает, что стоит на краю пропасти, в которую чуть было не угодил заодно с ними. Решительно, Аракчеев с его грубым здравым смыслом незаменим. Всякий поиск, всякая новизна в вопросах веры, равно как и в вопросах о форме правления, одинаково опасны. По настоянию отца военных поселений одержимая Екатерина Татаринова, недавно очаровывавшая царя, изгнана из Михайловского замка.

Знаменитый скопец Кондратий Селиванов, на одном из сеансов посвящения осененный злополучной идеей оскопить молодого офицера императорской гвардии, оказавшегося племянником генерала Милорадовича, удален из столицы и отправлен в монастырь в Суздаль. Баронессе Крюденер, вернувшейся в Петербург, не удается, несмотря на все ее усилия, вернуть расположение Александра. «Я знаю, государь, что Вам надоедаю, что, может быть, Вас оскорбляю, — пишет она ему. — Но я не могу оскорбить Бога, нарушив его волю. Я повинуюсь ему и открываю ему все, что высказываю Вам». Раздраженный бесконечными просьбами денег своей бывшей подруги, ее неуместным вмешательством в судьбу восставших греков, как и ее непрерывными пророчествами, царь собственноручно пишет ей письмо на восьми страницах, упрекая в пренебрежении обязанностями «подданной и христианки» и предлагая удалиться в ее имение. Обиженная баронесса уезжает в свое Лифляндское поместье и оттуда посылает последнее послание Его Величеству: «Вы страдаете, а меня разлучили с моим братом во Христе! Вы бы возвеличились как никогда, если бы припали к кресту Христову в Соборе Святой Софии и поклонялись Иисусу Христу, простершись на ступенях святой мечети, обителище животворящего Бога!»^[69] Александр оставляет письмо без ответа. А Францу фон Баадену, которого Александр ценил за мистические откровения, направлявшемуся в Петербург для встречи со своими последователями, приходится три месяца ждать в Риге разрешения продолжать путь. После чего знаменитого путешественника без всяких объяснений высылают и вдобавок лишают пенсии, которую он получал как корреспондент Министерства просвещения.

Чтобы окончательно покончить с «истерией пиэтизма», Аракчеев решается на очень хитроумный ход: объединиться с двумя представителями высшего русского духовенства — Серафимом, новым митрополитом Петербурга, и, главное, с архимандритом Фотием, тридцатилетним монахом, невежественным, экзальтированным фанатиком. Высокий, худой, с изможденным лицом и рыжеватой бородкой, Фотий завораживает свою паству магнетическим сверканием серых глаз, порывистыми жестами, вдохновенными речами. Этот аскет предается умерщвлению плоти, носит под рясой железные вериги и власяницу. Он сближается с графиней Анной Орловой, становится ее духовником и убеждается, что она «есть раба Господа смиренная и сосуд благодати Христовой». Девица в тридцать пять лет, наследница колоссального состояния, эта странная особа ездит верхом, как казак, управляет тройкой лошадей, танцует, как баядерка, но сторонится мужчин, питается кореньями и ревностно исполняет церковные обряды. Все свои миллионы, все великосветские связи она предоставила в распоряжение Фотия. Быть может, она поддается искушению, которое представляет этот святой человек, наделенный огненным темпераментом? Кое-кто поговаривает об этом, но она с негодованием отвергает подозрения. Ее союз с Фотием, уверяет она, чисто духовный. Их объединяет общая навязчивая идея — извечные козни сатаны против рода человеческого. Фотия и во сне преследуют бесы, и он храбро отбивается от них. Но всего этого ему недостаточно. С тех пор как он встретил Анну Орлову, он чувствует в себе призвание сражаться с мировым Злом: обличать и карать вольтерьянцев, мартинистов, франкмасонов, обезглавить «семиглавую гидру иллюминизма». Этот русский Торквемада,^[70] рупор гласа небесного, предает

словесным анафемам безбожников и нечестивцев. Для духовенства, обеспокоенного еретическим безумием, угрожающим прочности трона и алтаря, этот неистовый проповедник — лучший союзник. Голицын, по простоте сердца, не догадывается, что Фотий, изрыгая хулу на современное общество, увлеченное спиритизмом, на самом деле метит в него и его приверженцев.

Аракчеев умело ведет интригу, цель которой — свалить главного мистика Его Величества, и добивается согласия царя принять архимандрита 5 июня 1822 года. Представ перед Александром, Фотий не приветствует его, а ищет взглядом икону, которая, по обычаю, освящает помещение. Заметив икону в одном из углов, он простирается перед ней, читает молитву и, почтив Царя Небесного, медленно поднимается и склоняется перед царем земным. Этот последний, до глубины души взволнованный его божественной чистотой, благоговейно целует руку своего посетителя, часто крестится и произносит: «Я давно желал тебя видеть, отец Фотий, и принять твое благословение». Фотий отвечает: «Мир тебе, царю, спасися, радуйся, Господь с тобою буди!» И когда царь сажает его рядом с собой, Фотий важно возвещает ему об опасности, грозящей церкви от тайных врагов святой веры, которым покровительствуют приближенные к царю люди. Его апокалипсическое красноречие приводит в расстройство нервы Александра. Сам Бог наставляет его. Следуя за Голицыным и Кошелевым, он избрал ложный путь, сбился на путь протестантизма, иллюминизма. После двух часов беседы он падает на колени перед монахом, смиренно поднимает глаза на восковое, окаймленное рыжеватой бородой лицо и молит Фотия благословить его. «Когда же видел князя Голицына, — рассказывал Фотий, — не поведал ему ничто же, что с царем тайное было говорено». В благодарность за душеспасительные речи архимандрит

получает от Александра алмазный крест, а от вдовствующей императрицы золотые часы. Но эти подарки не кружат ему голову. Он презирует роскошь, питается горстью овсянки и пьет только укропную воду. Его слава как чудотворца распространяется во всех слоях общества. Графиня Орлова боготворит своего кумира. Он обращается с ней сурово. Встречая его после богослужения, она вытирает с его лба пот и стаскивает с него сапоги. Царь посещает его в монастыре. В главной церкви, на верхней балюстраде, отделяющей хоры от нефа, начертано: «Здесь император Александр вместе с графом Аракчеевым и другими придворными молился, простершись рядом с Фотием».

Встреча Фотия с Александром не замедлила принести плоды. Императорский рескрипт от 1 августа 1822 года предписывает Кочубею, министру внутренних дел: «Все тайные общества, под какими бы наименованиями они ни существовали, как-то, масонские ложи или другие, закрыть и учреждение их впредь не дозволять». Этот неожиданный приговор поражает ужасом круги «братьев», среди которых немало высших сановников империи. Никто не понимает причин внезапной немилости царя к организациям, гуманные цели которых он недавно поддерживал. Прошел слух, что причина — в раскрытии тайного «заговора» польских и английских масонов. Но русские ложи к этому не причастны. Зачем же их уничтожать? «Масонство не имело в России другой цели, кроме благотворения и приятного препровождения времени, — пишет Михайловский-Данилевский. — С закрытием лож мы лишаемся единственных мест, где собирались не для карточной игры». Лабзин, издатель мистического журнала «Сионский вестник», не скрывает своего огорчения: «Что тут хорошего? Сегодня запретили ложи, а завтра принудят в оныя ходить.

Ложи вреда не делали, а тайные общества и без лож есть. Вот у Кошелева тайные съезды, и князь Голицын туда ездит. Черт их знает, что они там делают». За эти дерзкие речи Лабзин уволен от должности вице-президента Академии художеств и выслан в удаленный от столицы провинциальный город.^[71]

Издание «Сионского вестника» запрещено. Мистические общества и различные секты разогнаны. Но как уследить за небольшими дружескими кружками? Сердца, поклоняющиеся одному идеалу, ищут случая незаметно собраться вместе. Приходится таиться, чтобы свободно поговорить о Боге или о политике. Однако простодушный Голицын, влияние которого сильно подорвано императорским рескриптом, пока остается на своем посту и все еще не догадывается о кознях, направленных против него. Он по-прежнему с доверием относится к своему сотруднику и другу Магницкому, тогда как тот, предвидя близкое падение министра духовных дел и народного просвещения, тайно плетет против него интриги. А за всем этим стоит, держа все нити в своих руках, терпеливый, бдительный и злобный Аракчеев.

В начале 1824 года сотрудник Голицына, проповедник и протестантский пастор Иоганн Госнер, публикует в переводе на русский язык, сделанном Поповым, свое богословское сочинение «Der Geist des Lebens».^[72] Фотий, набросившись на книгу, обличает ее как безбожную, богохульную, исполненную сатанинского духа. Обеспокоенные Шишков и новый министр внутренних дел Ланской также находят в ней ниспровержение христианской веры. Комитет министров рассматривает дело. Госнеру предложено покинуть Россию. Его труд сожжен. Цензоры, пропустившие столь нечестивый текст, преданы суду. Распаленного всеми этими событиями Фотия посещают

видения, предписывающие ему не останавливаться на избранном пути. В доме «чистой девственницы» Анны Орловой собирается военный совет в составе архимандрита Фотия, митрополита Серафима, Аракчеева, Магницкого и шефа полиции Гладкова. Договорено между ними, что Серафим от имени осмеянной церкви потребует у государя отставки министра духовных дел князя Голицына. Но, представ перед императором, митрополит, оробев, лишается дара убеждения, и встреча оказывается безрезультатной. Аракчеев, держась в тени, добивается новой аудиенции для Фотия. Архимандрита проводят по тайной лестнице, служившей некогда любовникам Екатерины Великой. И снова Александр потрясен зловещими предсказаниями Фотия. «Ты мне как прямо с небес послал ангела своего святого, — восклицает он, возведя очи к потолку, — возвестить всякую правду и истину!» В течение трех часов Фотий мечет громы и молнии против нечестивцев. Его возбуждение так велико, что он весь, с головы до ног, покрывается потом. Позже он скажет, что на его теле выступил кровавый пот. Но и после этого яростного выпада Александр не спешит сместить министра. Аракчееву приказано отправиться к митрополиту и переговорить с ним в присутствии Фотия. Серафим загорается священным гневом и, стянув с головы белый клобук и бросив его на стол, заявляет, что скорее сложит с себя сан, чем будет служить с князем Голицыным, «явным врагом клятвенным церкви и государства». Тогда Фотий испрашивает позволения изложить императору письменно все обвинения в вольнодумстве и меры борьбы с ним. В четырех записках архимандрит требует удалить Голицына, восстановить надзор Священного Синода и духовенства над просвещением и распустить Библейское общество. «Повеление Божие я возвестил, — пишет он царю, — исполнить же в тебе

состоит... Бог победил видимого Наполеона, вторгшегося в Россию; да победит он и духовного Наполеона лицом твоим, коего можешь, Господу содействующу, победить в три минуты чертою пера».

Александр все еще в нерешительности. Он просит Аракчеева вмешаться и попытаться примирить министра и его врагов. Голицын, предупрежденный наконец об опасности, отправляется к графине Анне Орловой и, не застав хозяйку дома, предлагает Фотию дружески объясниться. Но наталкивается на одержимого, который, выкатив глаза, с пеной у рта, со вставшими дыбом волосами изрыгает ужасные проклятия, тогда как свидетели сцены в ужасе крестятся. «Если ты не покаешься, и вси с тобой не обратятся, анафема всем, — вопит Фотий, — ты же, яко вождь нечестия, не узришь Бога, не внидешь в царствие Христово, а снидешь во ад, и вси с тобою погибнут во веки!» Голицын, съезжившись от страха, спасается бегством, а Фотий, подхватив полы рясы, шествует по дому и читает громовым голосом: «С нами Бог!»

На следующий день невероятная новость распространяется по городу: министр духовных дел предан анафеме архимандритом Фотием. Предчувствуя, что царь не отречется от того, кого принимает за «Божьего посланца», Голицын подает в отставку. «Не раз уж я хотел объясниться с вами чистосердечно, — говорит ему Александр. — В самом деле, вверенное вам министерство как-то не удалось вам». 15 мая 1824 года Голицын отставлен от должности министра. Его портфель передан адмиралу Шишкову. Из Министерства духовных дел изъяты дела, касающиеся православной церкви, и снова переданы Синоду. Митрополит Серафим назначен председателем Российского Библейского общества. Голицын, лишенный поста министра, в качестве компенсации получает новое назначение — управляющим почтовым

департаментом, а торжествующий Аракчеев становится докладчиком по делам Священного Синода. «Он явился, раб Божий, — пишет о нем Фотий, — за святую веру и церковь, яко Георгий Победоносец». Отныне все остальные сотрудники царя не более чем статисты. Александр, преждевременно утомленный жизнью, охотно окружает себя людьми пожилыми и послушными. Лонгинов, секретарь императрицы, сравнивает этих безликих семидесятилетних старцев с персонажами картин Хогарта.^[73] Другой современник пишет: «В последние годы царствования Александра бессильная геронтократия дремала у государственного кормила: старики Татищев, Лобанов, Ланской, Шишков казались более призраками министров, чем настоящими министрами... За всех бодрствовал один всем ненавистный Аракчеев».

Чем сильнее ненависть к его верному советнику, тем больше царь его ценит. В душе он доволен, что дуэль Аракчеева и Голицына кончилась победой первого. Два эти человека, противоположные по своим характерам, но равно ему преданные, страдают, на его взгляд, одинаковым недостатком — узостью ума. Один смотрит на все под углом дел духовных, другой под углом дел земных. Один символизирует Россию мистическую, другой — Россию полицейскую. Александр ощущает, что эта двойственность, эта тяга как к мессианству, так и к военной дисциплине глубоко укоренилась в его собственной душе. В нем мирно уживаются кадило и кнут. Божье царство и сибирская каторга. Из одного чистого благочестия он желает, чтобы нация была ему покорна, и не сомневается, что Аракчеев железной рукой поможет ему справиться с этой задачей. Основатель военных поселений вдруг, без подготовки превратившийся в защитника истинной

веры, становится, таким образом, при Александре своего рода вице-императором.

Глава XIV

Тайные общества

После окончательной победы союзников над Наполеоном престиж России как могущественной военной державы так высок, что кое-кто из европейских дипломатов подозревает Александра в желании расширить границы Российской империи. Но Александр и не помышляет об увеличении своих владений. Он раздвинул географические пределы России, и его совесть чиста перед Петром Великим и Екатериной Великой, его знаменитыми предшественниками. Разве не он овладел Финляндией и Бессарабией, присоединил Кавказ в результате добровольного вхождения в состав России Грузии и Менгрелии? Разве не он получил по Гюлистанскому договору, подписанному с Персией, берега Каспийского моря с Дагестанской областью и городами Дербентом и Баку? Наконец, разве не он распространил протекцию России на Польшу? Чего ему еще желать? Отечественная война, благодаря его непреклонной решимости, закончилась блестящей победой над захватчиком и оздоровила нацию. С тех пор его мысли поглощены тем, как возродить страну из развалин и очистить сердца подданных. Его честолюбивые мечты устремлены не на военные, а на духовные победы. И он желал бы, чтобы его стремление к миру, порядку и духовному спасению разделяли правительства всего мира. Встречаясь с зарубежными дипломатами, он не устает повторять, что его цель — всеобщее умиротворение. «Вы не понимаете России, — говорит он графу Лебцельтерну, новому посланнику Австрии в Петербурге. — Раньше общее внимание было обращено на колосса, угрожавшего самому

существованию других стран (Францию Наполеона. — А. Т.), теперь, когда этот колосс пал, все обратили свои взгляды на другого колосса (Россию. — А. Т.), не видя между ними разницы: первый был агрессивен, другой — консервативен и помышляет только об общем благе... Я слишком близко видел войну, я ее возненавидел, я от нее устал. Военная слава, которую приносят блестящие победы в войне, льстит самолюбию, тешит гордость, но не может перевесить все те ужасы, которые война несет с собой. Я стремлюсь к удовлетворению иного рода — к удовлетворению государя, посвятившего себя внутренним делам своей страны и благу своих подданных. Это мой первейший долг перед Богом как государя и как человека. Я никогда не начну войну первым, никогда не буду воевать из-за моих личных интересов, особенно если война может повредить интересам или задеть права государей, моих братьев».

[74] А министр Франции граф де Ноайль пишет герцогу де Ришелье после встречи с царем: «Было бы большой ошибкой видеть в увлечении императора военными маневрами и мелочами военной службы признак амбициозных намерений и военных планов. Следует полностью отделить вкус к военным теориям и средствам ведения войны от желания применить их на практике. Государь этой страны хочет, действительно, быть арбитром в делах Европы, но ему совершенно чужда мысль о ее завоевании».

Вместе с тем Александр полагает, что «арбитраж в европейских делах» должен осуществлять сильный орган международного контроля. В представлении Александра, Священный союз призван охранять мир между государствами и одновременно социальный порядок в каждой стране от угрозы, которую несет дух французской революции. Декларации прав человека, воодушевлявшей его в юности, он противопоставляет

заповеди апостолов. Он не произносит и не пишет ни одной фразы без того, чтобы прежде не воззвать ко Всевышнему. Как во внешней, так и во внутренней политике он руководствуется не только интересами страны, но высшей моралью, носителем которой считает самого себя. Добро, в его понимании, — это концепция божественного происхождения монархической власти в том виде, каком она существовала до революции 1789 года, а Зло — все то, что борется с этой идеей. Меттерних поддерживает в нем это убеждение. Будучи канцлером государства, состоящего из разнородных частей, он отрицательно относится к доктрине, провозглашающей право народов самим распоряжаться своей судьбой. Он боится пробуждения духа независимости у наций, входящих в империю Габсбургов, что неизбежно приведет к ее распаду. Со свойственными ему лукавством и изворотливостью он внушает Александру, что всем самодержавным государствам, включая Россию, грозят происки революционеров, затаившихся в их владениях. Борьба с ними и значит выполнять Божью волю. Александр, предав забвению неприязнь к Меттерниху, которую питал к нему со времени их столкновений на Венском конгрессе, открывает в австрийском министре близкого ему по духу союзника — их точки зрения совпадают. Напрасно мудрый Каподистрия пытается умерить теократические тенденции своего государя на крупных международных собраниях — Александр уже вскочил на коня Апокалипсиса.

Первый конгресс из этой серии международных встреч состоялся в Экс-ла-Шапелль ^[75] (сентябрь, ноябрь 1818 года). Второстепенные страны, участники Священного союза, не присутствуют на заседаниях, а довольствуются обсуждением решений, принимаемых великими державами. Англия в виде исключения

присутствует на переговорах; Францию, по настоянию Александра, представляет герцог де Ришелье. Царь желал бы скрепить союз обязательствами, предполагающими взаимную помощь в случае внутренней угрозы режиму, существующему в странах-союзницах. Делегат Англии лорд Каслри резко возражает против вмешательства посторонней — пусть и дружественной — страны во внутренние дела соседей. «Нет ничего более аморального и вредного для репутации правительств, — заявляет он, — чем право сообща пускать в ход силу для поддержания установленного порядка в любой другой стране, ибо трудно предвидеть, к каким злоупотреблениям это может привести». Потерпев поражение в этом вопросе, Александр одерживает верх в деле восстановления роли Франции в Европе. По его мнению, продолжать оккупацию этой страны союзными войсками — значит «ранить самолюбие народов, углубить старые раны и побудить их отвернуться от правящей династии, которую они, вполне возможно, сочтут виновной в своих бедах». После долгих дебатов союзники в конечном счете принимают решение о немедленном выводе оккупационных войск с территории Франции и об аннулировании долга^[76] французского правительства, достигавшего 263 миллионов франков, из которых 42 причиталось России. Четыре великие, «вдохновляемые Богом» державы — Россия, Пруссия, Австрия и Англия — приглашают Францию как равного партнера присоединиться к их союзу. Это событие отмечено кратким визитом царя и короля Пруссии в Париж, смотром войск русского оккупационного корпуса в Валансьенне и Мележе и обедом у Людовика XVIII. Вернувшись в Экс-ла-Шапелль^[77] для завершения конгресса, Александр получает от своих шпионов донесения о существовании бонапартистского заговора.

Заговорщики намерены захватить Александра по дороге в Брюссель, увезти его во Францию и принудить подписать декларацию об освобождении Наполеона и возведении на французский трон его сына при регентстве Марии Луизы. Грозящая ему опасность не пугает Александра: более чем когда-либо он вверяет свою судьбу воле Провидения. Как будто для того, чтобы похитителям легче было узнать его, он в эту поездку надевает треуголку, украшенную пышным султаном из белых перьев. Несмотря на этот отличительный знак, никто не осмеливается на него напасть. Правда, эскорт конных жандармов следует за его коляской, а жандармы, переодетые в крестьянское платье, держат под наблюдением расположенные на его пути деревни.

Уже в России его настигает весть о смерти любимой сестры экстравагантной Екатерины, ставшей в январе 1816 года королевой Вюртембергской. Она умерла от осложнившейся простуды 28 декабря 1818 года тридцати лет от роду. Скорбь царя глубока и молчалива. При дворе траур. «Эта смерть — один из тех непостижимых ударов судьбы, которые посылает нам Провидение и с которыми так трудно примириться», — пишет Елизавета матери.

Но вскоре политика отвлекает Александра от горестных мыслей. Если заговор французских бонапартистов оказался плодом воображения, то глухое брожение, охватившее Европу, представляет реальную опасность. В Германии продолжаются волнения молодежи; в Италии карбонарии ежедневно источают яд свободомыслия; в Испании Фердинанд VII вынужден восстановить конституцию 1812 года; в Неаполе разражается настоящая революция, под давлением народа король идет на уступки и также вводит конституцию; наконец, во Франции после убийства

герцога Беррийского забурлила вся «интеллектуальная шпана».

Александр не забыл, что всегда выступал в роли защитника конституционного режима в других странах. Не он ли был инициатором введения Хартии во Франции? Но сегодня он, если хочет быть последовательным, должен отречься от юношеских мечтаний и как глава Священного союза защищать порядок, основанный на христианских истинах, от атеистов и разного рода либералов. «Те же самые принципы, которые дезорганизуют политическую систему и раскачивают троны, — пишет он Голицыну, — еще больше подрывают основы христианской религии: таков результат применения на практике теорий, проповедуемых Вольтером, Мирабо, Кондорсе и другими так называемыми философами, известными энциклопедистами... Не поддавайтесь иллюзиям: существует заговор всех этих обществ, они связаны между собой, они распространяют повсюду свое влияние, у меня есть доказательства этого, и все эти антихристианские секты, основанные на принципах ложной философии Вольтера, поклялись жестоко мстить всем законным правительствам».

Александр, несомненно, мерещится разветвленная международная организация, протягивающая свои щупальца по всей Европе. Ее центральный комитет заседает, само собой, в Париже. Так считает Меттерних, и царь разделяет его мнение. Переворот, который французы совершили в 1789 году в своей стране, они хотят теперь совершить во всем мире. Характеризуя политический климат во Франции, каким он представляется царю, видный французский дипломат граф де Лаферронэ пишет в июне 1821 года: «Острота наших дискуссий, дерзкие принципы, которые у нас нередко осмеливаются провозглашать с трибуны, преступления и заговоры, происшедшие на

политической сцене Франции за последние восемнадцать месяцев, и особенно глубоко укоренившееся убеждение, что революции в Италии и Испании были подготовлены в Париже и из Парижа руководимы, — все это в руках Меттерниха стало мощным оружием для того, чтобы держать в страхе русского императора». Тем не менее Александр не собирается вмешиваться в политическую жизнь Франции. До тех пор, пока Людовик XVIII будет прочно сидеть на троне, опираясь на реакционных министров, союзники будут терпимо относиться к общественному недовольству, нужно только бдительно следить за уровнем брожения умов. Царя очень огорчила инициатива зятя, герцога Вюртембергского: этот неразумный принц отменил в своем герцогстве крепостное право и ввел обещанную в 1813 году конституцию. Разочаровал Александра и другой зять, по слабости характера не устоявший перед требованиями плебса: принц Оранский, будущий король Голландии, супруг великой княгини Анны, необдуманно согласился на введение свободы печати, которую его подданные, разумеется, не замедлили употребить во зло. В октябре 1816 года энергичное вмешательство царя положило конец «злоупотреблениям» свободой.

Но эти небольшие прорехи в мантии Священного союза ничто по сравнению с дерзкими проявлениями сатанинского «зла» в Италии и Испании. Союзники, напуганные угрозой революций, 20 октября 1820 года собираются на конгресс в Троппау в Силезии. Александра сопровождает Каподистрия. Несколькими неделями раньше Александр высказал свои душевные мысли в речи, произнесенной на открытии второго Сейма в Варшаве: «Дух зла пытается восстановить свое пагубное владычество; он уже парит над частью Европы, производит опустошения, творит злодеяния и повсюду насылает катастрофы». При новой встрече

Меттерних одобряет его, и Александр говорит, что обрел «старого товарища по оружию». Александр убежден, что в настоящий момент один только канцлер Австрии способен помочь ему обезглавить гидру революции. Почему в прошлом он всегда боролся с политикой такого замечательного человека? Они будут шагать с ним рука об руку под знаменами Священного союза. В приливе симпатии он откровенно говорит внимательно слушающему его собеседнику: «Вы не понимаете, почему я теперь не тот, что прежде; я вам объясню. Между 1813 и 1820 годами протекло семь лет, и эти семь лет кажутся мне веком. В 1820 году я ни за что не поступлю так, как поступил бы в 1813. Не вы изменились, а я. Вам не в чем раскаиваться; не могу сказать того же о себе».

Точно для того, чтобы поддержать в нем дух карателя, в разгар конгресса приходит донесение о восстании Семеновского полка.^[78] Это новое проявление «сатанинского зла», да еще в его собственной империи, теснее сближает его с Меттернихом. Усмирив бунтовщиков в России, он обращает свой праведный гнев на бунтовщиков в Европе. Один лишь рассудительный Каподистрия сдерживает его деспотические порывы. Меттерних догадывается, что этот опытный советник, к которому прислушивается Александр, может сорвать его собственные планы. Он хотел бы удалить Каподистрию от царя, но Александр дорожит своим министром, смутно сознавая, что имеет в его лице возле себя некий барьер, стесняющий, но необходимый, который ограждает его от нарастающего давления австрийского кабинета.

В Троппау еще меньше, чем в Экс-ла-Шапелль, скрипок и женщин. Не развлекаются, не танцуют — работают. Погода отвратительная. Городок утопает в

грязи. «Почва в Троппау жирная и мягкая, как масло, — пишет Меттерних. — Мы увязаем в грязи, точно в шоколадном мороженом. Так как нельзя пройти по улице, не провалившись по колено, муниципальные власти приказали уложить на земле настил, сколоченный из подогнанных одна к другой досок. Он образует узенькую, но удобную тропинку... Император Александр ежедневно прогуливается по этой тропинке. Мужчинам, которые идут ему навстречу, приходится, естественно, отступать в это месиво, а дам он, шагнув в грязь, учтиво пропускает, если только они, жертвуя собой, не опередят его».

Наконец, уполномоченные союзников подписывают протокол, определяющий их позицию по отношению к любому революционному выступлению. «Союзные державы, — читаем в протоколе, — обладают неоспоримым правом сообща принимать предупредительные меры против государств, в которых изменение политических институтов произошло в результате революции, особенно когда эта революция явно противозаконна и является угрозой для безопасности других государств».

Несмотря на отказ Франции и Англии подписать этот угрожающий документ, союзники приглашают Неаполитанского короля Фердинанда I приехать в Лайбах, где продолжится работа конгресса, для совещания с союзными государствами и выработки карательных мер против его взбунтовавшегося королевства. Очень довольный этим первым реальным результатом совместных действий союзников, Александр пишет 4 ноября 1820 года княгине Софье Мещерской: «Мы занимаемся здесь делом столь же важным, сколь и трудным. Мы ищем способы борьбы с империей Зла. Она быстро расширяется, используя все тайные средства, которые способен изобрести управляющий ею сатанинский гений. Найти

противоядие — не в жалких человеческих возможностях. Справиться со Злом может лишь Спаситель силой Своего Божественного Глагола. Воззовем же к Нему со всем жаром наших сердец, дабы Он простер над нами Свою Божественную длань».

На следующем конгрессе, открывшемся через несколько недель, 8 января 1821 года, в Лайбахе, союзники обсуждают конкретные меры подавления революционных движений. Этот поворот в политике Александра ослабляет роль Каподистрии на театре дипломатических переговоров. Царь, настроенный Меттернихом, подозревает в малодушии советника, вечно удерживающего его за фалды и мешающего ему двигаться вперед. Для восстановления порядка в Европе Австрия выставляет армию в 90 тысяч человек. Александр обещает прислать 90 тысяч русских солдат. В Лайбах вызван генерал Ермолов, чтобы принять командование этой полицейской армией интервентов. Но русским не приходится пускаться в ход оружие. Австрийцы одни справляются с делом. Перейдя через реку По, они приводят Неаполь к повиновению, а чуть позже подавляют восстание в Пьемонте. Ермолов с облегчением пишет: «Конечно, не было доселе примера, чтобы начальник, предназначенный к командованию армией, был столько, как я, доволен, что война не имела места». Хотя русские штыки не понадобились, Меттерних удовлетворен: он больше не сомневается — в случае необходимости на них можно рассчитывать. «Не Россия нас ведет, — пишет Меттерних, — а мы ведем за собой императора Александра, воздействуя на него простейшими доводами. Он нуждается в советах и растерял всех своих советников. В Каподистрии видит вождя карбонариев. Не доверяет ни своей армии, ни министрам, ни дворянству, не доверяет своему народу. А в таком положении никем руководить нельзя».

В следующем, 1822 году союзники, собравшись на конгресс в Вероне, обсуждают испанские дела. Устами Шатобриана, нового представителя Людовика XVIII, Франция заявляет, что готова перейти Пиренеи и подавить мятеж силой оружия. Такая решительность по вкусу царю. Он открывает в писателе-романтике душу, издающую звук столь же кристально чистый, как и его собственная. Не сомневаясь, что будет понят собеседником, он с пафосом произносит: «Не может быть больше политики английской, французской, прусской, австрийской; есть одна общая политика — политика всеобщего спасения, которую должны проводить вместе народы и короли. Я первый выказываю верность принципам, на которых основал Союз... Да и что иное могло бы соблазнить меня?.. Провидение отдало в мою власть 800 тысяч солдат не для того, чтобы я удовлетворял свое честолюбие, а для того, чтобы я защищал религию, мораль и справедливость, чтобы я способствовал торжеству порядка, на котором зиждется человеческое общество». И в подкрепление этих деклараций снова предлагает предоставить русские войска для любой репрессивной акции против зачинщиков беспорядков. К счастью, и на этот раз это пустые слова, и русские полки не покидают казармы.

Среди офицеров растет недовольство готовностью царя посылать русские войска для подавления стихийно вспыхивающих в Европе освободительных движений. Для них, верных защитников родины, оскорбительно превращаться в международных жандармов. Сразу после закрытия конгресса в Лайбахе командир гвардии генерал Васильчиков предупредил князя Волконского о нежелании русской военной элиты принимать на себя роль чужеземных карателей. «Вы не представляете, как успешно распространились у нас либеральные идеи, — пишет он. — Не отвечайте мне избитой фразой:

„Заставьте их замолчать!“ Число говорунов слишком велико, чтобы вынудить их к молчанию. Революция в умах уже совершается, и единственное средство не дать кораблю затонуть — не натягивать паруса больше, чем позволит ветер».

Несмотря на почти единодушное неодобрение, отголоски которого доходят до него из России, Александр тверд в своем намерении стать крестоносцем за монархическое дело перед лицом всего мира. Дух Зла, воплощенный в Наполеоне, распался на множество частиц и воплотился в революционеров. Царь победил Великую армию в мундирах, на очереди сражение с новой Великой армией — во фраках. «Я вам говорю, — пишет он Голицыну, — что современное зло гораздо опаснее, чем разрушительный деспотизм Наполеона, потому что нынешние доктрины гораздо сильнее действуют на толпу, чем военное иго, которым он держал ее в руках... Вы мне советуете... громко исповедовать мою единственную поддержку в Спасителе. Но разве я придерживаюсь другого языка после 1812 года?»

И вот наступает момент, когда слово Всевышнего не вполне внятно доходит до слуха Александра: неожиданно возникает религиозно-политическая греческая проблема. Александр в замешательстве и не знает, на что решиться. Незадолго до отъезда из Лайбаха он узнал, что его молодой адъютант, князь Ипсиланти, по происхождению грек, с отрядом набранных в России добровольцев перешел пограничную реку Прут и призвал греков к восстанию против турецкого ига. Группы повстанцев, вооруженных старинными кремневыми ружьями и саблями, стекаются к нему со всех сторон. Восстание охватывает Пелопоннес и Аттику с быстротой лесного пожара. Вскоре в ряды восставших эллинов вступает Байрон и своим поэтическим гением освещает благородное дело

народной борьбы за свободу. Пушкин, высланный в Кишинев, мечтает последовать его примеру. Борьба идет неравная, варварская, переходя в разбой и резню мирного населения. Вся Россия взбудоражена этой священной войной и ждет, что предпримет царь. Неужели он, защитник христианской веры, позволит неверным истреблять братьев своих во Христе? Александра мучат сомнения: вера требует, чтобы он поспешил на помощь православным, но страх перед всяким вооруженным выступлением так велик, что он готов осудить греков, поднявших оружие против Турции. Он как-то сказал Каподистрии, что не желает ради освобождения Молдавии, Валахии и Сербии обострять отношения с Константинополем: «Все это хорошо в теории, но добиться чего-нибудь можно только пушками, а я этого не хочу. Довольно уж было войн на Дунае, войны деморализуют армии. Кроме того, мир в Европе еще не упрочен, и зачинщики революций ничего бы так не желали, как втравить меня в войну с турками». На этот раз Каподистрия возвращается к восточному вопросу с большей настойчивостью. Грек по национальности, пылкий патриот, Каподистрия воодушевлен сознанием, что, призывая царя решительно поддержать восставших греков и выступить против Турции, одновременно служит делу освобождения страны своих предков и величию России. Сами его противники уважают его как человека с сердцем и умом, до тонкостей изучившего политическую обстановку как в Европе, так и в западной Азии. Александр остается глух к воинственным призывам своего министра. Он знает, что, если начнет войну с Турцией, союзники его не поддержат. Он тщетно доказывал французскому послу: «Взгляните на карту! Французскому флоту достаточно войти в Дарданеллы и оттуда подать руку помощи Святой Софии!» Ни Франция, ни Англия, ни Австрия не

отвечают на его предложения совместных действий против султана. В конце концов доброе согласие между великими державами ему дороже, чем страдания и жизнь нескольких тысяч единоверцев. Меттерних внушает ему, что Ипсиланти тесно связан с итальянскими карбонариями и что греческое восстание, если оно победит, увлечет за собой соседние нации. Царь соглашается с ним. Каподистрия дезавуирован. Канцлер Австрии иронически говорит об Александре: «Он из черного стал белым». И еще: «Император Александр укоренился в моей школе». Следуя урокам своего нового австрийского друга, царь заявляет: «Если мы ответим туркам войной, руководящий бунтами парижский центр восторжествует, и ни одно правительство не удержится у власти». А Голицыну он пишет: «Нет сомнения, что толчок к этому повстанческому движению был дан тем же центральным комитетом прямо из Парижа с целью поддержать Неаполь и помешать нам разрушить одну из синагог Сатаны, возведенных единственно для того, чтобы развивать и распространять его антихристианскую доктрину». Тем хуже для православных греков, тем хуже для традиционной политики России на Востоке, проводимой царями от Петра Великого до Екатерины Великой, тем хуже для либерально настроенных умов Петербурга и Москвы. Александр информирует Порту, что решительно осуждает любую попытку мятежа против законной власти и желает соблюдать верность договорам, заключенным между Россией и Турцией. Император открыто выражает неудовольствие князем Ипсиланти, уволив его из рядов русской армии. Отряды Ипсиланти разбиты турками, остатки их рассеяны. Он бежит в Австрию, где его хватают и бросают в крепость. Каподистрия уведомляет императора, что более не может оставаться во главе Министерства иностранных

дел. «Что ж, — отвечает Александр, — раз нужно — расстанемся». Так уходит единственный в окружении Александра человек, способный противостоять влиянию Меттерниха.^[79] Его заменяет молодой податливый Нессельроде, всецело подчиненный интересам Австрии. «Зло исторгнуто с корнем, — торжествует Меттерних. — Граф Каподистрия похоронен до конца своей жизни, а Европа избавилась от великих опасностей, которыми угрожало ей влияние этого человека». И докладывает императору Францу: «Русский кабинет одним ударом разрушил грандиозное дело Петра Великого и его преемников. Теперь все строится на новой основе, и, то, что Россия утратила морально, выиграла Порта».

Среди русских царит подавленность. «Жаль, что любезный, умный граф Каподистрия нас оставляет, — пишет Карамзин. — Таких людей мало. Европа погребла греков: дай Бог воскресения мертвым».

Юная супруга великого князя Николая Александра Федоровна^[80] позволяет себе вслух осуждать решения своего зятя. «Я говорила императору, — пишет она, — что дело греков нельзя сравнивать с делом других революционеров; оно кажется мне справедливым и прекрасным, воспламеняющим юные умы». Царь чувствует себя все более изолированным, дискредитированным, опозоренным, предавшим священные исторические традиции своей страны. Он признается Лебцельтерну, что его политика «не та, которой следовала Екатерина, и совсем не та, которая выражала бы чаяния армии и всего общества». Тот же Лебцельтерн пишет Меттерниху: «Дело Греции закончено в глазах императора. Он не скрывает от себя ни одну из дурных сторон своей позиции. Принесены в жертву достоинство, честь, интересы империи и его августейшей особы. Он знает, что за три последних года Россия утратила общее уважение... Наконец, Порта

перестала считаться с ней». А граф де Лаферронэ, анализируя положение в стране, сообщает в депеше от 26 ноября 1821 года: «Нелегко следить за делами и проектами кабинета, не имеющего определенного направления, планы, система и решения которого так же переменчивы, как и характер принца. Это принц, воодушевленный, без сомнения, самыми благородными чувствами и самыми чистыми намерениями, из чрезмерного страха подпасть под чье-либо влияние или оказаться под чьим-нибудь руководством, во всем разбирается и все решает единолично, увязая в обилии мелочей; принц, который из боязни обмануться в своей доверии не доверяет никому и в результате ставит во главе своего кабинета людей, открыто противостоящих общим мнениям, принципам и чувствам; наконец принц, который верит, что сможет подчинить политику всех государей и амбиции всех честолюбцев своего времени абстрактным и мистическим идеям, на которых он сам основывает свои действия».

И действительно, Александр, пережив крах своих политических иллюзий, находит утешение в Боге, по-прежнему веря, что выполняет Его волю. Он постоянно размышляет о мистическом смысле убийства отца и противоборства с Наполеоном — о двух самых значительных событиях в своей жизни. Его соперника по славе больше нет: «пленник Европы» угас на острове Святой Елены 5 мая 1821 года. Александр назначил полковника графа Александра де Бальмена русским комиссаром при губернаторе острова Святой Елены английском генерале Гудсоне Лоу. Но де Бальмен женился на дочери тюремщика Наполеона, так что он, хоть и получил от царя инструкции оказывать низложенному императору «личные знаки уважения», никогда не удерживал своего тестя от злобных мелких притеснений бывшего императора. Теперь, обращаясь мыслями к прошлому, Александр задается вопросом: не

был ли Наполеон для него идеальным противником — врагом и другом в одном лице. Присутствие Наполеона на политической сцене было источником, из которого Александр черпал и силу сопротивления, и силу поддержки. Утратив эту поддержку, он утратил душевное равновесие. Без этого равного ему человека он чувствует себя бессильным и одиноким среди окружающих его карликов.

Тщетность политической борьбы, бесплодность дипломатических ухищрений, перенесенные утраты безмерно угнетают душу царя. Он сильно постарел. В глазах его печаль и растерянность. Ему все время чудится, что за его спиной шепчутся, обсуждают беспорядок в его одежде. Он раздражается на своих близких, требует объяснений, извинений. «Скажи мне правду, — добивается он у генерала Киселева, — может быть, сзади моего мундира есть что-нибудь, подавшее повод к насмешкам, потому что я видел, как ты с двумя товарищами своими надо мной насмехались». «Прискорбно видеть подобные слабости в человеке со столь прекрасным сердцем и умом», — замечает великая княгиня Александра Федоровна. А тонкий наблюдатель граф де Лаферронэ так описывает личность этого государя, которого он изучает при каждом удобном случае и ключ к характеру которого отчаивается подобрать: «С каждым днем мне все труднее разобраться в характере императора... Разговор с ним всегда оставляет самое благоприятное впечатление. Вы расстаётесь с ним в убеждении, что в этом государе соединились достоинства благородного рыцаря и качества, создающие великого монарха, что это человек, одаренный глубоким умом и огромной энергией. Он рассуждает превосходно, он приводит убедительные аргументы, он изъясняется с красноречием и жаром человека убежденного. Но в конце концов опыт общения с ним, вся история его

жизни, все то, что вы каждый день наблюдаете, настораживает вас, и вы приходите к выводу, что ничему этому нельзя доверять. Многочисленные примеры проявленной им слабости доказывают вам, что его характеру недостает энергии, которую он вкладывает в свои слова; с другой стороны, этот слабохарактерный человек подвержен внезапным приливам энергии, приступам раздражения и в таком состоянии принимает самые крайние решения, последствия которых невозможно предвидеть».

Любопытный пример психологической деформации: в юности он прошел через искушение стать ангелом-хранителем России — освободить крестьян, установить равенство подданных перед законом. Позже испытал искушение быть ангелом-хранителем Европы: создать братство наций, возглавляемых монархом, следовать христианским заповедям. И кончил тираническим правлением, символом которого во внутренней политике стали военные поселения, во внешней — Священный союз, инструмент подавления любого сопротивления установленному в Европе порядку. В общем, как и его бабушка Екатерина II, он, пережив пору иллюзий, вынужден был признать, что республиканские принципы во французском духе не приложимы к суровой российской действительности. Сам того не ведая, он следовал той же дорогой, что и Екатерина, и, как и она, от идеалов энциклопедистов пришел к неограниченному самодержавию. Он страдал, сознавая, что эта деспотичная старая женщина вновь возродилась в его оболочке. Но случилось, в нем просыпался и тупой милитаристский дух Павла I. Так, то бабка, то отец одерживали верх в его мыслях и действиях. Каким же было его подлинное «Я»? Или, быть может, как личность Александр I вообще не существовал?

Обуреваемый противоречивыми чувствами, он ни в чем не обретает душевного равновесия. На протяжении нескольких лет он нигде не чувствует себя как дома. Им владеет лихорадка перемены мест. Лучшим средством побороть снедающую его тоску ему кажется отъезд из России и, как только представляется какой-нибудь удобный случай, он устремляется за границу, как будто, бежав из своего дворца, можно убежать от самого себя. Но и в Европе его страждущая душа не находит успокоения. Каждые три месяца он предпринимает длительные путешествия по России. Он едет в город-мученик Москву, потом в Киев, Варшаву, Ригу, Бессарабию, Одессу, Крым, Таганрог, на Азовское море, в Ростов-на-Дону... Это безумный бег по разбитым дорогам. Физически изнемогая от этих поездок, он опьяняется пространствами без конца и без края. Объезжая империю, он упивается приветствиями, коленопреклонениями, речами, парадами. Он изумляется числу и разнообразию народов, отданных под его власть, и укрепляется в мысли, что государству со столь огромной территорией и столь богатому людьми и природными ресурсами предназначено однажды стать во главе наций.

И действительно, несмотря на тяжелые последствия наполеоновских войн и призыв за три года почти миллиона рекрутов, торговля и промышленность России бурно развиваются. — Растет число заводов: в одной только заново отстроенной Москве насчитывается дюжина фабрик; крестьяне, занимающиеся ремеслом, богатеют и выкупаются на волю, уплатив помещику высокую цену; в промышленности растет число вольнонаемных рабочих; продолжается украшение Петербурга: на сооружение одних только набережных из розового гранита израсходовано 12 миллионов рублей; на бирже ежегодно совершается на 200 миллионов рублей финансовых операций; никогда еще

не был столь блестящим товарооборот порта на Неве; в Бессарабии приток переселенцев так высок, что ее население удваивается всего за шесть лет; в Одессе, объявленной свободным городом, негоцианты со всего мира открывают свои конторы; научные экспедиции исследуют природные богатства Кавказа и Урала; восстановление морской торговли с Англией расширяет рынок сбыта зерна; отстает только сельское хозяйство, скованное феодальной системой крепостного права.

Несмотря на индустриальное и торговое обновление и развитие России, настроение в обществе подавленное. Мрачная тень Аракчеева нависла над страной. Преследование либеральных идей доводит молодежь до отчаяния. Все те, кто читает, думает и мечтает, настроены враждебно к властям. Одни только карьеристы толпятся у трона. «Беспрерывно и почти открыто осуждают то влияние, которое религиозные идеи оказывают на монарха, и сравнивают это влияние со своего рода фанатизмом», — пишет в 1819 году французский дипломат месье де Мальвирад. А Лонгинов, секретарь императрицы, замечает: «В порядке вещей, что революция рано или поздно произойдет и у нас, раз уж вся Европа ею охвачена. Увидите, что пожар вспыхнет в военных поселениях: даже сегодня достаточно одной искры, чтобы все воспламенилось».

Декрет 1822 года, предписывавший закрытие масонских лож и роспуск кружков, увеличил число недовольных. Особенно много противников режима среди военной элиты. Войны с Наполеоном привели русских офицеров в самое сердце Европы, в Германии и Франции они заразились свободолюбивыми идеями. Сравнивая положение народа в побежденных странах и народа в стране-победительнице, они испытывают стыд за недопустимое отставание России. Им тяжело мириться с угнетением народа, надзором за частной

жизнью, жестокостью солдатской службы. «Со стесненным сердцем нашли мы вновь у себя рабство, нищету народа, преследования либералов», — пишет Якушкин. «Познакомившись с французскими либералами, наши офицеры приобрели, не замечая этого, их образ мыслей и вкус к представительным учреждениям», — замечает Фонвизин. Они краснеют за свою родину, униженную тиранией. Неужели Россия победила Европу для того, чтобы по-прежнему пребывать в рабстве? Другой офицер, самый выдающийся из всех, Пестель заключает: «Происшествия 1812, 1813, 1814 и 1815 годов... показали сколько престолов низверженных, столько других восстановленных... сколько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить». Пропитавшись вольнолюбивыми идеями, которых они наслушались в либеральных кружках оккупированных русской армией европейских городов, эти молодые офицеры мечтают о социальном переустройстве, которое бы без кровопролития установило в России человеколюбивый строй. Их служение родине не кончилось после победы над Наполеоном. Послужив на поле сражений, они горят желанием быть полезными отечеству и в мирное время. Поначалу они выражают свои мысли с откровенностью и простодушием, удивляющими публициста Николая Тургенева. «Особенно гвардейские офицеры, — пишет он, — обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений». Они полагают, что им, героям Отечественной войны, не грозят преследования. Однако вскоре, опасаясь шпионов, они становятся

осторожнее и объединяются в тайные общества. Первое из них — Союз спасения. В него входят Александр Муравьев, Никита Муравьев, князь Сергей Трубецкой, два брата Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, Павел Пестель, князь Валериан Голицын. Затем общество расширяется и принимает название Союз благоденствия. Его члены, число которых достигает двухсот, в большинстве своем франкмасоны. Их дискуссии одушевлены благородными намерениями, но цели расплывчаты. Согласно Лореру,^[81] «цель нашего общества есть распространение просвещения, искоренение зла, пожертвование личными выгодами для счастья человечества, замещение нами мест самых невидных, опять-таки для проведения идеи правды, истины, бескорыстия, нелицеприятия». Когда же выносятся на обсуждение предложение какого-нибудь конкретного действия, эти идеалисты отвергают его как слишком рискованное. Пока что они довольствуются туманными образами, порождаемыми игрой воображения. «Цель, — любят повторять они, — не оправдывает средства».

Однако мало-помалу вырабатывается определенная программа. Она включает уничтожение крепостного права, равенство граждан перед законом, открытость правительственных решений, отмену монополии на продажу водки, сокращение срока военной службы в мирное время... Эти умеренные требования не устраивают смелого и радикального Пестеля. Под его влиянием внутри Союза образуется революционная группа, цель которой — свержение монархии и учреждение республики. Пестель на этом не останавливается: он выступает за царе-убийство и истребление всей императорской фамилии. После мятежа Семеновского полка многие служившие в нем офицеры были высланы из Петербурга и включены в

состав полков, расквартированных на Украине. В их числе Пестель и оба Муравьевых-Апостолов. Прибыв на новое место назначения, они создают Южное общество. Тем временем в столице распущен Союз благоденствия, возникает Северное общество.

Северное общество быстро увеличивается за счет притока новых членов: штабных офицеров, кавалергардов, моряков, офицеров гренадерского полка. Председатель Северного общества Никита Муравьев составляет проект конституции, в основе которого — идея конституционной монархии. На юге Пестель и его друзья, более радикальные, идут дальше. Они слышать не хотят о монархии, какой бы она ни была: наследственной, выборной или конституционной. Их устраивает только республика. Они готовы действовать, но тоже не знают как, какими средствами поднять скованную железной дисциплиной армию и народ — неподвижную косную массу?

Разумеется, все эти разглаживания, хоть и происходят при закрытых дверях, не тайна для шпионов. Генерал Васильчиков, командир гвардейского корпуса, представляет Александру подробный доклад о планах заговорщиков. Бенкендорф, начальник штаба гвардейского корпуса, еще раньше подал ему записку, где указаны цели общества и названы имена заговорщиков. С такими документами на руках Александру легче легкого поймать в свои сети всю эту мятежную молодежь — улов был бы богатый. Но вместо того чтобы действовать, он впадает в какое-то странное оцепенение. Без колебаний пожертвовав масонскими ложами, он не находит в себе мужества покарать за безрассудные проекты стольких должностных лиц. В списке, который ему представлен, он видит имена чиновников, преданных своему делу, полководцев, покрывших себя славой на полях сражений, — имена тех, кто составляет гордость и украшение России.

Несколько фраз из записки Бенкендорфа побеждают его колебания. «В заключение должно сказать, — говорится в записке, — что буйные головы обманулись бы в бессмысленной надежде на всеобщее содействие. Исключая столицу, где, как и во всех других, много найдется способного воспламениться... утвердительно можно сказать, что внутри России не мыслят о конституции... Русские столько привыкли к образу настоящего правления, под которым живут спокойно и счастливо и который соответствует местному положению, обстоятельствам и духу народа, что и мыслить о переменах не допустят».

Генерал Васильчиков спрашивает у царя о его намерениях. Александр едва слушает его. Взволнованный отголосками прошлого, он вновь видит перед собой друзей далекой юности: Сперанского, Лагарпа, Чарторыйского, Негласный комитет... Воспоминания о благородных порывах молодости на миг опьяняют его. И в этот миг он не узнает самого себя. Какая пропасть разделяет юнца, предававшегося либеральным мечтаниям, и зрелого и печального мужа, держащего в руках этот обвинительный акт! Наконец он произносит: «Дорогой Васильчиков, вы служите мне с начала моего царствования, вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения». И после долгого молчания добавляет: «Не мне их судить».

Глава XV

Таганрог

Александр, так любивший в молодости общество дам, в зрелом возрасте совсем к ним охладел. За годы войн с Наполеоном он отдалился от любовницы, красавицы Марии Нарышкиной. С тех пор она в сопровождении княжеской свиты много путешествовала по России и Европе, пережила немало любовных приключений, утратив над Александром «власть привычки».^[82] Когда ему сообщили, что она возвращается в столицу, он, желая успокоить своего духовного наставника Кошелева, пишет ему 7 мая 1818 года: «Не откладывая, хочу сказать несколько слов о приезде в Петербург мадам Нарышкиной. Вам хорошо известно мое душевное состояние, и, надеюсь, Вы не станете за меня беспокоиться. Скажу больше, если бы я по-прежнему был светским человеком и остался совершенно равнодушным к этой особе, в этом не было бы моей заслуги после всего того, что она себе позволила. Сердцем и душой я весь Ваш и вверяю себя нашему Божественному Владыке». Осененный благодатью и, вероятно, душевно надломленный, он не поддается более обольщениям плоти. Присутствие бывшей фаворитки вызывает у него лишь стесненность и чувство вины. В своем белом платье, со знакомой улыбкой на устах и привычным ароматом духов она олицетворяет соблазны греховного мира, к которому он больше не принадлежит. Когда она обращается к нему в прежнем игривом тоне, он отвечает ей словами о нравственном возрождении под сенью креста. Их связывает только дочь, Софья Нарышкина. У Александра нет детей от императрицы, и он души не

чает в этой восемнадцатилетней девушке, прелестной, изящной, образованной. Она не подозревает о своем происхождении и готовится выйти замуж за графа Шувалова. Но ее здоровье подорвано, болезнь — чахотка — быстро развивается. Каждый день, утром и вечером, фельдъегерь доставляет царю в кабинет известия о течении болезни. 23 июня 1824 года, когда Александр собирается на ученья гвардейской артиллерии, ему передают роковое сообщение. Он заливается слезами. Он так рыдает, что, по свидетельству доктора Тарасова, его рубашка на груди становится мокрой. Спустя четверть часа он справляется с собой, облачается в мундир, велит седлать коня и едет на смотр. На следующий день он пишет Аракчееву: «Не беспокойся обо мне. Воля Божья, и я умею ей покоряться. С терпением переносу я мое сокрушение и прошу Бога, чтобы Он подкрепил силы мои душевные». Отослав письмо, он сам едет в Грузино, где, пытаясь смягчить свое горе, осматривает военные поселения — любимое детище, предмет его гордости. Он намерен закрыть в этом раю дисциплины кабаки и всерьез обсуждает эту проблему с Аракчеевым. «Надеюсь на Всемогущего, что позволит и поможет привести сие к желаемому концу», — говорит он ему.

Все-таки удовольствие, которое ему доставляет наблюдение за работой солдат-трудяг, не помогает забыть об очаровательной Софье, унесенной в могилу накануне свадьбы. Станным образом горе сближает его не с бывшей любовницей, а с женой. Как будто бы Господь, покарвав его, указывает ему вернуться на стезю законного супружества. Елизавета, как всегда все понимающая, оплакивает вместе с мужем смерть ребенка, которого ему родила другая. Она тоже образумилась, не ищет мужского поклонения, поставила крест на его и своих изменах и видит смысл жизни в примирении с супругом и в супружеском

согласии. Увядшая, исхудавшая, с лихорадочно горящими глазами, с проступившей на лице сетью красных прожилок, она знает, что безвозвратно утратила женскую привлекательность, и надеется удержать Александра лишь душевной чуткостью. «Я знаю, что с моим лицом мне не на что рассчитывать, — говорит она. — Остаток моего кокетства я посвящаю лишь морали».

Действительно, после долгого периода взаимного отчуждения царь только возле нее обретает чувство защищенности. Давно угасшую любовь заменяет нежность. Супруги часто проводят время вдвоем в Царском Селе. Елизавета пишет матери: «В это время года на моей половине очень холодно, к тому же она отделена от половины императора еще более холодными залами, и поэтому он уговорил меня переселиться в его апартаменты и занять три отделанные с безупречным вкусом комнаты. Очень трогательной была борьба двух наших прекрасных душ, пока я не согласилась принять от него эту жертву. На следующий день после обеда и до наступления ночи мы с ним катались в санях, а потом, по его желанию, я устроилась в его кабинете, а он занимался своими делами».

Не всем нравится это новое сближение императорской четы и их взаимное согласие, ибо, находя удовольствие в обществе императрицы, император отдаляется от двора и все чаще пренебрегает требованиями придворного этикета. В Зимнем дворце Елизавета, желая избежать любопытных взглядов, выбирает укромные коридоры, чтобы незаметно проскользнуть в покои императора. Но влечет их друг к другу вовсе не страстное чувство. Они вместе читают Библию, откровенно говорят о семейных делах, обсуждают политические вопросы. Во время этих бесед она — воплощенная мягкость, он — воплощенная

предупредительность. «Можно подумать, — пишет она матери, — что я похваляюсь тем, что предписывают божеские и человеческие законы, но соперничество в императорской семье нередко ставит меня в положение не то любовницы Александра, не то его тайной супруги».

Такая рассудительность заставляет маркграфиню Баденскую усомниться в способности ее просветленного Господом августейшего зятя «испытывать плотские порывы». Она напрямик спрашивает об этом у дочери, но Елизавета чувствует себя счастливой и без мужских атак своего супруга. Когда царь уезжает в одну из своих инспекционных поездок по империи, она безутешна: «И вот я снова одна, совсем одна в кругу этой семьи, где нет и тени привязанности ко мне». А он пишет, как огорчен, что ее нет с ним в Москве, и она радуется, точно юная пансионерка: «Он говорит, что желал бы видеть меня рядом с собой. Увы! Я ничего лучшего и не желаю, и так легко было бы это исполнить».

В начале 1824 года жестокая лихорадка приковывает его к постели. Болезнь обостряется рожистым воспалением на левой ноге, ушибленной при падении с лошади. Елизавета, полная сострадания, счастлива, что может окружить супруга нежными заботами, выказав всю свою преданность. Целые часы она проводит у изголовья больного, не отводя взгляда от его искаженного болью лица. 31 января она пишет матери: «Позавчера император сказал мне вещь, очень приятную моему сердцу, которой, мама, я могу поделиться только с вами. Он сказал: „Вы увидите, что я вам обязан выздоровлением“. Его мучают головные боли, и он считает, что впервые сносно провел ночь благодаря подушке, которую я ему подложила под голову». И еще: «Эти часы испытаний пролетели незаметно, потому что император выказывал истинную

привязанность ко мне; он охотно принимал мои услуги, позволял мне бодрствовать возле него, когда он спал, и подавать ему завтрак».

Он выздоровел, и его снова охватила страсть к переездам. Он объезжает губернии европейской России, возвращается измученный в Царское Село и, едва оправившись от усталости, становится свидетелем ужасающего бедствия, обрушившегося на его столицу. 7 ноября 1824 года вода в Неве, гонимая юго-западным ветром, вздувается, река выходит из берегов, затапливает низины Петербурга. Пенящиеся волны бьются о стены Зимнего дворца, заливают нижние этажи особняков, сносят деревянные лачуги, скрывают мосты, унося скот, лошадей, экипажи, мебель, которые, ударяясь друг о друга, несутся в бурном водовороте. Разрушено более трехсот домов, смыто потоком и погибло пятьсот человек. Подобное, не менее сильное наводнение потрясло Петербург в 1777 году — в год рождения Александра. Суеверные умы толкуют это совпадение как знак Божьего гнева. Царь тоже видит в нем вещий смысл. Он отправляется на место катастрофы и плачет при виде произведенных наводнением разрушений. Народ с рыданиями обступает его. Кто-то из толпы кричит: «Бог карает нас за грехи наши!» — «Нет, — отвечает Александр, — не за ваши, за мои». Александр убежден, что именно его постигла Божья кара. Каждый раз, когда судьба ополчается против него, в его сознании возникает образ отца. Александр чувствует, что отцеубийство отравляет его самые чистые помыслы, самые благородные действия. Даже победа над Наполеоном, которая должна бы принести ему непреходящую благодарность подданных, обернулась в некотором роде против него. Что бы он ни предпринимал, он не был ни понят, ни любим своим народом. Профессор Паррот, его бескорыстный почитатель и постоянный корреспондент,

возмущенный карательными мерами, проводимыми в разных областях русской жизни, пишет ему искреннее и печальное письмо: «Чувствуете ли вы себя счастливым, государь, в атмосфере недоверия, которое постоянно омрачает ваши естественные побуждения к добру, заставляет вас двигаться, точно в потемках, на каждом шагу ощупывая под ногами почву, и вооружает против ваших верноподданных ту руку, которая хотела бы даровать одни благодеяния, рисует вам самыми мрачными красками молодежь, которую вы, однако, любите, несмотря на отвращение и страх, которые вам по отношению к ней внушают».

Александра утомляют эти, по его мнению, несправедливые упреки. Впрочем, власть больше не интересует его. Пережив крах всего, в чем видел свое высокое предназначение, он возвращается к мечте юности: отказаться от трона, удалиться от мира и окончить свои дни в уединении, посвятив себя служению Богу. Вопрос о престолонаследии не беспокоит его. При нормальном порядке наследования корону после него должен был бы принять законный наследник — его брат великий князь Константин. Но 20 марта 1820 года императорским манифестом был расторгнут брак Константина с великой княгиней Анной Федоровной, и 14 мая того же года Константин вступил в новый брак с польской графиней Иоанной Грудзинской, получившей титул княгини Лович. Этот морганатический союз, несомненно, дает основания для отказа от права на престол. Получив от Константина письмо, содержащее отречение от престола, Александр прочит в наследники другого брата, третьего сына Павла I — великого князя Николая. Не питая к нему личной симпатии, он находит, что этот крепкий, энергичный, хотя и несколько ограниченный двадцатисемилетний малый, с детства получивший военное воспитание, женатый на прусской принцессе,

отец здорового сыночка^[83] и множества дочерей, обладает качествами, необходимыми для управления Российской империей. Манифест, объявляющий изменения в порядке наследования, составлен митрополитом московским Филаретом (Дроздовым). Александр, прочитав манифест, исправив его и утвердив, не стал его оглашать, чтобы преждевременно не будоражить общественное мнение. Манифест передан митрополиту Филарету в запечатанном конверте с собственноручной надписью императора: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть Московскому митрополиту и Московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия». Для большей безопасности копии документа в запечатанных конвертах тайно переданы также в Государственный совет, Синод и Сенат. Вероятнее всего, Александр предполагает одновременно объявить России о своем отказе от трона и назвать имя наследника. Впрочем, предварительно он обсуждает с Константином вопрос о передаче престола. «Я должен сказать тебе, брат, — признается он ему, — что я хочу абдикировать;^[84] я устал и не в силах сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае». Затем Александр открывает свои намерения главным заинтересованным лицам — Николаю и его жене. «Вы, кажется, удивлены, — говорит он им. — Так знайте же, что брат Константин, которого престол никогда не интересовал, твердо решил официально от него отказаться и передать свои права брату Николаю и его потомкам. Что касается меня, то я решил сложить с себя мои обязанности и удалиться от мира. Европа теперь как никогда нуждается в монархах молодых,

обладающих энергией и силой». «Видя, что мы готовы были разрыдаться, — пишет великая княгиня Александра Федоровна, — он постарался успокоить нас, ободрить, сказав, что все это случится не тотчас и что несколько лет пройдет, может быть, прежде чем он приведет свой замысел в исполнение. Затем он оставил нас одних. Можете себе представить, в каком мы были состоянии». Примерно то же самое Александр говорил и зятю Николая Вильгельму Прусскому: «Я откажусь от трона, когда мне исполнится пятьдесят лет... Я хорошо себя знаю, и я знаю, что через два года у меня уже не останется ни физических, ни душевных сил, чтобы управлять моей огромной империей... Мой брат Николай человек здравомыслящий и твердый, ему предстоит вывести Россию на добрый путь... В день его коронации я смешаюсь с толпой у ступеней Красного крыльца в Кремле и первым прокричу „Ура!“».

Пока же в свои сорок семь Александр ведет жизнь нелюдимого затворника. Он покидает дворец только для смотра гвардии, принимает только министра финансов Гурьева и министра иностранных дел Нессельроде. Обо всех остальных делах ему докладывает зловецкий Аракчеев. Александр с облегчением переложил на него бремя управления страной. Но вера в свое особое предназначение еще поддерживает его. Оставшись один, он подолгу, преклонив колени, молится перед иконами, от чего на коленях его образуются мозоли.^[85] Напрасно дипломаты добиваются аудиенции: он дает их все реже и реже. И в словах, с которыми он к ним обращается, сквозь его обычную любезность все чаще прорываются горечь и разочарование. «Вера предписывает нам смиряться, когда длань Господня карает нас, — говорит он Лаферронэ. — Я покоряюсь Божьей воле и не

стыжусь выказать перед вами мою слабость и мои страдания».

Его личный престиж упал так низко в общественном мнении, что в гостиных не стесняются вслух критиковать все действия власти. «Ясно сохранились в моей памяти жалобы на слабость императора Александра в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву, — вспоминает Кошелев. — И старики, и люди зрелого возраста, и в особенности молодежь, — словом, чуть-чуть не все беспрестанно и без умолка осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды. Неудовольствие было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера... в феврале или марте 1825 года. На этом вечере были: Рылеев, князь Оболенский, Пущин и некоторые другие... Рылеев читал свои патриотические думы, а все свободно говорили о необходимости *d'en finir avec ce gouvernement*».^[86] Уведомленный о растущем в обществе недовольстве, Александр сам записывает на листе бумаги: «Ходят слухи, что пагубный дух свободомыслия или либерализма распространяется или по крайней мере начал распространяться в армии; везде существуют тайные общества и клубы, тайные агенты которых повсюду разносят их идеи».

Требуя усилить надзор над интеллектуальными и военными кругами, он тем не менее не приказывает начать какое-нибудь расследование или прибегнуть к арестам. Его куда больше заботит здоровье императрицы. Она простудилась, у нее жар и сильный кашель, и придворные медики всерьез встревожены. «Я видел государя в великом беспокойстве и скорби трогательной, — пишет Карамзин Дмитриеву. — Он любит Ее нежно. Дай Бог, чтобы они еще долго пожили вместе, в такой любви сердечной!» И Александр пишет

тому же Карамзину: «Хотя есть некоторое улучшение в здоровье жены моей, но далеко еще до того, чтобы успокоить меня. Кашель не унялся и много ее беспокоит, но, что еще важнее, мешает начать надлежащее врачевание, дабы уменьшить биение сердца и артерий».

В начале 1825 года состояние больной заметно улучшается, и Александр решает отправиться в Варшаву на открытие третьего Сейма. Перед отъездом он публикует законодательный акт, изменяющий конституционную хартию Польского королевства. Этот акт уничтожает гласность дебатов Сейма, за исключением двух заседаний — при его открытии и закрытии; остальные заседания будут проходить при закрытых дверях. Это первый шаг к ограничению конституционных свобод в Польше. Несмотря на это, в России не прощают государю, что он даровал полякам институты, в которых отказывает собственному народу. Ему ставят в вину излишнюю снисходительность к нации, постоянно склонной к анархии и ненавидящей православную религию; его удерживают от обещаний отдать литовские губернии Польше — иностранному государству. Вместе с тем и в самой Польше немало недовольных императором. Причины недовольства разные: он позволил отнять у Польши Краков и Данциг, что нарушило ее национальную целостность, не стесняется постоянно отступать от польской конституции, держит на польской земле русские войска, установил надзор над внутренними делами Польши, наконец, назначил великого князя Константина, грубого и неуравновешенного, главнокомандующим польской армией. На этом новом посту Константин выказывает себя достойным сыном своего отца. Он и внешне напоминает Павла I: у него отцовский приплюснутый нос, бешеный взгляд, такие же резкие выкрики, делающие его похожим, как

говорят, «на разъяренную гиену». Одержимый маниакальной страстью к военной муштре и покрою мундиров, он терроризирует своими требованиями поляков. «Его Высочество великий князь словно возненавидел нашу страну и все, в ней происходящее, — пишет царю Чарторыйский. — Эта ненависть растет с угрожающей быстротой... Ни народ, ни армия, ничто другое не удостоивается его расположения... Его Высочество не соблюдает даже те военные законы, которые сам установил. Он непременно хочет ввести в армии телесные наказания и вчера уже приказал к ним прибегнуть, несмотря на единодушный протест временного правительства». И Чарторыйский заключает: «Ни один враг не мог бы больше навредить Вашему Императорскому Величеству». Разумеется, у Александра и в мыслях нет сместить брата или даже пожурить его за то, что он учинил разнос нескольким солдатам. Но он вынужден признать, что, желая удовлетворить одновременно и русских, и поляков, восстановил против себя и тех и других. Он и тут потерпел неудачу.

1/13 мая он открывает в торжественной обстановке заседания третьего Сейма тронной речью, произнесенной по-французски: «Представители королевства Польского! Свободно и спокойно обсуждайте дела вашего королевства. Будущее вашего отечества в ваших руках». Месяц спустя на закрытии сейма он говорит тоже по-французски и в том же тоне: «Верьте, я признателен вам за доверие и преданность, которые выказало мне ваше собрание. Они не останутся без последствий. Я всегда буду помнить о них и всегда неизменным будет мое желание доказывать вам, сколь искренно мое к вам расположение и сколь сильно повлияет ваш теперешний образ действий на ваше будущее». В парадном мундире, с лентой польского ордена Белого орла на груди Александр красив и

величественен, и присутствующие дамы тают от восторга. «Находясь около семи лет при дворе, — пишет доктор Тарасов, — я в первый раз удостоился видеть императора Александра в таком поражающем, неземном величии. В небесном взоре его поразительно выражались могущество, проницательность, кротость и благоволение». Но люди искушенные не находят в речи императора ни новизны, ни обещания перемен и расценивают ее как бессодержательную. В который уже раз Александр ослепляет публику блестящим, но обманчивым красноречием.

Он возвращается в Россию в июне 1825 года и застаёт жену в состоянии крайней слабости. Не начинается ли у нее чахотка? Кашель усилился, она жалуется на сердечные спазмы. «Это не отдельные перебои, — пишет она матери, — а почти постоянное сердцебиение, которым я страдаю уже много лет, то усиливающееся, то ослабевающее, и не в самом сердце, а во всей груди». Врачи опасаются, что больная не перенесет сырости и холода петербургской осени и советуют перевезти ее в страну с теплым климатом, лучше всего в Италию или на юг Франции. Но императрица отказывается: ее пугают толпы любопытствующих иностранцев и ей не хочется покидать Россию. Неужели в такой обширной империи не отыщется места с мягким климатом? После долгих тайных совещаний выбор падает на Таганрог на Азовском море. «Признаюсь, не понимаю, — пишет Волконский другу, — как доктора могли избрать такое место, как будто бы в России других мест лучше сего нет». И в самом деле, Таганрог, где император как-то останавливался, — заштатный городишко, затерянный среди болот, иссушенный солнцем, по пустынным улицам которого гуляют буйные степные ветры. Неважно: медицинский консилиум вынес решение.

Александр не спорит. Он будет сопровождать жену в этой поездке и к Новому году вернется в Петербург.

В разгар приготовлений к отъезду, 17 июля 1825 года, он принимает во дворце на Каменном острове молодого унтер-офицера улана Шервуда, родом англичанина, явившегося с письмом от Аракчеева. Без этой высокой рекомендации Александр никогда бы не удостоил аудиенции столь незначительное лицо. Шервуд, оказавшись наедине с государем, не смущаясь выкладывает, с чем пришел. Он доносит, что офицеры украинских полков и их сообщники в Петербурге подготавливают восстание в армии с целью свержения самодержавия и лишения государя трона. «Да, — отвечает царь, — твои предположения могут быть справедливыми... Чего же эти... хотят? Разве им так худо?» Шервуд отвечает: «От жиру, собаки, бесятся». При этом он не может представить конкретных данных о заговоре и просит дозволения продолжить сбор сведений. Александр, спокойно воспринявший разоблачения Шервуда, разрешает ему предпринять тщательное расследование под руководством Аракчеева и добыть доказательства. Потом протягивает доносчику руку, тот ее целует. Шервуд уходит. Александр никого из приближенных не посвящает в раскрытие заговора. По сути, донос лишь подтверждает его собственные подозрения. Все свидетельства совпадают, вывод один: ведется тайная подрывная работа, чтобы выбить почву у него из-под ног. А его это мало трогает. Голицыну, который торопит его с обнародованием манифеста, изменяющего порядок престолонаследия, он отвечает просто: «Предадимся воле Божьей. Бог лучше нас, слабых смертных, направит ход событий». А Карамзину на его слова: «Государь! Ваши годы сочтены. Вам нечего более откладывать, а вам остается еще столько сделать, чтобы конец вашего царствования был бы достоин его

прекрасного начала», — он отвечает, что непременно все сделает: даст «коренные законы» России. В атмосфере общего беспокойства он сохраняет ясность духа, удивляющую его близких. Причина в том, что предстоящее путешествие обещает ему много радостей.

Он выезжает из Петербурга в ночь на 1 сентября 1825 года один, чтобы самому все приготовить к прибытию жены. В коляске, запряженной тройкой с неизменным бородатым кучером Ильей Байковым на козлах, он едет через пустой, окутанный ночной мглой город. В четыре часа утра он велит остановиться у ворот Александро-Невской лавры. Императора встречают, предупрежденные о его приезде, митрополит Серафим, архимандриты в полном облачении, монахи. Он направляется в церковь Святой Троицы, прикладывается к мощам святого Александра Невского, выстаивает молебен, а потом выражает желание посетить схимника старца Алексея, пользующегося в народе славой «святого и прозорливца». Лампада тускло освещает келью отшельника, напоминающую могильный склеп. На земле стоит обитый черным сукном гроб, служащий ложем, в нем — схима, заменяющая одеяло. «Смотри, — говорит ему схимник Алексей, — вот постель моя, и не только моя, а постель всех нас: в ней все мы, государь, ляжем и будем спать вечным сном». Помолившись вместе с этим иссушенным постом и епитимьями старцем, Александр слушает его наставления. Покинув его с тяжестью в душе, он говорит митрополиту: «Многие длинные и красноречивые речи слышал я, но ни одна так не нравилась мне, как краткие слова сего старца. Жалею, что я давно с ним не познакомился». Затем он, обнажив голову, проходит между рядами монахов, принимает благословение митрополита и, садясь в коляску, обращается с полными слез глазами к

владыке и собравшейся братии: «Помолитесь обо мне и о жене моей».

13 сентября он прибывает в Таганрог и занимается устройством дома, отведенного августейшей чете. Это простое одноэтажное каменное здание с зеленой крышей. Дом разделен на две половины большим залом, служащим приемной и столовой. Две комнаты на правой половине занимает император, восемь небольших комнаток с низким потолком на левой половине предназначены для императрицы. Прислуга размещается в подвальном этаже. Из маленьких окон, выходящих на грязный двор и сад с плодовыми деревьями, видно море. Дом обставлен совсем скромно. Александр наблюдает за расстановкой мебели, развеской занавесей и сам забивает гвозди для картин и гравюр.

23 сентября он в дормезе едет на первую от Таганрога почтовую станцию встречать жену. С этого дня супруги, по словам Волконского, заново переживают свой далекий медовый месяц. Они прогуливаются вдвоем, приветливо отвечая на поклоны прохожих, объезжают в коляске окрестности, останавливаются полюбоваться скифскими курганами или же следят, как неторопливо проходят снаряженные татарами караваны верблюдов. Елизавета огорчается, что из муниципального сада не видно моря, и царь приказывает немедленно расчистить аллею, откуда открывается вид на морской простор. Чуть что, он спрашивает жену: «Удобно ли вам? Не надо ли вам чего-нибудь еще?» Завтракают и обедают они тоже вдвоем, без свиты. Впрочем, свита весьма малочисленна: генерал Дибич, князь Волконский, Лонгинов, секретарь Елизаветы, пять врачей, дюжина домашней прислуги и несколько младших офицеров, из которых один топограф. Эти офицеры будут сопровождать императора в предстоящей инспекционной поездке в

Астрахань, на Кавказ и в Сибирь. Но пока что никто и не думает двигаться с места. Елизавета всей душой отдается вновь обретенной супружеской близости. Все ей здесь нравится, даже плоский и унылый пейзаж, даже уродливые домишки убогого провинциального городка, населенного греками и татарами. Она пишет матери: «Недавно я попросила императора сказать мне, когда он предполагает вернуться в Петербург. Я предпочла бы знать об этом заранее и подготовиться к мысли о его отъезде, как больной готовится к операции. Он мне ответил: „Как можно позже. Там видно будет. Но, во всяком случае, не раньше Нового года“. Это привело меня в хорошее настроение на весь день». Предвидя, какой одинокой окажется она в Таганроге после его отъезда, он говорит ей: «Мне кажется, что, даже если бы возможно было вызвать сюда кого-нибудь из членов семьи, вы ни в ком, кроме меня, не нуждаетесь». И она с радостью заключает: «Так приятно было видеть его убежденным, что он для меня все».

Однако Александра нередко одолевают гнетущие мысли, он поддается вспышкам раздражения, болезненной мнительности. Найдя в хлебе камешек, он расстраивается, подозревая, что его хотят отравить, требует расследовать, как такое могло произойти, и успокаивается, только когда доктор Виллие объясняет, что это обычный мелкий камешек, случайно попавший в муку. 22 сентября он получает письмо от Аракчеева, в котором тот сообщает об убийстве крестьянами Грузина его любовницы Настасьи Минкиной. Не помня себя от горя и ярости, Аракчеев самовольно бросил государственные дела, переложив свои обязанности на генерала Эйлера. «Прощай, батюшка, — пишет он императору, — вспомни бывшего тебе слугу; друга моего зарезали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротевшую свою голову преклоню, но отсюда

уюду». В тот же день император пишет ему длинное письмо, полное дружеского участия: «Ты мне пишешь, что хочешь удалиться из Грузина, но не знаешь, куда ехать. Приезжай ко мне, у тебя нет друга, который бы тебя искреннее любил; место здесь уединенное, будешь жить, как ты сам расположен... Но заклинаю тебя всем, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать, необходима, а с отечеством и я неразлучен». Александр пишет архимандриту Фотию, прося его укрепить дух несчастного влюбленного душеспасительной беседой. Но Аракчеева не трогают ни проповеди монаха, ни приглашение Александра. Он остается в Грузине и облегчает свое горе, подвергая истязаниям всю деревню. Наказаны и те, кто не участвовал в преступлении, но заподозрены в том, что обрадовались, узнав о смерти его любимой. Несмотря на повторные просьбы Его Величества, Аракчеев не вернулся к делам, заявив, что он «конченный человек». Покинутый этим незаменимым советником, Александр теряется перед обилием проблем, требующих срочного решения. В Таганрог прибывает генерал Витт, начальник южных военных поселений, и подтверждает существование в армии опасного заговора. По его совету Александр посылает полковника Николаева в Харьков, к Шервуду, поручив ему «с должной осторожностью» продолжить расследование.

Люди, окружающие Александра, без конца твердят ему о заговорах и дрожат за его жизнь, и Александр вдруг осознает: история повторяется — он в том же положении, как и его отец Павел I в последние месяцы царствования. С той лишь разницей, что у него, Александра, нет преступного сына, покровительствующего заговорщикам. На его трон зарятся посторонние люди, так что он не так обделен, как его родитель. Временами Александр подумывает

прибегнуть к расправам, но чаще — душевная ли это усталость или благочестие? — предпочитает полагаться на волю Божью: будь что будет. Он уступает настояниям графа Воронцова, приглашающего его совершить инспекционную поездку по Крыму. Александр не прочь на время покинуть Таганрог, где на него навалилось столько забот. Накануне отъезда, когда он после полудня работает в своем кабинете, внезапно туча закрывает солнце, и комната погружается в темноту. Он велит камердинеру Анисимову принести свечи. Вскоре небо очищается, и Анисимов торопливо входит, желая поскорее унести свечи. Царь удивляется. Анисимов объясняет, что на Руси считается плохой приметой сидеть днем при свечах: как будто в комнате лежит покойник. Царь вздрагивает и тихо произносит: «Ты прав. Я согласен — унеси свечи». Этот случай производит на него тягостное впечатление. Суеверный по натуре, он истолковывает каждое происшествие в своей жизни как знак, ниспосланный ему свыше. Внезапно у него пропадает желание уезжать из Таганрога. «Я бы обошелся без этой поездки, — признается он Елизавете, — и предпочел бы спокойно оставаться здесь... Но все уже подготовлено, меня ждут. Придется пройти через это». И, подавив дурное предчувствие, 20 октября 1825 года он в сопровождении малочисленной свиты отправляется в путь.

Он посещает все живописные места, расположенные на его пути, восхищается устройством немецкой и голландской колоний, недавно основанных в этом районе, проводит ночь в Симферополе, потом направляется в поместье графа Воронцова и доверительно говорит Волконскому: «Я скоро переселюсь в Крым и буду здесь жить как простой смертный. Я отслужил двадцать пять лет, и солдату после этого дают отставку... И ты выйди в отставку,

будешь у меня библиотекарем». Он обедает в Алушке и с удовольствием дегустирует местное вино, приготовленное из тех же сортов винограда, из которых французы делают знаменитые бордо и шампанское. Потом то пешком, то верхом на лошади по трудно проходимым дорогам объезжает окрестные деревни. Сопровождающие умоляют его поберечь себя, но ему доставляет острое наслаждение утомление путешественника,двигающегося все вперед и вперед по пустынной, неизведанной местности. 27 октября, пообедав в Балаклаве, он вновь садится в седло, чтобы более коротким путем, идущим через горы, добраться до монастыря Святого Великомученика и Победоносца Георгия. К вечеру неожиданно холодает. Поднимается порывистый пронизывающий ветер. На Александре сюртук из тонкого сукна. Он сильно продрог, но не хочет ни прервать поездку, ни накинуть шинель. В Севастополе он почувствовал себя дурно, отказался от обеда и попросил горячего чаю. На следующий день, пересиливая недомогание, он продолжает поездку и посещает, не давая себе отдыха, казармы, крепостные укрепления, церкви, больницы, мечети, синагоги. Он даже присутствует в одном татарском доме на церемонии обрезания. Долг русского монарха обязывает, полагает он, проявлять интерес ко всем национальностям, всем вероисповеданиям, всем обычаям, которые существуют в его необъятной империи. С равной добротой обращаясь со всеми своими многочисленными детьми, он наилучшим образом исполнит обязанности отца семейства, возглавляющего их общее отечество. К чему были бы все эти поездки, если бы их результатом не было взаимопонимание между царем и его подданными?

На дороге в Орехов Александра нагоняет фельдъегерь Масков, везущий депеши из Петербурга. Забрав бумаги, Александр велит ему следовать за ним.

Его коляска, по обыкновению, мчится с головокружительной быстротой. Курьерская тройка несется за ней. На крутом повороте она насккивает на кочку, опрокидывается, Масков, выброшенный из телеги, ударяется головой о землю и разбивается насмерть. Тарасов остается на месте аварии и только в полночь приезжает в Орехов, где находит государя в состоянии, внушающем ему тревогу. Александра бьет озноб, стараясь согреться, он стоит возле камина, где горят толстые поленья. «Какое несчастье! — произносит он. — Очень жаль этого человека».

На следующий день его ждет новая неприятность: он присутствует при ссоре, перешедшей в драку, между гражданским губернатором Екатеринослава и архиепископом Феофилом — Администрация обменялась тумаками с Церковью. Александр опечален этим скандалом и, невзирая на слабость и тошноту, вызывает обоих противников, принимает каждого порознь и строго отчитывает, давая им почувствовать всю неблаговидность их поведения. 4 ноября, когда он добирается до Мариуполя, озноб настолько усиливается, что у него зуб на зуб не попадает. После долгих колебаний доктор Виллие решается дать ему выпить стакан пунша с ромом, заставляет лечь в постель и буквально закутывает в одеяла. Проведя почти всю ночь без сна, в лихорадке, Александр, однако, резко одергивает врачей, не позволяющих ему встать и убеждающих его провести несколько дней в постели. Он всего в 90 верстах от Таганрога, императрица ждет его; он приказывает запрягать.

Прибыв на место, он снова отказывается лечь в постель, но его состояние тревожит врачей все больше. Виллие считает болезнь «желудочно-желчной лихорадкой» и снова и снова прописывает больному слабительное. Но жар не спадает, кожа лица желтеет, глухота заметно усиливается. Тем не менее он пытается

работать. «Работа настолько сделалась моей привычкой, — признается он императрице, — что я не могу без нее обойтись, и, когда ничего не делаю, то чувствую пустоту в голове. Если я покину трон, мне придется поглощать целые библиотеки, иначе я сойду с ума». Он читает Библию со страстью и трепетом. И только 9 ноября разрешает Волконскому сообщить о его болезни вдовствующей императрице и великому князю Константину. Елизавета пишет матери: «Где убежище в этой жизни? Когда считаешь, что все устроилось как нельзя лучше и хочешь вкусить радости, нам посылается неожиданное испытание, отнимающее способность насладиться тем добрым, что окружает нас. Это не ропот — Бог читает в моем сердце, — это лишь наблюдение, до меня тысячу раз сделанное и теперь в тысячный раз подтверждаемое событиями моей жизни». Измены, унижения, бывшее равнодушие — все прощено и забыто, и душой Елизаветы владеет возвышенный, идеальный образ человека, давно разделяющего ее жизнь и на закате дней одарившего ее своей нежностью.

10 ноября Александр, встав с постели, впервые теряет сознание. После обморока он очень ослаб и с трудом выговаривает слова. На следующий день Виллие заносит в свой дневник: «Болезнь продолжается. Внутренности еще недостаточно очистились. Когда я ему говорю о кровопускании и слабительном, он приходит в бешенство и не удостоивает меня ответом». Второй раз Александр теряет сознание, собираясь бриться. Он падает со стула на пол. Ему растирают одеколоном виски и укладывают в постель, с которой ему не суждено подняться. В последующие дни Виллие констатирует у пациента сонливость — «очень дурной признак» — и пишет: «Все очень нехорошо, хотя он не бредит. Я хотел дать ему синильной кислоты в питье». Царь от питья отказался. Быть может, он, боится

отравы? Мысль о политическом убийстве, отравившая всю его молодость, владеет сознанием царя и в последние мгновения жизни. До сих пор его лечил Виллие, теперь он велит позвать Тарасова и просит его заменить Виллие под предлогом, что тот нуждается в отдыхе. Тарасов остается при нем, но и он не знает, что предпринять, чтобы облегчить страдания больного. В душе он убежден, что император не выздоровеет и предлагает императрице послать за священником. Странно, что Александр, глубоко и искренне верующий, сам ни разу не выразил желания видеть священника. Несомненно, в жару и в лихорадке он не сознавал, что его болезнь смертельна. Елизавета садится у изголовья больного и печально произносит: «Я намерена предложить вам свое лекарство, которое всем приносит пользу... Я лучше всех знаю, что вы великий христианин и строгий блюститель всех уставов нашей православной церкви; я советую вам прибегнуть к врачеванию духовному». Сначала скептически отнесясь к этому совету, Александр позже зовет врачей и повелительно спрашивает Виллие, действительно ли его болезнь настолько опасна. Крайне смущенный Виллие это подтверждает. «Сколь печальна обязанность, вынуждающая объявить ему о близком конце в присутствии Ее Величества императрицы, предложившей ему некое средство: Sacramentum»,^[87] — заносит он в дневник. Император спокойно поворачивается к жене и говорит ей: «Благодарю вас, друг мой. Распорядитесь. Я готов».

О чем думает он на краю могилы? С давних пор желал он освободиться от тяжести царского венца, освободиться от бремени жизни. Настал ли момент расстаться с этим миром? Да, сомнений нет, раз таково заключение врачей. А потом? Что найдет он за черным занавесом? Немыслимо, чтобы человек столь глубоко

религиозный не задумывался бы, холодея от страха, о том, что ждет его в ином мире. Бог, конечно, зачтет ему благие намерения и истовую веру. Но что значат благородные помыслы и блестящие деяния рядом с трупом насильственно умерщвленного отца? А если произойдет чудо, и он выздоровеет? О, тогда он свершит то, о чем неоднократно говорил: удалится от мира в пустынь и будет жить там никем не признанным отшельником.

15 ноября протоиерей местной церкви отец Алексей Федотов введен к больному, который выходит из забытья, просит оставить его наедине с служителем Божиим и долго исповедуется. Потом он причащается Святых Христовых Тайн в присутствии императрицы, близких, врачей и камердинеров. Исполнив долг христианина, он целует руку жены и говорит ей: «Никогда не испытывал я такого утешения и благодарю вас за него». Потом говорит, обращаясь к врачам: «Теперь, господа, делайте ваше дело. Употребите средства, которые считаете нужными».

Тарасов ставит больному тридцать пять пиявок за ушами и к затылку, а на голову кладет холодные примочки. Состояние Александра как будто улучшается. Но это лишь кратковременное отступление болезни. Совершенно ясно: конец близок. Одна лишь Елизавета все еще не верит в это. Погруженный в беспамятство, умирающий приходит в себя, только когда она, склонившись к нему, шепчет что-нибудь на ухо. Он берет ее руку, целует, прижимает к сердцу, потом, повернувшись к иконе, бормочет молитвы. Вечером 18 ноября Тарасов констатирует у царя признаки кровоизлияния в мозг. Он поит его с ложечки. Александр с трудом глотает. Дышит тяжело и хрипло. Когда он уже не может глотать пищу, врачи ставят ему две клизмы с бульоном, «сваренным на смоленской крупе». В десять часов Елизавета возвращается и снова

садится у постели мужа. Левой рукой она держит правую руку умирающего. По лицу ее струятся слезы. Безмолвная и неподвижная, она наблюдает, как угасает его жизнь. Идут часы, ночь проходит в мрачном молчании. Александр еще дышит. Духовенство служит молебны.

На следующий день, 19 ноября/1 декабря 1825 года, толпа, жадная до новостей, заполняет площадь перед императорским домом, невзирая на пасмурную, дождливую погоду. В десять часов пятьдесят минут утра царь Александр Благословенный, не приходя в сознание, испускает последний вздох. Ему сорок семь лет и одиннадцать месяцев. Елизавета поднимается со стула, на котором провела столько часов бдения, опускается на колени, молится, крестит императора, целует его холодный лоб, закрывает ему глаза и, сложив платок, подвязывает подбородок.

Вернувшись в свои покои, она берет перо и, смахивая застилающие глаза слезы, пишет матери: «Ах, мама, я самое несчастное создание на земле! Я хотела сообщить вам, что еще существую, хотя потеряла этого ангела, который, несмотря на измучившую его болезнь, всегда находил для меня благосклонную улыбку или взгляд, даже когда никого уже не узнавал... Я раздавлена горем, я не понимаю самое себя, я не понимаю своей судьбы». И через день: «Перед этой нестерпимой болью, перед этим безысходным отчаянием, боюсь, не устоит моя вера. Боже мой, это выше моих сил! Если бы еще он не был так ласков, так нежен со мной почти до самых последних мгновений! И мне выпало принять последний вздох этого ангела, который, утратив способность понимать, не утратил способности любить. Что делать мне без того, кому я была всецело предана? Что делать мне с моей жизнью, которую я ему посвятила?» Вдовствующей императрице, матери Александра, Елизавета пишет

следующее письмо: «Дорогая мама! Наш ангел на небе, а я на земле; из всех, кто его оплакивает, я самая несчастная. О, как бы я хотела скорее с ним соединиться!.. Посылаю вам, дорогая мама, прядь его волос. Увы! Зачем пришлось ему столько выстрадать? Теперь на его лице умиротворенное, приветливое выражение, так ему свойственное. Как будто он одобряет то, что происходит вокруг него... Пока он остается здесь, и я здесь останусь. Когда он уедет, я, если это найдут возможным, уеду вместе с ним. Я буду следовать за ним до тех пор, пока хватит сил». Позже, вспоминая о той перемене, которую наложила смерть на его лицо, она напишет матери следующее: «Два первых дня он казался помолодевшим и прекрасным... Даже в первый день на лице его сохранялось выражение веселости, удовлетворения, столь живое, что, казалось, он собирается встать со своей обычной живостью движений, и, однако, в последний момент какая жестокая перемена!»

Дом наполняется рыданиями и погребальным пением, а девять врачей, придворных и из местного гарнизона, производят вскрытие. Они констатируют, что большая часть органов в превосходном состоянии. Составлен протокол, подписанный производившими вскрытие врачами.^[88] Теперь предстоит набальзамировать тело. Тарасов и Виллие из благоговения к почившему отказываются участвовать в этой мрачной работе. Остальные, засучив рукава и зажав в зубах сигары, чтобы заглушить трупный запах, принимаются за дело. В камине в кастрюльке варятся ароматические травы. Но в Таганроге нет материалов, необходимых для такой сложной операции, нет даже чистых простыней и полотенец. Сердце, мозг, внутренности положены в серебряные сосуды, похожие на жестянки из-под сахара. «Фельдшера перевертывали

тело, как кусок дерева, — пишет очевидец Н. И. Шениг, [89] — и я с трепетом и любопытством имел время осмотреть его. Я не встречал еще так хорошо сотворенного человека. Руки, ноги, все части тела могли бы служить образцом для ваятеля; нежность кожи необыкновенная». Работа продолжается всю ночь. Потом царя одевают в генеральский мундир, прикрепляют на груди звезду и ордена и кладут на железную кровать. Несмотря на бальзамирование, лицо начинает чернеть, и умершего накрывают кисеей. Священники, сменяясь каждые два часа, читают Псалтирь, офицеры местного гарнизона несут караул. Время от времени кто-нибудь из присутствующих приподнимает покрывало и смачивает лицо царя губкой, пропитанной спиртом. В комнате стоит удушающая жара. Запах воска от трех высоких церковных свечей смешивается с ароматом какого-то душистого вещества, которым насыщены продукты бальзамирования, и с запахом разлагающейся плоти. «Наши мундиры до того им провоняли, — отмечает Шениг, — что недели три сохраняли этот неприятный запах. — И продолжает: — На второй день, подняв кисею для примочки лица, я дал заметить Добберту, [90] что клочок галстука торчит из-под воротника государя. Он потянул и к ужасу увидел, что это кожа». Сейчас же вызывают Виллие, и он велит отворить все окна и поставить под кровать корыто со льдом. Наконец тело царя перекадывают в свинцовый гроб, который помещают во второй, дубовый, и ставят, не покрывая крышкой, на помосте в зале, стены которой обиты черным сукном. Каждый день царица входит в залу, подходит к гробу, но не поднимает прозрачной кисеи. «Он, так заботившийся о своей наружности, — говорит она, — был бы недоволен, если бы видели, как он

изменился». Она целует супруга в лоб сквозь вуаль и остается возле него десять минут.

Князь Волконский подавлен обязанностями, которые легли на его плечи. Кончина царя вдали от столицы — исключительное событие в истории России: как будто он погиб в чужой стране. Нет никакой традиции, на которую можно было бы опереться в столь необычных обстоятельствах. И нет никаких предписаний сверху. И есть все основания ошибиться, проявив личную инициативу. Гроб предстоит везти в Петербург через всю Россию, и Волконский один занимается всеми приготовлениями. «За две тысячи верст от столицы, в углу империи, без малейших способов и с большою трудностью доставать самые необходимые вещи, по сему случаю нужные, за всякой безделицей принужден посылать во все стороны курьеров... Ежели бы меня здесь не было, не знаю, как бы сие пошло: ибо все прочие совершенно потеряли голову».

В Петербурге также все, начиная от великого князя Николая, охвачены паникой. Он узнает о смерти брата 27 ноября от фельдъегеря, прибывшего в большую церковь во время молебна о здравии императора. Александр недавно уведомил Николая, что назначил его наследником престола, но не обмолвился о существовании манифеста. Поэтому, не зная, каковы были окончательные распоряжения покойного, Николай немедленно присягает Константину и приводит к присяге дворцовые караулы и войска Петербурга. Между тем весть о кончине Александра доходит и до Константина, который, зная о своем акте отречения, присягает Николаю. В результате возникает короткий период междуцарствия: в России два царя, один столь же законный, как и другой. Хотя князь Голицын передает Николаю точное содержание манифеста, великий князь отказывается принять трон без личного объяснения с братом и торопит Константина приехать в

Петербург. А Константин не считает свой приезд в Петербург необходимым и настаивает на том, чтобы брат принял власть. Курьеры галопом носятся между Петербургом и Варшавой. Понимая всю серьезность положения, третий брат, великий князь Михаил, выполняет роль посредника между двумя старшими братьями, которые, демонстрируя величие души, перебрасываются, как мячиком, короной Российской империи.

Наконец, 12 декабря вечером Николай получает через фельдъегеря категорический отказ Константина, не желающего ни царствовать, ни утруждать себя приездом в столицу. Пусть, там, наверху, выпутываются без него! Наступает момент, когда Николай должен предложить войскам, уже присягнувшим его брату, принести новую присягу — лично ему. Он не скрывает от себя, как опасно призвать простых и суровых людей нарушить только что данную клятву верности. Впрочем, его предупредили, что готовится вооруженное выступление. Тайные общества решили воспользоваться волнением в армии и перейти к действиям. «Послезавтра утром, — пишет Николай генералу Дибичу, — я или государь, или без дыхания. Я жертвую собой для брата; счастлив, если, как подданный, исполню его волю. Но что будет с Россией? Что будет в армии?»

И действительно, 14 декабря утром офицеры, члены Северного общества, поднимают преданных им людей на восстание под предлогом, что Николай — узурпатор. Лейб-гвардии Московский полк и гренадерский гвардейский полк выходят из казарм с оружием в руках и выстраиваются на Сенатской площади около памятника Петру Великому. Вскоре к ним присоединяются моряки — Гвардейский морской экипаж. Толпы любопытных заполняют площадь. Одни кричат: «Ура, Константин!» Другие: «Ура, Константин и

конституция!» Они думают, что конституция — имя жены Константина. Напротив мятежников выстраиваются войска, присягнувшие Николаю. Новый император лично прибывает на Сенатскую площадь, Граф Милорадович, генерал-губернатор Петербурга, уговаривает солдат разойтись, но падает, смертельно раненый выстрелом из пистолета. Кавалергарды, верные новому царю, наступают на ряды восставших, но их кони скользят по обледенелой земле, а беглый ружейный огонь заставляет отступить. Тогда Николай скрепя сердце соглашается пустить в ход артиллерию. Нескольких залпов картечи достаточно, чтобы рассеять и любопытных, и мятежников. В одно мгновение стройные ряды солдат дрогнули, началось беспорядочное бегство. Николай, став хозяином положения, пишет брату: «Дорогой, дорогой Константин, ваша воля исполнена: я — император, но какой ценой, великий Боже, ценой крови моих подданных». Той же ночью по его приказу начинаются аресты. Имена главарей известны Следственной комиссии от доносчиков. Сто двадцать заговорщиков брошены в тюрьмы и предстают перед Верховным судом, составленным из членов Государственного совета, Сената и Синода. Трибунал приговаривает пятерых вождей к смертной казни через повешение,^[91] остальных к каторжным работам в Сибири. Так заканчивается дело тех, кого уже называют «декабристами». Высмеивая благородные иллюзии этих революционеров, большинство которых принадлежит к знатнейшим русским фамилиям, граф Ростопчин острит: «Обыкновенно сапожники устраивают революции, чтобы сделаться господами, а у нас господа захотели сделаться сапожниками».

Во время треволнений междуцарствия тело императора Александра остается в Таганроге. Возле

него ежедневно совершаются панихиды. Каждый вечер в семь часов Елизавета отправляется в церковь, где установлен гроб, и склоняется в молитве. «Я нахожу немного утешения только здесь, где, мне кажется, душа его не расстается со мной, как, впрочем, и повсюду», — говорит она. Только 29 декабря 1825 года траурная процессия покидает Таганрог. Императрица слишком слаба, ей не по силам долгое путешествие, и она остается в Таганроге. Она пишет матери: «Все земные связи между нами порваны... Встретившись детьми, мы шли вместе тридцать два года и вместе пережили все периоды нашей жизни. Мы часто разлучались, но всегда снова обретали друг друга. Наконец нам открылся истинный путь, и мы вкушали сладость нашего союза. И в этот момент его отняли у меня».

На ночь кортеж останавливается, гроб переносят в церковь. Время от времени его открывают, осматривают тело, составляют протокол и вновь закрывают. Правит катафалком постоянный кучер царя Илья Байков. Когда кортеж движется среди степей, из окрестных деревень сбегаются крестьяне и падают перед ним ниц. У въезда в города кортеж встречают выстроенные войска и пушечными залпами отдают покойному последние почести. Нередко народ выпрягает лошадей и везет погребальную колесницу на себе. Что думают о почившем царе все эти оплакивающие его люди? Если бы они восстановили в памяти дела и события его жизни, то перед их мысленным вздором предстала бы не прямая, устремленная ввысь линия, а линия причудливая, изломанная, как зигзаг, и драматично и резко оборванная. При вступлении на трон он был окружен благоговейным обожанием подданных, но не оправдал ничьих надежд, не проведя в жизнь ни одной из обещанных стране либеральных реформ. Новый прилив народной любви окружил его после победы над

Наполеоном, но, вернувшись в Россию из заграничных походов, он снова предал доверие нации, превратившись в самодержавного властелина. Якобы просвещенный Господом, он стал вдохновителем репрессий как в России, так и в Европе. То и дело взывая к христианскому милосердию, он создал в Европе Священный союз, а в России — каторгу военных поселений. И теперь, провожая его останки, подданные сами не знают, должно ли им оплакивать юного царя — лучезарного ангела или радоваться кончине угрюмого стареющего деспота. Не умея отделить воспитанника Лагарпа от покровителя Аракчеева, они, как им кажется, преклоняют колени перед двумя разными, но заключенными в один гроб усопшими: один из них белый, другой — черный. Все, кто близко общался с ним, поражались двойственности его натуры. Его называли «Северный Сфинкс», «коронованный Сфинкс», «Сфинкс, не разгаданный до гроба». Знал ли он сам, кем был? Не в том ли его трагедия, что, постоянно мечтая делать добро, он был неспособен его творить? Да, на протяжении всего своего земного пути он страшился дела, которое желал бы совершить. Опасаясь беспорядка, который неизбежно вызывает любое нововведение, он чаще всего останавливался на полдороге. Два шага вперед — три назад. Меттерних проницательно напишет о нем: «Переходя от культа к культу, от одной религии к другой, он все расшатал, но ничего не построил. Все было в нем поверхностно, ничто не затрагивало его глубоко». А Шатобриан писал в брошюре «Конгресс в Вероне»: «Какими бы высокими ни были достоинства царя, они в конечном счете были пагубны для его империи... Он посеял там зерна цивилизации и сам же их затоптал. Население, сбитое с толку противоположными требованиями, не понимало, чего от него хотят: просвещенности или невежества, слепого повиновения царской воле или соблюдения

законов, стремления к свободе или пребывания в рабстве... Он был слишком сильным, чтобы стать законченным деспотом, и слишком слабым, чтобы установить свободу». И тот же Шатобриан скажет о нем: «У императора России были сильная душа и слабый характер».

Так что молитвы и песнопения духовенства обращены к загадке. С величавой медлительностью, этап за этапом, от одной церковной службы к другой, двуликий вечный скиталец Александр в последний раз объезжает свою империю. Жуткое путешествие длится два месяца. 28 февраля 1826 года император Николай встречает траурную процессию в Царском Селе и провожает останки брата до дворцовой церкви. На следующий день, по его просьбе, доктор Тарасов открывает гроб, поднимает слой ароматных трав, которым покрыто тело, чистит мундир, меняет перчатки, протирает лицо, причесывает волосы покойного. Когда он заканчивает погребальный туалет, императорская семья — и только она — допускается к гробу для церемонии последнего прощания. Священники и офицеры свиты держатся в отдалении. У дверей выставлен караул. Члены императорской семьи друг за другом приближаются к гробу и целуют лоб и руку покойного. Он неузнаваем. Кожа лица приобрела, по свидетельству доктора Тарасова, светло-каштановый оттенок. Императрица-мать, взглянув на него, театрально восклицает: «Да, это мой дорогой сын, мой дорогой Александр! Ах, как он исхудал!»

Из Царского Села гроб с телом императора торжественно перевозят в Петербург. Небо затянуто тучами, в морозном воздухе кружатся хлопья снега. Император Николай, великий князь Михаил, иностранные принцы, завернувшись в черные плащи, медленно идут за похоронными дорогами. Соблюдается церемониал, принятый при погребении Петра Великого.

Бесконечная вереница генералов, высших сановников, священников, монахов под звуки похоронного марша направляется к Казанскому собору. В нефе устроено возвышение. Народу дозволено пройти перед катафалком, но, вопреки русским обычаям, гроб остается закрытым. Император Николай боится открыть взглядам подданных изменившееся лицо усопшего. Через шесть дней, 13 марта 1826 года, снова похоронное шествие провожает останки Александра из Казанского собора в собор Петропавловской крепости, где он и будет захоронен. Снежная буря обрушивается на город и замедляет движение кортежа. Тем не менее в два часа пополудни пушечные залпы возвещают миру, что царь Благословенный обрел наконец свой вечный покой. «Роман кончен, — говорит Меттерних, — начинается история».

Немного времени спустя Елизавета решается наконец, несмотря на крайнюю слабость, покинуть Таганрог и в сопровождении небольшой свиты вернуться в Петербург. «Я страдаю телом и душой», — пишет она матери. Вдовствующая императрица встретит ее в Калуге. 3 мая добираются до Белева, города в Тульской губернии в самом сердце России; Елизавета не в состоянии продолжать путь и останавливается в наскоро приготовленном для нее помещении. Она до такой степени измучена, что с трудом говорит и не выносит огня свечей. Ее секретарь Лонгинов так описывает происшедшую с ней перемену: «Глаза мутные, под глазами две жилы надулись толщиной в палец и синие, оттого нос казался так широк, что не принадлежал к ее физиономии; борода отвисла и рот был раскрыт». Перед сном врачи измеряют пульс больной, дают лекарства и удаляются. Она отсылает горничную, мадемуазель Тизон. Около половины пятого утра мадемуазель Тизон входит в комнату удостовериться, заснула ли императрица, и

находит ее мертвой. При вскрытии констатируют остановку сердца. И снова траурная процессия движется к Петербургу. 21 июня 1826 года гроб Елизаветы опускают в склеп и устанавливают рядом с гробом Александра.

Эпилог

Александр I, этот Северный Сфинкс, не мог уйти из жизни, не оставив после своей кончины череды тайн. Его смерть вдали от столицы после короткой и странной болезни, долго откладывавшийся перевоз тела в Петербург, наконец, погребение вопреки национальному обычаю — без позволения народу видеть лицо царя в открытом гробу — все это вносило в умы смятение. Едва отзвучали похоронные песнопения, как стали распространяться разные слухи. Говорили, что царь не умер в Таганроге, а на английской яхте отплыл в Палестину к Святым местам; что он был похищен казаками; что он тайно уехал в Америку... Распространители этих версий сходились в одном: император не умер, вместо него в гроб был положен солдат, походивший на него лицом и сложением. Однако мало-помалу слухи утихли.

Но спустя десять лет, когда казалось, что легенда давно развеялась, на окраине города Красноуфимска Пермской губернии появился мужчина лет шестидесяти, величественной наружности, по имени Федор Кузьмич. У него не было документов, и он заявлял властям, что он «бродяга, не помнящий родства». Его приговорили к двадцати ударам плетью и высылке на поселение в Западную Сибирь. Он нашел приют у крестьян, которых поражал толкованием Священного Писания, ласковым обхождением и мудростью советов. Он жил тихо, иногда работая на местном заводе. Молва о нем, как о человеке святой жизни, привлекла к нему внимание купца Хромова, который взял его под свое покровительство и построил ему небольшую избу в окрестностях Томска. Избавленный от всяких забот, Федор Кузьмич всецело посвятил себя служению Богу.

Многие именитые граждане Томска спешили посетить его пристанище. Всех поражали одухотворенный облик Федора Кузьмича, его разносторонняя образованность, знание им важнейших политических событий. Создавалось впечатление, что он лично знал крупных государственных деятелей. Он почтительно отзывался о митрополите Филарете и архимандрите Фотии, с волнением перечислял победы Кутузова, вспоминал военные поселения и рассказывал о триумфальном вступлении русских армий в Париж. Посетители расставались с ним в убеждении, что под обличьем простолюдина скрывается одно из самых высокопоставленных лиц империи. Некоторые, не осмеливаясь произнести это вслух, находили в нем сходство с почившим императором. Федор Кузьмич был высокого роста, широкоплеч, с правильными чертами лица, голубыми глазами, облысевшим лбом и длинной седой бородой. Он не прихрамывал, как царь, но, как и он, был туговат на ухо. Кроме того, у него была та же величественная осанка, та же статная фигура. Одетый в белую рубаху и штаны из грубого холста, он держался с таким достоинством, словно был облачен в парадный мундир. Представители высшего духовенства, епископы Томска и Иркутска не колеблясь отправлялись в путешествие ради беседы с почтенным старцем. Старший сын Александра II, Николай Александрович, тогда наследник престола,^[92] и великий князь Алексей Александрович, младший брат Александра III, тоже посетили его. Однажды какой-то солдат, увидев Федора Кузьмича, закричал: «Царь! Царь батюшка, Александр Павлович!», и тот поспешно ответил: «Я всего лишь бродяга. Молчи, не то попадешь в острог». До последнего вздоха он утверждал, что ничего не знает о своем происхождении. Тем, кто умолял его открыть свое настоящее имя, он отвечал: «Это Бог знает». Он

умер 20 января 1864 года в возрасте 87 лет, окруженный общим почитанием. Для Хромова, заботившегося о нем в последние годы, он был святым человеком — старцем. Хромов добился от церковных властей разрешения похоронить своего бывшего подопечного в ограде Богородице-Алексеевского монастыря в Томске и установить на его могиле крест с надписью: «Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Федора Кузьмича, скончавшегося в Томске 20 января 1864 года». Именно так называли официально Александра I после победы над Наполеоном. Затем Хромов поместил в местной печати рассказ о предсказаниях старца и творимых им чудесах: исцелении больных наложением рук, необыкновенном благоухании, наполнявшем его келью, о сиянии, озарявшем ее по ночам, хотя там не горела ни одна свеча. Хромов дважды, в царствование Александра II и Александра III, ездил в Петербург в надежде побеседовать с высокими особами и передать им несколько реликвий. Портрет святого человека был передан Александру III, который хранил его, как говорят, в своем кабинете. Могила Федора Кузьмича стала местом паломничества. Великий князь Николай, будущий император Николай II, возвращаясь из поездки в Японию в 1891 году, приехал поклониться этой могиле. Член императорского совета Галкин-Враской возвел на этом месте часовню. В бывшем жилище старца, превращенном в музей, висел портрет Александра I. В день святого Александра Невского священник ближайшей церкви совершал здесь службу. Местное население не сомневалось, что именно царь укрывался здесь, дабы смиренно окончить свои дни в общении с Богом. Первая биография Федора Кузьмича, изданная в 1891 году, не содержала никаких сведений о его жизни до 1836 года — года его появления в Сибири. В третьем издании, появившемся в 1894 году,

помещены два портрета старца, вид его жилища и факсимиле его почерка. Некоторые графологи нашли в нем отдаленное сходство с почерком Александра I. Со временем легенда о ложной смерти царя приобретала все больше сторонников. Те, кто поддерживали эту версию, опирались на целый ряд заслуживающих внимания наблюдений. Вот они.

Александр I неоднократно заявлял о своем желании отказаться от престола и удалиться в мирное житье. Он даже назначил возраст, в котором предполагал оставить трон: около пятидесяти лет. В ноябре 1825 года, когда он умер в Таганроге, ему было почти 48 лет. С другой стороны, заметки свидетелей его болезни часто противоречивы. Так, доктор Тарасов пишет об одном дне болезни, что император провел «спокойную ночь», а доктор Виллие говорит о том же дне, что ночь была «беспокойной» и государю делалось «все хуже и хуже». Протокол вскрытия подписан девятью медиками, но доктор Тарасов, который составлял это заключение и имя которого фигурирует внизу последней страницы, заявляет в своих воспоминаниях, что он этот документ не подписывал. Значит, кто-то другой подделал его подпись? Более того. Исследование головного мозга выявило нарушения, оставляемые сифилисом, болезнью, которой не страдал Александр. Наконец, в 1824 году царь перенес рожистое воспаление на левой ноге, а врачи, производившие вскрытие, обнаружили следы старой раны на правой ноге. Бесспорный факт, что, несмотря на бальзамирование, лицо умершего быстро изменилось до неузнаваемости; бесспорный факт, что народ не был допущен пройти перед открытым гробом; бесспорный факт, что императрица не сопровождала останки своего супруга в Петербург; бесспорный факт, что дневник царицы прерван за восемь дней до кончины государя; бесспорный факт, что Николай I приказал сжечь большую часть

документов, связанных с последними годами царствования его брата, так же как и доказательства, на которые опирались те, кто не верил в смерть Александра I. Эти последние в подкрепление своей позиции приводят свидетельства, согласно которым при вскрытии саркофага Александра I, разрешенного Александром III и проведенного графом Воронцовым-Дашковым, гроб оказался пустым. В 1921 году распространился слух, что советское правительство приступило к изучению останков государей, погребенных в Петропавловской крепости, и присутствовавшие также констатировали отсутствие тела в гробе Александра I. Правда, ни одно официальное сообщение этот слух не подтвердило. Но большинство членов династии Романовых, эмигрировавших после революции за границу, верили в идентичность Федора Кузьмича и победителя Наполеона.

Во главе тех, кто придерживается противоположного мнения, великий князь Николай Михайлович, внучатый племянник Александра I. Имея доступ к секретным архивам императорской фамилии, он после некоторого колебания твердо заявил, что царь умер в Таганроге. «Если вдуматься в характер и склонности Александра Павловича, — пишет он, — то нельзя найти в них ни малейшей склонности к такого рода превращению, а тем более к добровольной решимости идти на такого рода лишения в зрелом возрасте, при совсем исключительной обстановке... Поэтому мы окончательно пришли к убеждению, что не только противна всякой логике возможность правдоподобия легенды, но нет и малейшего аргумента или доказательства в пользу такого предположения».

В самом деле, кажется совершенно невероятным, чтобы царь, нежно привязанный к своей жене, вдруг покинул ее, зная, что она умирает от чахотки и дни ее

сочтены; невероятно также, что, давно вынашивая проект об оставлении трона, он не урегулировал вопрос о престолонаследии; невероятно, наконец, что он приказал принести «похожий на него» труп, не возбудив подозрений у своего окружения. Как допустить подмену тела в Таганроге, как вообразить этот мрачный фарс, если в него вовлечено три десятка человек: офицеры, медики, секретари, фрейлины императрицы и она сама? Разве императрица не находилась у его изголовья до самых последних мгновений его жизни? Разве она не закрыла ему глаза? Разве она не писала после его кончины душераздирающие письма своей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, другим своим близким? Что же, все это — лишь циничная пародия на траур? Разве сами ее слезы не развеивают все подозрения? А протокол вскрытия, подписанный медиками? А эти бесчисленные освидетельствования тела, подкрепленные протоколами, на протяжении всего пути из Таганрога в Петербург? А письменные и устные свидетельства очевидцев агонии императора? И мыслимо ли, чтобы столько набожных людей, зная, что император жив, скрывали истину после того, как присутствовали на его отпевании? Подобное соучастие граничило бы со святотатством.

Впрочем, даже императрица Елизавета не избежала после погребения продлевающей жизнь легенды, во многом совпадающей с легендой об Александре. Народная молва утверждала, что она не умерла, а в 1840 году укрылась под именем инокини Веры Молчальницы в Новгородском монастыре. Дав обет молчания, она скончалась в 1861 году, так и не открыв своего настоящего имени. Монахини, пораженные изяществом ее черт и утонченностью манер, будто бы сразу узнали в ней почившую императрицу. Судьбу, подобную судьбе своего супруга, она избрала потому,

говорили монахини, что оба они испытывали муки раскаяния из-за убийства Павла I.

Двойники, ложные похороны, маскарадные перевоплощения в предсмертные мгновения напоминают волшебную сказку. Но если Александр I действительно умер в Таганроге, то кто был «старец», погребенный в Алексеевском монастыре в Томске? Самозванцы нередки в истории России. Доверчивый русский народ падок на всякие чудеса: свидетельство тому два Лжедмитрия, множество Петров III, Иванов VI, лжецаревен. Во все времена в Сибири скрывались разного рода пророки, священники-расстриги, беглые монахи, жившие как отшельники. Федор Кузьмич вполне мог быть одним из таких порвавших с обществом аскетов. Великий князь Николай Михайлович, специально изучавший этот вопрос, склонен считать его незаконным сыном Павла I, лейтенантом флота Семеном Великим. Другие называют кавалергарда Ф. А. Уварова, исчезнувшего в 1827 году; некоторые, не указывая на определенное лицо, предполагают, что речь идет об одном из русских аристократов, пожелавших порвать со своей средой.

Так, не только жизнь, но и смерть Александра I — загадка для будущих поколений. Он не смог, как часто мечтал, сложить корону и удалиться от мира, но народная молва вылилась в легенду, у которой был тот конец, какого он сам желал.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Основные даты составлены главным образом по: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I-IV. СПб., 1904. События внутри России приводятся по старому стилю, за ее пределами — и по старому, и по новому стилю.

1777, 12 декабря — в семье наследника престола великого князя Павла Петровича родился сын Александр.

1779, 27 апреля — рождение великого князя Константина.

1783, начало года — прибытие Лагарпа в Петербург.

1783/84 — начало систематического обучения великих князей под руководством Екатерины II.

1784, после 10 июня — Екатерина II назначает наставником великих князей Лагарпа.

1788, 10 мая — рождение великой княжны Екатерины, четвертой дочери цесаревича Павла Петровича и Марии Федоровны.

1792, 31 июля (10 августа) — свержение монархии во Франции. Екатерина II разрывает с Францией дипломатические отношения.

30 октября — прибытие в Петербург баденской принцессы Луизы, принявшей в православии имя Елизаветы Алексеевны.

1793, 10/21 января — казнь Людовика XVI. В Петербурге объявлен шестинедельный траур.

28 сентября — бракосочетание великого князя Александра Павловича и баденской принцессы Елизаветы Алексеевны в большой церкви Зимнего дворца.

5/16 октября — казнь Марии-Антуанетты.

1794, октябрь — отставка Лагарпа.

1795, 9 мая — отъезд Лагарпа из России.

1796, 4 ноября — апоплексический удар у Екатерины II.

6 ноября — смерть императрицы Екатерины Великой. Россия присягает новому государю — императору Павлу I. Великий князь Александр становится наследником престола и назначается военным генерал-губернатором Петербурга.

1797, 5 апреля — коронация Павла I в Москве. Оглашение нового закона о престолонаследии.

1799, 18 мая — рождение у великой княгини Елизаветы Алексеевны дочери Марии. *1*

800, 27 июля — смерть младенца Марии.

1801, в ночь с 11 на 12 марта — убийство императора Павла I в Михайловском замке. Воцарение Александра I. Создание Негласного комитета.

2 апреля — манифест, восстанавливающий Жалованную грамоту дворянству. Уничтожение учрежденной при Екатерине II Тайной экспедиции.

Август — возвращение Лагарпа.

26 сентября (8 октября) — мирный договор с Францией.

1802 — Мария Нарышкина становится фавориткой императора Александра I.

29 мая — визит Александра I в Мемель к королю Пруссии Фридриху — Вильгельму III. Знакомство с Луизой Прусской.

1803, 26 апреля — личной запиской Александра I вновь призван на службу генерал- лейтенант граф Аракчеев.

1804 — рождение у Марии Нарышкиной дочери Софьи.

9/21 марта — расстрел герцога Энгиенского. Семидневный траур в России.

17 апреля — чрезвычайное заседание Государственного совета. Нота французскому правительству.

6/18 мая — Наполеон провозглашен императором французов.

1805, 2/14 января — Россия подписывает союзный договор со Швецией.

30 марта (11 апреля) — союзный договор с Англией.

28 июля (9 августа) — союзный договор с Австрией.

22 октября (3 ноября) — Потсдамская конвенция. Клятва у гроба Фридриха Великого.

6/18 ноября — прибытие Александра I на театр военных действий.

13/25 ноября — письмо императора Наполеона императору Александру.

20 ноября (2 декабря) — разгром Наполеоном союзнических войск под Аустерлицем.

22 ноября (4 декабря) — австрийский император Франц заключает перемирие с Наполеоном. Александр I возвращается в Петербург.

1806, 15/27 октября — триумфальное вступление Наполеона в Берлин. Начало семилетней войны с Турцией.

16 ноября — объявление императором Александром о начале войны с Наполеоном.

1807, 27 января (8 февраля) — сражение при Эйлау.

2/14 июня — поражение при Фридланде. *13/25 июня* — свидание двух императоров на Немане.

25 июня (7 июля) — Тильзитский мир.

16/4 июля — возвращение Александра I в Петербург.

Сентябрь — введение новой униформы, скроенной по французскому образцу.

1808, 13 января — военное министерство возглавил Аракчеев.

Начало года — захват Россией Финляндии.

Май — смерть младенца Елизаветы, дочери Александра I и Елизаветы Алексеевны.

15/27 сентября — Эрфуртское свидание с Наполеоном.

2/14 октября — Александр I и Наполеон вместе выезжают из Эрфурта и расстаются навсегда.

1809, 5/17 сентября — договор со Швецией. Высочайшая грамота о политическом устройстве Финляндии.

2/14 октября — Венский мир.

1810, 1 января — первые заседания Государственного совета, на которых присутствует Александр I. Сперанский награжден орденом Св. Александра Невского.

1812, 17 марта — отставка и высылка М. М. Сперанского.

9 апреля — Александр передает ультиматум французскому послу графу Лористону и направляется к действующим войскам в Вильну.

11 июня — наполеоновская армия форсирует Неман между Ковно и Гродно. Письмо Александра Наполеону. Ответ Наполеона.

5 августа — решение Чрезвычайного комитета о назначении главнокомандующим М. И. Кутузова.

26 августа — Бородинская битва.

1 сентября — Совет в Филях. Решение оставить Москву.

3 сентября — Наполеон вступает в Москву.

8 сентября — письмо Наполеона Александру.

6 октября — Наполеон решает оставить Москву. Выступление французов из первопрестольной.

15 ноября — переправа французских войск через Березину.

25 декабря — торжественный молебен в день Рождества Христова во всех храмах России по случаю освобождения от опустошительного нашествия «дванадцати народов».

1813, 1/13 января — Александр и Кутузов, отслужив молебен, переходят с войсками Неман и вступают в герцогство Варшавское.

16/28 апреля — кончина Светлейшего князя М. И. Кутузова-Смоленского в Бунцлау.

12/24 апреля — Александр I и король Пруссии в сопровождении свиты вступают в Дрезден.

20 апреля (2 мая) — поражение при Люцене.

8/20 мая — поражение при Бауцене.

23 мая (4 июня) — Плейсвицкое перемирие.

29 мая (10 июня) — главнокомандующим русско-прусской армии назначен Барклай-де-Толли.

4-7(16-19) октября — победа под Лейпцигом. Распад наполеоновской Германии.

19 ноября (1 декабря) — Франкфуртская декларация.

1814, 1/13 января — Александр наблюдает за переправой русских войск на территорию Франции.

18/30 марта — капитуляция Парижа.

19/31 марта — Александр I, король Пруссии и Шварценберг во главе союзных войск въезжают в Париж.

20 марта (1 апреля) — учреждение французского временного правительства во главе с Талейраном.

25 марта (6 апреля) — безоговорочное отречение Наполеона.

29 марта (10 апреля) — Православная Божественная Пасхальная литургия в Париже на том месте, где казнен Людовик XVI.

17/29 апреля — прибытие Людовика XVIII в Компьен.

21 апреля (3 мая) — въезд Людовика XVIII в Париж.

22 апреля (4 мая) — Наполеон прибывает на о. Эльба.

17/29 мая — кончина первой жены Наполеона Жозефины, при которой присутствует Александр I.

18/30 мая — Первый Парижский мирный договор.

22 мая (3 июня) — Александр покидает Париж и направляется в Англию.

13/25 июля — возвращение в Петербург. Благодарственный молебен в Казанском соборе.

20 октября (1 ноября) — открытие Венского конгресса.

1814, 22 декабря (1815, 3 января) — заключение тайного союза между Францией, Австрией и Англией, направленного против России и Пруссии.

В ночь с 10 на 11 (с 22 на 23) февраля — Наполеон покидает Эльбу.

17 февраля (1 марта) — высадка Наполеона во Франции.

8/20 марта — Наполеон в Тюильри находит текст тайного договора и пересылает его Александру.

28 июня (9 июля) — Заключительный акт Венского конгресса. Знакомство с баронессой фон Крюденер.

6/18 июня — поражение Наполеона при Ватерлоо.

10/22 июня — второе отречение Наполеона.

28 июня (10 июля) — Александр вновь вступает в Париж и останавливается в Елисейском дворце.

29 августа (10 сентября) — парад русских войск под Вертю.

14/26 сентября — в Париже подписан Акт о создании Священного союза.

8/20 ноября — Второй Парижский мирный договор.

15/27 ноября — Александр подписывает в Варшаве конституцию Польши.

1816, 6 января — обнародован манифест, объявляющий о создании Священного союза.

Август — Александр посещает возрождающуюся из руин Москву.

1818, сентябрь-ноябрь — первый конгресс Священного союза в Ахене, на котором решено вывести войска союзников из Франции.

28 декабря — кончина любимой сестры Александра Екатерины, королевы Вюртембергской.

1819, 24 августа — бунт в Уланском военно-поселенческом полку в Чугуеве.

1820, 20 марта — брак великого князя Константина Павловича и великой княгини Анны Федоровны расторгнут. Конгресс в Троппау по поводу беспорядков в Испании.

14 мая — великий князь Константин Павлович вступает в мorganатический брак с графиней Иоанной Грудзинской.

16 октября — бунт в лейб-гвардии Семеновском полку.

1821, 8 января — конгресс Священного союза в Лайбахе по поводу возмущения в Савойе и неаполитанской революции. Восстание в Греции под предводительством Александра Ипсиланти.

23 апреля (5 мая) — кончина Наполеона на о. Св. Елены.

1822, 8 октября-2 декабря (20 октября-14 декабря) — конгресс Священного союза в Вероне, посвященный усмирению беспорядков в Испании и обсуждению восточного вопроса.

1 августа — запрещение деятельности всех тайных обществ, в том числе масонских лож. Отставка Каподистрии.

1824, май — отставка министра народного просвещения князя А. Н. Голицына. Дела Святейшего Синода отделены от Министерства просвещения.

23 июня — кончина Софьи Нарышкиной.

7 ноября — наводнение в Петербурге.

1825, 1/13 мая — Александр произносит тронную речь на открытии третьего Сейма в Варшаве.

Июнь — возвращение в Петербург.

13 сентября — прибытие в Таганрог.

27 октября — начало болезни.

19 ноября в 10 часов 50 минут — Александр I Благословенный испускает последний вздох.

14 декабря — выступление на Сенатской площади. Убийство Милорадовича.

29 декабря — траурная процессия с телом Александра покидает Таганрог.

1826, 28 февраля — император Николай I встречает траурную процессию в Царском Селе.

13 марта — захоронение останков императора Александра I в Петропавловской крепости.

3 мая — кончина императрицы Елизаветы Алексеевны на пути в Петербург.

21 июня — гроб с телом императрицы Елизаветы Алексеевны устанавливают рядом с гробом Александра I в Петропавловской крепости.

1864, 20 января — кончина старца Федора Кузьмича. Похоронен на кладбище томского Алексеевскою мужского монастыря.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Богданович М. И. История царствования Императора Александра I и Россия его времени. Т. I-VI. СПб., 1869-1871.

Богданович Т. Александр I. М., 1914. Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1-3. СПб., 1910-1913.

Галактионов И. А. Император Александр I и его царствование. Т. 1-2. СПб., 1877-1879.

Герцен А. И. Император Александр I и В. Н. Каразин — Собр. соч. в 9-титт., т. 7. М., 1958.

Греч Н. И. Биография Александра I. СПб., 1835.

Дживилегов А. К. Александр I и Наполеон: исторический очерк. М., 1915.

Мережковский Д. С. Александр I. — Полное собрание сочинений, т. 16. М., 1913 (также М., 1990).

Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1-2. СПб., 1912.

Соловьев СМ. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877 (также М., 1995).

Толстой Л. Н. Таинственный старец Федор Кузьмич. СПб., 1912.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование Т. 1-IV. СПб., 1904-1905.

Чулков Г. Александр Первый (также в кн.: Чулков Г. Императоры. М., 1991).

Архангельский А. Первый и последний. Старец Федор Кузьмич и царь Александр: роман испытания // Новыймир, 1995, № 11.

Архангельский А. Блуждающий огонь. Рассуждение об Александре I // Дружба народов, 1996, № 11 — 12.

- Литература, цитируемая в тексте перевода
Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона. Т.1. СПб., 1865.
Бородино. М., 1985.
Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая, Т.Н.М., 1961;Т.VII.М., 1970; Т. VIII. М., 1972. Серия вторая. Т.II. М., 1976.
Давыдов Д. Военные записки. Воронеж, 1987.
Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991.
Коленкур А. де. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Таллинн — Москва, 1994.
Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995.
Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.
Отечественная война и русское общество. Т. IV. М., 1912.
Протасов А. Я. О юности Александра I. Лейпциг, 1862.
Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700-1863). СПб., 1892. Сборник Императорского Русского исторического Общества. Т.77. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Т.2. 1803-1804. СПб., 1891.
Советская историческая энциклопедия. Т.1. М., 1961; Т.5. М., 1964; Т.8. М., 1965.
Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.
Шильдер Н. К. Император Александр I.Т.I. СПб., 1904.
Валлотон А. Александр I. М., 1991.
Далин В. М. Александр I, Лагарп и Французская революция // Французский ежегодник. 1984. М., 1986.
Любимов Л. Тайна императора Александра I. Париж, 1938.
Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924 (также: Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990).

Сахаров А. Н. Человек на троне. М., 1992 (также: Сахаров А. Н. Александр I: к истории жизни и смерти. — Наука и жизнь, 1993, № 2-4).

Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Императрица Екатерина II (1729-1796).

Императрица Мария Федоровна (1759-1828),
урожденная принцесса Вюртембергская.

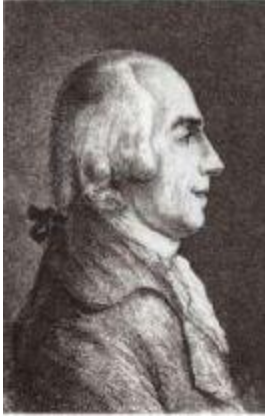
Император Павел I (1754-1801).

Великий князь Александр Павлович в 1787 году.

Великий князь Константин Павлович (1779-1831) в детстве.

Фредерик Сезар де Лагарп (1754–1838).

Князь Николай Иванович Салтыков (1736–1816).

Будущий император Николай I, великий князь Николай Павлович в юности.

Великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819).

Принц Георгий Ольденбургский (1784–1812).

Павловск.

Император Александр I.

Императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826).

Граф Петр Алексеевич Пален (1745–1826).

Князь Платон Александрович Зубов (1767–1822).

Граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745-1826).

Михайловский замок, в котором совершено злодейское убийство императора Павла I.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769-1834).

Граф Николай Николаевич Новосильцев (1768-1838).

Князь Виктор Павлович Кочубей (1768–1834).

Граф Павел Александрович Строганов (1772–1817).

Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861).

Дворец Чарторыйских в Пулавах, где не раз останавливался император Александр I.

Графиня Мария Нарышкина, возлюбленная Александра I. Очевидно, на портрете она изображена со своей дочерью Софьей.

Фридрих Вильгельм (1770–1840), король Пруссии.

Луиза (1776–1810), королева Прусская.

Клятва в вечной дружбе у гроба Фридриха Великого.

Франц I (1768–1835), император Австрии.

Кондратий Селиванов (1737–1832), основатель секты скопцов.

Сражение под Аустерлицем.

Встреча в Тильзите. Слева направо: Наполеон, Александр I, прусская королева Луиза и Фридрих Вильгельм III.

Анна Луиза Жермена де Сталь (1766-1817).

Маркиз Армон Опостен Коленкур, герцог
Виченцкий (1773-1827).

Граф Жозеф де Местр (1753-1821).

Граф Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862).

Александр

Наполеон. Рисунок адъютанта великого князя Константина Павловича, сделанный в Эрфурте.

Эрфуртская встреча.

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839).

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826).

Адмирал Александр Семенович Шишков (1754–1841).

Князь Петр Иванович Багратион (1765–1812).

Граф Густав Мориц Армфельд (1757–1814).

Генерал Савари (1774–1833).

Князь Петр Христианович Витгенштейн (1768–1842).

Генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813), светлейший князь Смоленский.

Бородинское сражение.

Военный совет в Филях.

Вступление наполеоновской армии в Москву.

Граф Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826).

Французы в Москве.

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839).

Граф Матвей Иванович Платов (1751–1818).

Казачи.

Переправа французской армии через Березину.

Адмирал Павел Васильевич Чичагов (1767–1849).

Граф Александр Жак Лористон (1768–1828).

Отступление французов через Вильну.

Сражение при Дрездене.

Роберт Томас Вильсон (1777-1849).

Князь Петр Михайлович Волконский (1776-1852).

Граф Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761-1818).

Сражение под Лейпцигом.

Барон Генрих Фридрих Штейн (1757-1831).

Граф Николай Петрович Румянцев (1754-1826).

Взятие в плен генерала Вандама во время Кульмского сражения.

Граф Александр Федорович Ланжерон (1763–1831).

Капитуляция Парижа.

Граф Михаил Федорович Орлов (1788–1842).

Маршал Огюст Фредерик Мармон (1774-1852), герцог Рагузский.

Император Александр I.

Шарль Морис Талейран (1754-1838), князь Беневентский, герцог Дино.

Дом Талейрана в Париже, в котором жил император Александр I в 1814 году.

Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777–1861).

Русские в Париже в 1814 году.

Бивуак казаков на Елисейских полях.

Король Франции Людовик XVIII (1755–1824).

Георг IV (1762–1830), принц-регент (1811–1820);
король Великобритании (с 1820 года).

Великий князь Константин Павлович.

Православная Божественная Пасхальная литургия в Париже.

Граф Иоаннис Каподистрия (1776–1831).

Граф Карл Андрей Поццо ди Борго (1764-1842).

Венский конгресс.

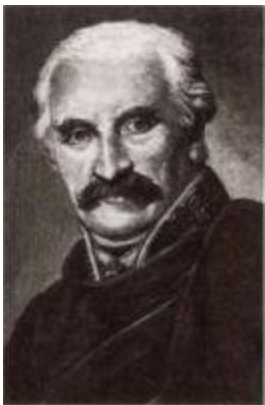
Карикатура на Венский конгресс.

Князь Клеменс Венцель Метгерних (1773–1859).

Фельдмаршал Артур Уэлсли, герцог Веллингтон (1769–1852).

Генерал- фельдмаршал Гебхард Леберехт Блюхер (1742–1819), князь Вальштатт.

Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг,
урожденная Стурдза.

Баронесса Варвара Юлия Крюденер (1764-1825),
урожденная Фитингоф.

Смотр союзных войск в Париже в 1815 году.

Наполеон в 1815 году.

Графиня
Алексеевна Орлова-Чесменская (1785-1848).

Анна

Князь Александр Николаевич Голицын (1773-1844).

Архимандрит Фотий (1792–1838).

Наводнение в Петербурге, на Дворцовой набережной.

Наводнение в Петербурге.

Митрополит московский Филарет (1782-1867).

Дом в Таганроге, в котором провел последние дни император Александр I.

Александр I на смертном одре причащается Св. Таин.

Баронет Яков Васильевич Виллие (1765–1854).

Отшельник Федор Кузьмич (? -1864).

Александрйский столп на Дворцовой площади в Петербурге.

ПОДПИСИ К ФОТОТЕТРАДЯМ

Составлены в основном по Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, СПб., 1890-1907. «Подписи к фототетрадам», а также «Основные даты жизни императора Александра I» составила О. Ярикова.

1. Императрица Екатерина II (1729-1796).
2. Императрица Мария Федоровна (1759-1828), урожденная принцесса Вюртембергская.
3. Император Павел I (1754-1801).
4. Великий князь Александр Павлович в 1787 году.
5. Великий князь Константин Павлович (1779-1831) в детстве.
6. Фредерик Сезар де Лагарп (1754-1838), воспитатель будущего Александра I. В 1798-1800 годах член Директории Гельветической республики.
7. Князь Николай Иванович Салтыков, генерал-фельдмаршал; с 1883 года главный воспитатель великих князей Александра и Константина; председатель Государственного совета и кабинета министров.
8. Будущий император Николай I, великий князь Николай Павлович в юности.
9. Великая княгиня Екатерина Павловна (1788-1819), четвертая дочь императора Павла I, любимая сестра Александра I; в 1809 году вступила в брак с принцем Георгием Ольденбургским; в 1812 году овдовела; в 1813-1815 годах сопровождала императора Александра в походах; в 1816 году вышла замуж за наследного принца Вюртембергского Вильгельма, в том же году вступившего на престол.
10. Принц Георгий Ольденбургский (1784-1812) (Петр Фридрих Георг); состоял на русской службе; был тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором, а также главным директором путей

сообщения; в 1812 году организовал во вверенных ему губерниях народное ополчение.

11. Павловск.

12. Император Александр I

13. Императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826).

14. Граф Петр Алексеевич Пален (1745–1826), петербургский военный губернатор; пользовался большим доверием Павла I; был великим канцлером Мальтийского ордена; член Коллегии иностранных дел; один из организаторов заговора против Павла I и участник его убийства.

15. Князь Платон Александрович Зубов (1767–1822), последний фаворит Екатерины II; участник убийства Павла I.

16. Граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745–1826), участник убийства Павла I; в августе — ноябре 1812 года исполнял обязанности начальника главного штаба армии; уволен за интриги против М. И. Кутузова.

17. Михайловский замок, в котором совершено злодейское убийство императора Павла I.

18. Граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834), военный министр и временщик при Александре I; организатор военных поселений.

19. Граф Николай Николаевич Новосильцев (1768–1834), член Негласного комитета; попечитель Петербургского учебного округа; президент Академии наук.

20. Князь Виктор Павлович Кочубей (1768–1834), член Негласного комитета и министр внутренних дел (1802–1807; 1819–1823); в кампаниях 1812–1813 годов находился при Александре I.

21. Граф Павел Александрович Строганов (1772–1817), один из ближайших друзей Александра I; участвовал в революционных событиях во Франции; член Якобинского клуба; инициатор создания Негласного комитета.

22. Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861), польский князь; один из ближайших друзей Александра I; член Негласного комитета; министр иностранных дел России (1804–1806); с 1815 года — сенатор Королевства Польского; во время восстания 1830–1831 годов возглавил Национальное правительство.

23. Дворец Чарторыйских в Пулавах, где не раз останавливался император Александр I.

24. Графиня Мария Нарышкина, возлюбленная Александра I. Очевидно, на портрете она изображена со своей дочерью Софьей.

25. Фридрих Вильгельм III (1770–1840), король Пруссии.

26. Луиза (1776–1810), королева Прусская.

27. Клятва в вечной дружбе у гроба Фридриха Великого.

28. Франц I (1768–1835), император Австрии.

29. Кондратий Селиванов (1730?-1832), крестьянин Орловской губернии, основатель секты скопцов; одно время выдавал себя за императора Петра Федоровича; по распоряжению Павла I содержался в Обуховском сумасшедшем доме, затем был взят на поруки камергером бывшего польского короля Станислава Понятовского Елянским, принявшим скопчество. В 1820 году сослан в суздальский Евфимиев монастырь, где и оставался до самой смерти.

30. Сражение под Аустерлицем, 1805 год.

31. Встреча в Тильзите, 1807 год. Слева направо: Наполеон, Александр I, прусская королева Луиза и Фридрих Вильгельм III.

32. Анна Луиза Жермена де Сталь (1766–1817), французская писательница; с 1803 года жила в эмиграции, в частности, в России, при дворе Александра I.

33. Маркиз Армон Опостен Коленкур (1773–1827), герцог Виченцкий; французский посол в России (1807–

1811).

34. Граф Жозеф де Местр (1753–1821), французский публицист; посланник сардинского короля в Петербурге (1802–1817).

35. Граф Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862), министр иностранных дел России (1816–1856).

36. Александр I.

37. Наполеон. *Рисунок адъютанта великого князя Константина Павловича сделанный в Эрфурте.*

38. Эрфуртская встреча, 1808 год.

39. Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839), доверенное лицо и ближайший сотрудник императора Александра I в 1808–1812 годах. В 1812 году отправлен в ссылку; в 1816 году назначен генерал-губернатором Западной Сибири; с 1821 года член Государственного совета; руководил работами по изданию «Полного свода законов».

40. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), писатель, историк, обессмертивший свое имя трудом над «Историей государства Российского».

41. Адмирал Александр Семенович Шишков (1754–1841), основатель литературного общества «Беседа любителей русского слова»; государственный секретарь (1812–1814); президент Российской академии (1813–1841); министр народного просвещения (1824–1828).

42. Князь Петр Иванович Багратион (1765–1812), русский полководец, герой Отечественной войны.

43. Граф Густав Мориц Армфельд (1757–1814), шведский военный и государственный деятель; в 1811 году попросил политического убежища в России; один из ближайших сподвижников Александра I; генерал-губернатор Финляндии (1812–1813).

44. Генерал Савари (1774–1833), французский политический деятель; адъютант и доверенное лицо генерала Бонапарта; руководил арестом и судом над

герцогом Энгийенским; одно время был посланником Наполеона в Петербурге.

45. Князь Петр Христианович Витгенштейн (1768–1842), в 1813 году в связи с кончиной М. И. Кутузова назначен главнокомандующим русской армией; после поражения при Люцене и Бауцене отстранен; с 1826 года — фельдмаршал.

46. Генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813), светлейший князь Смоленский.

47. Бородинское сражение.

48. Военный совет в Филях.

49. Вступление наполеоновской армии в Москву.

50. Граф Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826), генерал-губернатор Москвы (1812–1814); член Государственного совета

51. Французы в Москве.

52. Денис Васильевич Давыдов (1784–1839), герой Отечественной войны; писатель и поэт; в 1812 году был инициатором партизанского движения.

53. Граф Матвей Иванович Платов (1751–1818), русский полководец, легендарный герой Отечественной войны, имя которого было известно всей Европе.

54. Казаки.

55. Переправа французской армии через Березину.

56. Адмирал Павел Васильевич Чичагов (1767–1849). В 1802–1811 годах возглавлял Министерство морских сил; в Отечественную войну командовал армией; из-за его ошибки остатки наполеоновских войск прорвались из окружения у реки Березины.

57. Граф Александр Жак Лористон (1768–1828), французский государственный и военный деятель, дипломат; участвовал в переговорах Наполеона с Александром I в Эрфурте, командовал артиллерией в битве при Ваграме (1809); в 1811 году — посол Франции в России.

58. Отступление французской армии через Вильну.

59. Сражение при Дрездене.

60. Роберт Томас Вильсон (1777–1849), английский генерал; волонтером поступил на русскую службу и принимал участие в войне с Наполеоном 1806–1807 годов; в Отечественную войну и в 1813–1814 годах служил при штабе М. И. Кутузова, затем — у императора Александра I; в 1819 году избран в палату общин.

61. Князь Петр Михайлович Волконский (1776–1852), участник Отечественной войны; начальник главного штаба его императорского величества (1813–1814); член Государственного совета (с 1821 года).

62. Граф Михаил Богданович Барклай-де-Толли (1761–1818), русский полководец, герой Отечественной войны, генерал-фельдмаршал (1814).

63. Сражение под Лейпцигом.

64. Барон Генрих Фридрих фон Штейн (1757–1831), прусский реформатор начала XIX века; был правой рукой прусского короля; в 1809 году Наполеон конфисковал его имения и объявил Штейна врагом Франции и Рейнского союза; поступил на русскую службу; в 1813 году Александр I доверил ему управление отвоеванными у Франции немецкими провинциями; в 1814 году на конгрессе в Вене, не имея официального статуса, пользовался большим влиянием.

65. Граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826), министр иностранных дел (1807–1814), председатель Государственного совета (1810–1812), собиратель книг и рукописей.

66. Взятие в плен генерала Вандама во время Кульмского сражения в августе 1813 года.

67. Граф Александр Федорович Ланжерон (1763–1831), французский генерал; в начале революции эмигрировал и поступил на русскую службу; отличился в войне со шведами (1790) и при взятии Измаила; в 1812

году командовал корпусом; участвовал в кампаниях 1813–1814 годов.

68. Капитуляция Парижа. 18/30 марта 1814 года.

69. Граф Михаил Федорович Орлов (1788–1842), из семьи екатерининских фаворитов Орловых; участник войн с Наполеоном 1805–1807 годов, Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 годов. По поручению союзного командования подготовил и подписал текст капитуляции Парижа.

70. Маршал Огюст Фредерик Мармон (1774–1852), герцог Рагузский; в марте 1814 года вместе с Э. Мортье подписал капитуляцию Парижа.

71. Александр I.

72. Шарль Морис Талейран (1754–1838), князь Беневентский, герцог Дино; французский дипломат и государственный деятель; министр иностранных дел при Директории, в период консульства и Империи; после вступления союзных войск в Париж сформировал и возглавил временное правительство; активно способствовал реставрации Бурбонов.

73. Дом Талейрана в Париже, в котором жил император Александр I в 1814 году.

74. Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777–1861), русский полководец, герой Отечественной войны; в кампании 1813–1814 годов был начальником артиллерии, затем командиром корпуса; особенно отличился в боях при Бауцене, Кульме, Лейпциге.

75. Русские в Париже в 1814 году.

76. Бивуак казаков на Елисейских полях.

77. Король Франции Людовик XVIII (1755–1824).

78. Георг IV (1762–1830), принц-регент (1811–1820); король Великобритании (с 1820 года).

79. Великий князь Константин Павлович, участвовал в Итальянском походе А. В. Суворова; командовал гвардией (1812–1813); с 1814 года главнокомандующий

польской армии в Варшаве, фактический наместник Царства Польского.

80. Православная Божественная Пасхальная литургия в Париже.

81. Граф Иоаннис Каподистрия (1776–1831), греческий государственный деятель; в 1809–1827 годах находился на русской дипломатической службе; первый президент независимой Греции (1827–1831).

82. Граф Карл Андрей Поццо ди Борго (1764–1842), русский дипломат; был русским посланником в Париже; представлял Россию на Венском конгрессе.

83. Венский конгресс.

84. Карикатура на Венский конгресс.

85. Князь Клеменс Венцель Меттерних (1773–1859), австрийский государственный деятель и дипломат; министр иностранных дел и фактический глава правительства (1809–1821); канцлер (1821–1848). В январе 1815 года подписал вместе с представителями Англии и Франции секретный договор, направленный против России и Пруссии.

86. Фельдмаршал Артур Уэлсли, герцог Веллингтон (1769–1819), английский полководец, государственный деятель, дипломат; командовал одной из союзных армий в сражении против Наполеона под Ватерлоо.

87. Генерал-фельдмаршал Гебхард Леберехт Блюхер (1742–1819), князь Вальпхатт; прусско-саксонская армия под командованием Блюхера решила исход сражения под Ватерлоо.

88. Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг, урожденная Стурдза.

89. Баронесса Варвара Юлия Крюденер (1764–1825), урожденная Фитингоф; родилась в Лифляндии; с 1804 года вступила на путь религиозной экзальтации; с успехом проповедовала возможность основания царства Христова на земле и неизбежность скорой битвы неверия против веры; с 1815 года некоторое

время ее проповеди слушал император Александр I; в конце 1821 года окончательно утратила влияние на государя и удалилась с свое лифляндское имение.

90. Смотр союзных войск в Париже в 1815 году.

91. Наполеон в 1815 году.

92. Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785–1848), духовная дочь архимандрита Фотия; после смерти отца (1808) отправилась в паломничество по монастырям, отказалась от светской жизни; поселилась в Юрьевском монастыре.

93. Князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844), друг детства Александра I; обер-прокурор Святейшего синода; министр народного просвещения; возглавлял Библейское общество; после отставки (1824) оставался конфиденнтом Александра I.

94. Архимандрит Фотий (1792–1838) (до монашества Петр Никитич Спасский), с 1822 года оказывал влияние на внутреннюю политику Александра I.

95. Наводнение в Петербурге, на Дворцовой набережной, 7 ноября 1824 года.

96. Наводнение в Петербурге.

97. Митрополит московский Филарет (1782–1867) (до монашества Василий Михайлович Дроздов), член Библейского общества; был близок к обер-прокурору Святейшего синода князю А. Н. Голицыну.

98. Дом в Таганроге, в котором провел последние дни император Александр I.

99. Александр I на смертном одре причащается Св. Таин.

100. Баронет Яков Васильевич Виллие (1765–1854), лейб-медик; родом из Шотландии; принимал участие во всех русских походах первой четверти XIX века; сопровождал императора Александра I во всех путешествиях и на всех конгрессах.

101. Отшельник Федор Кузьмич (? -1864).

102. Александрийский столп на Дворцовой площади в Петербурге.

notes

Примечания

1

Некоторые даты, приведенные в этой книге, — двойные: первая дана по юлианскому календарю, принятому тогда в России, вторая — по григорианскому, принятому в Европе. Юлианский календарь в XVIII веке отставал от григорианского на 11 дней; в XIX веке эта разница достигла 12 дней, в XX веке — 13. СССР принял григорианский календарь 14 февраля 1918 года. Одна дата в тексте приводится: для событий в России по юлианскому календарю, в Европе — по григорианскому. — *Здесь и далее примечания автора. Примечания переводчика оговариваются.*

2

Намек на Константинополь, где, согласно желанию Екатерины, он должен был воцариться.

3

У Павла и Марии было десять детей: будущий Александр I (1777-1825); будущий вице-король Польши Константин (1779-1831); Александра (1783-1801); Елена (1784-1803); Мария (1786-1859); Екатерина, будущая королева Вюртембергская (1788-1819); Ольга (1792-1795); Анна, будущая королева Нидерландов (1795-1869); будущий царь Николай I (1796-1855); Михаил (1798-1849).

Госпожа Ливен полвека прожила при дворе и заслужила признательность всей императорской фамилии. За услуги, оказанные короне, она получила титул графини, потом княгини. Она была мачехой знаменитой княгини Ливен, которая играла видную роль в европейских политических кругах.

5

Польский генерал, герой восстания против России. После битвы при Мацеевицах взят в плен русскими и перевезен в Петербург.

6

Екатерина это утверждает в своих «Записках».

Э. Виже-Лебрен была приглашена Екатериной II исполнить несколько портретов.

Двухстержневые лампы, у которых резервуар для масла расположен выше фитиля. Названы по имени фабриканта. — *Прим. перев.*

9

Название завода в Пермской губернии.

10

Виктор Кочубей в письме не упомянут.

11

Отвратителен (*нем.*).

12

Он станет бароном, а потом и графом.

Машенька (нем.). — Прим. перев.

Несмотря на помилование, Радищев покончил с собой в сентябре 1802 года.

В стиле Тита (фр.) — прическа римского императора Тита Флавия Веспасиана (39–81 гг.): завитые и начесанные на лоб волосы. — *Прим. перев.*

16

Курсив Лагарпа.

В 1812 г. (и до 1857 г.) в России насчитывалось около 10,5 млн крепостных мужского пола. — Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь. т. XVI. СПб., 1895, с. 684. — *Прим. перев.*

К концу царствования Александра число вольных хлебопашцев не превышало 47 тысяч.

19

Прозвище Екатерины.

После Софьи у Нарышкиной были еще дети, но они умерли в младенчестве.

Букв. пустая могила (греч.) — надгробье умершему, не содержащее тела. — Прим. перев.

Тому, кого пожрал корсиканский хищник (*лат.*). —
Прим. перев.

Соотношение сил под Аустерлицем: союзники — 85 тысяч человек, французы — 73 тысячи. — Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 935. — *Прим. перев.*

Ныне бухта Котор.

Во время русской кампании он станет вождем партизанского отряда.

Сен-Мартен, Луи Клод (1743-1803) — французский философ-мистик. Сведенборг, Эмануэль (1688-1772) — шведский ученый и теософ-мистик. — Прим. перев.

Каламбурное обыгрывание фамилии Vauban французского инженера, строителя крепостей Себастьяна Вобана (1633–1707). Veau — теленок (*фр.*). Во второй слог добавлена буква «l». Blanc — белый (*фр.*), т. е. белый теленок, телок. — *Прим. перев.*

Рапорт графа Сен-Жюльена Меттерниху.

Рапорт графа Сен-Жюльена Меттерниху от 10 февраля 1812 года.

Письмо к Сухтелену от 5 апреля 1812 года.

Скорее всего тщеславный Балашов присочинил эту реплику позже.

1-я армия насчитывала 120 тыс. чел., 2-я — 49 тыс., 3-я — 44 тыс. — Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 63. — *Прим. перев.*

Знаменитое письмо Багратиона написано по-русски:
Аракчеев не знал французского языка. — *Прим. перев.*

По последним исследованиям, соотношение сил на Бородинском поле: русские 154,8 тысяч, французы — 133,8 тысяч. — Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 142. — *Прим. перев.*

Потери составили: русские — 45,6 тысяч, французы — 58 тысяч человек и 49 генералов. — Там же. С. 175, 176. — *Прим. перев.*

Из 9158 домов уцелело 2626. — Бородино. М., 1985.
С. 257. — *Прим. перев.*

«Никакого мира!» (фр.) — Прим. перев.

Сообщил Кутузову новость дежурный штаб-офицер Д. И. Болговский. — «Отечественная война и русское общество». Т. IV. М., 1912. С. 194-195. Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» называет фамилию Болховитинова (т. 4, ч. 2, гл. XVII). — *Прим. перев.*

Письма от декабря 1812 и октября 1813 гг.

В силу самого факта *(лат.)*. — *Прим. перев.*

Тело Кутузова было перевезено в Петербург и похоронено в Казанском соборе.

Соотношение сил в сражении под Дрезденом: Наполеон — 165 тыс., союзники — 227 тыс. — Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 381. — *Прим. перев.*

При виде этого знака— сложенные вместе и поднятые над головой руки — масоны давали пощаду собрату по оружию из вражеского войска. — Прим. перев.

Соотношение сил в битве под Лейпцигом: Наполеон — ок. 200 тыс., союзники — св. 300 тыс. — СИЭ. Т. 8. 1965. С. 536. — *Прим. перев.*

В битве под Лейпцигом потери составили: Наполеон — до 80 тыс., союзники — 53 тыс. — СИЭ. Т. 8. М., 1965. С. 537. — *Прим. перев.*

Граф Сен-Эньян — французский министр, взятый в плен русскими в битве под Лейпцигом.

Немец герцог де Дальберг перешел на французскую службу и был государственным советником и «сообщником» Талейрана.

48

Внебрачный сын Екатерины от одного из ее фаворитов.

Далее автор приводит отрывок из записки М. Ф. Орлова «Капитуляция Парижа». Оригинал на русском языке. Цит. по: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 6-7. — *Прим. перев.*

Капитуляция Парижа подписана 18/30 марта 1814 года во дворце маршала Мармона. — Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона. Т. I. СПб., 1865. С. 554-555. — *Прим. перев.*

Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 27. — *Прим перев.*

«К Его Величеству Императору России».
Опубликовано в журнале «Le Siècle» в 1848 году.

См. об этом в кн. «Les Russes à Paris au XIX siècle». Paris. 1996. — *Прим. перев.*

Ныне площадь Согласия.

Благодарственный молебен; начальные слова католической молитвы «Тебе Бога хвалим» (лат.). — *Прим. перев.*

Беньо, Жак-Клод (1761-1835) — французский политический деятель. В годы Реставрации занимал посты начальника полиции, директора почт. Депутат Палаты. — *Прим. перев.*

Почетного доктора *(лат.)*. — *Прим. перев.*

Шотландский рил (*англ.*).

Что до Императора России, то он танцевал бы и во время пожара Рима (*англ.*). — *Прим. перев.*

Юнг-Штилинг, Иоганн Генрих (1740-1817) — немецкий писатель-мистик. — Прим. перев.

Талейран намекал, что сам подсказал Людовику XVIII эту гордую реплику.

Месмер Фредерик-Антуан (1734-1815) — австрийский врач, автор доктрины «животного магнетизма». — *Прим. перев.*

Веледа (I в. н. э.) — жрица и пророчица одного из племен древних германцев. — *Прим. перев.*

Лафатер, Иоганн Каспар (1741-1801) —
швейцарский писатель. — *Прим. перев.*

Британское и иностранное Библейское общество
(англ.). — Прим. перев.

Депеша месье де Габриака от 8 ноября 1820 года.

Боссюэ, Жан Бениль (1627-1704) — французский писатель и церковный деятель, идеолог абсолютизма. Рассматривал историю как осуществление воли Провидения. — *Прим. перев.*

Речь идет о Государственной уставной грамоте Российской империи. — *Прим. перев.*

Баронесса Крюденер умерла в 1824 году в Крыму, где пыталась организовать «небесную колонию».

Торквемада, Томас (1420–1498) — доминиканский монах, глава испанской инквизиции, осудивший на сожжение 10 тысяч еретиков. — *Прим. перев.*

Лабзин умер в 1825 году в крайней нищете.

«Дух жизни и учения Христова в Новом Завете»
(нем.). — Прим. перев.

Хогарт, Уильям (1697-1764) — английский живописец и график. Создатель сатирических серий картин и гравюр, разоблачавших пороки аристократии. — *Прим. перев.*

Депеша Лебцельтерна от 19 августа 1816 года.

Первый из четырех конгрессов Священного союза состоялся в сентябре — ноябре 1818 года в городе Ахене в Пруссии. — *Прим. перев.*

На Ахенском конгрессе долг Франции был сокращен до 265 миллионов франков. — Внешняя политика России. Серия вторая. Т. II. М., с. 514. — *Прим. перев.*

См. прим. на с. 411. — *Прим. перев.*

Привез донесение не кто иной, как Чаадаев, гусарский офицер, будущий автор «Философических писем».

Каподистрия покинул Петербург в середине августа 1822 года и уехал в Эмс. Потом он переехал в Швейцарию и обосновался недалеко от Женевы. В 1827 году он стал первым президентом освобожденной Греции и в 1831 году пал жертвой заговора.

Шарлотта Прусская, при крещении получившая имя Александра Федоровна.

Эти слова принадлежат Е. П. Оболенскому. — *Прим. перев.*

Выражение Жозефа де Местра.

Будущий император Александр II, род. в 1818 г.

От французского глагола *abdiquer* — отречься от престола. — *Прим. перев.*

Свидетельство доктора Тарасова.

Покончить с этим правительством *(фр.)*. — *Прим. перев.*

Таинство (лат.). — Имеется в виду соборование (елеосвящение). — Прим. перев.

И сегодня по этому протоколу невозможно установить точно причину смерти императора. Смерть не была вызвана ни брюшным тифом, ни малярией. По мнению некоторых экспертов, скорее всего имела место желчная болезнь, сопровождавшаяся осложнением на мозг.

Квартирмейстер.

Лейб-хирург, придворный врач.

К смертной казни приговорены Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин, Кондратий Рылеев и Петр Каховский.

Он не царствовал: умер в Ницце в 1865 году.